Ф
П38

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
XII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

РФ 87.3 ЗК9 335 П-38

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

1923

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

№ 50426

ЧИТ. ЗАЛ

Центр Гор Библиотека им М. А Островского г. Комсомольск

ПРОВЕРЕНО-69

ТОМ XII

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

ИЗДАНИЕ 2-е
(11—25 тысячи)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Типография рабочего издательства «Прибой» имени Евг. Соколовой
Ленинград.

Гиз. № 7881. Ленинградский гублит № 18921. Тираж 15.000. 34 л.

Предисловие редактора

В настоящем томе собраны все статьи Плеханова по вопросам программы и тактики, написанные им в период от начала 1900 г. до конца 1903 года.

Если еще на Лондонском международном с'езде в 1896 году социал-демократическая делегация выступает, как единое целое, если еще в 1897 г. все литературные выступления группы «Освобождение Труда» направляются против народников, то уже в конце 1897 г., сначала в России, а затем и за границей, начинается в среде самой социал-демократии процесс дифференциации. На-ряду с тем течением, которое в практике «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса» 1895—1897 г.г. умело об'единять экономическую борьбу рабочего класса с его политической борьбой, возникает новое течение, которое, в своем стремлении «орабочить» социал-демократическое движение, выдвигает на первый план именно экономическую борьбу и отодвигает на задний план, а то и вовсе забывает, политические и интернациональные задачи рабочего класса. Этот «экономизм» в наиболее чистом виде нашел себе выражение в группе «Рабочей Мысли», которая с октября 1897 г. начинает выпускать газету. Но даже в первом номере «Рабочей Газеты», вышедшем в Киеве в августе 1897 г., Плеханов, как это видно из печатаемого нами в приложениях письма в редакцию этой газеты, мог заметить признаки, что «в настоящее время наши русские товарищи не всегда помнят ту чрезвычайно важную мысль Маркса, что всякая классовая борьба есть борьба политическая».

«Экономическое» течение продолжало усиливаться в 1898 г. Практический оппортунизм скоро нашел свое дополнение в теоретическом ревизионизме. Бернштейн нашел последователей и среди

русских социал-демократов как в самой России, так и среди заграничных кружков. Начались разногласия и в среде основанного в 1895 г. «Союза русских социал-демократов», издания которого редактировались группой «Освобождение Труда». На самом правом фланге стояли Е. Кускова (она же М. М.) и С. Н. Прокопович (N. N.), принимавшие участие и в литературной работе. Кускова явилась после автором «Credo», вызвавшего протест русских социал-демократов, написанный Лениным, а Прокопович написал ответ на брошюру Аксельрода: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». В завязавшейся внутри «Союза русских социал-демократов» борьбе между группой «Освобождение Труда» и г.г. М. М. и N. N. некоторые молодые социал-демократы—В. Иваньшин (умер в феврале 1904 года) и Т. Копельзон (он же Гришин и Г.), выдающийся практик и один из влиятельнейших членов «Бунда», теперь работающий в рядах компартии—приняли сторону М. М. и N. N. В ноябре 1898 г., на первом с'езде «Союза русских социал-демократов», группа «Освобождение Труда» настолько резко разошлась с большинством, что отказалась дальше редактировать издания Союза. Была выбрана новая редакция из трех лиц: Б. Кричевского, П. Теплова (Сибиряка) и В. Иваньшина, приступившая к изданию журнала «Рабочее Дело», которое должно было заменить старый «Работник».

Новая редакция, имея в своей среде такого последовательного «экономиста», как Иваньшин, заняла в споре между обоими течениями промежуточную позицию и, пользуясь тем, что М. М. и N. N. вышли уже из «Союза русских социал-демократов», сделала попытку затушевать сущность всего спора. В ответ на это Плеханов опубликовал необыкновенно резкий «Vademecum для редакции Рабочего Дела» (март 1900 г.). Вступительную статью мы печатаем в тексте, а материалы—«Credo» и протест против него, письма и ответ на брошюру Аксельрода—в приложениях.

В апреле 1900 г. на втором с'езде Союза произошел раскол. Меньшинство, во главе с группой «Освобождение Труда», образовало новую организацию—«Революционная организация Социал-демократ». К этому времени относится новое издание «Коммунистического Манифеста» с большим предисловием Плеханова, напечатанным в XI томе сочинений, и два выпуска «Из записной книжки социал-демократа», которые мы перепечатываем в настоя-

щем томе. Предполагалось, что организация выпустит еще ряд брошюр, посвященных «критике наших критиков».

Но как раз к этому времени в самой России, во главе с Лениным, Мартовым и Потресовым, организована была новая группа, которая выдвинула аналогичные цели и решила поставить за границей социал-демократическую газету. В сентябре 1900 г. между группой «Освобождение Труда» и группой «Искра» состоялось соглашение, в силу которого решено было совместно издавать газету «Искра» и теоретический журнал «Заря». Первый номер «Искры» вышел в декабре 1900 года. Со второго номера (февраль 1901 г.) начинается сотрудничество Плеханова, который до второго с'езда является, наряду с Лениным и Мартовым, наиболее деятельным работником в «Искре» и «Заре». Главные темы политических статей этого периода—полемика с рабочедельцами, социалистами-революционерами, с группой Надеждина—«Свобода», которая пыталась найти свой синтез между социал-демократами и социалистами-революционерами.

Мы поместили проект программы Р.С.-Д.Р.П. в приложении, а не в тексте, потому что он является коллективным продуктом. Мы знаем, что главными авторами этого проекта являются Плеханов и Ленин, знаем также, что действительным творцом аграрной ее части был Ленин, но мы и до сих пор не знаем, как распределяется между ними ответственность за теоретическую часть программы. Кое-какие указания дает Мартов в своей «Истории Р.С.-Д.Р.П.»:

«Первоначальный набросок проекта, составленный Лениным, подвергся суровой критике со стороны Плеханова, ввиду того, что давал такую схему развития капиталистического общества и его противоречий, ведущих к социальной революции, которая годилась для любой страны и не оттеняла особенностей исторического развития России, еще не закончившейся в ней борьбы буржуазного способа производства с сословно-крепостническими пережитками. Новый проект, написанный самим Плехановым и устранявший этот схематизм, стремился учесть результаты только что закончившейся теоретической полемики среди западно-европейских социалистов о тенденциях и темпе капиталистического развития и об условиях осуществления социализма. Ряд обычных в марксист-

ских программах положений о тенденциях, ведущих к обнищанию пролетариата и к поглощению мелкой собственности, был в русском проекте формулирован более осторожно, чтобы сделать их неуязвимыми для ревизионистской и буржуазной критики».

Если верить таким образом Мартову, именно Плеханов несет главную ответственность за теоретическую часть программы. Ленин—в статье «К истории вопроса о диктатуре»—говорит, что программа составлена Плехановым и только «проредактирована, видоизменена и утверждена» редакцией «Зари» и «Искры». Некоторое подтверждение можно видеть в том, как разделили между собой труд защиты и обоснования проекта программы Плеханов и Ленин: первый взял на себя защиту общей теоретической части, второй—ее аграрной части. Можно надеяться, что подготовляемый Институтом Ленина сборник материалов по истории выработки программы нашей партии прольет свет на этот интересный вопрос[1]).

Как известно, проект программы вызвал критику не только среди экономистов и рабочедельцев, но и среди самих искровцев. Пишущий эти строки подверг его весьма обстоятельной критике, на которую Плеханов ответил рядом статей под названием «Ортодоксальное буквоедство». Мы перепечатываем их в этом томе, так как они являются необходимым дополнением к статье Плеханова, в которой он дает свой комментарий к программе. Они к тому же являются последними статьями Плеханова в «Искре»

[1]) Из недавно опубликованных «Писем П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова» (Берлин 1924) видно, что вокруг проекта программы в редакции «Искры» разгорелись горячие споры. Первый проект, представленный Плехановым, был им, после возражений Мартова и Ленина, взят обратно. Но и проект, составленный Лениным, вызвал резкий отпор со стороны Плеханова. В конце концов принят был после продолжительного обсуждения исправленный проект Плеханова. Ленину было предоставлено право выступить с критикою проекта в печати, но он не воспользовался этим разрешением. Не менее резкий конфликт возник и из-за статьи Ленина, в которой он комментировал аграрную программу. Только с большим трудом удалось добиться соглашения с Плехановым. А в только что вышедшей брошюре т. Троцкого «Ленин и старая „Искра“» мы читаем: «Разногласия шли по линии большей жесткости и категоричности в характеристике основных тенденций капитализма, концентрации производства, распада промежуточных слоев, классовой дифференциации и пр.—на стороне Ленина, и большей условности и осторожности в этих вопросах—на стороне Плеханова. Программа, как известно, изобилует словами «более или менее»: это от Плеханова».

до второго с'езда, до № 45 включительно, когда редакция казалась еще даже самим искровцам совершенно монолитной.

В действительности же в ней уже за несколько месяцев до с'езда начали назревать разногласия, которые так неожиданно закончились расколом на самом с'езде. Так как Мартов отказался войти в новую редакцию, в которую не выбраны были Аксельрод, Засулич и Потресов, то, начиная с № 46, «Искра» издавалась под редакцией Плеханова и Ленина. Этот период длился очень недолго (от августа до ноября 1903 г.). Разногласия между обоими редакторами приняли настолько острый характер, что Ленин—после № 51— вышел из редакции. Сейчас же после этого Плеханов кооптировал остальных членов старой редакции «Искры».

Мы даем в настоящем томе также речи Плеханова на втором с'езде. Мы отказались только от воспроизведения мелких реплик и замечаний, непонятных без комментария. В последнем томе, в котором собраны будут различные био-библиографические материалы, мы дадим очерк, посвященный роли Плеханова на втором с'езде, и используем при этом опущенные нами теперь мелочи. Настоящий том заканчивается статьями Плеханова в «Искре» до его перехода на сторону «меньшевиков».

Д. Рязанов.

Март 1924 г.

ВОПРОСЫ ПРОГРАММЫ И ТАКТИКИ

(1900—1903)

ПРЕДИСЛОВИЕ

к «Vademecum» для редакции «Рабочего Дела»

О дети, как опасны ваши лета!
Мышенок, не видавший света,
Попал-было в беду!

В нашей заграничной социал-демократической литературе с некоторого времени ведется довольно странный для непосвященного читателя спор, предметом которого служит вопрос о том, существует или не существует в молодой русской социал-демократии направление, известное под именем *экономического*. По мнению одной из спорящих сторон, П. Аксельрода, выражающего взгляд группы «Освобождение Труда»,—такое направление не только существует, но, *при известных условиях*, может оказать очень вредное влияние на дальнейшее развитие нашей партии. Другая сторона, — редакция quasi-периодического издания «Рабочее Дело», — не хочет согласиться с П. Аксельродом. Она думает, что его мнение лишено всякого основания.

Человеку, стоящему вдали от внутренних дел нашей партии, такой спор мог показаться неинтересным, тем более, что спорящие стороны выражались иногда полунамеками, понятными лишь для немногих. Но в действительности спор этот имеет большую практическую важность, и потому группа «Освобождение Труда» считает нужным содействовать его решению опубликованием предлагаемого сборника материалов.

Сборник этот посвящается редакции «Рабочего Дела», так как она особенно нуждается в знакомстве с содержащимися в нем документами. Чтобы облегчить ей пользование сборником, я снабжаю его некоторыми комментариями.

Но прежде, чем взяться за комментарии, я считаю необходимым напомнить прочим читателям различные перипетии спора между П. Аксельродом и редакцией «Рабочего Дела».

В 1898 г. вышла в Женеве, с предисловием П. Аксельрода, брошюра: «Задачи русских социал-демократов», написанная в России одним из самых видных деятелей нашей партии. В своем предисловии П. Аксельрод сделал, между прочим, следующее замечание:

> «В брошюре своей наш автор обращается, главным образом, к противникам из лагеря революционной интеллигенции. Он старается рассеять укоренившиеся в них предрассудки и предубеждения против социал-демократии. Это обстоятельство наложило особый отпечаток на его произведение. В нем, как бы помимо воли автора, отождествляется то, что д о л ж н о быть, с тем, что е с т ь, задачи и тактика, которые русская социал-демократия д о л ж н а преследовать, чтобы остаться верной духу своих учений, изображаются автором как бы уже безусловно господствующими в действительности. Мы слишком давно живем вне России и слишком далеки от поля борьбы, чтобы с полной уверенностью судить о фактическом состоянии нашего движения. Мы можем судить о нем, главным образом, по заявлениям более молодых товарищей, сравнительно недавно попавших за границу. А эти товарищи, за редкими исключениями, довольно далеки еще от тех практических воззрений, на почве которых стоит автор настоящей брошюры, и уверяют, что так же, как они, смотрит на практику русской социал-демократии большинство активных групп».

Это замечание не понравилось редакции «Рабочего Дела». В первом же номере своего издания она напечатала анонимный разбор названной брошюры, в котором мы находим следующее возражение П. Аксельроду:

> «Повторяем: брошюра особенно ценна тем, что она нас знакомит из первых рук с действительным состоянием нашего движения, с его жизненною практикой. В этом отношении мы не можем согласиться с товарищем П. Аксельродом, который в своем предисловии склоняется к мысли, что «в общем движение наше еще только стремится к той

ступени развития, которой вполне соответствует тактическая точка зрения автора». Впрочем, Аксельрод основывает свое мнение единственно на «заявлениях более молодых товарищей, сравнительно недавно попавших за границу», признавая в то же время, что новейшие издания наших русских товарищей и «Манифест» социал-демократического с'езда в России вполне отражают взгляды, изложенные в брошюре. Не знаем, про каких «молодых» товарищей говорит Аксельрод; с своей стороны, мы имеем основание утверждать, что более молодая русская социал-демократия, точнее, социал-демократия, выросшая и действующая на почве новейшего массового движения, в общем уже на деле принимает точку зрения автора».

На это возражение П. Аксельрод ответил открытым письмом в редакцию «Рабочего Дела».

Написанное еще в августе, письмо это, по разным причинам, появилось только в конце декабря прошлого года. А тем временем редакция «Рабочего Дела», в послесловии к изданному ею «Протесту» одной группы русских товарищей против некоторого, особенно яркого выражения экономического образа мыслей, еще раз заявила о своем несогласии с П. Аксельродом. Это новое заявление сделано было ею по следующему поводу.

Авторы «Протеста»,—ясно и решительно высказавшие свою солидарность с группой «Освобождение Труда»,—говорят, между прочим, что одна уже возможность появления в русской социал-демократической среде разбираемого и отвергаемого ими образа мыслей показывает, насколько основательны были опасения П. Аксельрода, когда он, в конце 1897 года, рисовал перед своими читателями такую перспективу:

«Рабочее движение не выходит из тесного русла чисто экономических столкновений рабочих с предпринимателями и само по себе, в целом, лишено политического характера, в борьбе же за политическую свободу передовые слои пролетариата идут за революционными кружками и фракциями из так называемой интеллигенции».

Авторы «Протеста» думают, что русские социал-демократы должны об'явить решительную войну экономическому направлению, потому что его торжество повело бы к переходу в действительность той перспективы, на которую П. Аксельрод указывал, как на неприятную возможность. Они горячо и настоятельно советуют товарищам приложить все усилия к тому, чтобы осуществилась другая перспектива, нарисованная П. Аксельродом в следующих строках:

> «Другая перспектива: социал-демократия организует русский пролетариат в самостоятельную политическую партию, борющуюся за свободу частью рядом и в союзе с буржуазными революционными фракциями (поскольку таковые будут в наличности), частью же привлекая прямо в свои ряды или увлекая за собой наиболее народолюбивые и революционные элементы из интеллигенции» [1]).

Редакция «Рабочего Дела» об'явила себя совершенно солидарной с авторами «Протеста», но ей не понравилось то несомненное обстоятельство, что эти авторы с своей стороны совершенно солидарны с П. Аксельродом, мнение которого она оспаривала. И вот она поспешила высказать свое твердое убеждение в том, чт «символ веры» (иначе — «Credo»), против которого восстали авторы «Протеста», представляет собою не больше, как мнение единичных лиц и что, поэтому,

> «опасение товарища П. Аксельрода, высказанное им, как первая из возможных перспектив, ни в 1897 году не имела, ...ни теперь не имеет серьезного основания в действительном ходе русского рабочего движения».

Чтобы еще больше оттенить неосновательность опасений П. Аксельрода, редакция «Рабочего Дела» пускается в следующие соображения:

> «После широкого стачечного движения второй половины 90-х годов, грандиозной борьбы (1896—1897 г.г.) петербургских ткачей и победы рабочих над правительством—вынужденного законодательного сокращения рабочего дня в России—трудно было думать, что «рабочее движение не

[1]) См. брошюру *П. Аксельрода*: «К вопросу о современных задачах и тактике руских социал-демократов», Женева 1898, стр. 19 и 20.

выходило из тесного русла чисто экономических столкновений рабочих с предпринимателями и само по себе не имеет политического характера». Основательность мрачных опасений товарища Аксельрода не доказывается, по нашему мнению, и простой «возможностью появления» такой «программы», как вышенапечатанное «Credo». Такие «программы», вернее—личные фантазии политических младенцев (хотя бы и солидного возраста), появлялись раньше и будут появляться впредь — пока российская социал-демократия не достигнет единства взглядов на основные задачи рабочего движения в России выработкой определенной программы и тактики партии. Тогда все будут знать настоящую цену «программам» вроде «Credo», лишь тогда сделается невозможным политическое самозванство отдельных лиц и маленьких групп, выдающих плоды своего «шатания мысли» за выражение действительного характера рабочего движения или за «символы веры» новых течений в русской социал-демократии».

В этих глубокомысленных соображениях прежде всего бросается в глаза явная пере...становка понятий.

Когда П. Аксельрод рисовал первую из упомянутых выше перспектив, он вовсе не делал никаких пророчеств насчет будущности нашего рабочего движения. Эта перспектива должна была показать, какой вид приняло бы наше рабочее движение, если бы (NB: если бы) осуществилось то, чего страстно и упорно желали сторонники экономического направления. Если редакция «Рабочего Дела» была несогласна с П. Аксельродом, то ей надо было показать, что нарисованная им перспектива не могла осуществиться даже в случае торжества сторонников экономического направления. Показав это, редакция «Рабочего Дела» раз навсегда обнаружила бы заблуждения П. Аксельрода, и спор окончился бы решительным и полным поражением одной из спорящих сторон. Но была ли в состоянии показать это названная редакция? Нет, не была. Напротив. Напечатанный ею «Протест» содержит в себе блестящее и непререкаемое доказательство проницательности и

дальновидности П. Аксельрода. В самом деле. К чему стремятся авторы того «символа веры» («Credo»), который так горячо и решительно осуждается авторами «Протеста»? Авторы «Credo» стремятся теперь к осуществлению одной из тех перспектив (именно—первой), которые были указаны П. Аксельродом еще в 1897 г. Значит, если бы осуществились стремления авторов «Credo», то тем самым осуществилась бы и первая из указанных П. Аксельродом перспектив. Если А тождественно с В, то осуществление А равносильно осуществлению В. Стало быть, П. Аксельрод прав? Конечно! И нельзя не пожалеть о людях, которым непонятны столь простые вещи.

Но можно ли отнести к числу таких людей редакцию «Рабочего Дела»? Признаюсь, я думаю, что — нет. Мне кажется, что эта редакция прекрасно поняла, до какой степени прав был П. Аксельрод, и что именно неприятное для нее сознание правоты ее противника привело ее к пере...становке понятий, т.-е. к искажению слов П. Аксельрода. П. Аксельрод говорил о том, какое направление примет наше рабочее движение, если оно пойдет так, как этого хотят сторонники «экономического» направления, а редакция «Рабочего Дела» приписывает ему ту мысль, что наше рабочее движение вообще не способно выйти из тесного русла чисто экономических столкновений с предпринимателями. Человек, желая характеризовать свойства пороха, говорит: «если бросить в него зажженную спичку, то произойдет взрыв». А вы кричите, что Петр никогда не бросит спички. Очень может быть, что вы и правы, но это не изменяет свойств пороха, и он все-таки вспыхнет, если спичка будет брошена. Хороши ли такие приемы спора? И нужны ли они людям, убежденным в своей правоте?

Начиная полемику с П. Аксельродом, редакция «Рабочего Дела» «не знала», какие это товарищи держатся «экономического» направления. А теперь она увидела себя вынужденной выступить против «Рабочей Мысли», в которой названное направление дошло до абсурда. Но ведь «Рабочая Мысль» существует не со вчерашнего дня, и когда редакция «не знала» указанного П. Аксельродом обстоятельства, «Рабочая Мысль» давала уже полную возможность оценить все достоинства ее образа мыслей. Как же могла «не знать» его редакция «Рабочего Дела»?

Да не подумает, однако, читатель, что Аксельрод имел в виду т о л ь к о «Рабочую Мысль». Нет, он намекал также и на других, но об этих других я поговорю ниже.

Исказив слова Аксельрода, правдивая редакция «Рабочего Дела» считает нужным указать на успехи нашего рабочего движения, будто бы не принятые во внимание ее противником. Что русское рабочее движение у ж е ознаменовалось серьезными успехами, и что русские рабочие у ж е одержали некоторые серьезные победы, это не подлежит ни малейшему сомнению. Но ни П. Аксельрод в частности, ни группа «Освобождение Труда» вообще ни мало не отрицают этих побед и успехов. Напротив, группа «Освобождение Труда» видит в них лишь яркое доказательство возможности у нас широкого рабочего движения, возможности, на которую она не переставала указывать с появления первых своих изданий, т.-е. с того времени (с 1883 года), когда нынешние редакторы «Рабочего Дела» или, по молодости лет, вообще были совсем «беззаботны» насчет всяких «программ», или коснели в народнических предрассудках. И если редакция «Рабочего Дела» находит теперь нужным бить нам челом нашим же добром, то это лишь показывает, в какое затруднительное и досадное положение поставило ее, во-первых, желание во что бы то ни стало опровергнуть П. Аксельрода, сделавшего неприятный для нее намек, а, во-вторых, появление в России литературного произведения («Credo»), содержание которого представляет собою блестящее подтверждение слов того же П. Аксельрода. Досада плохой советник!

Редакция «Рабочего Дела» твердо уверена, что названное «Credo» есть не более, как «мнение единичных лиц». Эта твердая уверенность, конечно, весьма отрадна и для самой редакции, и для читателей ее журнальчика. Но вопрос не в этом. Надо знать, м н о г о л и таких «единичных лиц» и каково их положение в партии? А что, если их много? И что, если они занимают такое положение в наших рядах, пользуясь которым они могут сильно содействовать торжеству «экономического направления»? Редакция «Рабочего Дела» зачем-то стала оспаривать П. Аксельрода, намекнувшего на то, что между нашими молодыми товарищами за границей немало сторонников «экономического» направления. А между тем П. Аксельрод говорил ч и с т е й ш у ю п р а в д у. Редакция «Рабочего Дела» сама хорошо знала это. Но

читателям было неизвестно истинное положение дел. Они могли подумать, что П. Аксельрод высказался так единственно благодаря склонности (приписанной ему редакцией «Рабочего Дела») к «мрачным опасениям». И вот, чтобы показать читателям истинное положение дел, П. Аксельрод написал свое письмо в редакцию «Рабочего Дела». С тою же самою целью группа «О. Т.» издает теперь этот сборник документов.

Она думает, что в настоящее время необходимо и полезно высказать, по выражению Лассаля, то, что есть — aussprechen, was ist.

Первый из предлагаемых документов представляет собою простую перепечатку «Протеста» наших русских товарищей против сторонников «экономического» направления. Мы сочли нужным воспроизвести его здесь для удобства читателя, который пожелал бы иметь его под рукою для неизбежных справок и для не лишенных интереса сопоставлений [1]).

Вторым документом является письмо к П. Аксельроду г. М. М., одного из авторов брошюры против группы «Освобождение Труда». Письмо это, полученное Аксельродом весною 1898 г. и затрагивающее важнейшие вопросы нашей социал-демократической практики, содержит в себе зародыши тех самых взглядов, которые нашли теперь такое полное выражение в «Credo». Автор письма извиняется за свое «длинное и малосвязное изложение элементарных истин». Действительно, изложение его длинно и бессвязно, и потому не легко понять, в чем заключаются изла-

---

[1]) По поводу «Протеста» мне пишут:

Дорогой товарищ!

Очевидно, за границей не получена еще одна резолюция по поводу «Credo», так как в протесте российских социал-демократов с послесловием от редакции «Рабочего Дела» ничего не говорится об этом.

Между тем, в другом городе России вторая группа социал-демократов, состоящая случайно также из 17 человек, в числе которых находился и я, единодушно присоединилась к вышеупомянутому протесту. К сожалению, я не могу сейчас привести дословно эту резолюцию, но смысл ее был безусловно таков: мы всецело согласны с инициаторами протеста, ввиду того, что они вполне выражают основные воззрения на принципы и задачи российской социал-демократии, как они формулированы в «Манифесте Российской Социал-Демократической Партии».

Ваш и т. д.

гаемые им «истины». Но при внимательном чтении они все-таки выступают наружу с достаточною ясностью. Самая несомненная из этих «истин» заключается в том, что автору письма «после Бельгии стало стыдно говорить о социальной революции». Эти слова, не подчеркнутые в письме, напечатаны в нашем сборнике курсивом, так как нам хотелось обратить на них особенное внимание читателя: в них заключается психология целого течения. Почему автор стыдился «после Бельгии» говорить о социальной революции? Потому, говорит он, что в Бельгии он увидел антагонизм мелких ремесленников с крупными «мануфактурными» рабочими и антагонизм интеллигенции, мечтающей о захвате власти и социальной революции, с рабочими, защищающими свои классовые реальные интересы. Но почему же стыдно говорить о «социальной революции» ввиду антагонизма ремесла с крупной промышленностью? Разве экономическое движение современных обществ не устраняет этого антагонизма на свой лад, все более и более расчищая почву для крупных предприятий? И откуда автор письма взял антагонизм между людьми, «мечтающими» о «социальной революции», и рабочими, защищающими свои классовые интересы? О какой революции говорит он? О той, которая передала бы власть в руки пролетариата и тем положила бы конец господству капиталистов. Но разве же такая революция противоречит «реальным интересам» рабочих? Нам кажется, что вовсе не противоречит. Конечно, в Бельгии, как и повсюду, еще немало рабочих, плохо усвоивших идею рабочей («социальной» по терминологии автора письма) революции. Но от непонимания до антагонизма еще очень далеко. И если многим рабочим еще чужда идея рабочей революции, то надо выяснять ее им, а не «стыдиться» говорить им о ней. Но автор письма «после Бельгии» пришел к тому убеждению, что «реальные интересы» исключают «мечты» вообще и мечту о рабочей революции в частности. Это убеждение лежит в основе его письма, и оно же легло в основу «Credo».

Автор письма насквозь пропитан тем настроением, которое в нашей литературе носит выразительное название трезвенного. Он говорит, что теперь пропагандировать рабочим свержение самодержавия (т.-е. «просто-напросто революцию»), это значит подвергать их величайшей опасности. В чем состоит

опасность? В том, что «кровавое море надолго затопит нарождающееся рабочее движение». Кровавое море — это, конечно, очень страшно (страшнее знаменитого «металла» и не менее знаменитого «жупела»), но вовсе не убедительно. Почему «кровавое море» затопит рабочее движение? Если я не ошибаюсь, потому, что рабочее движение у нас еще только «нарождается». Но ведь если оно только нарождается, то у нас еще слабы революционные элементы, а это значит, что у нас пока еще мало шансов не только на «революцию», но даже на сколько-нибудь серьезное восстание. Откуда же возьмется «кровавое море»? Автор говорит, что оно может быть пролито «стихийным движением». Но сам же он, и на этот раз совершенно верно, замечает, что «стихийное движение не есть программный вопрос». Зачем же он заговорил о кровавом море? Разве есть уже признаки начинающегося «стихийного движения»? Разве наш народ уже берется за «топоры»? Или разве люди, говорившие рабочим о свержении самодержавия, призывали их к немедленному восстанию? Подобного призыва не было ни в одном из изданий, вышедших под редакцией группы «Освобождение Труда». О чем же толкует автор письма?

Вот о чем. Ему хочется доказать, что революция должна прежде всего произойти в «самом рабочем классе». Это действительно одна из элементарнейших истин, но не всякий правильно понимает эту элементарную истину. А хуже всех понимает ее сам автор разбираемого мною письма.

Благодаря своему трезвенному настроению, он совсем не усвоил себе материалистического понимания истории. Он—идеалист с претензиями на «научность», и в этом источник теоретических злоключений как его самого, так и всех ему подобных.

Он постоянно говорит о реальных интересах рабочего класса. Как понимает он эти реальные интересы? А вот, не угодно ли вам послушать его самого.

> «Будущий строй зависит не только от класса рабочих, но и от комбинации всех условий производства, и в активную программную деятельность рабочего класса входить не может: это величина неизвестная, вероятно, даже и самому

богу. Рабочим известны только две вещи: 1) их собственный, ясно сознанный, конкретный интерес и 2) их положение, то или другое, среди других классов. Отсюда—роль надстройки, интеллигентной социал-демократии — понять интерес данной минуты, т.-е. ту активно - психическую базу, которая явится двигателем массы, и, во-вторых, понять возможно шире и правильнее положение этой массы в ряду всех других условий данной же минуты. Абстрактная проповедь социализма и солидарности мало тут чем поможет; наоборот, верно указанный путь активной борьбы—приведет ли он к успеху или нет—сделает много: он учит рабочих бороться, с одной стороны, и, с другой,—опять-таки конкретно указывает на препятствия и, следовательно, порождает новый интерес. Таким образом в самой борьбе знание методов борьбы неизбежно связано с расширением горизонта и целей».

Итак, будущий строй не может входить в «активную» программную деятельность. А в пассивную — может? Я думаю, что тоже нет. «Будущий строй» есть цель и, как таковая, разумеется, не входит в деятельность (активную, пассивную и т. д.), которая служит средством для достижения цели. Это опять одна из «элементарнейших» истин; вернее сказать — это трюизм, доказывать который «с ученым видом знатока» по меньшей мере странно.

И что такое этот «будущий строй»? Социалисты-утописты подробно изображали в своих сочинениях будущее, рекомендуемое ими общественное устройство. Современные социалисты не любят таких изображений. «Будущий строй» фигурирует в их программах лишь как указание на необходимость и на неизбежность устранения (а не только смягчения) капиталистической эксплоатации и перехода всех средств производства и обращения продуктов в общественную собственность. В этом смысле «будущий строй» является главной целью социалистической деятельности, и сказать, что он не должен входить в социалистическую программу, значит или совсем не понимать ее смысла, или окончательно отказаться от социализма. Мы увидим, что в 1898 году как автор письма, так и другие наши «молодые товарищи» были очень склонны именно к такому отказу.

«Будущий строй зависит не только от класса рабочих, но и от комбинации всех условий производства». Это противопоставление класса рабочих условиям производства очень странно в устах человека, который называл себя марксистом и который должен был знать, что разделение общества на классы и степень развития каждого из них в отдельности находятся в тесной причинной зависимости от условий производства. Однако оставим это. Будем помнить, что письмо—не статья и что в нем можно простить описки и промахи, совсем непростительные в произведении, приготовленном для печати. Но следующее далее рассуждение автора письма об «интересах рабочего класса»—не описка; он считает его серьезным, новым, важным и поучительным. В чем же заключается его сущность? В том, что верно указанный путь борьбы «порождает новый интерес». Как порождает? Уча рабочих бороться и указывая им на препятствия. Указать рабочим на препятствия и научить их бороться, значит развить их самосознание. Выходит, что интересы рабочих порождаются развитием их самосознания. Это, действительно, ново в устах людей, называющих себя марксистами. Автор письма думает, что сознание данного интереса тождественно с его «порождением». Это — идеалистическая точка зрения, на которой стояли, например, французские энциклопедисты восемнадцатого века, и которая окончательно устранена успехами общественной науки в девятнадцатом.

«Рабочим известны только две вещи: их собственный, ясно сознанный, конкретный интерес и их положение среди других классов». Это тоже надо разобрать. Всегда ли известны рабочим их собственные интересы и их положение среди других классов? Мы, сторонники материалистического взгляда на историю, думаем, что далеко не всегда. Мы не сомневаемся в том, что сознание людей определяется их общественным бытием. Появление новых сторон бытия обусловливает собою новое содержание сознания. Но это определение сознания бытием есть целый процесс, совершающийся в течение более или менее продолжительного времени. Вот почему рабочим далеко не всегда известны их «реальные интересы». И вот почему, например, некоторые немецкие рабочие поддерживают не социал-демократов, а «свободно-мыслящих», или партию центра, или даже крупных

землевладельцев. Отношением сознания к бытию ясно и точно определяется «роль надстройки—интеллигентной социал-демократии». Она должна понять экономическое и (обусловленное им) социально-политическое положение данной страны, которым определяются экономические интересы и политические задачи рабочего класса. Уяснив эти интересы и эти задачи самой себе, она должна немедленно перейти к уяснению их рабочему классу. Она должна стараться ускорить тот процесс, благодаря которому содержание сознания приспособляется к формам бытия. Занимаясь этим важным и благородным делом, она не только может, но и должна говорить и о социальной революции, и о захвате власти рабочим классом, так как и та, и другой,—и революция, и захват,—представляют собою необходимое предварительное условие окончательного освобождения рабочего класса от ига капитализма. Конечно, об этом, как и обо всем прочем, надо говорить умеючи. Но кто же этого не знает? Разумеется также, что говорить о социальной революции не значит звать рабочих к немедленному пролитию «кровавого моря». Но опять-таки, кто же этого не знает? У Тургенева в «Нови» Нежданов кричит мужикам: Вперед! За свободу! Умрем! и т. п. [1]). Мужики ничего не понимают в этом крике и находят, что Нежданов—сердитый барин. Вся эта сцена совершенно нелепа. Но ведь это карикатура, очень мало соответствовавшая тактике русских народников-революционеров и уже вовсе не соответствующая тактике современной социал-демократии. Почему же автор письма нашел нужным осуждать неждановскую тактику «после Бельгии»? Удивительно!

Да, удивительно. Но удивительно для нас, держащихся материалистического об'яснения истории, и совершенно естественно для автора письма, смотрящего на историю с точки [зрения] идеализма. По его мнению, понять интерес данной минуты значит прежде всего понять «ту активно-психическую базу, которая явится двигателем массы». Там, где мы начинаем с экономии, он начинает с психологии. Содержание нашей проповеди определяется экономическими и социально-политическими отношениями, которые мы стара-

[1]) Цитирую на память.

емся уяснить рабочему классу. А у тех людей, которые стоят на точке зрения автора письма, содержание пропаганды определяется, как говорит он сам, уже сознанными интересами рабочих. Указание пути на почве этих интересов есть,—опять по его же выражению,—единственная задача социал-демократии. Отсюда он делает тот совершенно логичный вывод, что не следует «говорить теперь, пропагандировать рабочим свержение самодержавия». Он заговорит об этом только тогда, когда сама масса уже будет проникнута ненавистью к самодержавию. Он не желает стучаться в закрытые сердца, потому что это значит «не найти в них желанного отклика». Он начнет стучаться только тогда, когда они будут уже открыты.

Читатель спросит, пожалуй: да зачем же стучаться в те сердца, которые уже открыты? И не выходит ли из слов автора письма, что «единственная» задача социал-демократии заключается в том, чтобы, по известному выражению, ломиться в открытую дверь? На это я отвечу, что и в самом деле именно это выходит из слов автора письма. Его идеализм приводит его в тупой переулок.

Если бы мы поставили своей «единственной» задачей ту деятельность, которую он нам рекомендует, то мы тем самым об'явили бы, что не желаем содействовать развитию самосознания пролетариата, а это было бы равносильно отказу от важнейшей исторической миссии социал-демократии. Мысль о таком отказе всегда была чрезвычайно далека от группы «Освобождение Труда». Отсюда—ее «антагонизм» с автором письма и с его единомышленниками.

Чтобы быть справедливым по отношению к идеалистам, я замечу, однако, что хотя идеализм несомненно представляет собою гораздо менее прочную основу для революционных выводов, чем материализм, но тем не менее он не всегда приводит своих сторонников к трезвенности, свойственной автору разбираемого мною письма. Французские идеалисты восемнадцатого века были убежденными революционерами. Они не боялись стучаться в закрытые сердца и умели отворять их своим вдохновенным словом. Если автор письма консервативен, то в этом виновато главным образом то обстоятельство,

что он не только идеалист, но вдобавок—идеалист, фальсифицированный марксизмом.

Он слышал, что по теории Маркса в основе великих общественных движений лежат великие общественные интересы. Он знал, что, по смыслу той же теории, только та пропаганда имеет шансы на успех в среде людей данного класса, которая выражает интересы этого класса и опирается на них. Но он не выяснил себе, какое именно понятие должно связываться со словом: интерес. Он отождествил интерес с известным состоянием сознания. Он решил, что интересы «порождаются» не фактическими отношениями людей в общественном процессе производства, а человеческим сознанием. Короче, он придал этому слову совершенно идеалистическое толкование. А так как он во что бы то ни стало хотел стать на «научную» почву, то он и заговорил об «активно-психической базе», как о таком пределе, которого не должна переступать социальная демократия, если она не хочет превратиться в партию утопистов. Но названная база стоит в нынешней России очень невысоко: русская трудящаяся масса пока еще не понимает необходимости борьбы с самодержавием; поэтому автор письма осуждает всякие толки о свержении самодержавия. Как я уже заметил выше, он позволит нам нападать в наших писаниях на самодержавие только тогда, когда самодержавие потеряет всякий престиж в глазах народа, т.-е. когда наши нападки на него станут совершенно излишни.

Во время свидания Моисея с Иеговой на горе Синае, сварливый еврейский бог стоял, как известно, спиною к своему верному слуге, так что почтенный вождь Израиля видел только «заднюю его». Наши сторонники «экономического» направления в этом отношении похожи на Моисея: они видят только «заднюю» нашего пролетариата. Но Моисей созерцал божию «заднюю» потому, что так угодно было его деспотическому повелителю, а наши «экономисты» созерцают заднюю рабочего класса единственно по той причине, что так угодно им самим. И они приходят в очень неприятное раздражение, когда пролетариат оборачивается к ним другой частью своего тела[1]). Конечно,

[1]) Вот пример. В номере 1-м «Рабочего Дела» (стр. 79) мы читаем: «В середине декабря на фабриках Максвеля и Паля были распространены прокламации за подписью «Союза Борьбы за освобождение рабочего клас-

de gustibus non est disputandum, но все-таки довольно странны вкусы, «порождающиеся» у идеалистов «софистицированных» марксизмом.

Автор письма говорит, что он не принимает «за евангелие» Манифеста Коммунистической Партии. Он настаивает на необходимости пересмотра высказанных там взглядов. Короче, он принадлежит к числу многочисленных теперь «критиков» Маркса. Мы видели, к чему привела его «критика»: к историческому идеализму XVIII века, софистицированному плохо понятым марксизмом. Подобные оказии часто случаются теперь с господами «критиками» Маркса: они кричат о необходимости итти вперед, а на самом деле пятятся назад подобно ракам. И вот почему необходимым условием дальнейшего развития революционной мысли Европы является в настоящее время критика господ критиков.

Товарищ К-в (Кольцов) сказал в своей брошюре о законе 2 июня, что царское правительство не может заботиться об интересах рабочих, и что оно должно погибнуть для того, чтобы рабочие могли жить. Автор письма возражает на это, что ни одно правительство Запада не помогает рабочим защищать свои интересы, и что, напротив, каждое из них препятствует им в этом. При чем же тут абсолютизм? — спрашивает он с нескрываемой иронией. Я не стану останавливаться на этом возражении, представляющем собою лишь бледную копию со старой аргументации бакунистов, утверждавших, что «буржуазные конституции» никогда ничего не приносили рабочему классу. Я уверен, что читатель и сам знает, в чем заключается слабая сторона этой аргу-

---

са», в которых формулировались требования рабочих... Совершенно случайно в прокламацию не попало еще два политических требования, выставленных рабочими, именно: требование свободы стачек и свободы собраний. Как передают, в списке требований, составленном самими рабочими... эти требования были указаны; и тем обстоятельством, что в воззвании их не оказалось, рабочие остались очень недовольны». Вы понимаете, читатель, смысл той «совершенной случайности», благодаря которой из списка требований рабочих были выкинуты политические требования? «Интеллигенты», которым был передан список, выпустили их как не соответствующие «активно-психической базе». «Интеллигенты» превратились в цензоров, не «пропускающих» известных тенденций. А редакция «Рабочего Дела» ничего «не знает» Жаль, очень жаль!

ментации. Но не мешает заметить, что бакунизм тоже представляет собою одну из разновидностей идеализма, софистицированного марксизмом [1]).

Не стану я также разбирать тот взгляд автора, что «в России нельзя ожидать чего-либо от конституции». Это тот же бакунизм.

Мне хочется теперь обратить внимание читателя на то место письма, где говорится, что в нашей социал-демократической литературе подбор фактов и освещение их должны отвечать главной задаче: борьбе настоящей, борьбе возможной, а «пропаганда будущего, социализма и всего прочего (?!), может пока служить лишь для привлечения отдельных лиц». Мы сейчас увидим, к каким выводам пришли люди, разделявшие этот взгляд.

Третьим документом в нашем сборнике является письмо г. Г., одного из нынешних столпов «Союза русских социал-демократов». Оно было написано около того же времени, к которому относится только что разобранное мною письмо, т.-е. весною 1898 года, и передано в редакцию «Работника» для ее назидания. Господин Г. принадлежал в то время к ...ской группе, о которой говорится в предыдущем письме. Он излагает в своей эпистоле взгляды некоего N. N., одного из авторов вошедшей в наш сборник брошюры против группы «Освобождение Труда». Он считает этого г. N. N.

> «человеком выдающимся по своему оригинальному мышлению и умению критически относиться ко всяким революционным традициям и взглядам».

Он указывает на то, что по мнению г. N. N. «утопично и ребячество» не только говорить о захвате политической власти пролетариатом, но также, между прочим, и «ставить в программу обобществление орудий труда» (sic)! Поясняя этот, поистине выдающийся взгляд, г. Г. прибавляет, что для г. N.N. «еще вопрос», можем ли мы говорить об уничтожении капиталистической эксплоатации. Господин Г. уверяет даже, — со слов г. N. N. и вопреки общеизвестным фактам, — что все усилия бельгийской партии направить рабочих на широкую по-

[1]) См. об этом в моей брошюре «Anarchismus und Sozialismus», Berlin 1894.

литическую борьбу разбиваются вконец. Из всего этого г-ном N. N. делался — по словам г-на Г. — тот вывод, что

> «толковать рабочей массе в России об уничтожении капитализма, о социализме, наконец, об уничтожении самодержавия вообще нелепость».

Все это, бесспорно, — очень «выдающиеся» взгляды. Как же смотрит на них сам господин Г.? В одном месте своего письма он замечает, что путь критики, чрезвычайно благодарный для такого выдающегося человека, как г. N.N., в то же время очень скользкий путь. Но он решительно нигде не высказывает убеждения в том, что господин N.N. уже поскользнулся. Напротив, он горячо защищает его учение. А из другого письма того же господина Г. ясно видно, что он разошелся с г. N. N. вовсе не потому, что тот называл нелепостью толки о борьбе с самодержавием и с капитализмом.

Это другое письмо г. Г. составляет четвертый документ нашего сборника. Оно, как и первое письмо, не имеет даты. Но по его содержанию не трудно определить время, к которому оно относится. Господин Г. говорит в нем о возникновении так называвшейся русской социал-демократической партии. Следовательно, оно написано после ее возникновения. А так как она возникла весною 1898 года, то и письмо г. Г. написано не ранее этого времени. Из этого письма видно, что г. Г.— один из нынешних столпов в «С. Р. С.-Д.» — очень скептически относился как к «русской», так и к «российской» социал-демократической партии. Он даже сомневался в том, что появление этих партий [1]) может быть названо прогрессивным явлением. Неудивительно после этого, что на с'езде социал-демократов он был в числе тех, которые отказались заявить о своей солидарности с Манифестом Российской Социал-Демократической Партии [2]).

Далее в этом втором письме г. Г. обращает на себя внимание то место, где говорится о «новом апостоле». Новый апостол не кто иной, как «выдающийся» г. N.N., известный нам из первого письма

---

[1]) Как известно, очень скоро слившихся в одну.

[2]) Может быть, г. Г. скажет, что это не точно? Аксельрод имеет документы, с помощью которых я неопровержимо докажу справедливость своих слов. Хочет ли этого г. Г?

г. Г. Этот N. N. «мил» ему, г. Г., «по-прежнему». Господин Г. «немного» расходится с ним

> «по вопросу о необходимости выставления в программах организационного начала»,

но во всем остальном между ними царит «полное» и трогательное согласие.

Из этого следует, что весною 1898 года, уже после возникновения Русской Социал-Демократической Партии, г. Г., один из нынешних столпов Союза Русских Социал-Демократов, был одного мнения с человеком, утверждавшим, что нелепо толковать русской рабочей массе о свержении самодержавия, о социализме и даже об уничтожении капитализма.

Отрицательное отношение к «толкам» об уничтожении капитализма совершенно понятно в г. Г., «вполне согласном» с г. N.N., который думал, что

> «утопично и ребячество ставить в нашу программу обобществление орудий труда».

Редакция «Рабочего Дела» ничего «не знала» об этом. Бедняжка!

Господин Г. уверяет теперь всех и каждого, что никаких принципиальных разногласий с группой «О. Т.» у него не было. Судите вы сами, читатель, об его правдивости.

И не один г. Г. был в 1898 году «вполне согласен» с г. N.N.

Когда пишущий эти строки поднял вопрос об исключении из партии г. N. N., как человека, совершенно отрицающего точку зрения социальной демократии и в своем отрицании идущего даже дальше пресловутого «отступника» Бернштейна, мое предложение вызвало горячий протест со стороны наших «молодых», об'явивших, что они считают и будут считать его своим товарищем. В то же самое время нас уверяли, что г. Бернштейн есть «великое явление», заслуживающее не порицания, а полнейшего сочувствия [1]).

[1]) Отголоски этого сочувствия «великому явлению» дошли до самого Бернштейна, который намекает на него в своей известной брошюре

Ввиду этой оппозиции группа «Освобождение Труда» отказалась от мысли об исключении г. N. N., который со своей стороны обещал изложить свои взгляды в особой брошюре.

Эта брошюра представляет собою п я т ы й документ в нашем сборнике. Она была привезена в Женеву и торжественно вручена мне г. Г., настоятельно требовавшим ее напечатания от имени всех «молодых» товарищей. Я обещал немедленно отдать ее в набор, прибавив, что, вслед за ее выходом, я напечатаю свой ответ на нее. Тов. Б. уже приступил, если не ошибаюсь, к набору полемического произведения г. N. N., как вдруг от «молодых» товарищей пришло новое настоятельное требование, на этот раз совершенно противоположного характера: они требовали, чтобы мы прекратили печатание брошюры. Но не думайте, читатель, что причиной этой внезапной перемены решения была столь же внезапная перемена в образе мыслей наших «экономических» товарищей. Против этой мысли говорит как психологическая невозможность подобных перемен в головах людей, хотя и называющих себя молодыми, но давно уже вышедших из юношеского возраста, так и множество других соображений.

Во-первых, второе письмо г. Г., написанное после переговоров о напечатании брошюры г. N.N., ясно свидетельствует о том, что «мы» разошлись с этим господином лишь по вопросу об «организационном начале», а во всем остальном «мы» были с ним вполне согласны.

Во-вторых, на с'езде наши «молодые» товарищи отказались, как известно, стать на точку зрения Манифеста Российской Социал-Демократической Партии. Это показывает, что они и тогда продолжали держаться «экономического» направления, главным и наиболее последовательным выразителем которого был г. N.N.

В-третьих, в одной из своих заметок, напечатанных в № 9—10 «Листка Работника», вышедшем после с'езда, г. В. И—н—о д и н из н ы н е ш н и х р е д а к т о р о в «Рабочего Дела» — обрушивается на «революционеров», которые будто бы

> «считали за безусловную истину, да и теперь еще не совсем перестали так думать, что классовое рабочее движение при настоящих политических условиях невозможно в России».

По словам г. В. И—а, эти «революционеры» смотрели на рабочую массу, только как на наиболее революционную среду, и из нее рассчитывали черпать главные силы для борьбы с самодержавием. Из рабочих же

> «они хотели лишь вырабатывать сознательных борцов за обще-демократические идеалы и совсем не желали «сужи-вать» своей деятельности организацией рабочих для борьбы с предпринимателями и активным участием в стачках».

О каких революционерах говорит г. В. И—н, один из нынешних редакторов «Рабочего Дела»? Читателю, знакомому с литературной деятельностью группы «Освобождение Труда» и с революционным прошлым ее членов, конечно, и в голову не придет, что речь идет именно об этой группе [1]). Но, прочитав брошюру г. N.N., он увидит, что г. В. И—н—один из нынешних редакторов «Рабочего Дела»—лишь повторяет упреки, расточаемые в этой брошюре по нашему адресу. Стало быть, еще в ноябре 1898 года (т.-е. во время выхода № 9 — 10 «Листка Работника»), г. В. И—н—один из нынешних редакторов «Рабочего Дела»—вполне одобрял отрицательное отношение г. N.N. к программе и к деятельности группы «Освобождение Труда». Ясно, что не это отрицательное отношение заставило бы г. В. И—а высказаться против напечатания брошюры г. N.N.

Но указанная мною статья г. В. И—а,—одного из нынешних редакторов «Рабочего Дела», — не была выражением его личных взглядов на программу и деятельность группы «Освобождение Труда». Эту статью одобряли как раз те самые «молодые товарищи», которые сначала потребовали от нас напечатания брошюры г. N.N., а потом взяли назад свое требование. Отсюда видно, что и у них внезапная перемена решения вызвана была вовсе не сомнением в основательности нападок г. N. N. на сторонников политической агитации.

---

[1]) Минуя другие наши сочинения, я укажу на свою брошюру: «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» (Женева 1892), где я, возражая нашим противникам, подробно доказываю, что рабочее движение не только возможно, но уже и началось в современной России, и что наша партия не может ограничиться борьбой за «обще-демократические идеалы». Конечно, всякий имеет право не знать того, о чем он говорит, но г. В. И—н злоупотребляет этим правом.

В чем же дело?

Просто-на-просто в последовательности г. N.N. и в непоследовательности прочих «экономических» товарищей. Вполне верный своим основным взглядам (тождественным со взглядами г. М. М., автора разобранного мною выше письма к Аксельроду), г. N.N. все более и более склонялся к отрицанию всякой нелегальной деятельности. Создание «мирных» (т.-е. легальных) рабочих организаций постепенно стало центральным пунктом его программы.

«Всякая организация важна, — говорит он в своей брошюре. — но особенно важны мирные организации».

С его точки зрения это совершенно логично. Но так как логичность не может быть названа главнейшей отличительной чертой образа мыслей наших «молодых» (alias «экономических») товарищей, то они и отказались признать те выводы, которые неизбежно вытекали из признанных ими посылок. Произошел разрыв, о котором говорит г. Г. в своем втором письме[1]). Но этот разрыв не помешал, как мы уже знаем, господину Г. — одному из нынешних столпов С. Р. С.-Д. — и его единомышленникам «во всем остальном» вполне соглашаться с г. N.N.

Таким образом «молодые товарищи» решили не печатать брошюру г. N.N.[2]) единственно потому, что они не могли одобрить его взгляд на значение мирных организаций. Нападки же его на сторонников политической агитации не перестали казаться им вполне основательными.

В чем состоит сущность этих нападок? Господин N. N. отождествил рекомендуемую группой «Освобождение Труда» политическую борьбу с заговорщицкой и террористической деятельностью и стал доказывать, что для такой деятельности в современной России нет почвы. Не имеющие никакого понятия не только об

---

[1]) «Мы с ним немного (sic) расходимся в вопросах о необходимости выставления в программах организационного начала, в смысле организации всякого рода обществ. Не отрицая этого в принципе, мы считаем, что он недостаточно знает условия жизни русского пролетариата».

[2]) На самом деле г. N.N. был не единственным автором брошюры, но это не изменяет дела

истории нашего революционного движения, но даже и об условиях возникновения их собственной партии, «молодые товарищи» не заметили этой передержки и ожесточились на группу «Освобождение Труда», которой до сих пор приходилось слышать упреки совершенно противоположного рода. Конечно, это было наивно до умилительности, но нам приходилось отстаивать свою программу, и мы не считали возможным ограничиться добродушно-насмешливыми восклицаниями Гуса. «Молодые товарищи» считали себя представителями нового направления в русской социал-демократии, а между тем мы видели, что в этом будто бы направлении нет ни социализма, ни демократизма. И чем яснее мы видели это, тем настоятельнее становилась потребность решить—что же нам делать? Впрочем, об этом ниже, а теперь я хочу поговорить о брошюре N.N.

Господин N.N. думает, что политическая агитация будет у нас своевременна только тогда, когда

> «сами рабочие, самопроизвольно, без революционной бациллы-интеллигенции, начнут борьбу с самодержавием».

А до наступления этого времени он советует избегать людей, занимающихся политической агитацией, так же старательно, как избегают провокаторов. Я не буду оспаривать это мнение, так как не желаю обижать читателей, зараженных революционной бациллой. Я ограничусь новым указанием на коренное логическое условие появления подобных мнений. Это условие заключается в совершенном непонимании того материалистического взгляда на историю, на котором г. N.N. хотелось бы построить свою «научную» программу. Господин N.N. повторяет ошибку, указанную мною при разборе первого письма. Он говорит:

> «Совокупность общественных отношений... определяет, какие интересы могут быть у рабочих, но не определяет, какие интересы уже сознаны рабочими и вошли в их жизнь».

Это очень запутано: как это вошли в жизнь? Повышение заработной платы, конечно, имеет огромный «интерес» для рабочих, который прекрасно сознается всеми ими вообще и каждым из них в отдельности. Но вошел ли этот интерес в жизнь? Я не знаю. Сказать откровенно—я знаю, что это совершенно «несуразный»

вопрос. Если он имеет смысл для г. N. N., то единственно потому, что этот господин еще не переварил понятия интерес. Дальнейшее его изложение подтверждает это как нельзя лучше.

> «С помощью социального опыта, житейской практики etc.,—читаем мы в его брошюре,—сознание рабочих масс постоянно нагоняет реальные общественные отношения, никогда не отождествляясь с ними».

Зачем написано это? Разве кто-нибудь из противников г. N.N. утверждал, что сознание масс может «отождествиться» с реальными общественными отношениями? Никто из них никогда не утверждал этого. Почему же г. N.N. убеждает их, что указанное «отождествление» невозможно в действительности? Единственно потому, что он не замечает логической невозможности подобного «отождествления». Это плохой знак.

Господин N.N. хочет сказать, что сознание масс всегда отстает от развития общественных отношений. Это справедливо в большей или меньшей степени. Но единственный вывод, логически вытекающий отсюда, тот, что «революционная бацилла» (все равно, происходит ли она из интеллигенции или из рабочих) должна всеми зависящими от нее средствами способствовать тому, чтобы сознание рабочих как можно меньше отставало от развития реальчых отношений данного общества: ведь задача этой бациллы именно и заключается в том, чтобы содействовать развитию самосознания пролетариата. Но «выдающийся» г. N.N. рассуждает иначе.

> «Поэтому-то (!),—говорит он,—нам и приходится делать столь решительное и коренное различие между интересами, которые «мы» (интеллигенты) приписываем рабочим, и интересами, действительно имеющимися у них».

Теперь посмотрите, что у нас выходит. Прежде у нас были, во-первых, реальные интересы рабочих, определявшиеся всею совокупностью общественных отношений, и во-вторых — более или менее ясное и полное сознание рабочими этих реальных интересов. Теперь у нас получились, во-первых, интересы,

приписываемые рабочим нами (интеллигентами), и, во-вторых — интересы, действительно имеющиеся у рабочих. В чем же отличительные признаки интересов второго рода? В том, что они сознаны рабочими. Значит, действительно имеются у рабочих только те интересы, которые сознаны рабочими? Выходит, что — да. Но ведь сам же г. N.N. сообщил нам (хотя и в очень неудачных выражениях), что сознание рабочих отстает от развития общественных отношений. Разве из этого не следует, что у рабочих могут явиться такие интересы, которых они еще не поняли? Конечно, следует. Но что прикажете делать! Господин N.N. позабыл свое собственное положение и незаметно для себя «отождествил» сознание рабочих с их реальными интересами. Благодаря этой несколько несвоевременной забывчивости, он одним прыжком перескочил с точки зрения Маркса, которую он хотел положить в основу всех своих рассуждений, на точку зрения идеализма, видящего в сознании последнюю, глубже всех других лежащую причину исторического движения. После этого скачка совсем не удивительны его дальнейшие рассуждения:

> «Развиваясь в зависимости от условий места и времени, сознание масс делает бесплодными все попытки насиловать естественный ход развития рабочего движения».

И далее:

> «вопрос не в том, богато ли оно (русское рабочее движение) при современном строе русской жизни политическими задачами, а в том, на какой ступени его развития задачи эти могут быть внесены в его программу, могут быть реализованы, другими словами, когда для разрешения их созреет в нем материальная сила?»

Так как царизм еще не возбуждает ненависти в рабочей массе, и так как у нас, поэтому, еще нет материальной силы, необходимой для его свержения, то г. N. N. думает, что нападать на него теперь бессмысленно (и в этом, как мы знаем, с ним «вполне согласен» г. Г.—один из нынешних столпов «С. Р. С.-Д.»). С точки зрения материалистического понимания истории дело представляется иначе: с этой точки зрения «рево-

люционная бацилла» обязана развивать самосознание рабочего класса; а это развитие характеризуется тем, что рабочий класс все яснее, все шире и все глубже понимает свои интересы, созданные в последнем счете экономикой современного общества. Деятельность «революционной бациллы» только в том случае и имеет смысл, если она содействует ускорению этого процесса. А раз мы хотим содействовать его ускорению, мы не только можем, но должны заводить речь о таких интересах рабочих, которые еще не сознаны ими.

Не надо забывать впрочем, что г. N.N. склоняется к легальной деятельности и очень не благоволит к «революционной бацилле», которая кажется ему совсем лишним элементом исторического движения. Подобно автору разобранного выше письма к Аксельроду, г. N. N.—идеалист, софистицированный марксизмом, а в наше время (во время Бакунина было не так) идеалисты этого разряда смотрят на революционеров с холодным презрением педантов.

Не забудем, однако, что у нашего автора есть некоторые смягчающие обстоятельства. Такими обстоятельствами являются многочисленные в его брошюре противоречия, показывающие, что в момент ее писания он еще не был окончательно засохшим педантом.

Крупнейшее из этих противоречий заключается в следующем: с одной стороны г. N.N. желает, чтобы мы ждали, пока рабочие «самопроизвольно, без революционной бациллы - интеллигенции», начнут борьбу с самодержавием; а с другой стороны он признает (не даром же он софистицирован именно марксизмом), что мы должны вести в рабочей массе пропаганду, которая помогла бы ей «разобраться в окружающем, в существующих отношениях». Он сам сознает это противоречие и старается выйти из него с помощью различения между пропагандой с одной стороны и агитацией—с другой.

«Пропаганда есть лишь один из факторов, развивающих сознание рабочим своих интересов; это сознание развивается закономерно в зависимости не от одной лишь пропаганды, а главным образом от личного жизненного опыта рабочего. Сознание рабочих не тесто, лепить из которого

«мы» (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобию. «Мы» и «наши» усилия могут лишь дополнять то, чему учит рабочего жизнь».

Что пропаганда есть лишь один из факторов, развивающих сознание рабочих, это мы знали уже в то время, когда г. N.N. ходил, по выражению моряков, еще с разрезной бизанью. Очень давно уже знаем мы и то, что сознание рабочих не тесто. Но вопрос вовсе не в этом. Нам надо решить, каково должно быть содержание пропаганды; может ли пропагандист указывать рабочим на такие интересы их класса, которые еще не замечены, не поняты, не сознаны ими? Господин N.N. сам признает,— что—может. А это лишает всякого смысла все его рассуждения на ту тему, что мы не можем включать в свою программу те интересы рабочего класса, которые еще не сознаны им. Разве при пропаганде речь идет не о «программе»? Противопоставление же агитации пропаганде ни мало не облегчает затруднительного положения господина N.N., как это очень хорошо видно из нижеследующего.

> «Напротив,—продолжает он,—в агитации мы исходим из потребностей, уже существующих у агитируемых лиц (sic), из интересов, уже сознанных, ощущаемых (sic) ими. Роль агитатора сводится не к доказательству того, что положение данной личности может быть улучшено;—это дело пропагандиста; дело же агитатора указать пути и средства человеку, уже знающему, что ему нужно. Агитатор пользуется недовольством, существующим в массе, и указывает ей практические пути для достижения желанной цели. Агитатор, так сказать, придает определенную форму существующему недовольству или уже возникшему протесту».

Агитатор должен придать определенную форму уже возникшему протесту. Хорошо. Но может ли он сделать это, не повлияв на сознание рабочих? Конечно, нет. Значит, и в агитации «революционной бацилле» приходится делать то самое дело, в котором заключается ее историческое призвание: развивать самосознание рабочих. В этом отношении между пропагандой и агитацией нет существенной разницы.

Агитатор должен указать пути и средства. Это еще лучше. Но я опять спрошу, может ли он сделать это, не повлияв на сознание рабочих? Должен ли он говорить только о таких путях и средствах, которые уже известны рабочим? Это было бы бессмысленно. Если бы он говорил только об этих путях, то его речи были бы излишни и сам он играл бы роль знаменитого пятого колеса в телеге. Агитатор может и должен говорить также и о таких путях и средствах, которые еще неизвестны рабочему. Но в таком случае непонятно, зачем он будет ждать, пока рабочие «самопроизвольно» возненавидят абсолютизм и начнут борьбу с ним. Разве победа над абсолютизмом не принадлежит к числу путей и средств обеспечения некоторых, очень важных, интересов трудящегося класса?

По мнению господина N.N., дело агитатора заключается в указании путей и средств человеку, уже знающему, что ему нужно. Допустим, что это верно. Но спрашивается, что же нужно русскому рабочему? Улучшение его экономического положения. Известно ли ему это? Известно. А что неизвестно ему? Ему неизвестно, что завоевание политических прав является одним из важнейших путей и средств борьбы за экономические интересы всякого данного класса. Значит агитатор должен об'яснить ему это, а не ждать, пока это будет понято рабочим «самопроизвольно». Господин N. N. доказывает как раз то положение, которое ему хотелось опровергнуть.

Впрочем, г. N.N. и вполне согласный с ним г. Г., — один из нынешних столпов «С. Р. С. - Д.», — допускают, что в некоторых местностях России рабочему можно и должно указывать на необходимость завоеваний им некоторых политических прав. Они не желают только, чтобы агитаторы толковали о борьбе с самодержавием. Но, во-первых, этим признанием они сами совершенно стирают ту демаркационную линию, которую они проводят между агитацией и пропагандой, а во-вторых,—можно ли говорить о завоевании политических прав, не касаясь вопроса о нашем нынешнем политическом порядке? Кажется, что нет; кажется, что это совершенно невозможно. А если невозможно, то агитатор не должен откладывать в долгий ящик свои нападки на самодержавие и не может ждать, пока рабочие «самопроизвольно» вступят в борьбу с царизмом.

По историческим причинам, рассмотрение которых совершенно выходит из рамок этого предисловия, трудящееся население России привыкло воображать царя чем-то вроде народного трибуна. Оно думает, что царь защищает его интересы от посягательств со стороны высших сословий. Вследствие этого глубоко вкоренившегося предрассудка крестьянская и даже рабочая масса склонна относиться с недоверием к людям, восстающим против царя. Поэтому—и только поэтому—мы вынуждены осторожно подходить к вопросу о царизме. Нам приходится употреблять здесь особые приемы. Наиболее удачным из них всегда оказывался и всегда будет оказываться способ, который я назвал бы сократовским. Сократ был «акушером мысли». Он не сам высказывал известную мысль, а заставлял своих собеседников формулировать ее, как неизбежный вывод из их собственных посылок. Его убеждение постепенно и незаметно сообщалось его слушателям. Так же должны поступать и мы. Этот прием подсказывается нам как историческими предрассудками нашего народа, так и полным отсутствием у нас свободы слова. Но, во-первых, держаться его приходится не только агитатору, но и пропагандисту, а во-вторых, держаться сократовского метода в политической агитации не значит отказываться от этой агитации, подобно г. N.N., автору брошюры против группы «Освобождение Труда», и господину Г., одному из нынешних столпов «С. Р. С.-Д.» [1]).

Господин N. N. и вполне согласный с ним г. Г.,—один из нынешних столпов «С. Р. С.-Д.»,—обвиняют группу «Осв. Тр.» в том, что она зовет рабочих прямо чуть не на баррикады, что она, как выражается г. Г.,—один из нынешних столпов «С. Р. С.-Д.»,—хочет взять самодержавие «на-уру». Это — вздорное обвинение. Чтобы опровергнуть его, мне достаточно указать на наши издания. Но так как некоторые «молодые товарищи», повидимому, не хотят взять на себя труд ознакомиться с этими изданиями, то я приведу здесь следующее место из моей брошюры: «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» (Женева 1892):

---

[1]) Указанный метод практиковался еще бунтарями - народниками 70-х годов. См. в моей брошюре: «Русский рабочий в революционном движении» рассказ о том, как они разрушали веру рабочих в царя во время стачек на Обводном Канале.

«Дело агитатора заключается в том, чтобы в каждом данном случае пустить в обращение максимум революционных идей, доступных для массы. За всякую ошибку в ту или другую сторону агитатора ждет жестокое наказание. Если он преувеличил революционное настроение массы, он в лучшем случае останется непонятым, а может быть его осмеют, даже изобьют. Если же, наоборот, он, по излишней осторожности, выставит перед массой такие требования, которые она уже переросла в своем быстром революционном развитии, он попадет в нелепое положение агитатора-тормоза, — агитатора, внушающего толпе «умеренность и аккуратность». В уменьи избежать подобных крайностей заключается вся ловкость агитатора».

Как видит читатель, я не принадлежу к числу людей, одобряющих и рекомендующих агитацию по неждановскому методу («вперед! умрем за свободу!» и т. д.). Но ни я, ни Аксельрод и никто из моих ближайших друзей и товарищей никогда не могли понять пристрастия «экономических товарищей» к агитации, заботливо очищенной от всякой политической примеси. Не могли мы понять и того противопоставления агитации пропаганде, которое так любят г. N.N. и вполне согласный с ним г. Г., один из нынешних столпов «С. Р. С.-Д.».

Я всегда думал, что разница между пропагандой и агитацией заключается в том, что

«пропагандист дает много идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает только одну или только несколько идей, но зато дает их целой массе лиц, иногда чуть не целому населению данной местности» [1].

Как ни велика эта разница, она нисколько не мешает нашим агитаторам теперь же распространять в массе политические идеи.

Что агитация должна опираться на ближайшие экономические нужды рабочего класса, это справедливо, но совсем не ново. Это известно было еще и бунтарям-народникам. Брошюра «Русский рабочий в революционном движении» написана была мною с целью

[1]) «О запачах социалистов и т. д.», стр. 58.

напомнить молодым русским социал-демократам о приемах агитации на экономической почве, выработанных практикой народнического периода нашего движения. Мы восстаем не против агитации на экономической почве, а против тех агитаторов, которые не умеют воспользоваться экономическими столкновениями рабочих с предпринимателями для развития политического сознания производителей.

Аксельрод сказал в своей брошюре «О задачах и тактике русских социал-демократов», что программа группы «О. Т.» явилась ответом на вопрос, откуда взять силы для возобновления борьбы с самодержавием, и как вести эту борьбу с наибольшими шансами на успех. По этому поводу г. N. N., вполне согласный с г. Г., одним из нынешних столпов «С. Р. С.-Д.», инсинуирует, что центр тяжести нашей программы лежит вне интересов рабочего класса. Эта инсинуация имела некоторый успех между людьми, не сильными в деле мышления и мало знакомыми с нашей социалистической литературой. До сих пор нередко встречаются простачки, утверждающие со слов г. N. N. и вполне согласного с ним г. Г., одного из нынешних столпов «С. Р. С.-Д.», что мы смотрели на пролетариат как на орудие для достижения революционной интеллигенцией ее собственных, чуждых рабочим, целей. Это вынуждает меня к некоторому об'яснению

Аксельрод прав. Когда мы писали свою программу, мы хотели указать нашим революционерам, только что пережившим решительные поражения, тот путь, который один только и может привести их к победе. Мы остались верны славным традициям нашего революционного движения. Мы гордимся этим и всегда будем гордиться, как бы ни раздражало это ограниченных педантов и политических кастратов, софистицированных марксизмом.

Мы указывали нашим революционерам на рабочий класс как на единственную силу, способную повалить царизм.

«Русское революционное движение восторжествует как движение рабочих или совсем не восторжествует»,

сказал я на Парижском международном социалистическом конгрессе 1889 года. Мы всегда старались оттенить революционную

миссию пролетариата в России. Мы гордимся этим и всегда будем гордиться, как бы ни упрекали нас за это политические кастраты и ограниченные педанты.

Но в наших глазах рабочий никогда не был простым орудием достижения чуждых ему целей. Это клевета, выдуманная в расчете на то, что всегда найдутся невежественные и неразвитые люди, способные ей поверить. Наша программа написана в духе Маркса. А программа, написанная в духе этого человека, не может быть программой политических эксплоататоров.

Первым изданием нашей группы была моя брошюра «Социализм и политическая борьба», в которой я, опровергая народнические предрассудки против «политики», доказываю в то же время, что политическая борьба русских революционеров должна быть классовой борьбой пролетариата. Со времени выхода этой брошюры ни один из членов нашей группы не написал, можно сказать, ни одной статейки, где прямо или косвенно не проводилась бы та же самая мысль. В «Наших разногласиях» я беру быка за рога и прямо спрашиваю, — что́ для чего «важно»: рабочие для революции или революция для рабочих?[1]). Нужно ли напоминать, в каком смысле я отвечал на этот вопрос? Я доказывал, что рабочий «должен сам сделать свою революцию»[2]). Так ли говорят люди, смотрящие на рабочих, как на пушечное мясо? И то ли говорят эти люди?

«Критические» приемы г. N.N. лучше всего характеризуются следующей его переделкой. В 4-й книжке нашего «Социал-Демократа» напечатана статья П. Аксельрода: «Политическая роль социальной демократии и последние выборы в германский рейхстаг». Опровергая разные упреки, которые сыпались на наших немецких товарищей, П. Аксельрод касается также упрека в том, что они старательно и сознательно избегают теперь открытых столкновений с правительством. Этот упрек всегда производил очень сильное впечатление на русскую революционную «интеллигенцию». Поэтому П. Аксельрод счел нужным напомнить своему читателю, что политический строй Гер-

[1]) «Наши разногласия», Женева 1885, стр. 251.

[2]) Ibid., стр. 252.

мании, сознательно поддерживаемый огромной частью населения, гораздо устойчивее русского политического режима, опирающегося главным образом на политическую пассивность русского народа, и что поэтому тактика, полезная и необходимая в России, оказалась бы неуместной и вредной в Германии. Господин N. N. выхватывает одну фразу из одного примечания в статье П. Аксельрода и, на основании ее, доказывает, что П. Аксельрод хочет повалить русский царизм с помощью военного нападения. Чтобы оттенить свою «трезвенность», г. N. N. утверждает,—будто бы вопреки Аксельроду,—что

> «рабочее движение есть движение массовое, не укладывающееся в рамки комплота или заговора» (см. Сборник материалов, стр. 512, примечание).

Господин N.N., разумеется, не мог серьезно думать, что это неизвестно группе «Освобождение Труда». Но он рассчитывал на простачков, и его расчет оправдался. Простачки в самом деле поверили тому, что г. N.N. говорит «новое слово». К числу их принадлежал и господин Г., один из нынешних столпов «С.Р.С.-Д.».

Между тем как «экономические» товарищи обвиняли нашу группу в подобных «несодеянностях», мы боролись с господином N.N. и его единомышленниками, между прочим, и потому, что видели в них людей, которые рано или поздно придут — если только не откажутся от своих «экономических» посылок — ко взгляду на рабочего, как на простое орудие для достижения целей либеральной буржуазии. Наше предвидение оправдалось ранее, чем мы могли этого ожидать

Авторы «Credo» рекомендуют рабочему классу одну только экономическую борьбу, говоря, что борьба политическая невозможна для него при русских условиях и что

> «разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву» [1]).

В то же время и те же самые господа рекомендуют русским марксистам участие в

[1]) Сборн. матер., стр. 479.

«радикально или либерально-оппозиционной деятельности всех других, не рабочих слоев общества» [1]).

При отсутствии самостоятельной политической рабочей партии такое «участие» по необходимости превратилось бы в простое слияние с радикальной или либеральной буржуазией.

Радикальные и либеральные буржуа Западной Европы давно уже твердят о том, что рабочим нет никакой надобности сплачиваться в особую политическую партию: это первый член символа веры, преподносимого рабочим радикальной и либеральной буржуазией. Но стремление навязать рабочим этот символ веры означает лишь желание буржуазии эксплоатировать рабочих в политике. Таким образом появление «Credo» есть не более, как попытка «переноса на нашу почву» той проповеди, с помощью которой радикальная и либеральная буржуазия Запада стремилась сделать из рабочих послушное ей политическое орудие. А ведь авторы «Credo» не говорят ничего нового по существу. Они только развивают и доводят до их крайних последствий те мысли, которые защищали г. N.N. в брошюре, направленной против группы «О. Т.», и господин Г., один из нынешних столпов «С. Р. С.-Д.», в своих письмах.

К чести г. Г. надо заметить, однако, что он иногда плохо понимал своего учителя, г. N. N. Поэтому он иногда ему противоречил, сам того не замечая. Вот, например, по мнению г. N.N., «революционная бацилла» не должна, в своей агитации, касаться политических вопросов до тех пор, пока эти вопросы не возникнут у рабочих «самопроизвольно». Господин Г. рассуждает не так, хотя и думает при этом, что он «вполне согласен» с господином N. N. В одном из своих писем г. Г. говорит, что мы должны пробуждать сознание массы, организуя ее и выдвигая самые близкие ей вопросы [2]). Это было бы совсем разумно, если бы это не стояло на той же самой странице, на которой мы читаем, что нелепо толковать в России об уничтожении капитализма и о социализме. Очевидно, господин Г. не понимает,

[1]) См. Сборн. мат., стр. 479

[2]) Там же, стр. 497.

что социалист не может будить сознание рабочего класса, не затрагивая, прямо или косвенно, вопроса об уничтожении капитализма и о политической самодеятельности рабочего класса. Господин Г. сознает, что мы, социал-демократы, должны, при воздействии на массу, поступать осторожно и систематично. Но это сознание остается у него очень смутным и потому приводит его к нелепым выводам. У него оказывается, что социал-демократ, желающий поступать систематично и осторожно, должен превратиться в буржуа, чуждого всякой мысли об устранении капитализма. Это очень печальный вывод [1]).

Но довольно об этом. Печатаемые нами документы не оставляют никакого сомнения в том, что в 1898 году в среде «молодых» членов «Союза Русских Социал-Демократов» господствовало «экономическое» направление [2]). Редакция «Рабочего Дела» говорит, что она «не знает» об этом. Одно из двух: она говорит — или правду, или неправду. Если она говорит правду, то чего можно ожидать от редакции, так плохо знающей положение дел своей собственной партии? А если она говорит неправду, то это совсем уже плохой знак, показывающий, что она поставила себе целью скрывать от своих читателей истинное положение дел и уверять их в том, что «все обстоит благополучно». Если бы такую задачу поставил себе орган какого-нибудь русского министерства, то мы совсем не удивились бы этому: правда, возвещаемая нашими казенными органами, есть совсем особенная,

---

[1]) Мимоходное замечание. Читатель увидит, что письма господина Г. написаны чрезвычайно неправильным языком: в его предложениях часто не достает самых существенных частей речи. Мы не считали себя вправе улучшать слог господина Г. Поэтому пусть читатель не относит на счет корректора то, в чем виноват автор.

[2]) Употребляя это выражение, я очень хорошо понимаю всю его неправильность. Критикуемое мною направление может быть названо экономическим разве лишь в том смысле, в каком говорят об «экономических путешествиях» (voyages économiques) и об «экономической кухне» (cuisine économique). Эпитет—экономический равнозначущ здесь с эпитетом дешевый, не дорого стоящий. Но в политической печати не всегда можно требовать точной терминологии: в ней всегда приходится делать уступки обыденному жаргону.

«официальная правда». Но зачем понадобилась такая «правда» органу, именующему себя «Рабочим Делом»?

Возвращаюсь к положению дел в 1898 г. «Экономическое» направление свирепствовало среди «молодых» как зараза. Карикатуры, рисуемые на марксистов г.г. Михайловским, Кареевым, Кривенком и другими, облекались плотью и фигурировали перед нами в роли глашатаев «последнего слова русской социал-демократической тактики». Все сношения с Россией вела тогда та ...ская группа, о которой говорится в первом из напечатанных в нашем сборнике писем, и которая целиком состояла из «экономистов». Она уверяла нас, что товарищи, действующие в России, вполне разделяют ее образ мыслей. Этому противоречил Манифест Российской партии. Но невероятно тяжелые условия деятельности в России ведут за собою чрезвычайно частую смену деятелей. Чтобы уяснить себе, какое направление там преобладает и чего хотят от наших изданий наши товарищи в России, мы послали в Петербург изложение наших споров с «молодыми». Нам ответили лаконическим советом дать некоторый простор новым силам [1]). Тогда мы попробовали вести дело изданий «Листка Работника» совместно с некоторыми представителями «экономического» направления. Как и следовало ожидать, эта попытка кончилась полнейшей неудачей. Что было делать? Оставалось совсем выйти из редакции. Так мы и поступили в ноябре 1898 года.

Совет—«дать некоторый простор молодым силам», полученный нами из Петербурга, показывает, что наши товарищи в России не имели правильного понятия о нашем отношении к «молодым» заграничным товарищам. Эти последние не переставали жаловаться на то, что мы мешаем им работать сообразно их убеждениям. Но их жалобы были совершенно неосновательны. Каким образом могли бы мы стеснять деятельность молодых товарищей? Только одним путем: путем устранения их от редактирования заграничных социал-демократических изданий. Но мы не только не хотели устранять их от этого, а, напротив, не раз и давно уже

[1]) Впоследствии, уже после нашего выхода из редакции, петербургские товарищи сообщили нам, что интеллигенции они согласны проповедывать политическую борьбу, рабочим же будут говорить лишь о прибавке «копейки на рубль».

выражали им свое намерение отказаться от редактирования «Работника». Это доказывается следующими строками:

> «Относительно редакции ...ские товарищи высказались категорически против всяких перемен, так как не могут представить себе, кто бы мог в настоящее время заменить членов группы «Освобождение Труда»... Можно было бы расширить круг Ваших помощников, которые под Вашим руководством могли бы избавлять Вас от массы черновой работы и в то же время ближе присматриваться к самому делу, но и только. Руководство все же должно оставаться Ваше, пока у Вас будет хватать сил на всю эту изнуряющую и утомительную работу».

Эти строки взяты мною из письма г. М. М., которому П. Аксельрод предлагал от имени группы «О. Т.» списаться с русскими товарищами относительно назначения новой редакции для «Листка Работника» [1]).

К числу товарищей, категорически высказавшихся против всяких перемен в этой области, принадлежали г. N.N, впоследствии автор брошюры против группы «О. Т.», и г. Г., «вполне» с ним «согласный». Господин N.N. до такой степени не желал никаких перемен в редакции, что нашел нужным с своей стороны написать П. Аксельроду:

> «...Мы решительно высказываемся против перемены редакции по двум причинам. Во-первых, среди молодых товарищей нет ни одного опытного литератора, ни одного человека с литературным именем. Мы думаем, что ни один уважающий себя человек не согласится стать редактором на том основании, что ему пришлось на его веку написать 1—2 статейки. Во-вторых, среди молодых товарищей нет ни одного, достаточно знакомого с Россией. Молодо-зелено»...

Группа «Осв. Тр.» взяла назад свое предложение о выборе новой редакции единственно ввиду этих настояний ...ской группы. Это было известно г. Г. и другим «молодым» товарищам. Теперь эти самые товарищи утвер-

---

[1]) Письмо помечено: ...7.98. По содержанию его видно, что оно написано в феврале или в марте 1898 года. Господин М. М.—автор первого из писем, напечатанных в нашем сборнике.

ждают, что их распря с группой «О. Т.» вызвана была не программными разногласиями, а тем, что эта группа не соглашалась ни на какие перемены в редакции. Такова их «официальная правда» [1]).

Отказавшись от исполнения редакторских обязанностей, мы вскоре с удивлением увидели странное зрелище и услышали странные речи. Те самые люди, которые говорили о «новой» тактике и о несвоевременности политической агитации, стали выдавать себя за убежденных сторонников «политики», а г. Г. пустился убеждать не только чуждых делу людей, но и нас самих, что никаких разногласий с нами у него никогда не было. Я надеюсь, что наш сборник даст живительный толчок его памяти.

Созерцая эту внезапную метаморфозу, мы могли об'яснить ее себе только тем, что «молодые товарищи» сами увидели, каких пустяков наговорили они в 1898 году, проповедуя свое «новое слово», и устыдились своих пустых речей. Нам невольно вспоминались слова дедушки Крылова:

О дети, как опасны ваши лета!
Мышенок, не видавший света,
Попал было в беду...

Но если беда и миновала нашего мышенка; если «молодые товарищи» сознали свои заблуждения и не пошли за своим учителем N.N., который, — логически продолжая свое развитие, — пришел к воззрениям, как две капли воды похожим на «Credo», то их, надеюсь, чистосердечное раскаяние далеко еще не устранило путаницы понятий и отношений, причиненной их ребяческим фрондерством [2]). Теперь у нас есть троякого рода издания:

1) Издания группы «Освобождение Труда», продолжающей твердо держаться своего прежнего направления.

2) Издания редакции «Рабочего Дела», которая, — как это видно из ее программной статьи, напечатанной в первом номере ее

---

[1]) Письма, цитируемые здесь мною, находятся у П. Аксельрода и, в случае надобности, могут быть воспроизведены целиком.

[2]) При том же раскаяние должно сопровождаться открытым признанием своих ошибок, а наши некогда «экономические» товарищи совсем не склонны к такому признанию. Нельзя не пожалеть об этом.

журнала, и из некоторых других ее заявлений,—склоняется к эклектизму, тщетно стараясь примирить Карла Маркса с г. В. И—м, одним из соредакторов. Недалее, как в ноябре 1899 года г. В. И—н читал в Женеве реферат, в котором он говорил о существовании в нашей партии двух направлений и о том, что сам он, г. В. И—н, принадлежит к экономическому направлению. А редакция «Рабочего Дела», к которой принадлежит г. В. И—н, ничего «не знает». Поди, пойми эту «хитрую механику»!

3) Издания «Рабочей Мысли», где уже нет речи ни о каком примирении и где, напротив, экономическое направление г. Г. и его единомышленников расцвело во всей своей красе и славе [1]). И все это — «товарищи»! И все это — социал-демократы! Это ли не анархия? Это ли не хаос? Это ли не позор?

Теперь сам г. Г. отрекается от «экономического» направления подобно тому, как Петр отрекся от Иисуса. Некоторые, пожалуй, даже похвалят его за это. Но я спрашиваю, много ли дельного могут сказать о «политике» г. Г. и его единомышленники, еще так недавно утверждавшие, что

> «утопично и ребячество ставить в нашу программу обобществление орудий труда»?

И я боюсь, что проповедь ими политической борьбы приведет к точно такой же путанице понятий, к какой привела уже проповедь ими борьбы на экономической почве. Дело не в том, за какое именно направление стоит г. Г., а в том, что у нас есть много людей, называющих себя социал-демократами и не усвоивших себе даже азбуки современного социализма. Этим и об'ясняется господствующая у нас теперь «неразбериха», благодаря которой скоро можно будет с уверенностью сказать, что там, где встретятся два русских социал-демократа, наверное окажется три социал-демократических пар-

---

[1]) «Рабочее Дело» полемизирует с «Рабочей Мыслью». Но это не мешает ему испытывать на себе ее влияние. Так, например, главная мысль статьи г. Кричевского о Чернышевском (№ 4 «Рабочего Дела») очевидно заимствована из статьи о том же писателе, напечатанной в «Рабочей Мысли».

тии. Признаюсь, я никогда не думал, что мне суждено пережить такой стыд!

Нам надо выйти из этого хаотического и позорного положения во что бы то ни стало. Горе партии, терпеливо переносящей подобную путаницу!

Чтобы выйти из того или другого неприятного положения, надо прежде всего внимательно изучить его причины. Я надеюсь, что предлагаемый сборник будет очень полезен всем тем, которые хотят изучить наше положение. Но, как уже замечено, я счел справедливым посвятить его редакции «Рабочего Дела», так как именно она побудила нас к его опубликованию.

Из записной книжки социал-демократа

Листок первый

Только что прочитал шестую книжку «Раб. Дела». Она не лучше и не хуже своих предшественниц. В ней есть некоторый не лишенный интереса фактический материал, но совсем нет интересной «отсебятины». Начинается она статьей г. Тарасова: «Жизнь и смерть П. Л. Лаврова». Я вполне понимаю и очень уважаю чувство, с которым написана эта статья, но не могу не видеть, что г. Тарасов неудовлетворительно характеризует деятельность покойного автора «Исторических писем». Так, он говорит (стр. 12), что уже во время издания «Вперед!» П. Л. Лавров «не отделял для России социально-экономической деятельности от политической и разрушение деспотического государства считал насущною задачей русского революционера». В каком смысле «не отделял»? Какова была тогда его политическая программа? На это нет ответа, и мимоходом брошенная фраза не только ничего не поясняет читателю, но прямо спутывает его представление о развитии социально-революционной мысли в России. Конечно, можно сказать, что тогда, когда писалась эта статья, нельзя было ни требовать, ни ожидать точной, критической оценки взглядов П. Л. Лаврова. Но если нельзя было дать точную, критическую оценку, то зачем же понадобилась не точная и не критическая? Не понимаю. Правда и то, что г. Тарасов с своей точки зрения может считать свое вышеприведенное замечание вполне соответствующим действительности и вполне способным выдержать самую строгую критическую проверку. Но разве точка зрения г. Тарасова совпадает с точкой зрения редакции «Рабочего Дела»? Мне до сих пор казалось, что — нет, и вот почему я думал, что эта редакция должна была сама написать о П. Л. Лаврове,

не довольствуясь тем, что напишет о нем г. Тарасов. Редакция рассудила иначе и рассудила совсем неправильно.

В следующем после статьи г. Тарасова описании похорон П. Л. Лаврова изо всех речей, произнесенных на его могиле, целиком воспроизведена только речь г. Кричевского. Из нее мы узнаем, что, «несмотря на некоторые второстепенные разногласия теоретического свойства, русские социалисты всех направлений могут и должны преклониться перед светлой личностью мыслителя-борца». Что личность П. Л. Лаврова заслуживает величайшего уважения, это безусловно справедливо. Но о каких и о чьих разногласиях говорил оратор? Для нас, социал-демократов, важнее других в этом случае разногласия П. Л. Лаврова с марксистами. Марксисты придерживаются, как известно, материалистического взгляда на историю, между тем как исторические взгляды П. Л. Лаврова (достаточно вспомнить его «Исторические письма») были насквозь пропитаны идеализмом. Разве это второстепенное различие? Далеко нет. Если бы г. Кричевский хоть отчасти выяснил себе смысл той ожесточенной литературной борьбы марксистов с народниками и с суб'ективистами, которая велась у нас еще так недавно, то он, конечно, иначе взглянул бы на различие в исторических взглядах П. Л. Лаврова, с одной стороны, и марксистов — с другой, и не назвал бы второстепенным того различия, которое имеет самую первостепенную важность. Но г. Кричевскому осталось, как видно, неясным то, что прежде всего обязан выяснить себе человек, берущийся теперь за редактирование органа, который называет себя социал-демократическим.

П. Л. Лавров, как я уже сказал, заслуживает величайшего уважения. Социал-демократы нравственно обязаны чтить его память. Но они не имеют никакого права затушевывать и скрывать разногласия, существовавшие между ними и Лавровым, и если они делают это по неразумию, по легкомыслию или по какой-нибудь другой причине, то заслуживают строгого порицания.

В конце своей речи г. Кричевский воскликнул: «Поклянемся же, товарищи, на могиле Петра Лавровича всегда слышать его голос, из-за гроба мощно взывающий к нам: «Идите и делайте! Делайте!». Он не удовольствовался обещанием всегда помнить

эти слова покойного. Нет, он поклялся всегда слышать их «из-за гроба». Тут образность речи граничит с галлюцинацией, и читатель «Рабочего Дела» с беспокойством спрашивает себя: «Как здоровье г. Кричевского?».

За описанием похорон П. Л. Лаврова следует статья: «Петербургское движение и практические задачи социал-демократии», написанная, по словам редакции, товарищем, «до недавнего времени принимавшим деятельное участие в петербургском социал-демократическом движении». Редакция напечатала статью «без всяких изменений, как ценное сообщение близкого наблюдателя». Это в самом деле ценное сообщение, хотя его автор скорее намекает на практические задачи социал-демократии, чем выясняет их. Неподкрашенная правдивость и полная искренность тона этой статьи резко и выгодно отличается от казенного тона официального славословия, составляющего отличительную черту всего, выходящего из-под пера редакции «Рабочего Дела».

> «Отдельные кружки, отдельные революционеры, — говорит правдивый автор, — не собраны, не об'единены, не составляют единой, сильной, дисциплинированной организации с планомерно развитыми частями. А только с возникновением такой организации... станет возможна правильная и успешная борьба с такой громадной силой, как русское самодержавие».

Совершенно верно. И именно потому, что это верно, русские социал-демократы должны прежде всего организоваться. Организация является их первой и самой важной обязанностью в настоящее время. Но, приступая к исполнению этой обязанности, они должны действовать осмотрительно. Не говоря уже о том, что в их организацию не должны быть допускаемы лица, не имеющие «конспиративной» сноровки, необходимо (особенно на первых порах), чтобы она составилась из людей, обладающих стройными взглядами, не зараженных «бернштейниадой» и не думающих подобно г. Г., что «толковать рабочей массе в России об уничтожении капитализма, о социализме, наконец, об уничтожении самодержавия вообще нелепо и непроизводительная трата

сил» [1]). Таких людей, как говорится, и даром не надо, да не надо и таких, которые поддерживают их по кумовству или по политической неразвитости.

После статьи о петербургском движении напечатана статья г. Сибиряка: «Борьба царского правительства против земства и народного образования». О сей умолчу. Замечу только, что эта статья принадлежит к числу тех, на основании которых у меня составилось твердое убеждение в том, что «Рабочее Дело» совершенно не соответствует своему назначению. Говорят обыкновенно, что оно издается для развитых рабочих, а ввиду статей, подобных названной статье г. Сибиряка, приходится признать, что это изданьице годится разве лишь для неразвитой «интеллигенции» или, как сказал бы Щедрин, для детей изрядного возраста. Таким детям оно даже очень нравится, а взрослые тоскливо пожимают плечами и жалуются на элементарность и бесталанность, а главное — на непроходимую скуку, веющую от каждой строчки редакционных статей и статеек.

Надо, однако, признаться, что в 6-й книжке «Рабочего Дела» встречаются курьезы, способные разогнать самую зверскую скуку и побороть самую упорную зевоту. На них надо остановиться.

Курьез № 1
или первое приложение к № 6 «Раб. Дела»

В этом приложении тов. Кольцов от имени меньшинства членов «Союза Русских Социал-Демократов» напечатал следующее:

НЕОБХОДИМОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ.

«№ 6-й «Рабочего Дела» выходит при обстоятельствах, на которые мы обращаем внимание читателя.

---

[1]) О г. Г., принадлежащем к группе, издающей теперь «Раб. Дело», см. «Vademecum для редакции „Раб. Дела“». Цитированное в тексте мнение г. Г. красуется на стр. 31—32 этой брошюры. Правда, в этом месте г. Г. излагает взгляды некоего г. N. N., но, по его собственному признанию, он с г. N. N. «расходится немного в вопросах о необходимости выставления в программах организационного начала», а во всем остальном (т.-е., следовательно, и в вопросе о борьбе с капитализмом и самодержавием) у них «полное согласие». «Vademecum», стр. 36.

Некоторые члены Союза Р. С.-Д. убеждены, что выборы, которые должны были возобновить полномочия редакции этого издания, состоялись при ненормальных условиях, благодаря которым редакция была на самом деле выбрана лишь меньшинством членов Союза. Это делает ее незаконной, равно как и нынешнюю администрацию Союза, полномочия которой были возобновлены при тех же ненормальных условиях. Редакция и администрация смотрят на это, конечно, иначе. Кто прав—решит третейский суд.

От имени меньшинства членов Союза

Д. Кольцов.

Женева, 27 мая 1900 г.»

На это редакция и администрация Союза отвечают:

«Редакция и администрация Союза Русских Социал-Демократов находят необходимым с своей стороны заявить следующее:

Большинство членов Союза считает совершенно неосновательным вышеприведенное заявление «меньшинства».

Мы согласились напечатать это заявление лишь потому, что в противном случае настоящий номер (№ 6) «Рабочего Дела», **находившийся не в наших руках,** был бы задержан на неопределенное время впредь до решения вопроса третейским судом.

Редакция и администрация

Союза Русских Социал-Демократов.

27 мая 1900 г.»

Итак, меньшинство заявляет, что редакция и администрация выбраны незаконно. Эти органы, в свою очередь, называют неосновательным мнение меньшинства. Такие казусы не часто случаются в революционных организациях, но они возможны в них, как и повсюду, и никого особенно удивить не могут. Но чрезвычайно удивительно, прямо невероятно признание редакции и администрации в том, что они дали место заявлению меньшинства только по-

т о м у, что в ы н у ж д е н ы б ы л и дать его. И это признание напечатано частью курсивом, а частью даже жирным шрифтом, вероятно, для того, чтобы читатель хорошо понял, какая судьба ожидала бы простое и кроткое заявление меньшинства в том случае, если бы номер находился «в руках» администрации и редакции: тогда, мол, мы просто зажали бы меньшинству рот.

Чтоб оно не пикнуло,
Чтоб оно приникнуло,
Чтоб не ныло жалобой,
Чтоб «ура!» кричало бы.

Очень хорошо! Восхитительно! Только я не знаю, что̀ восхитительней: грубое, беспримерное в истории нашего движения отрицание прав меньшинства или наивность дикаря, с которой эти господа выставляют на вид это попрание, сообщая о нем курсивом и жирным шрифтом!

И эти достойные люди кричат теперь urbi et orbi о том, что их обижают и угнетают. Выходит по пословице:

М е д в е д ь к о р о в у д е р е т, д а с а м ж е и р е в е т.

И находятся люди, которые бранят корову и от всего сердца сочувствуют бедному Мишке. О, Гус, незлобивый Гус! Святой простоты и теперь не меньше на свете, чем было в день твоей ужасной казни!

Разве же это не замечательный курьез? Но это только цветочек, а ягодка следует ниже.

Курьез № 2

или второе приложение к № 6 «Раб. Дела».

Чтобы вполне насладиться вкусом этого приложения, его надо рассмотреть по частям.

ОТ РЕДАКЦИИ.

«В первом приложении к № 6 «Раб. Дела» напечатано заявление о том, что меньшинство Союза Русских Социал-Демократов считает незаконной и действующей вопреки уставу редакцию, под которою выходит № 6 «Раб. Дела».

Это — то самое заявление, которое нам предлагали 10 мая напечатать в самом «Рабочем Деле» и о котором г. Кольцов в прокламации «Pro domo sua» говорит: «Мы просили напечатать такого рода заявление в № 6 «Раб. Дела» от нашего имени. Если бы противной стороне было действительно дорого дело, ей оставалось лишь удовлетворить это наше законное требование, что устранило бы все препятствия к выходу № 6 «Раб. Дела».

К заявлению «меньшинства» редакция и администрация Союза присоединили свою оговорку. Но это наше раз'яснение положения дела было написано под цензурой г-на Плеханова... В избежание этой цензуры мы соглашались напечатать листок без своих замечаний, оставляя за собою право сделать это в другом месте; но г-н Плеханов настаивал, чтобы на том же листе было напечатано и наше заявление, предварительно им самим просмотренное.

С глубоким негодованием мы протестуем против этого возмутительного насилия».

Так называемая редакция «Раб. Дела» выражается не совсем толково. Она хотела присоединить к заявлению меньшинства свою «оговорку», но это ее «добавление» было написано под цензурой г-на Плеханова. Что значит «написано» под цензурой? Хочет ли редакция сказать, что Плеханов диктовал ей ее добавление? Если — да, то она хочет сказать **неправду**, потому что ничего подобного не было: представители большинства сами написали свое заявление и передали его на просмотр представителям меньшинства, совершенно подобно тому, как представители меньшинства сами написали свое заявление и передали его на просмотр представителям большинства. Такая процедура совершенно неизбежна всюду, где речь идет об интересах двух спорящих сторон и где ни одна сторона не пытается, под тем или другим предлогом, нарушить права другой.

«По какому же случаю шум?» А вот по какому. Представителям большинства хотелось написать такое «добавление», которое доказывало бы, что мнение меньшинства о незаконности редакции и администрации неосновательно. И такое добавление действительно было ими написано. Но, ознакомившись с его содержа-

нием, представители меньшинства заметили, что они считают себя в праве разобрать доказательства, приводимые противной стороною; что так как подобный разбор естественно вызвал бы новое возражение со стороны представителей большинства, на которое опять могло бы возражать меньшинство и т. д., и что так как подобная полемика грозила бы стать слишком длинной для приложения, то они, представители меньшинства, думают, что обеим сторонам следует ограничиться простым выражением своего взгляда на законность (или незаконность) редакции и администрации. **Представители большинства согласились с этим,** и тогда было написано (под взаимной цензурой, если можно здесь говорить о цензуре) первое приложение, которое, — не нарушая ничьих прав, — дало обеим сторонам возможность высказаться по важному для них вопросу. Теперь так называемая редакция «с глубоким негодованием протестует против этого возмутительного насилия». Где же «насилие»? В чем? Опять-таки в том, что меньшинство защищало свои права и не соглашалось с теми, которые хотели их нарушить. Какое зверство! Как глубоко испортились, как грубо закоснели в своей испорченности люди, составляющие меньшинство! O tempora! O mores!

Глубоко возмущенные господа, именующие себя редакцией, продолжают:

> «Мы согласились напечатать первое приложение к № 6 «Раб. Дела» лишь под угрозой, что в противном случае № 6, захваченный у нас, совсем не будет выпущен до решения вопроса третейским судом в неопределенном будущем, под угрозой, что в противном случае мы на неопределенное время лишены будем нашей типографии и нашего склада, т.-е. лишены будем возможности работать для русского революционного движения».

Здесь повторяется то же наивное признание, которое мы прочитали выше; большинство согласилось выступить на равных условиях с меньшинством только потому, что оно не могло поступить иначе. В противном случае меньшинство было бы стерто в порошок. Так называемая редакция «Раб. Дела» горько сожалеет о том, что ей не представилось такого случая. Благородное сожаление!

Кстати о типографии. В ней была часть, которую само большинство признает принадлежащей группе «Осв. Тр.». Была и есть в ней другая часть, о праве собственности на которую выскажется третейский суд. Какую же это типографию «редакция» называет с в о е ю, «н а ш е й»? Это остается тайной. И почему склад может быть назван «н а ш и м», т.-е. принадлежащим большинству? Тоже непонятно. Большинство считает себя в праве предрешать постановление третейского суда. Странно, очень странно!

Работать для русского революционного движения, конечно, обязан каждый революционер, но совершенно непостижимо, почему большинство думает, что раз оно выразило желание «работать», то меньшинство тем самым лишается всех прав состояния? Мудрый Эдип, разреши!

Мы предположили на минуту, что действительно была цензура и что «г-н Плеханов» играл роль цензора. Теперь мы видим, что никакой цензуры не было. Можно, поэтому, совсем не говорить о цензорстве «г-на Плеханова». Я только замечу, что «г-н Плеханов» был одним из трех представителей и защитников интересов меньшинства. Так называемая редакция направляет свои громы преимущественно на его голову. Почему она делает ему эту честь? Не знаю; но если это происходит потому, что, по мнению «редакции», «г-н Плеханов» обнаружил особенное усердие в защите интересов меньшинства, то о н г о р д и т с я э т о й ч е с т ь ю, хотя в то же время и считает себя обязанным признать, что о н а н е з а с л у ж е н а и м: он думает, что в этом деле его усердие было не больше и не меньше усердия его товарищей.

Пойдем дальше. Представители большинства согласились на предложение представителей меньшинства относительно того, что́ именно будет напечатано в приложении к «Р. Д.»; но, как теперь видно, их согласие сопровождалось тем, что иезуиты называют une restriction mentale. Как только «Раб. Дело» очутилось «в их руках», они тотчас прибавили к первому приложению в т о р о е, в котором попытались опровергнуть мнение меньшинства насчет незаконности администрации и редакции. Разумеется, доверчивое меньшинство лишено теперь возможности отвечать в том же органе, так как он находится теперь «в руках» большинства. Цель достигнута: рот меньшинству зажат.

Против такой тактики трудно возразить что-либо с точки зрения «л о в к о с т и». Ее одобрит сам Разуваев, известный специалист по части «об'егоривания». Но она курьезна и заслуживает величайшего внимания именно своей безупречностью с точки зрения Разуваева.

«Рабочее Дело» было органом «Союза Русских Социал-Демократов». В Союзе возникли несогласия; обе стороны решили, что эти несогласия рассмотрит третейский суд. До решения суда «Раб. Дело» не может быть органом одной из сторон, и потому меньшинство имеет несомненное право защищать свои интересы на страницах того же издания, или, по крайней мере, в «приложениях» к нему. Но у меньшинства отнято это право. И это оказывается с п р а в е д л и в о с т ь ю. Чудеса да и только!

> «Трижды неверно заявление г. Кольцова в прокламации «Pro domo sua», и трижды не имел основания г. Плеханов требовать от нас напечатать заявление «меньшинства» в «Раб. Деле».

Почему же неверно заявление Кольцова? И почему Плеханов (читай: меньшинство) не имел права? Тому следуют пункты.

> «I. Напечатать его в № 6 «Р. Д.» мы отказались раньше не потому, что интересы нашей организации ставили выше интересов дела, а потому, что не хотели, не считали себя в праве вносить в литературу, предназначенную для русских рабочих, распри, которые нам, к несчастью, приходится переживать самим. Невыполнимость этого требования была признана и самим г. Плехановым, но, к сожалению, только двумя неделями позже — 27 мая, когда он отказался от своего требования от 10 мая и настаивал на напечатании заявления меньшинства уже не в «Рабочем Деле», а на отдельном листке».

Позвольте, милостивые государи, это не так. Вы отказывались напечатать заявление меньшинства потому, что, как выразился г-н И—н **25-го мая**, это было бы д л я в а с с а м о у б и й с т в о м. **26-го мая** появилось заявление тов. Кольцова «Pro domo sua», в котором вам напоминалось, что ответственность за задержку в выходе в свет 6-го номера «Раб. Дела» падает на большинство, так как оно отказывается дать место заявлению меньшинства о неза-

конности редакции и администрации. А **27-го мая** вы заговорили уже о том, что не следует вмешивать рабочих в наши распри. Во избежание такого вмешивания вы впервые предложили тогда напечатать наше заявление в особом приложении. «Г-н Плеханов» немедленно стал поддерживать ваше предложение. Раньше он не мог ни поддерживать, ни отклонять его, потому что раньше вы его совсем не делали.

> «II. Только голословность прокламации «Pro domo sua», отсутствие в ней фактов и дат позволило г. Кольцову протестовать «против обвинения кого-либо из нас» (примыкающих к гр. «Осв. Тр.») «в задержании № 6 «Р. Д.» и заявлять, что редакция сама виновата в задержании № 6.
>
> Ведь типография, а с нею и № 6 были у нас захвачены 18 апреля, а невыполнимое требование о напечатании в «Р. Д.» заявления меньшинства было нам впервые пред'явлено только 10 мая!»

Во-первых, требование напечатать заявление меньшинства могло казаться «невыполнимым» только представителям большинства, всей душой стремившимся к попранию прав меньшинства. Неприятно втягивать рабочих в наши распри. Это так. И именно потому «г-н Плеханов» поддержал предложение представителя большинства о напечатании заявления меньшинства в особом приложении. Но если бы рабочие и узнали о том, что не все члены Союза считают редакцию законно выбранной, то это было бы злом еще не столь большой руки, чтобы для его избежания можно было попирать непререкаемое право значительной части членов Союза. Если г-да «редакторы» называют требование меньшинства «невыполнимым», то это происходит единственно по той причине, по которой все узурпаторы всего мира, — и очень большие, и совсем крохотные, подобно господам, о которых мы говорим теперь,— называют невыполнимыми и невозможными все требования, идущие в разрез с их интересами.

«Г-н Плеханов» не хотел вмешивать рабочих в наши распри. С его стороны это было понятно: он вообще не хотел вмешивать посторонних в эти распри, поскольку они касались организационных недоразумений внутри Союза. Но большинство на все голоса и на всех крышах кричит об этих

распрях и посвятило в них всех врагов социальной демократии и лиц всех возрастов и званий включительно до институток. Этот их крик на все голоса о внутренних неурядицах в Союзе представляет собою поистине скандальное явление, совершенно небывалое в истории русского революционного движения. И ввиду этого их боязнь вмешать рабочих казалась бы совсем непонятной, если бы не было слишком очевидно, что она есть не более, как лицемерная фраза, прикрывающая собою непреодолимое стремление господ, составляющих большинство, к вопиющему нарушению всех прав меньшинства.

По словам авторов «Манифеста Коммунистической Партии», буржуазные социалисты суют «интересы рабочего класса» даже туда, где они совсем не при чем: «Свободная торговля, в интересах рабочего класса! Покровительственный тариф, в интересах рабочего класса! Одиночное тюремное заключение, в интересах рабочего класса!» Наши «редакторы» идут еще далее: у них даже завязывание рта меньшинству делается не иначе, как «в интересах рабочего класса».

Во-вторых, как об'яснено в заявлении «Pro domo sua», тов. Сущинский совсем не захватывал типографии, а только отказался передать ее одной из спорящих сторон. Он поступил, как ему подсказывал долг революционера. Поступить иначе он не имел ни нравственного, ни даже формального права: ведь он был членом Союза, когда произошли выборы редакции и администрации, и он прекрасно знал, к а к н е з а к о н н ы б ы л и э т и в ы б о р ы. Он видел, что г.г. «редакторы» и «администраторы» не более, как узурпаторы. С какой же стати стал бы он, по немецкому выражению, отворять Thür und Thor узурпации?

В третьих. Г.г. узурпаторы говорят, что требование о напечатании заявления пред'явлено было им лишь 10 мая. В их устах и этот факт является обвинением. Но это обвинение построено на песце, как и все прочие обвинения узурпаторами меньшинства, ими же угнетенного. Требование о напечатании об'явления явилось со стороны меньшинства у с т у п к о й, вызванной тем, что дело созвания третейского суда стало затягиваться: ведь если бы можно было созвать третейский суд вскоре после того, как тов. Сущинский запер двери типографии перед носом узурпаторов, то ни в каких печатных заявлениях со стороны меньшин-

ства не было бы и надобности, так как тогда слово принадлежало бы *не меньшинству и не большинству, а судьям*.

Еще одно сказанье!

«III. Но требование это было сделано не только слишком поздно, не только оно было невыполнимо, оно было и есть, кроме того, совершенно безосновательно, и если оно названо в прокламации «Pro domo sua» «законным», то только потому, что все заявления этой прокламации голословны».

По словам г.г. узурпаторов, требование, о котором идет речь, было сделано им 10 мая. Они согласились на него (с известною нам restriction mentale) **только через семнадцать дней**. К чему же надо отнести слова «слишком поздно»? К предложению или к из'явлению согласия на него?

«а) Редакция Союза является законной и действующей согласно требованиям устава, потому что она избрана на втором очередном с'езде Союза Р. С.-Д.

С'езд этот был созван по желанию всех членов Союза; на него явилось $^5/_6$ всех членов: на всех его собраниях присутствовало большинство с'ехавшихся членов.

С'езд, состоявшийся при таких условиях, является по уставу законным. В доказательство незаконности с'езда или отдельных его собраний меньшинство не представило до сих пор и не может представить нам ни одной ссылки на устав».

Если устав за узурпаторов, то отчего они с своей стороны не делают на него ни одной ссылки?

На самом деле нет и не может быть такого устава, основываясь на котором можно было бы оправдать действия узурпаторов.

Большинство членов с'езда своим поведением вынудило меньшинство удалиться, а с удалением меньшинства **лица, оставшиеся на с'езде, в свою очередь стали составлять лишь меньшинство членов Союза**. Это меньшинство (состоявшее из последователей, «кумовьев» и защитников незадолго перед тем разоблаченного мною г. Г.) судило и рядило, «порицало» и «одобряло», выбирало и постановляло все, что ему было угодно. Но меньшинство членов Союза не может распоряжаться его делами, и вот почему редакция и администрация, **выбранные этим меньшинством,** не только незаконны но одним

своим существованием составляют вопиющее беззаконие. Пусть укажут мне ту статью устава, которая могла бы оправдать действия распоряжавшегося на с'езде меньшинства!

Г.г. узурпаторы сами чувствуют непрочность своей позиции; поэтому они стараются обеспечить себе отступление. С этой целью они говорят:

«b) Но оспаривать законность с'езда еще не значит оспаривать законность полномочий теперешней редакции.

Редакция избрана вновь в прежнем составе, а потому, если даже и считать последние выборы недействительными, права редакции остаются законными в силу прежних полномочий, которые не могут сами собою прекратиться до выбора новой редакции».

Неправда! Редакция была переизбрана меньшинством, захватившим власть на с'езде. Чтобы быть переизбранной им, она должна была сложить свои полномочия. Сложив свои полномочия, она лишилась их. Лишившись их, она перестала быть редакцией, выбранной Союзом. Последовавшее затем беззаконное переизбрание ее не могло законным порядком восстановить ее полномочия. Поэтому редакция не только незаконна, но самое ее существование есть колоссальный скандал и вопиющее беззаконие.

То же относится и к администрации.

«Редакция» чувствует, что не устоять ей и на этой позиции, поэтому она отступает еще дальше.

«c) Независимо от вышеизложенных соображений, заявление меньшинства лишено всякого основания по отношению к № 6 «Раб. Дела» уже потому, что этот номер был не только проредактирован и набран, но даже в значительной части напечатан в то время, когда законность редакции еще никем не оспаривалась.

Все сказанное о редакции относится также и к администрации, так как она выбрана при тех же обстоятельствах и в прежнем составе.

Редакция «Рабочего Дела».

Здесь из правильных посылок делается совершенно софистический вывод. № 6 «Раб. Дела» был почти совсем готов

в момент узурпации. Это верно. Но из этого вовсе не следует, что его надо было передать той самой редакции или той самой администрации, которые, сложив с себя полномочия, можно сказать, в самом ненужном месте, перестали быть редакцией и администрацией и потеряли всякое право на исполнение каких бы то ни было общественных функций. Это ясно, как божий день.

Да, ясно. Но именно потому, что это я с н о, господа, именующие себя редакцией, стараются напустить т у м а н у. Они помнят иезуитское правило: Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose. И надо сознаться, что от выдумок не мало «остается» в головах публики. Очень уж стараются эти господа! У почтенной компании, стоящей за спиной «редакции», образовалось очень целесообразное разделение труда: одни измышляют, другие развозят измышленное и сбывают его при подходящих обстоятельствах. Меня не раз приглашали выступить против этих разносчиков выдумки. Но я отклонял и буду отклонять эти приглашения. Один, очевидно, сочувствующий нам корреспондент с негодованием говорит, что он присутствовал на собрании в городе Х., где один из коммивояжеров клеветы будто бы подвергал «оплеванию» группу «Освобождение Труда». Я благодарю товарища-корреспондента за его сочувствие, но от всего сердца прошу его успокоиться. Коммивояжеры сплетен своим поведением «оплевывают» самих себя и т о л ь к о с а м и х с е б я. Группа «Осв. Труда» стоит выше, — о, поверьте, товарищ - корреспондент, — гораздо, неизмеримо выше таких нападок и таких выдумок. Странствующие продавцы сплетен растут в своих собственных глазах, «борясь» с группой, а группа очень низко упала бы в собственном мнении, если бы вступила с ними в состязание. Всякому свое. «Редакторы» «Раб. Дела» измышляют клевету. Их коммивояжеры развозят ее. Легкомысленные охотники до сенсационных происшествий, Добчинские и Бобчинские обоего пола, внимают и, может быть, рукоплещут им. А группа «Осв. Тр.», поддерживаемая многими искренно и глубоко уважаемыми ею членами организации, называвшейся «Союзом Русских Социал-Демократов», серьезно работает и идет вперед, нимало не смущаясь направленными против нее печатными и устными пасквилями. Наш учитель говорил:

Segui il tuo corso e lascia dir la gente.

Эти гордые слова были нашим девизом с самого начала нашей деятельности. А, кроме того, мы всегда хорошо помнили мораль Крыловской басни: «полают, перестанут».

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Но мне не хочется класть перо под грустным впечатлением, и потому я закончу

Курьезом № 3.

На стр. 65 второго отдела того же, богатого курьезами, № 6 «Р. Д.» я прочитал:

ЗАЯВЛЕНИЕ.

«Редакция «Р. Д.» считает нужным заявить, что заключение статьи В. И—на «Фабричная инспекция в России» в той именно форме, в какой оно напечатано, и в частности следующее место:

> «Невольно рождается вопрос: преодолеет ли, однако, русский рабочий все грозные силы, которые против него выдвигаются? Не задавит ли в действительности зверское правительство наше все еще молодое и неокрепшее рабочее движение?»

попало на страницы «Раб. Дела» против воли большинства редакции.

Редакция».

Вот оно как: *против воли большинства редакции*.

Угнетателей угнетают. Узурпаторы, в свою очередь, делаются жертвой узурпации. Между г. И—ным и большинством редакции, некогда старавшимся примирить его с Марксом, начинается распря, о которой большинство редакции повествует *не в особом приложении к книжке, а в самой книжке, не боясь смутить известием о ней рабочих*. Когда большинство редакции решило довести об этой распре до сведения рабочих, оно не увидело в этом решении ничего «невыполнимого». Но в своей наивности оно не подумало о том, что, помещая свое заявление в

тексте, а не в приложении, оно само разбивает свои доводы, направленные против «г. Плеханова», и изложенные во втором приложении. Вот что значит необдуманность действий!

О дети, как опасны ваши лета!

Vous n'êtes que des farceurs,—воскликнул однажды Прудон по адресу не помню уже каких именно своих противников. Это восклицание невольно вспомнилось мне, когда я прочитал направленные против «г-на Плеханова» обличения так называемой редакции «Рабочего Дела».

Vous n'êtes que des farceurs!

Женева, июнь 1900 г.

P. S. Только что получил брошюру: «В защиту Союза. Отчет комиссии Союза Русских Социал-Демократов о захвате типографии и склада Союза». У брошюры есть приложение—пока только одно. Это—новое произведение «молодцов» г. Г. По своему обыкновению, «молодцы» г. Г. преподносят читателю «небылицу в лицах». Я разберу их произведение в следующий раз. Теперь пока скажу вот что. Из брошюры я узнал, что команда г. Г. осуждает или порицает издание мною «Vademecum'а». Я нахожу это вполне естественным. Ведь «Vademecum» разоблачает эту команду, и странно было бы, если бы она его одобряла. Так наши провинциальные «воротилы» не одобряют корреспондентов, разоблачающих их делишки и их интрижки. Но команде хочется выдать свое порицание за порицание, высказанное с'ездом. Это пустяки. В то время, когда они принимали свое решение, они были не на с'езде, а на частном собрании, состоявшем из птенцов г. Г.

В следующий раз я расскажу историю «захвата», и тогда читатель окончательно убедится в том, что в захвате надо обвинять не тов. Сущинского, а именно их, молодцов г. Г., полагающего, что «толковать рабочей массе в России об уничтожении капитализма, о социализме, об уничтожении самодержавия вообще нелепо и непроизводительная трата сил» и «что утопично и ребячество ставить в программу обобществление орудий труда» (см. «Vademecum», стр. 30 и предыдущее примечание).

Г. П

Листок второй

Только что получил заказное письмо, содержащее в себе произведение, которое адресовано было мне, очевидно, только по недоразумению.

Глу-Поу, 23 июня 1900 г.

Русская колония западно-китайского города Глу-Поу, любя мешаться не в свои дела и, кроме того, умирая от скуки, на собрании 20 июня 1900 г. постановила обратиться к дорогому товарищу В. И—ну с следующим открытым письмом:

Дорогой товарищ!

На стр. 65 шестой книжки «Раб. Дела» мы прочитали ужасное известие:

> «Редакция «Раб. Дела» считает нужным заявить, что заключение статьи В. И—на «Фабричная инспекция в России», в той именно форме, в какой оно напечатано, и частности следующее место:
>
> > «Невольно рождается вопрос: преодолеет ли, однако, русский рабочий все грозные силы, которые против него выдвигаются? Не задавит ли в действительности зверское правительство наше все еще молодое и неокрепшее рабочее движение?»
>
> попало на страницы «Р. Д.» против воли большинства редакции.
>
> Редакция».

Это известие так глубоко потрясло нас, что мы лишились сна и аппетита! Можно ли было ожидать этого от вас? Давно ли вы восставали против тирании г-на Плеханова, а теперь сами сделались тираном? Неужели тирания столь привлекательна? И неужели вы решились пойти в этом направлении даже дальше того ужасного человека, под игом которого вы стонали так громко и так недавно? Сколько нам известно, этот человек за всю свою долгую литературную деятельность еще никогда ничего не печатал «против воли большинства редакции», а вы стали насиловать эту волю, можно сказать, на другой же день после того,

как сделались редактором. Изо всех тиранов, существовавших от древности до наших дней, мы можем сравнить вас только с Дионисием, продавшим в рабство философа Платона. Правда, вы еще не продали в рабство наших дорогих товарищей, Сибиряка и Кричевского, но, печатаясь против их воли, вы сделали из этих мыслителей с в о и х рабов и тем отняли у них всякую радость жизни. Их участь не лучше участи Платона.

Опомнитесь! Вы думаете, как видно, что на тиранов нет более управы, и что общественное мнение перестало возмущаться их действиями. Но вы заблуждаетесь. Известный трибун Акакиев уже мчится на всех парах в наш город, чтобы разгромить вас перед нашей колонией. Заранее предупреждаем вас, что, обожая свободу и ненавидя тиранию, мы поверим решительно всем пустякам, какие он против вас придумает. Ваша гибель близка. Не долго вы будете злоупотреблять терпением нашим. Покайтесь же и, вместе с дорогими товарищами, Сибиряком и Кричевским, напишите новое «приложение» к «Раб. Делу», из которого мы увидели бы, что все снова идет к лучшему в наилучшей из редакций.

Председ. собрания П е т р Б о б ч и н с к и й м л а д ш и й.

С подлинным верно

Г. П л е х а н о в.

На пороге двадцатого века

XIX столетие окончилось. Что дало оно рабочему классу? И чего может ожидать этот класс от начавшегося XX века?

XIX столетие ознаменовалось поразительным развитием техники. Производительные силы цивилизованных обществ приняли в течение этого столетия огромные, небывалые размеры. Их рост естественно вел за собою рост общественного богатства. Но быстро растущее богатство цивилизованных стран не устранило существовавшей в них бедности. Напротив. Небывалое развитие производительных сил явилось новым фактором ее увеличения. Это очень метко указано и хорошо об'яснено некоторыми членами английской королевской комиссии, назначенной для исследования причин застоя промышленности и торговли (Trade Depression). В особой записке, которая вошла составной частью в «Заключительный доклад» (Final Report) комиссии, эти члены говорят, что, вследствие роста производительных сил, коренным образом изменились условия существования цивилизованных обществ: прежде главная трудность заключалась для них в редкости и дороговизне предметов необходимости и удобства; а теперь она состоит в том, что — благодаря развитию машинного производства — людям, не имеющим ничего, кроме своей силы (т.-е. пролетариям), всего труднее становится найти заработок, а следовательно, и средства к жизни.

Это значит, что борьба за жизнь в цивилизованных обществах XIX века становилась тем труднее и ожесточеннее, чем более росли их производительные силы, т.-е. чем более увеличивалась материальная возможность изгнания из их среды бедности и связанных с нею страданий.

Бедность порождалась избытком. Это противоречие, на которое указывал еще гениальный Фурье, перешло неразрешенным в XX век. Его устранение составит главнейшую общественную задачу этого последнего.

Чем труднее и ожесточеннее становилась борьба за существование в цивилизованных обществах XIX века, тем более увеличивались для отдельных членов этих обществ шансы нравственного падения и даже полного нравственного одичания. Их преступность росла в общем гораздо быстрее, чем их население, при чем в числе осужденных все более увеличивался процент рецидивистов, наглядно показывая этим полную несостоятельность тех мер, которые принимались цивилизованными обществами для своего нравственного оздоровления.

Таким образом, если рост производительных сил порождал бедность там, где он мог бы создать невиданное прежде материальное довольство, то он же, затрудняя борьбу за существование и усложняя общественную жизнь, — вел к умножению нравственных страданий и нравственной испорченности там, где он мог бы — устранив искушения экономической борьбы за жизнь — дать сильнейший толчок нравственному облагорожению цивилизованного человечества.

Это противоречие тоже не было разрешено XIX веком и тоже целиком перешло в XX.

Что бы ни говорили явные и тайные, корыстные и бескорыстные защитники капитализма, несомненно, что увеличение трудности борьбы за жизнь и это умножение шансов нравственной испорченности означает ухудшение быта рабочих. В этом отношении XIX век был для них неблагоприятен.

Но он был чрезвычайно благоприятен для них в другом отношении. Он дал им — или, по крайней мере, их передовой, наиболее чуткой и развитой части—то, что для них важнее всех материальных благ и без чего невозможно коренное улучшение их участи: ясное сознание непримиримой противоположности их интересов с интересами эксплоататоров и твердое убеждение в том, что освобождение рабочих должно и может быть делом самих рабочих.

Подобно тому, как XVI, XVII и XVIII столетия ознаменовались освободительным движением буржуазии, XIX век был ве-

ком освободительного движения рабочего класса. В этом заключается главнейшая отличительная черта его культурной истории и драгоценнейшее наследие, переданное им XX веку.

Но между освободительным движением буржуазии и освободительным движением пролетариата есть существенная разница. Освободительное движение буржуазии совершалось в пользу меньшинства. Его торжество не устранило эксплоатацию человека человеком, а только изменило ее форму. Освободительное движение рабочего класса совершается в пользу огромного большинства, и его торжество навсегда положит конец эксплоатации одних людей другими. Вот почему победа пролетариата будет в то же время осуществлением самого высокого из всех тех нравственных идеалов, до которых додумалось цивилизованное человечество. Победа рабочего движения, которому многие — умышленно или по недоразумению — приписывают лишь узкие, грубые, «желудочные» цели, будет в действительности величайшим торжеством нравственного идеализма.

Но между борющимся пролетариатом и его великой целью стоит свирепый и близорукий эгоизм высших классов, которые чувствуют себя прекрасно при теперешнем общественном порядке и в лучшем случае могли бы добровольно согласиться лишь на некоторые частные его переделки. Благодаря этому свирепому и близорукому эгоизму не мало крови рабочих пролилось в XIX веке и, вероятно, не мало прольется ее и в XX. И против этого эгоизма пролетариат имеет лишь одно средство: об'единение своих сил ради завоевания политической власти. Когда рабочий класс тем или иным путем добьется политического господства, тогда консервативное упорство эксплоататоров разобьется о революционную энергию эксплоатируемых, и тогда будут устранены указанные нами противоречия, унаследованные XX веком от XIX; царство капитализма будет окончено; начнется эпоха социализма.

XX век осуществит лучшие, радикальнейшие стремления XIX века. Но как ни твердо уверены мы в победе пролетариата, как ни ясно видим мы стоящую перед ним великую цель, мы не хотим обманывать ни самих себя, ни наших читателей. Мы вовсе не думаем, что нас ждет легкая победа. Наоборот, мы хо-

рошо знаем, как тяжел путь, лежащий перед нами. Нас ожидает на нем много частных поражений и тяжелых разочарований. Не мало в течение этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уже теперь в великом социалистическом движении обнаруживается два различных направления, и, может быть, революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет mutatis mutandis назвать разрывом социал-демократической «Горы» с социал-демократической «Жиронде́й».

Но каковы бы ни были трудности, поражения и разочарования, ожидающие революционный пролетариат в его борьбе, — его окончательное торжество не может подлежать сомнению. За него ручается как общий ход социального развития в цивилизованном мире, так и — в особенности — развитие той производительной силы, которую Маркс назвал самою важною из всех: самого рабочего класса. Социалистический идеал все глубже и глубже проникает в среду пролетариата, развивая его мысль и удесятеряя его нравственные силы. Людям, борющимся во имя этого идеала, буржуазия уже в настоящее время может противопоставить лишь голое насилие, да бессознательность некоторой — правда, пока еще очень значительной — части трудящихся. Но бессознательность уступит место сознанию, передовые рабочие подтолкнут отсталых, и тогда... тогда буржуазии останется разве уже «непротивление злу насилием», потому что на стороне революционеров будет тогда также и физическая сила.

Так обстоит дело на Западе. А что сказать нам о нашем отечестве? Россия далеко не так богата и далеко не так образована, как западно-европейские страны. Но и в ней общественное развитие не прошло бесследно для социализма, и в ней XIX век завещает XX драгоценное наследство: зародыш социал-демократической рабочей партии. Историческая обстановка несомненно очень благоприятна для быстрого развития этого зародыша. Если справедливо то, что одна страна может и должна учиться у других, ее опередивших, то социалистическая Россия может и должна многому научиться у западно-европейских социалистов. Самый главный и ничем не заменимый урок, даваемый нам всей историей западно-европейского социализма, заключается в том, что в каждой данной стране ближайшие задачи

и тактика рабочей партии определяются действительными общественными отношениями этой страны. Забывать об этих отношениях, руководствуясь общими положениями социализма, значит покидать почву действительности. Нам, русским социал-демократам, необходимо помнить, что XX век ставит перед нами такую политическую задачу, которая с большею или меньшею полнотою уже решена на Западе; у нас во всей красе цветет то самодержавие, о котором западно-европейские люди знают только по наслышке. Разрушение самодержавия безусловно необходимо для успешного и правильного развития нашей партии. Если между западно-европейскими социалистами и их великой целью стоит эгоизм имущих классов, то между нашей зарождающейся партией и западно-европейской социалистической семьею стоит, подобно китайской стене, самодержавный царь с его полицейским государством. Но нет такой стены, которую не могла бы разрушить человеческая энергия. Русская социал-демократическая партия возьмет на себя инициативу борьбы с абсолютизмом, и она нанесет ему смертельный удар, опираясь на более или менее энергичную, прямую или косвенную, поддержку всех тех элементов, на которые давит теперь тяжелое, неуклюжее здание неограниченной монархии.

Политическая свобода будет первым крупным культурным завоеванием России XX века.

Еще раз социализм и политическая борьба

Осенью 1883 года вышла в Женеве моя брошюра «Социализм и политическая борьба», положившая начало литературной пропаганде группы «Освобождение Труда» и посвященная вопросу о политических задачах русских социалистов. Теперь я берусь за перо, чтобы опять поговорить с читателем о том же вопросе. И я надеюсь, что никто не назовет его устарелым. Нет, к сожалению, он не устарел и до сих пор. Нынешнее положение русской социалистической партии в очень многом и очень сильно отличается от того, в котором она находилась семнадцать лет тому назад. Теперь действительно устарело очень многое из того, что занимало и волновало тогда ее приверженцев, но вопрос об ее политических задачах и теперь принадлежит,—как принадлежал тогда,—к числу наших Zeit- und Streitfragen. Более того, можно без всякого преувеличения сказать, что теперь, как и в начале восьмидесятых годов, он является самым важным, самым насущным и самым жгучим изо всех практических вопросов, требующих от нас ответа: от его решения, в ту или другую сторону, зависит все будущее нашей партии. А между тем он до сих пор некоторыми из нас решается ошибочно; до сих пор он представляет собой какое-то «заколдованное место», о которое запинаются подчас люди, имеющие решительно все данные для того, чтобы легко справиться и не с такими трудностями. В чем же тут дело? Как и кем заколдовано «место», относящееся к нашим политическим задачам? Чтобы уяснить себе это, полезно будет припомнить, как развивалась в русской революционной среде идея политической борьбы в течение последней четверти века.

I

Лет 25 тому назад в этой среде почти безраздельно господствовало народничество, которое, однако, не надо смешивать с учением г. В. В. и компании. Учение этих господ представляет собой что-то вроде злейшей карикатуры на старое народничество. Правда, в основе старого народничества лежали в общем те же самые теоретические посылки, на которые опираются теперь г. В. В. и его единомышленники, но практика народничества 70-х годов не похожа на ту практику, которой занимаются теперь г. В. В. с братией. Эта почтенная братия твердо уповает на царское правительство: она помнит тот исторический факт, что это правительство заводило когда-то военные поселения, и делает из этого несомненного факта тот несколько сомнительный вывод, что это же правительство могло бы взяться и за организацию фаланстеров; народники семидесятых годов и слышать не хотели о царском правительстве. Г. В. В.—реакционер; народники семидесятых годов были революционерами, от души ненавидевшими всякую реакцию. Поэтому они, наверное, почувствовали бы себя жестоко оскорбленными, если бы кто-нибудь сказал им, что со временем народничество выродится в доктрину, проповедующую экономическое освобождение русской трудящейся массы посредством мирных реформ сверху.

Но народники семидесятых годов были в значительной степени пропитаны духом анархизма. Я сказал, что они и слышать не хотели о царском правительстве. Мне следовало прибавить: как и о правительстве вообще. Они смотрели на государство глазами анархистов, и если этот анархический взгляд на государство предохранял их от всяких ложных шагов по отношению к царизму, то он же мешал им понять характер и значение их собственной революционной борьбы.

С точки зрения анархиста, стремящегося к непосредственному разрушению государства, борьба за политическую свободу, т.-е. за известный вид государственного устрой-

ства, представляется жалкой непоследовательностью, постыдным компромиссом [1]).

Уже одного этого было бы достаточно, чтобы вызвать у наших тогдашних народников сильное предубеждение против «политики». Но к этому у них присоединялось другое соображение, подсказанное им их экономическими воззрениями. Они боялись, что конституционный строй, окончательно развязав руки буржуазии, тем самым даст могучий толчок развитию у нас капитализма, а следовательно, и разрушению тех старинных «устоев» нашей экономической жизни, которые представлялись им зародышами будущего социалистического строя. Это, так сказать, самобытное соображение еще более предубеждало их против «политики». Всякая мысль о борьбе с царизмом за политическую свободу встречала с их стороны такое же страстное осуждение, с каким они относились ко всем видам и родам экономической эксплоатации трудящихся.

Но осуждать всякую мысль о борьбе с царизмом за политическую свободу значит косвенно его поддерживать. Отрицая «политику», наши народники повторяли ошибку «истинных» немецких социалистов сороковых годов, так метко и жестоко осмеянных в «Манифесте Коммунистической Партии».

По словам Манифеста, эти социалисты не упускали случая «противопоставить политическому движению социалистические требования и расточать традиционные проклятия либерализму, представительному правлению, буржуазной конкуренции, буржуазной свободе и равенству и проповедывать народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть, но скорее рискует все потерять». Это как раз та самая проповедь, которую вели наши народники, и как раз те самые проклятия, которые расточались ими. И поскольку они вели такую проповедь и расточали такие проклятия, они невольно и незаметно для себя превращались из решительных революционеров в косвенных сторонников застоя. Это была большая ошибка. К счастью для самих себя и для всего нашего революционного движения,

[1]) Это твердит теперь гр. Л. Толстой, представляющий собою анархиста на религиозной подкладке.

(Примечание ко второму изданию.)

народники делали в этом случае не то, что думали и говорили.

Они называли себя бунтарями. Это значит, что они старались поднимать народ против правительства везде, где это было возможно. Собственно «бунтов» [по крайней мере, больших «бунтов», о которых мечтали народники] [1]) из этих стараний никаких не вышло, но это не помешало «бунтарям» сослужить нашему движению хорошую службу. Их «бунтарские» стремления сделали из них усердных, неутомимых и очень искусных агитаторов. Они агитировали в деревне и в городе, между крестьянами и рабочими, между либералами и раскольниками, между казаками разных «земель» и студентами разных «ведомств». Они энергично, «не щадя своего живота», поддерживали всякое оппозиционное и революционное движение, направлявшееся против существующего порядка, и в этой неутомимой агитационной деятельности, в этой всегдашней готовности немедленно откликнуться на всякое проявление общественного недовольства заключается все значение революционного народничества. Правильный революционный инстинкт спасал народников семидесятых годов от реакционных выводов, вытекавших из их ошибочных теоретических посылок.

Но как ни велико значение революционного инстинкта, он не может заменить собой революционную теорию. Теоретические ошибки народников не остались без вредного влияния на их агитационную практику.

Как уже сказано мною выше, в их программе не было места для борьбы за политическую свободу. Им оставалось, поэтому, направить все свои силы в сторону агитации на экономической почве. И, действительно, агитация этого рода составляет самую выдающуюся черту их революционной деятельности. Но в ней была своя неумолимая логика. Агитация на экономической почве, во имя ближайших требований крестьян и рабочих, велась не в государстве вообще, а в русском полицейском государстве. Агитаторам, равно как и волнующейся массе, приходилось сталкиваться не с пра-

[1]) Слова в скобках внесены во второе издание.

вительством вообще, а с правительством русского самодержца. Столкновения с этим правительством вызывали в умах массы известные политические вопросы, на которые не могли не отвечать агитаторы. Таким образом экономическая агитация естественным и неотвратимым ходом вещей превращалась в политическую. Но так как она превращалась в нее вопреки народнической теории, то превращение оставалось незаконченным, и народники сами старались задержать начинавшееся в рабочей среде политическое движение. Если читатель даст себе труд ознакомиться с моей брошюрой: «Русский рабочий в революционном движении», то он увидит из нее, как искусно вели народники (например, во время стачек на Новой Бумагопрядильне) дело первоначального политического воспитания массы. Но эта же брошюра напомнит ему о том, что когда «Северно-Русский Рабочий Союз» выставил в своей программе конституционные требования, то те же народники осудили их как не совместимые с социализмом.

А когда народникам приходилось агитировать в так называемом обществе, тогда противоречия между их мнениями и их действиями обнаружились с еще большею ясностью. «Ближайшими требованиями», дававшими поводы для агитации, являлись здесь требования, имевшие самый несомненный политический характер. Удовлетворение этих требований (например, требование неприкосновенности личности и подсудности присяжным дел по «политическим преступлениям») предполагало установление того конституционного порядка, который пугал народников своими «буржуазными» последствиями. Много умственных сил потратили народники на борьбу с этим противоречием, но так как побороть, т.-е. разрешить, его можно было, лишь отказавшись от народничества, то их усилия приводили к мало убедительным софизмам или к таким странным заявлениям, которые способны были только уменьшить престиж революционеров в глазах либерального общества. Чтобы подтвердить мою мысль примером, достаточно напомнить о брошюре «Смерть за смерть», которая издана была обществом «Земля и Воля» тотчас после удачного покушения на жизнь шефа жандармов Мезенцева и в которой говорилось, что революционеры

вовсе не считают нужным нападать на правительство и очень охотно оставили бы его в покое, если бы только оно с своей стороны не вмешивалось в их смертельную борьбу с буржуазией. Такое заявление могло бы быть признано уместным только в том случае, если бы «землевольцы» задались целью совершенно испортить чрезвычайно сильное впечатление, произведенное на общество отчаянно-смелым поступком С. М. Кравчинского [1]).

II

Так называемая террористическая борьба означала в действительности полный разрыв со старой народнической программой. Но, как это бывает сплошь и рядом, мысль отстала от жизни, и те самые люди, действия которых нанесли смертельный удар старому образу мыслей, продолжали держаться за него обеими руками. «Народовольцы» называли себя народниками и подобно своим предшественникам—«землевольцам»—были убеждены в том, что конституционный порядок, расшатав старые «устои», нанесет существенный ущерб интересам народной массы. Чтобы устранить вызываемые этим сомнения и опасения, публицисты «Народной Воли» сначала старались убедить себя и других, что депутаты, которых наш народ пошлет в Учредительное Собрание, окажутся, в огромном большинстве своем, социалистами; впоследствии те же публицисты остановились на теории захвата власти.

С помощью захвата власти они надеялись одним зарядом убить двух зайцев: свергнуть царское правительство и устранить буржуазию от влияния на общественно-экономическую жизнь России. Им казалось, что раз политическая власть попадет в руки революционеров, то социалистическая организация общества не представит больших трудностей ввиду существования у нас общинного землевладения и неразвитого состояния нашего капитализма. Излишне критиковать здесь эту теорию. Ее критика сде-

[1]) Интересно, что автором упомянутой брошюры был сам же С. М. Кравчинский. (Примечание ко второму изданию.)

лана мною уже в первых изданиях группы «Освобождение Труда», т.-е. в такое время, когда жизнь еще не произнесла над нею своего приговора «в окончательной форме» и когда еще очень немногим приходило на мысль сомневаться в ее основательности.

Изо всего сказанного вытекает следующий ответ на поставленный выше вопрос о том, как и кем заколдовано «место», относящееся к политическим задачам наших социалистов: социалисты второй половины семидесятых и первой половины восьмидесятых годов неправильно понимали эти задачи отчасти потому, что они усвоили от анархистов противоположение социализма политике, а отчасти потому, что они держались ошибочного взгляда на так называемые «устои» нашей старой экономической жизни.

Когда в 1883 году возникла группа «Освобождение Труда», она поставила своей ближайшей целью именно критику этих двух вредных предрассудков. Она стала доказывать, во-первых, что развитие капитализма в России не отдалит торжества нашего социалистического идеала, а, напротив, впервые создаст для него экономическую основу, и, во-вторых, что противопоставление социализма политике лишено смысла, так как всякая классовая борьба есть борьба политическая. В то время эти, чрезвычайно простые, мысли встречены были в нашей социалистической среде как опасная ересь. Группе «Освобождение Труда» пришлось выслушать не мало упреков за ее будто бы вредные новшества. Теперь в нашей революционной среде господствует социал-демократическое направление, а между социал-демократами днем с огнем не найдешь такого чудака, который боялся бы капитализма или находил бы, что политическая борьба несогласима с социализмом. Теперь огромное большинство русских революционеров окончательно разорвало с теоретическими предрассудками народничества. Поэтому можно было бы думать, что и в нашей практике стали невозможны прежние народнические ошибки. К сожалению, на деле вышло иначе. Так называемое экономическое направление воспроизводит их иногда с поразительной точностью. Каким же путем пришли к этим народническим

ошибкам люди, придерживающиеся социал-демократического образа мыслей?

Как известно, экономическое направление с наибольшей яркостью выразилось у нас в «Рабочей Мысли», не раз высказывавшей совершенно «несуразные» суждения по политическим вопросам. Но я не стану говорить о «Рабочей Мысли» именно потому, что суждения ее публицистов часто бывают совершенно «несуразны». Мне хочется заглянуть «в корень вещей» и решить, не были ли эти публицисты введены во искушение некоторыми взглядами, еще недавно очень распространенными у нас и высказанными впервые серьезными и основательными людьми. С этой целью я остановлюсь на известной брошюре «Об агитации».

III

В этой брошюре говорится, что, «как бы широко ни было рабочее движение, успех его не обеспечен до тех пор, пока рабочий класс не станет твердо на почву политической борьбы», и что «достижение политической власти является главной задачей борющегося пролетариата» [1]). Это именно та элементарная неоспоримая политическая истина, признание которой составляет огромный шаг вперед в развитии нашего политического миросозерцания. Далее автор брошюры утверждает, что, «как социал-демократы, мы ставим своей задачей привести пролетариат к сознанию необходимости политической свободы, как предварительного условия для возможности его широкого развития» [2]). Это опять вполне справедливо. Задача поставлена автором правильно: весь вопрос в том, как приходит он к ее решению.

Послушаем опять его самого.

«Как ни проста и очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, притом еще в стране политически отсталой, рабочий класс не может до тех пор, пока он не станет задыхаться в данной политической атмосфере, пока удовлетворение ставших для него необходимыми потребностей не будет (не сделается?) невозможным в пределах существующих политических условий.

---

[1]) «Об агитации», Женева 1896, стр. 7.

[2]) Там же, та же страница.

Как для сознания противоположности интересов недостаточно только возникновения этой противоположности, а необходима постоянная борьба, так и для сознания политического бесправия недостаточно самого факта этого бесправия до тех пор, пока оно не столкнется с стремлениями рабочей массы к улучшению своего положения» [1]).

Автор и тут прав. Действительно, никогда, нигде и ни один класс не начинал политической борьбы до тех пор, пока его стремления (экономические и другие) не наталкивались на серьезное препятствие, на существующий политический порядок. Но эта верная мысль сопровождается у нашего автора следующим положением: «Народная масса вовлекается в борьбу не рассуждениями, но об'ективной логикой вещей, самим ходом событий, наталкивающих ее на борьбу». Это положение можно признать справедливым только с очень большими оговорками, которых мы напрасно стали бы искать в брошюре «О б а г и т а ц и и».

Для того, чтобы повлиять на поступки людей, а следовательно, и на их борьбу, «о б'е к т и в н а я л о г и к а в е щ е й» д о л ж н а о т р а з и т ь с я в и х с о з н а н и и, т.-е. п о в л и я т ь и н а и х р а с с у ж д е н и я. Когда рабочие данной фабрики об'являют предпринимателю, что они несогласны работать на данных условиях, это значит, что их «об'ективное» положение вызвало в них ряд «р а с с у ж д е н и й», в результате которых явилось р е ш е н и е н а ч а т ь з а б а с т о в к у. Противопоставление «о б'е к т и в н о й л о г и к и в е щ е й» человеческим «р а с с у ж д е н и я м» может быть допущено лишь в известном, точно определенном смысле. В действительности об'ективная логика вещей (точнее—общественных отношений) не только не отрицает рассуждений, а, напротив, вызывает и определяет их, т.-е. наполняет известным содержанием и направляет их в известную сторону. В этом не могут сомневаться, по крайней мере, все те, которые держатся материалистического понимания истории. Понимание это указало и об'яснило причинную с в я з ь, с у щ е с т в у ю щ у ю м е ж д у р а з в и т и е м о б щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й, с о д н о й с т о р о н ы, и х о д о м ч е л о в е ч е с к и х р а с с у ж д е н и й—с д р у г о й. Но оно признало и об'яснило

[1]) Там же, стр. 7—8.

также и тот, давно уже подмеченный факт, что рассуждения людей, — особенно массы, — очень часто, чтобы не сказать всегда, отстают от хода развития общественных отношений. Признав и об'яснив этот факт, материалистическое понимание истории тем самым разрешило и знаменитый, вызвавший у нас так много устных и печатных споров, вопрос о «роли личности в истории». Там, где общественные отношения не стоят на одном месте, задача передовых личностей,—а следовательно, и передовых партий, — заключается прежде всего в содействии тому чрезвычайно важному по своим практическим последствиям процессу, благодаря которому сознание массы приходит в соответствие с ее положением, и суб'ективная логика ее «рассуждений» перестает противоречить об'ективной логике «вещей». Революционеры обязаны содействовать росту революционного сознания в массе, обязаны стать акушерами ее революционной мысли. Но само собой разумеется, что этого никак невозможно сделать, не повлияв на ее «рассуждения».

По всему видно, что автор брошюры «Об агитации» стоит на точке зрения материалистического понимания истории. Поэтому он и сам знает, конечно, как неосновательно ходячее противопоставление «рассуждений» «об'ективной логике вещей». Ему известно, что этому противопоставлению мы обязаны всей нелогичностью суб'ективизма. Но он, повидимому, не заметил, к каким ошибочным выводам может подать повод его собственное замечание о том, что не рассуждениями вовлекается в борьбу трудящаяся масса. От этого замечания, взятого в его буквальном смысле, до практической программы «Рабочей Мысли» совсем не так далеко, как это, наверно, думает наш автор.

В самом деле, если рассуждения не играют никакой роли при вовлечении массы в борьбу, то они совсем не нужны. Мы должны говорить рабочим только о том, что понятно и доступно им и без наших рассуждений. Но без наших рассуждений понятны и доступны массе именно ее ближайшие экономические интересы: нет такого рабочего, который не понимал бы, что высокая заработная плата лучше низкой. Стало быть, нам следует сосредоточить свои усилия именно на экономической агитации.

Нашим девизом должна стать прибавка нескольких копеек на рубль; все прочее или приложится само собою, или не заслуживает ни малейшего внимания, как пустая «идеология». Если же интеллигенции не понравится такая программа, то для нас это не важно. Интеллигенция нас не интересует; ее мнения нам не импонируют. Она заражена идеализмом и испорчена рассуждениями, не имеющими в глазах рабочих ни малейшего смысла.

Что такие рассуждения не раз проскальзывали даже в нашу социал-демократическую печать, это, разумеется, прекрасно знает автор брошюры «Об агитации». Он скажет, может быть, что он никогда не сочувствовал им. Я охотно поверю этому. Но я утверждаю, что в его брошюре есть места,—например, только что рассмотренное мною место о «рассуждениях»,—которые дают повод и теоретическое основание для таких рассуждений. Мне самому очень жаль, что у него есть такие места. Но что они существуют, это неоспоримо...

«Роль партии, взявшей на себя политическое воспитание и организацию народа, — читаем мы далее, — в этом отношении ограничивается тем, чтобы верно определить момент, когда борьба назрела настолько, чтобы перейти в борьбу политическую и подготовить в самой массе элементы, необходимые для того, чтобы этот переход совершился с наименьшей тратой сил» [1]).

Если роль нашей партии ограничивается тем, чтобы определить тот момент, когда экономическая борьба рабочих должна перейти в политическую, то ясно, что этому моменту будет предшествовать период чисто экономической агитации, до окончания которого всякая мысль о политической борьбе останется преждевременной, а потому и вредной. Но всякий общественный деятель обязан всеми честными средствами препятствовать распространению вредных для его дела мыслей. Следовательно, в продолжение первого периода нашего рабочего движения мы обязаны всеми честными средствами препятствовать распространению мысли о политической борьбе. Мы можем, конечно, обнаружить при этом бо̀льший или меньший талант, бо̀льший или менший такт, бо̀льшее или меньшее остро-

[1]) Там же, стр. 9.

умие. Но если кто-нибудь из нас,—например, какой-нибудь публицист «Рабочей Мысли»,—и выкажет в этой борьбе некоторый недостаток таланта, такта или остроумия, то ему надо великодушно простить его погрешность, помня, что он нападает на мысль, действительно заслуживающую осуждения, и что, по французской пословице, самый красивый офицер не может быть красивее самого себя.

Обратим внимание еще вот на какое место: «Таким образом задачей социал-демократов является постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований. Вызванная такой агитацией борьба приучит рабочих отстаивать свои интересы, поднимет их мужество, даст им уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и, в конце концов, поставит перед ними более важные вопросы, требующие разрешения. Подготовленный таким образом к более серьезной борьбе, рабочий класс приступает к решению своих насущных вопросов, и агитация на почве этих вопросов должна иметь целью выработку классового самосознания. Классовая борьба в этом, более сознательном, виде создаст почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий в пользу рабочего класса» [1]).

Отсюда опять видно, что, по мнению нашего автора, мысль о политической борьбе была бы преждевременна в первых «фазисах» воспитания рабочего класса. Поэтому я опять скажу: то, что преждевременно — вредно, а то, что вредно, должно быть устраняемо и побиваемо. Зачем же мы станем нападать на «Рабочую Мысль», прославившуюся своим усердием в деле такого устранения и побивания? Положим, она «немножко дерет», но зато уж «в рот хмельного не берет» и не проповедует ничего преждевременного. Она стоит за систематическое проведение пролетариата через все «фазисы» и не находит, что еще рано «рассуждать» с ним о политике. И если мы примем в соображение, как много в Петербурге рабочих, еще не окончивших первого класса...—я хочу сказать, не вышедших из первого «фазиса»,—то выйдет, пожалуй, что «Рабочая Мысль» совсем права, и что совсем неправы ее пори-

[1]) «Об агитации», стр. 16.

цатели. Что скажет на это автор брошюры? По-моему, такое «рассуждение» грешит против «об'ективной логики» нашей общественной жизни, но не против «суб'ективной логики» его брошюры.

Логика этой брошюры ясна и недвусмысленна: Чисто экономическая агитация не только возможна, но прямо обязательна в течение целых двух «фазисов» нашего рабочего движения. И пока не кончились эти «фазисы», существование у нас чисто экономического направления не только возможно, но вполне законно и очень желательно.

Окончены ли у нас эти «фазисы»? На этот счет могут спорить между собой даже те, которые разделяют основные положения брошюры «Об агитации». Одни из них скажут, может быть, что пора уже чистым экономистам уходить со сцены, так как уже пришел «момент» политической агитации, а другие возразят, что если иметь в виду весь наш рабочий класс в его целом, то надо признать, что нам рано еще толковать не только о политической борьбе, но и о постановке перед рабочими тех «более важных вопросов», которые,—по словам брошюры «Об агитации»,—потребуют их решения во втором фазисе воспитания. Мне сдается, что суб'ективная логика брошюры будет в этом случае не на стороне защитников политической агитации.

IV

Говоря все это, я вовсе не желаю хулить брошюру «Об агитации». Я знаю, что она принесла большую пользу нашему движению, нанеся сильный удар той «кружковщине», которая процветала у нас прежде и которая могла создавать очень образованных людей из отдельных рабочих, но решительно была неспособна повлиять на массу. Брошюра «Об агитации» дала нам многих агитаторов. Но автор ее боролся с кружковщиной такими доводами, которые скоро подали повод к печальным недоразумениям и к ошибочным «рассуждениям». В этом—слабая сторона брошюры, та самая сторона, благодаря

которой она в течение некоторого времени была евангелием «чистых экономистов» и оказывала вредное влияние на дальнейшее развитие нашего движения.

Эта слабая сторона характеризуется смешением понятия «класс» с понятием «партия». А это смешение и служит теперь источником тех заблуждений, которые препятствуют известной части русских социал-демократов не только верно решить, но даже правильно формулировать нашу политическую задачу. Именно оно приводит некоторых из нас к повторению старых народнических ошибок.

Чтобы обнаружить указанное смешение, достаточно вдуматься в ту мысль нашего автора, что рабочая масса (т.-е. рабочий класс?) отзывается только на вопросы, поставленные перед нею самой жизнью. Мысль эта, сама по себе, конечно, неоспорима. Но возьмите хоть переживаемый нами «момент» и скажите—какие же вопросы ставит жизнь перед нашим рабочим классом? Я думаю, что перед различными слоями этого класса она ставит различные вопросы. Промышленный рабочий значительно развитее сельско-хозяйственного, и потому наши общественные отношения представляются шуйскому прядильщику не в том свете, в каком видит их тамбовский батрак. Это не требует доказательств. Не требует их и то, что и в среде промышленных рабочих существуют слои, довольно значительно отличающиеся один от другого своим умственным развитием, а следовательно, и не одинаково отвечающие на вопросы жизни. Известно, наконец, что даже рабочие одной и той же отрасли промышленности не одинаковы по своему умственному развитию в различных районах. Выходит, что, например, перед слесарями южного промышленного района жизнь ставит иные вопросы, чем перед петербургскими. В каком же «фазисе» движения находится вся русская рабочая масса? По-моему, она находится в нескольких «фазисах» сразу. А если это так, то не легко определить наступление того, искомого нашим автором, «момента», когда экономическая борьба должна будет перейти в политическую. Повидимому, он для разных слоев рабочего класса наступит в разные «моменты». Как же нам быть? По словам автора, агитатор всегда должен итти на один шаг впереди массы. Пусть будет

так. Но впереди какого же именно слоя пойдем мы, как партия? Какой именно слой опередим мы на один шаг? Если—самых передовых, то момент перехода к политической борьбе, вероятно, уже наступил. Если—самых отсталых, то он, вероятно, никогда не наступит, потому что даже в самых передовых странах до сих пор существуют и будут существовать вплоть до окончательной победы социализма такие рабочие, которые слепы и глухи по отношению к вопросам жизни [1]). Если же мы будем иметь в виду рабочих среднего уровня развития, то,—не говоря уже о трудности определения этого уровня,—спрашивается, как же поступим мы с наиболее развитыми рабочими? Неужели оставить на второй год в том же классе, осудив их на повторение того, что уже пройдено ими в среднем «фазисе»? Автор скажет, вероятно, что партия должна итти впереди каждого из этих слоев, применяясь в своей агитации к достигнутой им степени умственного развития. Я спорить и прекословить не стану; я только спрошу: как же нам быть с «моментом» перехода экономической борьбы в политическую? С одной стороны, он уже наступил, потому что у нас уже есть слои, созревшие для политической борьбы. А с другой стороны, он еще не пришел, так как у нас есть слои, для нее неготовые. Ввиду этого невольно возникает сомнение в том, что он может быть найден.

Все эти затруднения исчезают, как только мы вспоминаем, что иное дело весь рабочий класс, а иное дело соц.-демократическая партия, представляющая собой лишь передовой — и в начале очень малочисленный — отряд рабочего класса. Если рабочий класс данной страны, взятый в его целом (т.-е., точнее, в большинстве своих членов), еще не созрел для перехода к политической борьбе, то из этого вовсе не следует, что «момент» такой борьбы еще не настал для партии, задавшейся целью политического воспитания этого класса. Для партии момент политической борьбы наступает каждый

[1]) «So wird,—замечает Каутский,—die moderne Gesellschaft reif werden für den Sozialismus... bevor das ganze Proletariat politisch reif und ökonomisch organisirt ist». («Die Agrarfrage», S. 322)

раз, когда она встречает повод для политической агитации. А у нас в России поводы для такой агитации встречаются никак не реже, чем поводы для агитации на экономической почве.

V

Экономическая агитация—политическая агитация! Как легко произнести эти всем известные термины, как легко из-за них перессориться, и как трудно в то же время русскому агитатору разграничить связанные с ними понятия! Как трудно отделить в нашей русской агитационной практике экономию от политики! Мы уже видели, что народники семидесятых годов, осуждавшие борьбу за политическую свободу, как грешную сделку с дьяволом оппортунизма, вынуждены были вести ее всюду, где агитация на почве ближайших экономических требований народа приводила их и волнуемую ими массу к столкновениям с правительством. Но именно потому, что они вели ее вопреки собственному теоретическому убеждению, они не доводили ее до конца и, восставая против политической части программы «Северно-Русского Рабочего Союза», они старались разрушать то течение, возникновению которого они сами содействовали. Наши социал-демократические «экономисты» окажутся—и, вероятно, уже оказывались много раз — в таком же двойственном положении. Полицейское правительство заставит их — и, вероятно, уже заставило не однажды—заговаривать о политике там, где они собирались ограничиться «пока» одною экономией; но, заговорив о политике наперекор собственной программе, т.-е. задолго до того «момента», когда весь рабочий класс созреет для политической борьбы, они, по необходимости, будут противоречить самим себе, не скажут и десятой доли того, что могло бы быть сказано ими, и вообще невольно будут ослаблять действие своих собственных усилий. Не лучше ли раз-навсегда отказаться от вредного предрассудка? Не пора ли ясно сознать, что там, где рабочие лишены всех способов законной защиты своих интересов, почти всякое столкновение их с предпринимателями является в то же самое время столкновением с полицейским государством, и потому делает политическую агита-

цию не только возможной, но совершенно неизбежной для всякого серьезного агитатора.

Для нас, социал-демократов, в высшей степени важно выяснить рабочим, что в полицейском государстве они всегда будут осуждены на более или менее полное бесправие. Когда они поймут это, полицейское государство затрещит по всем швам. Автор брошюры «Об агитации», разумеется, прекрасно знает это. Но он почему-то думает, что такое выяснение может начаться лишь во втором «фазисе» рабочего движения, лишь тогда, когда рабочие выдвинут «то или иное требование значительного изменения в существующих на данной фабрике или в данной отрасли промышленности порядках» [1]). Это слишком схематично. На самом деле, указанное выяснение может и должно иметь место даже и тогда, когда требования рабочих, сами по себе, не принадлежат к числу «значительных», и когда движение, вызванное ими, еще далеко не охватывает целой отрасли промышленности. Такое выяснение должно быть начинаемо всегда и везде, когда и где полицейский произвол поддерживает хозяйскую прижимку. А где же и когда же он не поддерживает ее? Всякий, кому приходилось действовать в рабочей среде, легко воскресит в своей памяти не мало таких случаев борьбы рабочих «с отдельными предпринимателями» (первый «фазис», по схеме нашего автора), которые могли бы дать хороший повод для наглядного выяснения рабочим некоторых сторон нынешнего нашего полицейского порядка. Я сошлюсь на самого автора. Вот какими чертами изображает он психологический процесс, совершающийся в душе борющихся с фабрикантом рабочих.

«В сознании всей правоты своего требования, рабочие сначала держатся спокойно, уверенные в том, что все должны быть на их стороне, все должны им сочувствовать. Ведь все это так просто, требование их так ясно, притеснение так несправедливо! Они отправляют депутацию к фабричному инспектору. Он, наверное, им поможет, ведь он защитник, он знает все законы, а законы, наверное, говорят в их пользу... Точно ушатом холодной воды обливает их инспектор... В законах ничего об этом нет; фабрикант стоит на вполне законной почве,—ничего не могу сде-

[1]) «Об агитации», стр. 15.

лать... Дверь закрывается перед носом... Как! чтобы законы за нас не заступались! Быть этого не может, чтобы нас не защищал наш батюшка! Инспектор подкуплен фабрикантом, он врет, нахально врет!.. Рабочие пробуют другие пути,—везде отказ, кое-где с угрозой, которая скоро принимает реальные формы: в помощь фабрикантам посылаются войска. Рабочие получают первый урок политической науки, гласящей, что право на стороне сильного, что против организованной силы капитала должна выступить организованная же сила труда» [1]).

Здесь предполагаемое умозаключение не вполне соответствует тому практическому опыту, на основании которого оно строится. Если правительство становится на сторону предпринимателей, то из этого следует прежде всего тот вывод, что борьба против капитала должна сопровождаться борьбой с *правительством, а не тот, что организации капиталистов* надо противопоставить организацию рабочих. Легко было бы показать, что эта логическая ошибка вызвана уже знакомым нам схематизмом автора. Но мне теперь нет нужды в этом. Теперь я хочу только спросить читателя: неужели же в первом «фазисе» движения, т.-е. когда рабочие борются «с отдельными предпринимателями», им не представляется случая получить изображенные автором впечатления и убедиться не только в том, что «право на стороне сильного», но также и в том, что сила экономически сильного заключается нередко в политическом бесправии экономически слабого? Конечно, да. Можно даже сказать, что изображаемый автором психологический процесс совершается преимущественно в первом «фазисе». Там, где столкновения учащаются и охватывают целые отрасли промышленности, рабочие уже имеют обыкновенно много предварительного опыта и вряд ли отличаются тою наивностью, какую приписывает им наш автор, — едва ли они могут думать, что «все (т.-е., главным образом, все власти) будут на их стороне».

Но если «уроки политической науки» доступны рабочим уже в первой поре их движения, то зачем мы будем откладывать политическую агитацию в долгий ящик, зачем мы будем ждать

---

1) Там же, стр. 15—16.

момента ее наступления? Он не наступит, потому что он уже наступил.

Выше я сказал, что рабочие (и, конечно, не одни только рабочие, а все человеческие существа без различия возраста, пола и общественного положения) никогда не вовлекаются в борьбу иначе, как путем рассуждений. Теперь пора прибавить, что характер этих рассуждений зависит от умственного развития борющихся и что степенью этого развития должны определяться агитационные приемы тех людей, которые хотят повлиять на ход борьбы в том или другом смысле. В применении к интересующему нас вопросу это означает, что в разных слоях рабочего класса политическая агитация непременно должна принимать различный вид. Но необходимое разнообразие ее приемов не может и не должно изменить ее содержание, заключающееся в выяснении враждебности и непримиримой противоположности интересов рабочих с интересами царизма. Эта противоположность не может быть выяснена сразу; ее понимание будет лишь понемногу, лишь малыми дозами усваиваться рабочим классом. Но что ж из этого? И какая же великая общественная истина сразу усваивается теми, которые заинтересованы в ее усвоении? Невозможно усвоить рабочему сразу и ту мысль, что интересы наемного труда противоположны интересам капитала. Но разве кто-нибудь умозаключит отсюда когда-либо, что мы не можем приступить к выяснению этой мысли уже в самом первом фазисе рабочего движения?

У рабочих возникает недоверие к царским чиновникам, — мы углубляем и расширяем его как можно больше, не упуская ни одного случая довести его до недоверия к самому царю.

У рабочих родится сомнение в выгодности для них нынешнего политического порядка, — мы поддерживаем это сомнение всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении; мы старательно выставляем на вид все те факты, которые способны дать ему новую пищу; мы растим его и заботливо охраняем до тех пор, пока оно не уступит места непримиримой ненависти к царизму.

Рабочих начинает тяготить рабское ярмо, — мы принимаем все меры к тому, чтобы они узнали «свободы гордой вдохновенье».

Мы лишь постепенно подвигаемся к этой великой цели; но мы ни на минуту не выпускаем ее из виду. Дело не в том, можем или не можем мы высказать в данном частном случае нашу политическую мысль во всей ее полноте, а в том, что в каждом данном случае мы передаем рабочей массе возможно большую часть того запаса политических понятий, которым мы обладаем. Поскольку мы передаем ей эти понятия, мы боремся с царским правительством, и всякий новый успех наш в этом деле будет новым поражением абсолютизма.

VI

Я знаю, что многих удивят эти слова. В наших оппозиционных и революционных кругах до сих пор очень распространено то представление о политической борьбе, согласно которому необходимыми ее атрибутами являются заговоры, кинжалы, взрывчатые вещества, или, по меньшей мере, баррикады и манифестации. Но это одно из тех ошибочных представлений, которые унаследованы нами от анархизма и которые очень сильно мешают распространению у нас правильного взгляда на нашу политическую задачу. Заговоры, кинжалы, взрывчатые вещества, баррикады и манифестации,—все это не более, как приемы политической борьбы, очень полезные и даже вполне неизбежные при известных обстоятельствах, но вовсе не исключающие возможности, пользы и даже полной неизбежности других приемов при других обстоятельствах. Сущность политической, — как и всякой другой, — борьбы заключается в том, что каждая из борющихся сторон старается разрушить или хотя бы только ослабить силы, поддерживающие существование другой стороны. Тот или иной прием хорош лишь постольку, поскольку он служит для достижения этой цели. Спрашивается теперь— ослабляются ли силы правительства тем, что мы распространяем недоверие и ненависть к нему в среде рабочего класса? На этот

вопрос, разумеется, нельзя ответить иначе, как утвердительно. И само правительство отвечает на него так своими действиями. Оно всеми силами старается поддержать и упрочить вековые политические предрассудки нашего народа. Оно понимает, что каждая удача его на этом мрачном поприще означает поражение «революционной гидры». Оно понимает также, что и, наоборот, всякий успех «революционной гидры» в борьбе с этими предрассудками приближает время его падения. И можно утверждать, нимало не рискуя ошибиться, что самый страшный теперь для него и самый действительный прием борьбы с ним состоит именно в развитии политического сознания пролетариата, посредством устной и печатной пропаганды и агитации.

«Критика посредством оружия,—справедливо говорит Маркс,—не может быть заменена оружием критики; материальная сила должна быть свергнута материальной силой, но теория тоже делается материальной силой, когда увлекает за собой массу». Нам именно нужно теперь создавать и увеличивать материальную силу революции, распространяя в массе — посредством пропаганды и агитации—«теорию» противоположности интересов самодержавия с ее собственными насущнейшими интересами [1]). Успешное распространение этой «теории» обещает нам теперь самые блестящие успехи: именно оно даст нам возможность добиться от правительства некоторых уступок.

Это тоже может показаться сомнительным, но это тоже несомненно. Доказательство на-лицо. Наши польские товарищи твердо и решительно выступили на путь политической агитации. Чисто экономическая программа давно уже внушает им презрительное сожаление. И что же? Русское правительство уже задумывается об уступках польским рабочим. В записке, поданной царю в январе 1898 года, варшавский генерал-губернатор, князь Имеретинский, требует пересмотра законодательства о рабочих, ссылаясь на то, что стеснения, налагаемые на рабочий класс отсталыми законами, могут усилить влияние на

[1]) Революционеры классической эпохи нашего «терроризма» прекрасно понимали значение «теории». Большинство террористических действий предпринято было для того, чтобы произвести известное впечатление «на общество», т.-е., другими словами, для того, чтобы изменить отношение общественных сил посредством влияния на умы известной части обывателей.

них «социально-революционной пропаганды». Рассудительный князь так и говорит: законодатель, в своих собственных интересах, должен делать различие между Польшей и «другими, более спокойными районами внутри России» [1]).

Это чрезвычайно интересный и поучительный пример диалектики общественной борьбы. Энергичная политическая агитация, предпринятая нашими польскими товарищами, сделала польский край менее спокойным, чем «другие районы», и правительство заявляет, что «удовлетворение материальных нужд» польского рабочего класса «приобретает» значение «государственной важности» [2]). Если экономические столкновения рабочих с предпринимателями могут порождать политическое недовольство рабочих, то политическое недовольство рабочих может,—как видим,—с своей стороны, повести к улучшению позиции рабочих в их экономической борьбе с капиталистами. Экономия переходит в политику, политика в экономию.

Да нужно ли было нам ходить в Польшу за подтверждением этой истины? Ее, как нельзя лучше, подтверждает история закона 2 июня 1897 года. Хотите знать, почему правительство нашло нужным уступить требованиям рабочих насчет сокращения рабочего дня? Послушайте одного из членов комиссии для составления проекта названного закона. Во время поднявшихся в комиссии прений о том, должен ли тот же закон регулировать заработок рабочих, вице-директор хозяйственного департамента министерства внутренних дел, Щегловитов, высказал основные побуждения правительства следующим недвусмысленным образом: «Если рабочие убедятся, что правительство, издав закон, достигло благоприятных результатов для рабочих, то они будут смотреть на него как на своего защитника и покровителя, а если такого впечатления новый закон иметь не будет (г. Щегловитов хочет сказать: если рабочие не получат такого впечатления от закона), то рабочие будут более склонны к противоправительственной пропаганде» [3]). Кажется, ясно: кажется, политическая цель

---

[1]) «Тайны нашей государственной политики в Польше», сборник секретных документов. Лондон 1898, стр. 36 (Курсив в цитате мой).

[2]) Тот же сборник, стр. 33.

[3]) См. «Тайные документы, относящиеся к закону 2 июня 1897 г.», Женева 1899 г., стр. 21; см. также стр. 19 и 28.

правительства не может подлежать сомнению? А если—да, то ведь из этого прямо следует, что, чем настойчивее и энергичнее станут наши политические «в н у ш е н и я» рабочему классу, тем чаще будет уступать ему правительство в интересах самосохранения. Конечно, эти уступки не могут итти дальше известного предела: в противном случае мы были бы неправы, утверждая, что интересы рабочих не примиримы с интересами самодержавия. Но пока еще не наступил этот предел, оно непременно будет уступать, в надежде пересилить этим наше влияние на рабочих.

Интересно, что сами предприниматели, — и при том даже и районов сравнительно очень «с п о к о й н ы х»,—начинают сознавать теперь, что русское законодательство о рабочих устарело и нуждается в пересмотре. Горный инженер В. В. Жуковский, который был командирован совещательной конторой железозаводчиков в Австрию для изучения там отношений между предпринимателями и рабочими, издал по своем возвращении в Россию брошюру, где высказывает, между прочим, ту мысль, что л е т ч е р е з 20 у н а с н у ж н о б у д е т л е г а л и з и р о в а т ь р а б о ч и е с о ю з ы. Само собою разумеется, что мы, социал-демократы, относимся к вопросу о правах рабочих не так т е р п е л и в о, как г. Жуковский. М ы п о с т а р а е м с я з а в о е в а т ь м н о г и е и з н и х г о р а з д о р а н ь ш е н а з н а ч е н н о г о и м с р о к а. Но я уверен, что к этому завоеванию нас приведет т о л ь к о п у т ь п о л и т и ч е с к о й а г и т а ц и и.

Пусть, однако, не считают меня исключительным сторонником политической борьбы посредством живого и печатного слова. Я безусловно настаиваю т о л ь к о н а н е о б х о д и м о с т и п о л и т и ч е с к о й б о р ь б ы, а в о п р о с о б е е п р и е м а х в с е г д а б ы л и о с т а н е т с я д л я м е н я в о п р о с о м ц е л е с о о б р а з н о с т и. Приемы эти определяются общим состоянием страны, соотношением существующих в ней общественных сил и,—главное,—степенью политического развития рабочих. Чем дальше уйдет это развитие, тем разнообразнее будут становиться приемы нашей политической борьбы с правительством. Теперь мы боремся преимущественно посредством живого и печатного слова. Но именно потому, что эти приемы борьбы в высшей степени целесообразны; именно потому, что они хорошо влияют на политическое развитие рабочих, у нас становится возможным употребле-

ние в дело нового, могучего приема: д е м о н с т р а ц и и. События, имевшие место в Харькове весною нынешнего года, может быть, знаменуют собою начало новой эпохи в истории нашей борьбы. В течение этой эпохи еще более разовьется политическое сознание рабочего класса,—т.-е., следовательно, еще более возрастут наши силы, и тогда... Но зачем забегать вперед: д о в л е е т д н е в и з л о б а е г о!

После всего сказанного ясна, надеюсь, отличительная черта той тактики, которую я отстаиваю. Автор брошюры «О б а г и т а ц и и» излагал дело так, как будто в первых двух «фазисах» рабочего движения политическая агитация неуместна; по-моему, она становится у нас уместной всюду, где показываются признаки такого движения. Автор брошюры «О б а г и т а ц и и» рассуждает так, как будто политическая борьба может быть только делом п р о л е т а р и а т а, как ц е л о г о к л а с с а, достигшего известной высоты развития; я же думаю, что политическая борьба должна быть немедленно начата н а ш е й п а р т и е й, которая представляет собою п е р е д о в о й о т р я д пролетариата,—его наиболее сознательный и революционный с л о й,—и что политическая борьба нашей п а р т и и явится одним из самых могучих факторов дальнейшего развития рабочего класса. Автор брошюры «Об агитации» склоняется, повидимому, к той мысли, что политическая борьба с царизмом начинается только тогда, когда борющиеся пред'являют правительству определенные политические требования, т.-е. где заходит речь о той или другой законодательной реформе; а мне эта мысль кажется ошибкой, сильно затрудняющей нам исполнение нашей политической задачи; в моих глазах первой реформой, которую мы должны иметь в виду, является р е ф о р м а п о л и т и ч е с к о г о с о з н а н и я р а б о ч е г о к л а с с а, и я полагаю, что, начав дело этой реформы, мы тем самым начинаем политическую борьбу с правительством, великую революционную борьбу за влияние на умы рабочих, которая естественным и логическим ходом своим приведет и к известным требованиям со стороны пролетариата, и к известным уступкам со стороны правительства. Автор брошюры «Об агитации» смешивает понятие «к л а с с» с понятием «п а р т и я» и, сосредоточив свое внимание на предполагаемом ходе развития нашего рабочего движения, он забывает о политической инициативе

нашей партии; а я считаю, что указанное смешение служит главным источником всех тех заблуждений, которые вызвали в последние годы так много споров и разногласий в нашей партии, и что устранение этого смешения необходимо для того, чтобы мы могли определить политическую обязанность социал-демократической партии по отношению к рабочему классу.

В самом деле, автор брошюры «Об агитации» не сторонник «экономического» направления. Но мы уже видели, что на некоторые его доводы, с полным основанием, могут опираться «чистые экономисты». И поскольку он смешивает класс с партией, он бессознательно и невольно вносит каплю своего меду в тот улей, в котором работают теперь авторы известного «Credo» и их единомышленники. Если о политической борьбе с царизмом можно будет заговорить только тогда, когда для нее созреет весь русский рабочий класс, то позволительно ли вести речь о социализме раньше, чем весь пролетариат в его целом не «потребует» устранения капиталистического хозяйства? Но пролетариат в его целом еще не «требует» этого даже в самых передовых странах. Поэтому существование социал-демократии не имеет теперь смысла. Как представители рабочего класса, мы имеем право говорить теперь лишь о некоторых второстепенных реформах рабочего законодательства, а для этого нет надобности в особой социал-демократической партии. Мы были социал-демократами; мы должны перестать быть ими. Таков ход мыслей, приведший к появлению «Credo». В своем окончательном результате он очень далек от того, с которым мы встречаемся в брошюре «Об агитации». Но в своем «начале» он совпадает с ним, и этим об'ясняется тот общеизвестный факт, что единомышленники авторов «Credo» очень часто и охотно ссылались на брошюру «Об агитации» и противопоставляли ее программе группы «Освобождение Труда».

VII

Я указывал на стачки, как на явление, дающее повод для политического воздействия социал-демократов на рабочую массу.

Но кто знаком с условиями русской жизни, тот понимает, что подобные поводы далеко не исчерпываются стачками. Они встречаются всюду, где на русского работника давит тяжелая лапа русского администратора. Рабочий страдает от своего политического бесправия не только как продавец рабочей силы, но и как обыватель, которого начальство «т а щ и т» туда, откуда ему хотелось бы вырваться, и «н е п у щ а е т» туда, куда ему хотелось бы пробраться. Эта милая распорядительность начальства вызывает в рабочих чувства неудовольствия и протеста, а там, где зародились эти чувства, готово место и для политического воздействия на них социал-демократической партии.

В первой половине девяностых годов ходил слух о том, что одесский градоначальник, Зеленый,—о котором вообще рассказывали множество курьезов, достойных изложения пером Щедрина,—издал постановление, воспрещавшее «простонародью» ходить по тротуарам, которые предоставлялись таким образом в исключительное распоряжение «чистой публики». Это постановление не относилось непосредственно к условиям продажи рабочими своей рабочей силы; оно было чуждо каких-нибудь экономических соображений: оно явилось одним из проявлений до сих пор сильного у нас с о с л о в н о г о п р е д р а с с у д к а и к р е п о с т н и ч е с к о г о с а м о д у р с т в а. Но это не мешало ему быть возмутительным, и многие одесские рабочие, наверное, приняли его, как ж е с т о к о е о с к о р б л е н и е. Социал-демократия должна была в ы с к а з а т ь, что́ ч у в с т в о в а л и эти рабочие; она должна была поставить частные случаи административного произвола в связь со всей правительственной системой и, бичуя одесского с а т р а п а, зацепить петербургского с а м о д е р ж ц а. Тактично составленное и широко распространенное в массе воззвание непременно заронило бы семя политического сознания во многие рабочие головы.

Я не ручаюсь за то, что Зеленый действительно издал указанное постановление. Может быть, слух о нем был неверен. Но для меня это не важно. Мне нужен был только пример для пояснения моей мысли, и если читатель ее понял, то он сам иллюстрирует ее другими, совершенно достоверными, примерами. Затруднение может представиться ему разве лишь вследствие крайнего изобилия таких примеров.

Я позволю себе указать ему случаи, освещающие обязанность нашей партии при совершенно исключительных обстоятельствах. Именно, я укажу на анти-еврейские беспорядки. Каких действий требуют они от нашей партии? Скажет ли нам кто-нибудь, что мы должны подстрекать бунтующую толпу и поддерживать буянов? Этого не скажет никто, кроме антисемитов. Почему не скажет? По тысяче соображений, ясно показывающих, что национальный антагонизм крайне вреден для рабочего движения и что антисемитизм полезен только его противникам. Но если эти соображения ясны и убедительны, то почему же не довести их до сведения рабочих? Почему не высказать их кратко, но решительно, в то смутное и печальное время, когда масса не слышит ничего, кроме бессмысленных науськиваний? Если наше воззвание и не остановит толпы, то оно все-таки не пройдет бесследно, оно все-таки занесет луч света в темное царство и будет содействовать развитию политического сознания массы.

Далее. В первые часы или даже дни анти-еврейских беспорядков полиция обыкновенно потворствует буянам и смотрит на их подвиги сквозь пальцы. Она сама не прочь потормошить «жидов». Но она любит «порядок» и потому решается, наконец, действовать. Начинаются «внушения» и «усмирения», которые по своим приемам сами составляют вопиющее преступление против человеческой личности. Достаточно сказать, что розги играют очень видную роль в этих «внушениях», расточаемых без суда и следствия, по усмотрению пьяных приставов и по указаниям бессовестных сыщиков. Русский народ уже вышел из того варварства, в котором он мог равнодушно переносить такие расправы. Теперь они оскорбляют его нравственное чувство, и мы можем посеять много благородной ненависти на почве, подготовленной таким оскорблением.

Еще пример. Студенческие беспорядки ни прямо, ни косвенно не касаются условий найма рабочих капиталистами. Но они вызывают толки, доходящие до слуха рабочего класса: о них пишут в газетах, о них говорят лавочники, о них лжет полиция. В трудящемся населении больших городов найдется не мало лиц, интересующихся такого рода явлениями, и наша партия обязана, в интересах своей борьбы за политическую свободу, выяснить им истинный смысл студенческих «бун-

тов». Она должна показать им, что действия «бунтовщиков» направляются против того самого порядка, от которого больше всего достается именно рабочему народу, и что, поэтому, рабочий народ должен видеть в бунтовщиках не врагов, а союзников. Чем шире распространится такой взгляд в народной массе, тем более ослабеет влияние на нее охотнорядских элементов, составляющих самый надежный оплот политической реакции, и тем более усилится влияние на нее революционной социал-демократии [1]).

А народные школы? А народное чтение? А разнообразные просветительные попытки интеллигенции, которые отвечают серьезной и вполне сознанной рабочим классом духовной потребности и которые встречают со стороны правительства такое множество препятствий? Трудящаяся масса настойчиво просит умственной пищи, правительство осуждает ее на умственный голод и неотступно преследует всех тех, которые хотели бы притти к ней на помощь, а мы будем молчать, успокаивая свою совесть революционеров тем соображением, что все это не имеет непосредственного отношения к фабричным порядкам и прямой связи с вопросом о расценках? Нет, нет и тысячу раз нет! Если бы мы поступали таким образом, мы сделались бы смешными доктринерами, жалкими педантами, неспособными приобрести широкое влияние на общественную жизнь и недостойными выступать в качестве носителей великой освободительной «идеи рабочего сословия»

Так называемые культурники с любовью к делу и с самоотвержением несут знание в пробуждающуюся от многовекового сна народную массу, но, натолкнувшись на цензурные решетки и полицейские рогатки, они останавливаются в нерешительности и не смеют сообщить народу самое лучшее из того, что они могли бы сообщить ему. Иногда им удается преподать своим слушателям некоторые элементарные сведения по естествознанию,

[1]) Сюда же надо отнести и распространение в рабочей среде агитационных воззваний по поводу жестоких расправ правительства с отдельными представителями свободомыслящей интеллигенции, например, с Ветровой. Зачем станем мы молчать о том, что этих людей пытают и терзают те самые слуги царя, которые готовы запытать и растерзать всякого пролетария, в голову которого проникает мысль о борьбе за лучшее будущее?

истории и географии, но они не дерзают затронуть перед ними важнейший вопрос народного образования, не решаются указать на царя и на царских опричников, как на сильнейшее теперь препятствие этому образованию. Социал-демократия и здесь, — как везде, — пойдет гораздо дальше других направлений; она выскажет то, о чем молчат другие, произнесет то слово, которое обходят «культурники» в своем преподавании. Она об'яснит народу, кто и зачем заслоняет от него свет знания; она разоблачит политику «народного просвещения»; она будет в своих воззваниях беспощадно клеймить проделки наших обскурантов. И это будет новым видом политической агитации; это явится одним из самых действительных средств борьбы за политическую свободу!

Еще один пример, на этот раз—последний. Неурожаи сделались у нас постоянным явлением, несущим множество несказанных бедствий населению пострадавших местностей. В таких случаях прямая обязанность правительства оказать серьезную помощь голодающим. Но наше правительство не только не оказывает крестьянам серьезной помощи, но всячески стесняет тех частных лиц, которые хотели бы послужить народу в тяжелую для него годину. Русская социал-демократия обязана разоблачать перед трудящейся массой эти тиранические и постыдные действия русского правительства. Промышленные рабочие, наверное, выслушают ее со вниманием; ведь для многих из них неурожай означает разорение оставшейся в деревне родной семьи, нищету родителей и братьев. Иные из этих рабочих принесли, может быть, с собой из деревни наивное убеждение в том, что всякая помощь голодным оказывается по царскому почину и распоряжению. Каково же будет их негодование, когда мы обнаружим их ошибку, когда мы покажем им, как ведет себя в таких случаях их любимый «надежа-государь»! Мы не можем ограничиваться более или менее длинными статьями в предназначенных для рабочих периодических изданиях. Мы должны во множестве распространять летучие листки и воззвания, доступные пониманию самых неразвитых рабочих. Тут недостаточно пропаганды; тут необходима агитация.

Замечу кстати, что в листках и воззваниях нам следует обращаться при этом не только к рабочим, но также и к крестья-

нам, которых этот вопрос касается всего ближе. Я уже сказал, что многие промышленные рабочие имеют в деревне отцов и братьев. Но ведь кроме промышленных рабочих есть еще и сельско-хозяйственные. Такими являются те из крестьян, которые по незначительности своего земельного надела живут продажей своей рабочей силы. Эти крестьяне—те же пролетарии, и горе нам, если мы позабудем об этом! Правда, промышленные рабочие восприимчивее сельско-хозяйственных, и потому первые наши усилия естественно направляются на промышленные центры. Но чем большим успехом увенчаются эти наши усилия, т.-е. чем более возрастет наше влияние на промышленных рабочих, тем возможнее и необходимее станет для нас революционное воздействие на деревню. Зная это, мы уже теперь должны прокладывать себе дорогу в нее всякий раз, когда к этому представляется удобный повод. А между такими поводами едва ли не первое место принадлежит хроническим голодовкам и сопровождающим их стеснительным распоряжениям нашего попечительного начальства.

VIII

«Располагая фактами и сообщениями из разных мест, сотрудники «Рабочей Мысли» должны делать сводки и указывать, как слагается общее насилие царской власти от этих частных, чиновничьих и хозяйских притеснений, при чем нужна простота, ясность и воодушевленность».

Так говорит в письме, напечатанном в номере восьмом «Рабочей Мысли», «практик-рабочий», очевидно, мало опытный в программных спорах, но хорошо понимающий требования жизни и положение своего класса в нашем полицейском государстве. Редакция «Рабочей Мысли» в особом примечании обратила внимание читателей лишь на непоследовательность автора письма, который осуждает употребление иностранных слов в статьях, предназначенных для рабочих, и сам во множестве употребляет их в своем письме. Оставляя открытым вопрос об иностранных словах, я замечу, в свою очередь, что цитированное мною место письма «практика-рабочего» прекрасно определяет общую агитационную задачу нашей партии: «ставить мелкие притесне-

ния, испытываемые рабочими со стороны хозяина и чиновников в связь с общим насилием царской власти». Это как раз та задача, на которую я указываю и от посильного решения которой мы не имеем права уклоняться даже в самом первом «фазисе» рабочего движения. Но если это так, если «практик-рабочий» верно определяет нам нашу практическую задачу, то стремиться к чисто-экономической агитации значит делать огромную и непростительную тактическую ошибку.

«Рабочий знает, кто сидит на его загорбке, ох, как знает!— говорится еще в письме,—нужно только, чтобы с первого же слова сердце его забилось сильнее, и он не удержался, чтобы не сходить к соседу и... не передать ему, как клокочет его кровь и разрывается его сердце при виде такой тьмы человеческих насилий». Это опять то самое, что говорю я: в своей агитации наша партия не может ограничиться указанием рабочему факта экономической его эксплоатации; она непременно должна касаться той «тьмы насилий», которая окружает рабочего со всех сторон и от которой родится сомнение в его голове и накопляется горечь в его сердце. Если мы сумеем дать надлежащее направление этим сомнениям и найти яркое выражение этой горечи, то и в самом деле от наших воззваний будет сильнее биться сердце в груди пролетария и быстрее обращаться кровь в его жилах. «Дайте простор агитации и публицистике, — прекрасно говорит «практик-рабочий», — и вы увидите, как заискрятся тысячи глаз наших рабочих, как воодушевятся лица и как быстро полетит весть о дружном единении...» О какой же публицистике говорит он? Ясно, что о политической, т.-е. о той самой, которая, по моему мнению, должна быть неразрывно связана с агитацией на экономической почве. Это письмо рабочего есть первое (а может быть, уже и не первое?) предостережение г.г. «экономистам», идущее из среды нашего пролетариата. Надо надеяться, что за ним скоро последуют другие.

В письме «практика-рабочего» есть еще одно, очень замечательное место. Привожу его целиком.

«Может быть, вам покажется смешным, что рабочие зачитывали до дыр народовольческую брошюру «Подпольная Россия» и жили вместе с ее героями, забывая всякие опасности и

трудности настоящего. Я не сторонник разных заговоров и терроров, но для меня ни мало не смешно видеть человека, переменившего Бову Королевича на Желябова и Спящую красавицу на Веру Перовскую. Я указываю только на психологию рабочего и не хочу сказать о каком-нибудь новом направлении или воскрешении народовольческих утопий».

Указываемая здесь «психология»—увлечение «*народовольческой*» брошюрой «Подпольная Россия» и биографиями Желябова и «*Веры*» Перовской, — делает большую честь русским рабочим и доказывает лишний раз то, что мне часто приходилось высказывать устно и в печати [навлекая на себя злые насмешки «интеллигентных» скептиков] [1]: что русский пролетариат отомстит русскому правительству за многократные поражения, нанесенные им русской революционной интеллигенции. Но почему же автор письма думает, что такая психология русских рабочих может вызвать насмешки со стороны людей, называющих себя друзьями пролетариата? Вероятно, он имеет к тому свои основания; вероятно, он встречал людей, осмеивавших сочувствие рабочих героям «Подпольной России». Если это так, если такие люди действительно существуют, то да будет им очень стыдно! Они могут искренно считать себя друзьями рабочего класса; но в действительности они *не друзья рабочих, а их враги, не просветители, а усыпители*.

«*Заговоры и террор*ы» теперь совершенно неуместны. Но память о заговорщиках и террористах, преследовавших святую цель экономического и политического освобождения русского народа, должна быть так же дорога всем сознательным рабочим, как дорога всем искренним христианам память их мучеников. Желябовы и Перовские составляют славу нашей родины.

IX

Тактика, предлагаемая «рабочим-практиком», нуждается в одном только дополнении: наша партия в своей агитации должна указывать рабочим *не только на ту «тьму насилий»*,

[1] Слова в скобках вставлены во втором издании.

от которой страдают они сами, но, как я указывал выше, также и на ту, которая тяготеет надо всей трудящейся и надо всей свободомыслящей Россией. Такие указания будут расширять политический кругозор пролетариата и в то же время приобретать новых, многочисленных друзей его передовому отряду, т.-е. нашей партии. Они распространят наше политическое влияние далеко за пределы рабочего класса в собственном смысле этого слова.

Наша агитация и теперь уже в значительной степени имеет политический характер. Нам необходимо еще ярче и решительнее оттенить этот характер, раз-на-всегда разорвав со всякими «экономическими» предрассудками. Приемы нашей политической агитации должны стать гораздо разнообразнее, область ее распространения—много шире, чем прежде. Я понимаю, что все это предполагает, может быть, такую организацию, какой у нас пока еще нет, и такие материальные средства, какими мы пока еще не располагаем. Но многое можно сделать в указанном направлении уже и в настоящее время. А каждый шаг, сделанный нами в этом направлении, будет укреплять нашу организацию и увеличивать наши материальные средства, по той простой причине, что будет увеличивать и укреплять сочувствие к нам всех демократических элементов нашего отечества. Эти элементы окажут нам незаменимую поддержку в политической борьбе с царизмом.

На основании этих последних слов меня обвинят, пожалуй,— как обвиняли недавно П. Аксельрода, — в намерении покинуть точку зрения классовой борьбы и содействовать сближению пролетариата с буржуазией. Но я не боюсь таких обвинений. Более того, я убежден, что пора уже обратить их против обвинителей. И я сделаю это немедленно.

Русский рабочий класс страдает не только от капитализма, но и от недостаточного развития капитализма. Самым тяжелым для пролетариев последствием неразвитости нашей экономики является их политическое бесправие, делающее из них рабов первой встречной кокарды и чрезвычайно затрудняющее их борьбу с капиталистами. Завоевание политических прав, разрушение абсолютизма составляет, поэтому, необходимое условие правильного развития этой борьбы. Русский социал-демократ обязан выяснять рабочему не только ту враждеб-

ную противоположность, которая отделяет его интересы от интересов предпринимателей, но также и ту, которая существует между его интересами, с одной стороны, и интересами самодержавия—с другой. Но интересы самодержавия враждебны интересам не одних только рабочих. Поэтому в борьбе с самодержавием заинтересованы не одни только рабочие. Русская социал-демократия сделала бы непростительную ошибку, если бы она упустила из виду это важное обстоятельство и не сумела воспользоваться им в интересах освободительного движения пролетариата. Она не может игнорировать те слои русского населения, в которых живет дух оппозиции. Маркс и Энгельс высказали в «Манифесте Коммунистической Партии» ту мысль, что коммунисты обязаны поддерживать всякое революционное движение, направленное против существующего порядка. Эта мысль сохранила все свое великое значение и для нашего времени. Она должна руководить нами в наших отношениях к «обществу». Мы не только не имеем права игнорировать существующие в его среде оппозиционные течения, но обязаны старательно и постоянно выставлять на вид сторонникам этих течений те наши политические стремления, которые делают из нас самых решительных и самых непримиримых врагов абсолютизма. Нам нечего бояться сближения с оппозиционными слоями нашего общества; нам надо позаботиться только о том, чтобы они не подчиняли нас своему влиянию и руководству. А такое подчинение сделалось бы возможным, — и даже неминуемым,—только в том случае, если бы у нас восторжествовало экономическое направление.

Сторонники этого направления не хотят политической борьбы по крайней мере для настоящего «момента». Но мы уже знаем, что у нас в России эта борьба—та же природа: если вы гоните ее в дверь, она возвращается через окно. Но, возвращаясь таким необычайным образом, она производит вреднейшую путаницу там, где нельзя обойтись без самого строгого порядка. Благодаря этой путанице, люди, идущие в одну комнату, против собственного ведома и желания попадают в другую. Этот неприятный пассаж уже случился с некоторой,—заметьте: с наиболее верной себе, наиболее последовательной, — частью наших «экономистов».

Оставаясь верным себе, т.-е. последовательно, логически развивая свои основные положения, «экономист» неизбежно приходит к программе, изложенной в не раз уже упомянутом мною «Credo». Авторы этого произведения считают излишним существование социал-демократии как особой политической рабочей партии. Но они уже не высказываются против политической борьбы. Они только хотят, чтобы ее инициатива принадлежала не рабочим, а именно тем оппозиционным элементам нашего общества, о которых я говорил выше. К чему же привела бы такая борьба при участии в ней социал-демократов, но при отсутствии особой социал-демократической партии? Понятно, к чему: к чрезвычайному ослаблению влияния социал-демократов, которые, растворясь в массе других антиправительственных элементов, на деле превратились бы в простых демократов. Но превращение социал-демократов в простых демократов именно и означало бы забвение классовой борьбы и сближение пролетариата с буржуазией. Выходит, стало быть, что к этому результату ведет не та тактика, которую мы рекомендуем, а та, которая подсказывается логикой «экономического» направления.

Но такой результат совсем для нас нежелателен. Если в той борьбе, которая не может не начаться у нас в России, — в борьбе за политическую свободу, — наши рабочие, в среде которых уже пробуждается классовое самосознание, выступят вассалами других, чуждых им партий, то от этого не выиграет никто, кроме буржуазии. Пусть же идеологи буржуазии и стараются направить рабочих на этот путь Мы, социал-демократы, постараемся повести их по другому.

Наша партия, не имеющая решительно никакой склонности к самоубийству, возьмет на себя почин борьбы с абсолютизмом, а следовательно, и гегемонию в этой борьбе; чем более многочисленны и разносторонни станут ее приемы, тем яснее сделается для всех искренних врагов существующего политического порядка, — для всех тех, в душе которых любовь к политической свободе не перевешивается стремлением к эксплоатации рабочих,— что они должны поддержать нашу партию в интересах своего собственного дела. Мало-по-малу они привыкнут смотреть на ее по-

беды и на ее поражения, как на свои собственные победы и поражения. И наша партия сделается таким образом освободительницей par excellence, центром, к которому будут тяготеть все демократические симпатии и из которого будут исходить все наиболее крупные революционные протесты. Тогда в ее распоряжении окажутся такие силы и такие материальные средства, о каких безумно было бы и мечтать при нынешних условиях. Но ни одна единица этих сил и ни одна копейка из этих средств не будет затрачена на подчинение пролетариата какому-нибудь чуждому влиянию и на достижение каких-нибудь вредных для него целей. Напротив, все эти силы и все эти средства будут служить достижению его собственных целей и упрочивать его собственное влияние на другие общественные элементы, потому что направлять и распределять их будет его собственный передовой отряд: **социал-демократическая партия.**

Торжество «экономического» направления привело бы к политической эксплоатации русского рабочего класса демократической и либеральной буржуазией

Тактика, защищаемая мной в этой статье, столь же неизбежно дала бы русской социал-демократии—этому передовому отряду русского рабочего класса—политическую гегемонию в освободительной борьбе с царизмом.

Сколько застарелой близорукости нужно для того, чтобы поколебаться в выборе хотя бы на одну минуту!

Несколько слов о последнем Парижском международном социалистическом конгрессе

(Открытое письмо к товарищам, прислав шим мне полномочие)

Товарищи!

Вы поручили мне представить вас на Парижском международном социалистическом конгрессе. Искренно благодаря вас за оказанное мне доверие, я считаю своей обязанностью сообщить вам, как относился ваш уполномоченный к тому, ч т о там происходило, и об'яснить, п о ч е м у он относился к происходившему именно так, а не иначе.

Начну с первого заседания, происходившего 23 сентября. В этом заседании делегаты разных стран, приветствуя конгресс от имени своих партий, много распространялись о значении единства и настоятельно советовали французским социалистам об'единиться для совместной борьбы с общим врагом. Идея единства так сильно увлекла некоторых ораторов, что сделала их неразборчивыми в выборе доводов и примеров. Так, красноречивый представитель Бельгии, Эмиль Вандервельд, сослался на пример «тех, которые в 1793 году несли знамя революции» и которым разногласия не помешали итти вместе против неприятеля. «Социалисты 1900 года!—воскликнул оратор,—неужели вы не в состоянии сделать то, что сделали буржуа 1793 года?» Эти слова вызвали целую бурю рукоплесканий. Но мне они тогда же показались странными. В самом деле, 1793 год ознаменовался жесточайшей борьбой Г о р ы с Ж и р о н д о й. Если эта борьба не по-

мешала французским революционерам дать хороший отпор общему врагу, то это значит, что об'единение революционеров не составляет необходимого условия их успеха. А если принять во внимание еще и то, что победа монтаньяров над жирондистами удесятерила силу сопротивления революционной фракции, а примирение этих двух партий, наверное, очень ослабило бы ее, то выходит, что в революционном деле добрая ссора иногда бывает лучше худого мира, и что об'единение революционных сил полезно не всегда, а только при известных условиях,—вывод, прямо противоположный тому, к которому хотелось притти Вандервельду!..

Кто проповедует об'единение, тот не должен ограничиваться общими соображениями об его преимуществах, а должен внимательно исследовать те конкретные условия, при которых приходится действовать борющимся сторонам. Когда выяснятся эти условия, тогда само собою обнаружится то, что является препятствием для об'единения, и тогда его сторонникам и проповедникам останется только устранить это препятствие, чтобы положить прочное начало прочного мира. Если же они, по той или по другой причине, не пожелают взять на себя труд устранения того, что мешает единству, и ограничатся одними речами на тему о вреде ссор и о прелестях взаимной любви, то они в лучшем случае ровно ничего не сделают для об'единения, как бы ни были сильны и красивы их речи.

Эти мысли быстро промелькнули в моей голове, когда я слушал сильную и красивую речь Вандервельда. И так как ни этот оратор и никто другой из проповедников единства не коснулся истинных причин разлада, существующего во французской социалистической среде, и не выразил намерения содействовать их устранению, то я,—не желая вносить диссонанс в примирительное созвучие, а с другой стороны, находя излишним пускаться в общие рассуждения о вреде раздоров, — решился вовсе не касаться этой интересной темы, и когда очередь дошла до меня, я, в своем приветствии конгрессу, ограничился указанием на положение дел у нас в России, где русские и еврейские рабочие организации идут под одним знаменем на завоевание лучшего буду-

щего, смело отражая удары того правительства, свирепый деспотизм которого позорит весь цивилизованный мир [1]).

На заседаниях международных конгрессов председательствуют обыкновенно по очереди представители различных стран, выбираемые из членов «бюро», в котором участвует по два делегата от каждой представленной на конгрессе национальности. Но на первом заседании председательствует один из делегатов той страны, в которой конгресс имеет место и на обязанности социалистов которой лежат многоразличные хлопоты, связанные с его созванием. На первом заседании Парижского международного конгресса 1900 года председательствовал Жорес, выбранный на этот пост большинством французской делегации, несмотря на энергичное и страстное сопротивление «гэдистов» и «бланкистов». «Гэдисты» и «бланкисты» утверждали, что лица, желавшие выбрать Жореса на пост председателя, оказались в большинстве только благодаря случайному недоразумению. Сторонники Жореса оспаривали это, доказывая, что никакого недоразумения тут не могло быть и не было. Я не стану разбирать, кто говорил правду,—хотя и думаю, что говорили ее не жоресисты,—но замечу, что во всяком случае выбор Жореса на председательское место совершился против воли самых испытанных и самых надежных социалистических организаций Франции. При этих условиях Жоресу, этому барду «об'единения», было бы, разумеется, лучше отказаться от председательства. Он не сделал этого. Допустим, что формальное право было на его стороне. Но когда иностранные делегаты, немедленно по открытии конгресса, начали превозносить об'единение, то их речи, вероятно, против желания огромного большинства из них, звучали как порицание тех, — повторяю, самых испытанных и самых надежных, — французских социалистов, которые, за несколько минут до того, энергично и шумно протестовали против выбора Жореса председателем. Это было и неловко, и несправедливо в одно и то же время.

---

[1]) От России явилось на Парижский конгресс 24 делегата: больше, чем от Австрии (13), Италии (16), Швейцарии (10), Голландии (9) и т. д. Не скрою от вас, товарищи, что это обстоятельство вызвало шутливые замечания, к которым российской социал-демократии не следовало бы подавать повод

Я не стал бы распространяться об этом, если бы проповедь об'единения, не совсем уместная при указанных обстоятельствах, не была в моих глазах психологическим симптомом, об'ясняющим отношение большинства членов конгресса к стоявшим перед ним спорным вопросам.

Самым важным и самым жгучим из этих спорных вопросов был, как известно, вопрос о завоевании политической власти социалистическим пролетариатом и о союзе этого пролетариата с буржуазными партиями. Присутствовавшие на конгрессе делегаты различно смотрели на этот вопрос, но едва ли был между ними хотя один, который не предвидел бы наперед, что именно вокруг этого вопроса завяжется самая горячая борьба, и что именно он привлечет к себе самое главное, самое напряженное внимание конгресса.

Чем же обусловливалось такое выдающееся его значение? Некоторые говорят, что оно обусловливалось участием социалиста Милльерана в буржуазном министрерстве Вальдека-Руссо. Это не точно. Вопрос о завоевании политической власти социалистическим пролетариатом несомненно очень обострился благодаря вступлению Милльерана в названное министерство. Но необходимость его пересмотра сознавалась социалистами разных стран раньше, чем Милльеран принялся спасать французскую республику в тесном сотрудничестве с кровожадным солдатом Галлифе, прославившимся своею истинно-варварскою жестокостью при подавлении Парижской Коммуны. Милльеран вступил в министерство 22-го июня 1899 года, а между тем уже в мае этого года, на международной социалистической конференции в Брюсселе решено было, по моему предложению, занести вопрос о завоевании власти пролетариатом в число вопросов, подлежавших рассмотрению на предстоявшем конгрессе. Ясно, стало быть, что независимо от появления Милльерана в ненужном месте (как сказал бы Герцен) и раньше его у социалистов разных стран накопилось достаточно поводов для того, чтобы снова спросить себя: какие же именно политические цели должен ставить перед собою пролетариат, борющийся за свое экономическое освобождение?

И кто следил за социалистической литературой последних лет, тот знает, в чем состояли эти поводы. Последние годы ознаменова-

лись появлением в этой литературе нового «критического» направления, представители которого утверждали, что движение все, а конечная цель ничто, и настоятельно советовали социальной демократии покинуть всякую мысль о революционном способе действий и превратиться в мирную партию социальной реформы. В своем логическом развитии это «новое» учение неизбежно должно было повести к пересмотру понятия о политических задачах рабочего класса и к попыткам устранения из него всех тех элементов, которые оказались бы несоответствующими «новому курсу».

Предлагая Брюссельской международной конференции поставить на очередь вопрос о завоевании политической власти пролетариатом [1]), я хотел заставить «критиков» высказать свою мысль до конца и тем самым обнаружить ее истинное содержание. То же намерение имели, если я не ошибаюсь, и поддержавшие мое предложение делегаты некоторых других стран, с Либкнехтом во главе.

К сожалению, Парижский конгресс 1900 года не дал в этом отношении того, чего от него можно было ожидать. Он не привел к решительному об'яснению между так называемыми догматиками (которых под сердитую руку называют также фанатиками и сектантами) и так называющими себя критиками. Даже более. На конгрессе было сделано много усилий для того, чтобы обойти те разногласия, существование которых в нашей среде теперь ни для кого не тайна. И я с сожалением должен сказать, что эти усилия увенчались довольно значительным успехом.

По вопросу о союзе с буржуазными партиями конгрессу предложено было Гэдом решение, принятое за несколько дней до того на конгрессе французской рабочей партии в Иври и гласящее, что союзы этого рода (не забывайте, товарищи, что речь идет о Западе, где уже существует конституционный порядок) всегда опасны для социалистической партии и потому их надо довести до минимума, заключая их только в исключительных случаях и только на время. Это решение было принято конгрессом единогласно. Разумеется, очень можно усомниться в том, что оно вполне точно

---

[1]) О союзе с буржуазными партиями в Брюсселе, сколько я помню, речи не было.

выражало взгляд сторонников «нового метода». Но они не возражали против него, вероятно, успокаивая себя тою мыслью, что дело не в самом решении, а в его истолковании: если Милльеран, ссылаясь на исключительные обстоятельства, до сих пор остается в министерстве Вальдека-Руссо, совершившем тяжкие, непростительные грехи против рабочего класса, и если ссылка Милльерана кажется очень убедительной Жоресу и многим другим, более или менее «независимым» французским социалистам, то очевидно, что под предлогом временных союзов, вынужденных исключительными обстоятельствами, можно навсегда побрататься с буржуазными демократами, ни на волос не погрешив против буквы принятого Парижским конгрессом решения. А что сторонники «нового метода» умеют давать очень широкое истолкование решениям социалистических конгрессов, это мы видели не только во Франции, но также и в Германии: достаточно вспомнить, как истолковали там «бернштейнианцы» известное постановление Ганноверского конгресса, сделанное по предложению Бебеля.

Но хотя решение, принятое в Париже относительно союза с буржуазными партиями, и может быть ложно истолковано теми, которые найдут свою выгоду в ложном его истолковании, все-таки не подлежит сомнению, что, принимая это решение, Парижский конгресс сделал все от него зависевшее для того, чтобы ясно и точно ответить на стоявший перед ним вопрос. Не совсем так отнесся он к вопросу о завоевании пролетариатом политической власти.

Решение, принятое им на этот счет, предложено было Каутским и гласит так:

«В современном демократическом государстве завоевание политической власти пролетариатом не может быть достигнуто просто путем какого-нибудь насильственного действия (eines blossen Handstreichs), но может явиться лишь результатом длинной и трудной работы в области политической и экономической организации пролетариата, а также результатом его физического и нравственного возрождения и постепенного проникновения избранных им представителей в муниципальные советы и законодательные собрания.

Но где правительственная власть централизована, там ее завоевание не может совершиться по частям. Вступление отдельного

социалиста в буржуазное министерство не может считаться нормальным началом завоевания политической власти и должно быть рассматриваемо как временный и исключительный прием в борьбе с трудными обстоятельствами.

Находятся ли на лицо в отдельном случае эти трудные обстоятельства,—это вопрос тактики, а не принципа. Он не подлежит рассмотрению конгресса. Однако во всяком случае этот опасный опыт может быть полезен лишь тогда, когда его одобряет значительное большинство организованной социалистической партии, и когда социалистический министр является и остается уполномоченным этой партии.

Где социалистический министр действует независимо от своей партии, где он перестает быть ее уполномоченным, там его вступление в министерство превращается из средства, способствующего усилению пролетариата, в средство, содействующее его ослаблению, и из средства, способствующего завоеванию политической власти, в средство, препятствующее этому завоеванию».

В этом решении прежде всего поражает его первая часть, указывающая на то, что завоевание политической власти не может быть простым делом какого-нибудь акта насилия, а предполагает длинную и трудную подготовительную работу. Мысль, выраженная здесь, совершенно справедлива. Но зачем понадобилось конгрессу высказывать эту мысль? Разве на конгрессе были люди, отрицавшие ее справедливость? Нет, таких людей на конгрессе не было. Или, может быть, в социалистической литературе цивилизованных стран стали выступать «критики», доказывающие, что для завоевания политической власти пролетариатом достаточно одного удалого «coup de main»? Нет, о таких критиках тоже ничего не было слышно, а было, наоборот, очень много слышно о критиках, оспаривавших правильность того неоспоримого положения Маркса, что сила всегда была повивальной бабкой старого общества, беременного новым [1]). Марксист, взявшийся выработать проект решения,

[1]) Как видно из писем Энгельса к Лафаргу, недавно обнародованных в Парижском «Socialiste», неизменный друг и верный единомышленник Маркса до самой смерти своей не сомневался в правильности этого положения. Замечу мимоходом, что эти письма вполне подтверждают верность моего истолкования знаменитого предисловия Энгельса к книге Маркса «Die Klassenkämpfe in Frankreich» (см. мое предисловие к новому Женевскому изданию Коммунистического Манифеста).

должен был прежде всего выразить свое отрицательное отношение к этим критикам, и только уже после этого перейти к указанию тех, — лишь постепенно возникающих, — экономических, социальных и политических условий, при которых сила рабочего класса может сыграть свою роль повивальной бабки в капиталистическом обществе. Ему надо было держаться наступательного образа действий. Каутский поступил не так. Он вспомнил, что «критики» упрекают нас в «бланкизме», и, желая оборониться от критиков, он пригласил конгресс высказаться против людей, думающих, что одного акта насилия достаточно для завоевания пролетариатом политической власти.

Такая тактика была и неуместна, и недостаточна. Неуместна—потому, что предлагаемое Каутским решение могло быть — и отчасти в самом деле было — истолковано как камень, брошенный им в огород французских бланкистов, нападать на которых было по меньшей мере не нужно. А недостаточна эта тактика была потому, что вносила слишком много мягкости в отношение к «критикам», против которых следовало высказаться решительно и резко [1]).

Когда я прочитал разбираемую здесь часть решения, я заметил Каутскому, что точка зрения эволюции нимало не исключает взгляда на насилие, как на один из факторов завоевания пролетариатом политической власти. Он ответил мне указанием на слова: «Завоевание политической власти не может быть достигнуто просто путем какого-нибудь насильственного действия» (в немецком проекте решения: eines blossen Handstreichs). Он был прав: сказать, что для данной цели недостаточно действия одного фактора, не значит отрицать возможность или уместность действия. Но, как говорят французы, музыку делает тон. А мне казалось, что «тон» предложенного Каутским проекта способен был вызвать много недоразумений. Опыт показал, к моему крайнему сожалению, что я был прав.

Во французском переводе этого проекта вместо слов: не может быть достигнуто «просто путем какого-нибудь

[1]) Притом же Каутский забыл прибавить, что «современное демократическое государство», которое он имел в виду, существует далеко не во всех странах Западной Европы, — обстоятельство, не могущее остаться без сильнейшего влияния на тактику социалистов.

насильственного действия» оказались слова: «не может .быть .достигнуто .путем .какого-нибудь насильственного действия», и благодаря этому устранению одного, очень «простого» словечка, акушерская роль силы была об'явлена совершенно излишней в применении к «современному демократическому обществу». Я не знаю, по чьей вине (или по чьей инициативе) произошло это искажение немецкого подлинника, но что оно было как нельзя более на руку сторонникам «нового метода», в этом мы убедились менее чем через две недели после конгресса.

В воскресенье 7 октября Мильеран произнес в Лансе (северная Франция) речь, в которой он, со свойственной ему ловкостью адвоката, сумел, почти дословно повторяя решения Каутского (в его искаженном виде), осудить «насилие, как способ социального преобразования», а вместе с насилием кстати и борьбу классов. Верный защитник Мильерана, Жорес, прекрасно понимая принципиальное и тактическое значение этой министерской декларации, нашел нужным дружески пожурить г. министра за его отрицательное отношение к насилию; но в то же время он поспешил сослаться на решение Парижского конгресса (опять в его искаженном виде, как на доказательство того, что сами марксисты недалеко ушли в этом случае от Мильерана [1]). Судите сами, товарищи, хороша ли такая вопиющая путаница понятий!

Остальная часть проекта Каутского, посвященная вопросу об участии социалистов в буржуазных министерствах, грешила очевидной непоследовательностью. С одной стороны, она как будто совершенно не касалась современных французских отношений, предоставляя нашим французским товарищам расхлебывать «случай Мильерана» (le cas Millerand), как они хотят и как умеют. С другой же стороны, она заключала в себе целый ряд косвенных указаний на обстоятельства, сопровождавшие вступление Мильерана в министерство Вальдека. Принимая ее, конгресс, с одной стороны, как будто осуждал Мильерана, а с другой—он заявлял, что Мильеран совсем ему не подсуден. Мне казалось, что международный парламент социалистического пролетариата обя

[1]) См. «La Petite République» от 10 октября 1900 г. Там же напечатана речь, произнесенная Мильераном в Лансе.

зан был прямее и решительнее высказаться насчет этого человека, который своим упорным нежеланием покинуть мягкое министерское кресло так сильно повредил делу об'единения французских социалистов. Я был убежден, что, осудив Мильерана в ясных и недвусмысленных выражениях, конгресс сделал бы для этого об'единения несравненно больше, чем сделали его участники красивыми, но бесплодными речами на тему о наслаждениях взаимной любви и о сладости примирения. При том же теория неподсудности Мильерана международному конгрессу казалась (и кажется) мне сомнительной, если не совершенно ошибочной в данном случае. Ведь речь шла собственно не о том, чтобы судить Мильерана, а о том, чтобы высказать суждение по поводу его всем известного поступка. И я до сих пор не могу понять, почему международный конгресс не имел бы права высказаться на этот счет. Это тем менее понятно, что чуть ли не каждый из ораторов, говоривших по поводу решения Каутского, считал своею обязанностью сказать несколько слов за Мильерана, или против него...

Как бы там, однако, ни было, огромное большинство членов комиссии, выбранной конгрессом для выработки проекта решения по вопросу о завоевании политической власти, не желало,—по тем или по другим, верным или ошибочным, соображениям,—чтобы конгресс открыто и ясно высказался о Мильеране. Личные беседы с членами этой комиссии (в состав которой входил и я) показали мне это с самой полной ясностью. Тогда я попытался сделать некоторое (полезное, как мне казалось) добавление к тому, что было сказано,—посредством косвенных указаний,—в проекте Каутского о «случае Мильерана». Я предложил прибавить к этому проекту заявление конгресса о том, что даже и в тех крайних случаях, когда социалист может быть вынужден вступить в буржуазное министерство, он обязан оставить его, если оно обнаружит пристрастие в своем отношении к борьбе труда с капиталом. С теоретической точки зрения это добавление, если хотите, не выдерживает критики: какое же буржуазное министерство может отнестись беспристрастно к борьбе труда с капиталом? Но и в пристрастии есть различные степени, и далеко не всякое буржуазное министер-

ство решится так свирепо подавлять волнения рабочих, вызываемые экономической борьбой, как это делало министерство Вальдека-Милльерана, дважды обагренное кровью пролетариев [1]). Мое добавление имело целью напомнить об этом жестоком пристрастии министерства Вальдека и тем лишний раз намекнуть Милльерану на то, что ему пора расстаться с портфелем. Я не знаю, как поняли меня остальные члены комиссии, но они приняли мое добавление значительным большинством, к неудовольствию Жореса, который апеллировал к моей «лояльности» и записался, чтобы говорить против меня. Это последнее обстоятельство показалось мне очень характерным для вожака той фракции французского социализма, которая состоит из так называемых независимых и которая, тем не менее, находится в полной зависимости от министерства. Мне было очень интересно узнать, что́ может сказать Жорес против моего добавления. К сожалению, он не сказал ничего. Когда председатель комиссии дал ему слово, он встал и, на мгновение задумавшись, об'явил, что собственно против моего добавления он говорить не станет, а только попросит у меня некоторых раз'яснений. «Кто будет судить о пристрастии министерства,—спросил он,—не та же ли организованная партия, о которой идет речь в проекте Каутского?» Надо сознаться, что этот вопрос был поставлен чрезвычайно ловко. Я не мог отрицать того, что право суждения должно принадлежать организованной партии. Но ввиду того, что во Франции такой партии не существует, как единой организации, мое добавление лишалось, в применении к этой стране, всякого практического смысла вплоть до того будущего времени, когда об'единятся французские социалисты, раз'единяемые между прочим тем самым участием Милльерана в министерстве, о кото-

[1]) Как раз в то время, когда на конгрессе обсуждался «случай Милльерана», адвокаты этого министра, «жоресисты», распустили слух о том что министерство предает суду жандармов, стрелявших в шалонских рабочих. «Чего же более требовать от него?»—прибавляли они с видом полного и умиленного удовлетворения. Жандармов, действительно, судили, но надо ли прибавлять, что их оправдали, и что суд над ними был, с одной стороны, жалкой комедией для об'егоривания простодушных, а с другой — поощрением стрелявших и, следовательно, новой угрозой рабочему классу?

ром шла речь. Жорес принимал мое добавление с тем условием, чтобы комиссия изменила его следующим образом:

«Конгресс полагает, однако, что даже в этих крайних случаях (о которых говорится в решении Каутского. *Г. П.*) социалист должен покинуть министерство, если организованная партия найдет, что это последнее дало очевидные доказательства своей пристрастности в борьбе труда с капиталом».

Я попробовал отклонить предложенную Жоресом поправку, как бесполезную, но Вандервельд и некоторые другие члены комиссии заметили, что они приняли мое дополнение, поняв его именно в том смысле, какой придает ему эта поправка. Я замолчал, убедившись в том, что комиссия меня не поддержит.

Но какой же смысл получило теперь мое дополнение? Тот смысл, что в тех странах, где не существует единой организованной партии, социалист может, ничтоже сумняхуся, остаться даже в таком министерстве, которое дало очевидные доказательства своей пристрастности. Но я хотел сказать совсем не то, да и конгресс не мог, при мало-мальски внимательном отношении к делу, согласиться на такую поистине удивительную формулировку своего мнения. Я решился обратить его внимание на это обстоятельство и потому, придя на другой день в залу заседания конгресса, я занес свое имя в так называемый список ораторов.

Но этот список был так длинен, а у конгресса оставалось так мало времени, что по вопросу о решении Каутского не пришлось говорить ни мне, желавшему дополнить это решение, ни даже самому Каутскому, желавшему раз'яснить его истинный смысл.

Неожиданно обнаружившаяся невозможность получить слово по этому вопросу поставила меня перед такой, довольно затруднительной, дилеммой: или без оговорок голосовать за проект Каутского, получивший, благодаря Жоресу, очень странное окончание, или же подать свой голос против этого проекта и поддержать решение, предложенное Жюлем Гэдом и одобренное меньшинством нашей («девятой») комиссии.

Вот полный текст этого последнего решения:

«Пятый международный конгресс, собравшийся в Париже, напоминает, что под завоеванием политической власти надо пони-

мать мирную или насильственную политическую экспроприацию класса капиталистов».

«Понятое таким образом завоевание политической власти оставляет место лишь для занятия тех избирательных постов, которыми партия завладеет путем употребления в дело своей собственной силы, т.-е. силы рабочих, организованных в партию, защищающую его классовые интересы (parti de classe), и по необходимости запрещает всякое участие социалиста в буржуазном правительстве, по отношению к которому социалисты должны находиться в непрерывной оппозиции».

Я не мог безусловно одобрить это решение, так как оно совершенно запрещает участие социалиста в буржуазном министерстве, а я думал и думаю,—подобно Каутскому,—что в некоторых исключительных случаях такое участие может быть необходимо для защиты насущных интересов рабочего класса. Все дело только в том, чтобы социалист, вступивший в буржуазное министерство, своим дальнейшим поведением и своими речами содействовал не затемнению классового самосознания рабочих,—как это делает Милльеран [1]),—а его углублению и развитию. Возможно ли это? Я думаю, что—да. И я уверен, что даже сам Милльеран,—несмотря на всю двусмысленность его социализма на розовой воде,—мог бы хорошо повлиять на французский рабочий класс, в смысле развития его самосознания, если бы, убедившись в невозможности обуздать охранительное рвение своих товарищей по министерству, он вышел в отставку, скажем, после шалонских событий, и надлежащим образом, смело и откровенно, раз'яснил свой поступок рабочим в особом воззвании к ним [2]). А человек, лучше Милльерана усвоивший себе классовую точку зрения и имеющий более революционный темперамент, сделал бы еще более. Вот по-

[1]) См. в особенности его знаменитую речь на «банкете торговли», которую восторженно одобряла и комментировала буржуазная пресса.

[2]) «Вы должны признать,—сказал я, обедая с одним своим приятелем из числа жоресистов,—что Милльеран упустил прекрасный случай сделаться самым популярным социалистом во Франции».—«Каким же это образом?»—спросил меня мой собеседник. «Очень просто: ему надо было выйти в отставку после Шалона и во всеуслышание заявить, что шалонские выстрелы дают новое доказательство пристрастности буржуазного правительства».—«C'est peut-être vrai»,—заметил мой приятель-противник.

чему я считал неправильным решение, предложенное Гэдом. Но это по существу неправильное решение казалось мне все-таки более близким к истине, чем решение Каутского с моим добавлением, обезображенным Жоресом. Поэтому я решил голосовать за решение Гэда.

Оно было, как известно, отклонено огромным большинством голосов, одобрившим решение Каутского. Преклоняясь перед волей конгресса, я не могу, однако, не видеть, что поправка, сделанная Жоресом в моем добавлении, придала решению Каутского очень двусмысленный вид, и также не могу не пожалеть о том, что конгресс, участники которого так красноречиво рекомендовали об'единение французским социалистам, не пожелал содействовать этому об'единению решительным осуждением Мильерана и всей вообще «новой методы».

Пора кончать! Кладя перо, я только замечу еще вот что. С тех пор, как я оставил точку зрения полуанархического народничества семидесятых годов, я, comme de raison, всегда стоял за «политику». Но если бы вы знали, товарищи, сколько политиканства принесла с собою «новая метода» как на международный конгресс, так и на непосредственно за ним следовавший национальный конгресс французских социалистов! Я и до сих пор не могу отделаться от тяжелого, поистине мучительного впечатления, произведенного на меня этим политиканством. А ведь мы видели только цветики «новой методы», ягодки еще впереди. Нечего сказать, отрадная перспектива!

Крепко жму вам руку и от всей души желаю, чтобы вам не пришлось испытывать много подобных впечатлений.

Преданный вам Г. Плеханов.

P. S. Считаю себя обязанным прибавить, что, подавая свой голос за предложение Ж. Гэда, я разошелся с большинством русской делегации, голосовавшим за предложение Каутского. Но зато я имел удовольствие голосовать в полном согласии с П. Аксельродом, В. Засулич и Д. Кольцовым.

Г. П.

Новое вино в старых мехах

В первом номере газеты социалистов-революционеров «Революционная Россия» мы прочитали, между прочим, заметку: «Обзор революционных изданий», в которой говорится, что в русской революционной мысли совершается теперь «предсказанный» издателями «Рев. России» «поворот в сторону принципов эпохи Народной Воли»[1]). Хотя в эпоху Народной Воли различные общественные партии придерживались различных принципов, но мы поняли указанное замечание в том смысле, что русская революционная мысль направляется теперь в сторону так называемого народовольства. Нас очень удивило и, по правде сказать, не мало обеспокоило это замечание. С одной стороны, никаких признаков поворота (точнее было бы сказать: возврата) революционной мысли к принципам народовольства мы не замечали, а, с другой стороны, «Р. Р.» говорит об этом, предсказанном ею, повороте с такою непоколебимою уверенностью, что у нас возникло сомнение. Неужели же мы слона-то и не заметили? Неужели мы проглядели такое важное общественное явление? Чтобы ответить себе на эти тревожные вопросы, мы с удвоенным вниманием стали следить за русской революционной литературой. При этом нас больше всего интересовали издания тех людей, которые не только не проглядели вышеупомянутого поворота, но даже и предсказали его. Так, мы очень обрадовались, когда нам доставили «Манифест партии социалистов-революционеров», выработанный на с'езде представителей об'единенных групп этой партии. Мы были уверены, что именно и особенно здесь станет заметным для нас поворот, предсказанный издателями «Р. Р.». Мы прочитали Манифест и...

---

1) Курсив наш

обманулись в своих ожиданиях. В нем нет и следа, нет и тени «предсказанного» поворота. Совершенно напротив! Он представляет собою самое ясное и самое яркое свидетельство в пользу того,—давно уже кажущегося нам бесспорным,—положения, что русская революционная мысль все больше и больше направляется в сторону принципов русской социал-демократии. Мысль авторов «Манифеста» вплотную подошла к этим принципам. Удивительно тут только то, что ни издатели «Рев. России», ни авторы «Манифеста» этого как будто совсем не замечают.

Партия Народной Воли была, как известно, партией «заговорщиков». В этом легко убедится всякий толковый человек, внимательно прочитав записку: «Подготовительная работа партии», напечатанную в «Календаре Народной Воли». В этой записке мы читаем, что партия должна подготовляться к восстанию, которое, по всей вероятности, будет облегчено сочетанием благоприятных для революционеров обстоятельств: народным бунтом, неудачной войной, государственным банкротством и т. п. Эти соображения, разумеется, еще не заключают в себе ничего такого, что давало бы нам право назвать народовольцев заговорщиками par excellence (по преимуществу). Но дальше в той же записке идут строки, ставящие очень большую точку над очень выпуклым «i». Именно там сказано вот что:

> «Каждым из таких благоприятных стечений обстоятельств партия должна своевременно воспользоваться, но при своей подготовительной работе она не должна на них возлагать всех своих надежд. Партия обязана исполнить свои задачи во что бы то ни стало, а потому свою подготовку должна вести так, чтобы не оказаться ниже роли даже при самых худших, самых трудных условиях.
>
> Такие наиболее неблагоприятные условия представляются именно в том случае, если партии придется самой начинать восстание, а не присоединиться к народному движению, и если при том нет вдобавок никаких экстраординарных благоприятных случайностей, облегчающих первое нападение. К такому-то положению вещей мы и должны быть приготовлены. Партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действия, начать дело и довести его до

конца. Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10-15 человек—столпов современного правительства,—приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы: т.-е. создаст удобный момент для нападения. Пользуясь этим моментом, заранее собранные боевые силы начинают восстание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями. Такое нападение легко может увенчаться успехом, если партия обеспечит себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам сколько-нибудь значительные массы рабочих и пр. Для успеха точно так же необходимо подготовить себе положение в провинциях, достаточно прочное для того, чтобы или поднять их при первом известии о перевороте, или хоть удержать в нейтралитете. Точно так же следует заранее обезопасить восстание от помощи правительству со стороны европейских держав и т. д. и т. д. Вообще подготовительная работа партии должна выполнить все, что необходимо для успеха восстания, начатого партией и даже без всяких экстраординарных благоприятных условий, т.-е. при таком приблизительно положении, в каком находится Россия в настоящее время».

Все это по-своему очень хорошо, умно и последовательно. Но всякий видит, что это совершенно заговорщицкая программа действий, и если бы в русской революционной мысли действительно совершился поворот, «предсказанный» и приветствуемый органом соц.-революционеров, то соц.-революционеры тоже предложили бы нам программу действий, с бóльшим или меньшим искусством приспособленную к заговору. Но их Манифест предлагает нечто совсем другое. Он выдвигает на первое место агитационную деятельность в фабрично-заводской рабочей среде и следующим образом определяет задачи этой деятельности:

«Социалистическая партия должна взять на себя руководящую роль, об'единяя отдельные вспышки и чисто стихийные проявления народного недовольства в одно стройное целое; она должна воспользоваться этой борьбой в целях агитационных, подчеркивая и формулируя выводы,

которые подсказываются самим ходом событий, и постоянно раздвигать ее рамки новыми требованиями политического и правового характера».

Это как раз та политическая агитация, на необходимость которой так часто указывали русские социал-демократические писатели[1]) и которой русские социал-демократы занимались, — теперь это можно сказать, не боясь преувеличения, — с очень заметным успехом. Такая деятельность безусловно необходима, и мы чрезвычайно рады тому, что соц.-революционеры «поворачивают» в ее сторону.

«Мы убеждены,—так резюмируют свою мысль авторы Манифеста,—что руководимые партией демонстрации, протесты, стачки и целый ряд других проявлений коллективного недовольства существующими общественными отношениями, постепенно усиливаясь и захватывая все более и более широкие массы народа, расшатают полицейско-бюрократическое государство и приведут его к полному падению».

Если такое убеждение есть признак «поворота в сторону принципов эпохи Народной Воли», то несомненно, что этот поворот был сделан еще социал-демократической группой «Освобождение Труда», которая с самого возникновения своего в 1883 г. не переставала доказывать, что лишь все более и более расширяющееся движение народной массы может положить конец существованию русского абсолютизма. Народовольцы обвиняли группу «Освобождение Труда» в том, что ее пропаганда шла в разрез с принципами Народной Воли. Соц.-революционеры думают, как видно, что это обвинение было совершенно неосновательно.

«В странах деспотических,—говорит Манифест,—по самому ходу вещей, социалистические группы должны стремиться к тайной и строго конспиративной организации ядра партии, ограниченного по своему составу и численности».

---

[1]) О ней см., напр., в брошюре Г. Плеханова «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», Женева 1892 г.

Это справедливо, но и в этом нет никакого «поворота в сторону эпохи Народной Воли». Необходимость «тайной и строго конспиративной организации ядра партии» сознавалась русскими революционерами уже в то время, когда никто еще не думал о «принципах Народной Воли». Чтобы не заходить слишком далеко, укажем на «тайную», «строго конспиративную» и централистическую организацию «Земля и Воля» семидесятых годов. Что же касается русских социал-демократов, то надо сказать правду: многие из них до сих пор не вполне сознали, до какой степени полезна подобная организация. В этом состоит слабая сторона русской социал-демократии, мешающая ей играть ту влиятельную роль в общественной жизни, которая принадлежит ей по праву. Горький опыт каждый день и каждый час указывает нам на необходимость полного и решительного устранения этой коренной причины нашей относительной слабости. И мы, конечно, сумеем разделаться с нею. Но когда мы разделаемся с нею, то очень ошибутся те, которые вообразят, что мы поворачиваем «в сторону принципов эпохи Народной Воли»: тайная, строго конспиративная и централистическая организация необходима для всякой революционной партии, энергично борющейся при современных русских условиях; она не может быть названа отличительной особенностью какой-нибудь из этих партий.

Пойдем дальше. Манифест говорит:

> «Мы убеждены, что без сочувствия и поддержки (со стороны крестьянства) класс фабрично-заводских и вообще промышленных рабочих не в состоянии сломить силу русского правительства и добиться хотя бы одной только политической свободы, не говоря уже об экономическом преобразовании общества [1]). И мы должны признать, что революционная деятельность среди крестьянства вполне возможна в настоящее время, так как внутри этого сословия уже

[1]) Мы думаем, что даже в промышленных центрах социалистическое движение может и должно охватить не одних только «промышленных рабочих», но вообще весь пролетариат, все трудящееся и эксплоатируемое капиталом население этих центров. Поэтому мы считаем, что неправильно выражаются те, которые говорят об одних промышленных рабочих: они придают этим сравнительно узкое выражение очень широкой мысли.

образовались многочисленные группы, в такой же степени заинтересованные в уничтожении существующего экономического и политического строя, как и промышленный пролетариат».

В эпоху «господства принципов Народной Воли» революционеры рассуждали совершенно иначе.

«Привлечение в организацию отдельных лиц из крестьянства, способных к ней примкнуть, конечно, всегда признавалось желательным,—говорит записка о «подготовительной работе (народовольческой) партии»...—Но что касается организации в настоящее время в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы (партии Народной Воли) совершенной фантазией, и, если мы не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов».

Неужели авторы Манифеста не видят, что и здесь они «поворачивают» от народовольческих принципов, а не «в сторону» их?

Но соц.-революционеры не «поворачивают» также и «в сторону» народников семидесятых годов. Они очень далеки от мысли о сосредоточении всех революционных сил в деревне.

«Как ни важна и ни необходима революционная деятельность в деревне,—говорят они,—мы, в настоящее время, по чисто тактическим соображениям, будем стремиться концентрировать свои наличные силы в городах, — главным образом, ввиду бóльшей культурности городского рабочего населения сравнительно с сельским и бóльшей продуктивности работы в этой среде».

Это очень похоже на выработанный гр. «Освоб. Труда» проект программы русских социал-демократов, где выставляется ряд требований, долженствующих проложить «широкий путь для сближения рабочей партии с земледельческим населением», но где указывается в то же время, что работа революционеров «должна быть прежде всего направлена на более развитой слой трудящегося населения, каким и являются промышленные рабочие».

Чтобы убедиться в этом, пусть они прочтут посвященные тактическим вопросам брошюры П. Аксельрода и сопоставят защищаемый в них взгляд на борьбу за политическую свободу со взглядом, высказанным в статье «Чего нам ждать от революции?», напечатанной во второй книжке «Вестника Народной Воли».

Правда, в Манифесте соц.-революционеров есть мысли, вернее—одна мысль, способная вызвать резкие возражения со стороны русских социал-демократов: мы имеем в виду замечание о том, что современная нам сельская община может облегчить работу революционеров в деревне,

> «так как всякие союзы и организации, на какой бы почве они ни возникали, создают известную общность интересов тех групп населения, которые входят в их состав, и, следовательно, представляют благоприятные условия для воздействия на эти группы».

Это, во-первых, очень не ясно; а во-вторых, это противоречит всему тому, что говорит Манифест о положении современной русской деревни. В самом деле, авторы Манифеста сами указывают на то, что крестьянство распалось теперь на три группы: 1) сельский пролетариат, 2) мелкую сельскую буржуазию, «систематически эксплоатирующую в своем хозяйстве наемный труд», и 3) малоземельное крестьянство. Мы вполне согласны с тем, что «политические и правовые интересы» этого последнего слоя «вполне совпадают (как это говорит Манифест и как это говорила гр. «О. Т.») с политическими и правовыми интересами пролетариата», но мы не можем понять, какую «общность интересов» создает община между сельской буржуазией, эксплоатирующей сельский пролетариат, и пролетариатом, составляющим об'ект ее эксплоатации. В этом пункте соц.-революционеры мыслят еще очень не ясно; тут они еще не свели концов с концами; но и тут нельзя говорить, что они «поворачивают» к принципам Народной Воли. Нет, вернее будет сказать, что в этом месте заметно влияние на них народничества, не замечавшего расслоения деревенской массы.

Но, за исключением одного этого места, весь остальной Манифест представляет собою изложение принципов русской социал-демократии, и мы не понимаем, как могли его авторы не дога-

даться об этом или найти нужным скрывать это. Может быть, их ввели в заблуждение те социал-демократические недоросли, которые отрицали политическую борьбу и видели ненавистное им народовольство во всяком нападении на самодержавие? Но чтобы судить о русской социал-демократии, надо иметь в виду взрослых и серьезных ее представителей. А эти последние давно уже рекомендуют русским социалистам ту самую программу действий, к какой «поворачивают» теперь авторы Манифеста. Соц.-революционеры представляют собою плоть от плоти и кость от костей русских социал-демократов. Вот почему им надо соединиться с ними, а не «поворачивать» от них в сторону во всех отношениях почтенной, но уже безвозвратно отжившей революционной старины. Или они боятся, соединившись с нами, «изменить знамени»? Но наше знамя есть красное знамя революционного пролетариата всех цивилизованных стран, и стать под него не значит изменить славной памяти погибших русских революционеров. Совершенно наоборот, тот, кто сражается теперь в России под этим знаменем, продолжает то, что было существенного в работе этих героических борцов, отказываясь только от их ошибок, вызванных условиями места и времени. Неужели соц.-революционеры думают, что они нравственно обязаны называться, как Перовская и Желябов, в такое время, когда Перовская и Желябов, наверное, назвались бы иначе [1]).

[1]) Говорим: называться, потому что думают соц.-революционеры по-нынешнему, т.-е. как социал-демократы. А с другой стороны, даже и назвать себя народовольцами социалисты-революционеры не решаются. Но в таком случае их речь о «повороте» в сторону народовольства утрачивает последнюю тень смысла.

О тактике вообще, о тактике николаевского генерала Реада в частности и о тактике Б. Кричевского в особенности

Слово тактика заимствовано политическими деятелями от теоретиков военного искусства. Военное искусство состоит, как известно, в приспособлении *средств*, которыми располагает полководец, к *цели*, которую он преследует. Что касается *тактики* в собственном смысле слова, то под нею понимают искусство располагать войска для битвы и руководить ими во время самой битвы. Это понятие значительно уже того, которое связывается со словом тактика в политике. Политические деятели часто называют тактикой то, что теоретик военного дела называл бы стратегией. Но, как бы там ни было, всякий без труда согласится, что иное дело цель, преследуемая политической партией или военным начальником, а иное дело приспособление к этой цели средств, находящихся в распоряжении этой партии или этого полководца. Ясное представление о цели еще вовсе не ручается за умелое пользование средствами. И кто, отправляясь на войну, воображает, что ему достаточно знать, зачем она ведется, тот рискует испытать тяжелые поражения.

Сознание этой аксиомы выражается в социалистической литературе различением между *принципами* партии и ее *тактикой*. Люди, согласные между собою в принципах, могут разойтись по тому или другому тактическому вопросу. Это ясно само собою. Спрашивается, поэтому: можно ли относить тактические разногласия к числу таких разногласий, наличность которых лишает данных политических деятелей возможности принадлежать к одной и той же политической партии?

При невнимательном отношении к предмету кажется, что на этот вопрос нельзя ответить иначе, как отрицательно. Тактиче-

ские вопросы не должны вести к разрыву; если люди согласны между собою в принципах, если они стремятся к одной общей цели, то они — товарищи и должны оставаться таковыми; им грешно разрывать из-за второстепенных частностей...

Так говорят обыкновенно дилетанты социализма. Но они говорят так, естественно, потому, что—в своем качестве дилетантов—они невнимательно относятся к предмету. Им представляется, что тактические вопросы отделены от принципиальных непереходимою пропастью. На самом же деле такой пропасти не существует, и вот почему тактические разногласия, перейдя известный предел, превращаются в разногласия принципиальные.

За доказательствами ходить недалеко; достаточно обратиться к Франции. Жорес уверял и уверяет, что он только в вопросах тактики расходится с Гэдом, Вальяном и др. сторонниками революционной социал-демократии. И в известном смысле он, пожалуй, прав. Если под принципом понимать общие положения социализма, — напр., то положение, что капиталисты эксплоатируют рабочих; что эксплоатация должна быть устранена; что для ее устранения необходима социализация средств производства и т. п.,— то можно почти с увереностью сказать, что Жорес искренно разделяет эти принципы. И тем не менее всякий видит теперь, что Гэду и Вальяну невозможно итти вместе с Жоресом. Тактические разногласия, существующие между этими старыми борцами и красноречивым другом его превосходительства барона фон-Милльерана [1]), несомненно, достигли теперь таких размеров, что стали принципиальными.

Дело в том, что кроме тех принципов, которые, подобно вышеперечисленным, представляют собою формулировку и обоснование конечной цели социализма, существуют еще те принципы, на которые опирается тактика борьбы за эту цель. Люди, не согласные между собою в этих последних, не могут итти вместе, как бы ни было велико их единомыслие в том, что касается общих положений социализма. Для примера укажем хоть на тех социалистов-утопистов, которые смотрели на классовую борьбу как на величайшее зло и утверждали, что полное прекращение этой борь-

[1]) Известно, что Милльеран недавно возведен в баронское достоинство австрийским императором.

бы есть первое практическое условие освобождения пролетариата. Социал-демократы не могли бы считать таких социалистов своими товарищами даже и в том случае, если бы они совсем не разошлись с ними в определении конечной цели. Выше мы сказали, что ясное представление о цели еще вовсе не ручается за умелое пользование средствами ее достижения. Теперь мы прибавим, что именно поэтому единомыслие по вопросу о конечной цели не может считаться условием, *достаточным* для об'единения практических борцов под знаменем одной партии.

Правда, Жорес и его единомышленники об'являют себя такими же убежденными и решительными сторонниками классовой борьбы, как и гэдисты или бланкисты. Но их пример лучше всякого другого показывает, что не всякий тот, кто признает известный принцип, руководствуется им в своей практической деятельности.

Классовая борьба пролетариата с буржуазией предполагает развитие классового самосознания рабочих. Поэтому нельзя считать истинными сторонниками классовой борьбы таких людей, которые навязывают рабочей партии тактику, не только не развивающую это самосознание, но прямо затемняющую его. При этом почти все равно, почему именно эти люди придерживаются такой вредной тактики: потому ли, что они обманываются сами, или же потому, что им хочется обмануть других. Главное дело в том, что они в своей практической политике стремятся повернуть назад движение пролетариата. С такими людьми — а жоресисты, несомненно, принадлежат к их числу — революционная социал-демократия не может иметь ничего общего.

Для того, чтобы две социалистические группы (или организации, или фракции, или партии) могли об'единиться с пользой для дела, необходимо, стало быть, — кроме единодушия по отношению к конечной цели, — чтобы ни одна из них не придерживалась такой тактики, которая могла бы показаться другой группе (или организации, или и т. д.) вредной для развития классового самосознания рабочих. Это предел, который не может и не должен быть перейден. Как только тактические разногласия между двумя группами перешли за него, они приобретают принципиальное значение, и тогда разрыв становится неизбежным: препятствовать ему значит вредить делу.

Так представляется нам этот вопрос с нашей точки зрения. Но мы не должны забывать, что нашу точку зрения вряд ли можно признать правильной. Известно, что мы — сектанты, зараженные «догматизмом», ослепленные фанатизмом и грешащие еще целой дюжиной таких же смертных грехов. Ввиду этого нам полезно будет выслушать человека, имеющего полное право благодарить Творца за то, что тот не создал его по образу и подобию нашему. Этот человек — Б. Кричевский.

В №10 «Рабочего Дела» он поместил статью: «Принципы, тактика и борьба», в которой он выясняет свои разногласия с «Зарей» и «Искрой». В деле этого выяснения первое место отведено им вопросу о том, «каково правильное и нормальное отношение между принципами и тактикой и что собственно нужно понимать под тактикой» (курсив Б. Кричевского). Это как раз то, что нам нужно. Послушаем же Кричевского.

«Правильная тактика, — говорит он, — есть результат взаимодействия между принципами, указывающими цель движения, и конкретными условиями, в которых происходит движение» («Раб. Дело», № 10, стр. 5. Курсив Кричевского).

Дав нам это определение, Кричевский прибавляет, что под тактикой он разумеет здесь «общий, руководящий дух деятельности, ее философию, так сказать, в отличие от самой деятельности, от тактики в смысле общего характера практической деятельности, а тем более от тактики, как техники, от отдельных приемов и средств деятельности».

Мы имеем, значит, три вида тактики: 1) тактика-философия; 2) тактика-деятельность; 3) тактика-техника. Оставляя без рассмотрения «технику», мы хотим поближе приглядеться к первым двум видам тактики.

Начнем с «тактики-философии». По смыслу определения, данного Кричевским, выходит, что философия деятельности (партии), ее руководящий дух, есть результат взаимодействия между принципами, указывающими цель движения, и конкретными условиями, в которых происходит движение. А так как принципы, указывающие цель движения, с полным правом могут быть названы руководящими принципами, и так как эти принципы, очевидно,

руководят не чем иным, как деятельностью партии, и потому составляют ее руководящий дух, то мы получаем следующий глубокомысленный тезис:

Руководящий дух деятельности (партии), философия этой деятельности, есть результат взаимодействия между руководящим духом деятельности и теми конкретными условиями, в которых эта деятельность совершается.

Что есть А? А есть результат взаимодействия между А и В. Не знаю, как вы, читатель, а мы не охотники до такой «философии», и мы думаем, что Б. Кричевский сделал бы гораздо лучше, если бы, не пускаясь в «философию», просто выразил бы ту простую мысль, которую ему хочется выразить, т.-е. сказал бы, что деятельность социалистической партии должна определяться не только общими положениями социализма, но также и данными условиями окружающей действительности. Такой способ выражения имел бы то неоспоримое преимущество, что он был бы совершенно чужд «элемента»... «философской» г а л и м а т ь и. Правда, он имел бы и крупный недостаток, а именно—он привел бы к тому, что «тактика-деятельность» совершенно слилась бы с «тактикой-философией», и тогда у нас было бы только два вида тактики. Но Б. Кричевский мог бы помириться с этим неудобством, утешаясь тем, что у него имеется в запасе еще два вида тактики, тактика-план и тактика-процесс.

«Т а к т и к а - п л а н, — сообщает наш автор, — естественно может основываться только на принципах, да еще на самых общих условиях деятельности, напр., в России на существовании самодержавия». Поэтому она неудобна и в последнем счете ведет к вредным шатаниям. По уверениям Б. Кричевского, Либкнехт метко характеризовал тактику-план, сравнив ее с теми планами, которые когда-то составлялись венским обер-кригсратом для австрийских генералов, воевавших с французами: «Планы в своем роде были безупречны,—говорит Либкнехт,—но не годились для данной местности, а французские генералы не были настолько любезны, чтобы сообразоваться с предположениями венского обер-кригсрата, и сражения были потеряны по всем правилам искусства».

На основании всего этого Б. Кричевский самым решительным образом осуждает «тактику-план». «Вообще, — заявляет он, — «Искра» и «Заря», видимо, тяготеют к взгляду на тактику, как на

заранее установленный и неизменный план деятельности. Мы же видим в тактике процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией» (стр. 11).

Процесс роста задач, растущих вместе с партией! О каких задачах говорит здесь Б. Кричевский? Очевидно, о тактических. Выходит, стало быть, что, по его мнению, тактика есть процесс роста тактических задач, растущих вместе с партией. Тактика состоит в том, что растут тактические задачи. Это, поистине, бесподобно! Нехитрому уму не выдумать и в век!

Наш тактик, — которому, кажется, не суждено расти вместе с партией, — совершенно напрасно прячется за спину Либкнехта. Чтобы иметь право на такую «тактику», он должен был бы сначала показать, что покойный вождь немецких социал-демократов был близок к нему по своим практическим взглядам. Но в этом трудно было бы убедить нас, хорошо помнящих, как возмущали Либкнехта некоторые суждения о тактике французских социалистов, высказанные Б. Кричевским в немецкой печати. Поэтому мы оставляем в покое Либкнехта и обращаемся к нашему автору.

Слова Либкнехта ввели его в глубокое заблуждение. Он вообразил, что французские генералы, сражавшиеся с австрийскими, пренебрегали планами и, подобно ему, ограничивались тем глубокомысленным соображением, что тактика есть процесс роста тактических задач, растущих вместе с ходом кампании. Но пусть Кричевский заглянет, напр., в знаменитые Commentaires Наполеона I: он увидит из них, как внимательно обдумывал и как заботливо составлял свои стратегические и тактические планы тот французский полководец, который нанес Австрии (да и не одной Австрии) самые жестокие поражения. Наполеон не только не чуждался «тактики-плана», но утверждал, что в хорошо составленном плане должны быть наперед приняты меры против всевозможных случайностей [1]). И если бы какой-нибудь глубокомысленный Кричевский того времени вздумал уверять его, что «план»—пустяки, а главный залог успеха заключается в том, что тактика есть процесс роста тактических задач, растущих и т. д., то деспотический корси-

[1]) Просим Б. Кричевского заметить, что Наполеон заранее составлял не только тактические, но и стратегические планы, т.-е. не только планы отдельных битв, но и планы целых кампаний.

канец, наверное, скоро оборвал бы его с обычной своей солдатской бесцеремонностью.

Изо всех героев военной истории мы знаем только одного, отчасти подходящего к идеалу Б. Кричевского. Это николаевский генерал Реад, тот самый Реад, о котором говорит Липранди в известной песне, приписываемой гр. Л. Толстому:

Туда умного не надо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю...

Реад, как видно, совершенно пренебрегал «тактикой-планом»:

А Реад возьми, да спросту
Поведи нас прямо к мосту,
Ну-ка на ура!..
Вот «ура» мы зашумели,
Да резервы не поспели... и т. д.

Словом, не захотела победа улыбнуться простодушному сыну Марса. Если бы Б. Кричевский вспомнил его печальную историю, то он, может быть, не написал бы знаменитого отныне «Исторического поворота», который представляет собою настоящее реадовское «ну-ка, на ура!».

Почему Б. Кричевский вообразил, что «тактика-план» может основываться только на принципах да на самых общих условиях действительности? Это покрыто мраком неизвестности. Мы решительно не понимаем, в силу каких причин русские социал-демократы, при составлении плана действий должны принимать в соображение только «существование самодержавия», а не соотношение русских общественных сил; степень развития русского пролетариата; свою собственную организованность (или дезорганизованность) и, наконец, величину «свободной наличности», находящейся в их кассе. По нашему скромному рассуждению выходит, что все эти — вполне «конкретные» — условия гораздо более способен упустить из виду тот человек, который, начитавшись Б. Кричевского, пренебрегает «планами» и твердит, что «тактика есть процесс роста задач, растущих» и пр., и пр. Мы убеждены—и пример Кричевского еще более укрепляет наше убеждение — в том, что если кто осужден на беспрерывные «шатания», то именно мудрецы этого калибра.

Б. Кричевский уверяет, что «Заря» и «Искра» склоняются к неизменному плану действий. Он хочет подтвердить это ссылкой на передовую статью в № 4 «Искры», где сказано, что названия тактики заслуживает только систематический и неуклонно проводимый план деятельности. Но неуклонное проведение принятого плана вовсе не означает решения никогда не изменять его. И это прекрасно видно из цитируемой Б. Кричевским статьи. Ее автор прямо говорит, что тактика может быть изменена, но он не без ехидства прибавляет при этом, что изменить тактику может только тот, кто ее имеет, и что нельзя говорить о тактике партии, лишенной крепкой организации, а следовательно, и единства действий. И эти соображения сопровождаются у него насмешкой над Б. Кричевским, обнаружившим легкомысленную готовность к скоропалительным изменениям тактики «в 24 часа» и пытавшимся прикрыть свое ребяческое легкомыслие авторитетом Либкнехта. «Имя Либкнехта, — заметил автор указанной статьи, — «Раб. Дело», конечно, приемлет всуе. В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу..., а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев». Это замечание попало не в бровь, а в глаз Кричевскому, который, увидев свой смешной промах, пустился «в неудобь-сказуемые» рассуждения о тактике, чтобы хоть как-нибудь скрыть от читающей публики затруднительность своего положения.

«Тактика-процесс,—продолжает тактик «Раб. Дела»,— это есть вечное искание новых путей в свете принципов,—искание, сопряженное, как всякое человеческое искание, с заблуждениями, но единственно гарантирующее поступательный рост движения. Давно известно, что не ошибается тот, кто ничего не делает».

«Друг мой, Аркадий Николаевич, пожалуйста, не говори красиво!» Вечное искание новых путей, да еще при свете принципов, разумеется, хорошее дело. Но оно хорошо только тогда, когда «ищущий», находит что-нибудь действительно новое. А когда он открывает «вечно» такие Америки, которые давно открыты, но в существовании которых он, по своему крайнему неразумию, сомне-

вался, то его «вечное искание» означает лишь столь же «вечную» неспособность понять то, что ему говорят более опытные люди. И тогда это «вечное искание» не представляет собою ничего, заслуживающего «высокого штиля». Тогда оно должно вызывать не похвалу, а строгое осуждение.

На основании предыдущего читатель уже мог составить себе надлежащее понятие о преимуществе рекомендуемых Б. Кричевским видов тактики. Но для законченности впечатления ему надо прочитать еще следующие строки:

«Революционер-социал-демократ имеет задачей — своей сознательной работой только ускорять об'ективное развитие, а не отменять его или заменять его суб'ективными планами. «Искра» в теории все это знает. Но огромное значение, справедливо придаваемое марксизмом сознательной революционной работе, увлекает ее на практике, благодаря ее доктринерскому взгляду на тактику, к преуменьшению значения об'ективного или стихийного элемента развития. Мы уже указывали, что тактика-план противоречит основному духу марксизма. Неудивительно поэтому, что «Искра», склоняясь к тактике-плану, тем самым вынуждена также, помимо своей воли, приближаться к заговорщицкому взгляду на «подготовление» революции, т.-е. уделять об'ективному или стихийному процессу второстепенное место и в конечном акте революционного развития».

Очень хорошо. Б. Кричевский «показал» (мы уже знаем, как показал он), что «тактика-план» противоречит основному духу марксизма; поэтому нам остается только обратиться к знаменитой «тактике-процессу» или к не менее знаменитой «тактике-деятельности». А когда мы найдем не бесполезным узнать, в чем же состоит такая тактика, тогда наш философ важно повторит нам, «браду свою уставя», что она состоит в процессе роста тактических задач, растущих вместе с ростом партии. Если же нас не удовлетворит такой ответ, то всем и каждому станет ясно, что мы заражены доктринерским взглядом на тактику. Вот что значит хорошо аргументировать!

Покидая «тактику-план», мы должны будем, кроме того, уделить «об'ективному процессу» гораздо больше места, чем «суб'ективным планам», которыми мы увлекались до сих пор. Тогда мы

будем настоящими марксистами. Это опять чрезвычайно глубокое соображение. Жаль только, что наш автор не совсем складно излагает свои мысли и что, вследствие этого, у него встречаются некоторые неясности. Попробуем же мы,—по выражению Белинского,—внести факел поэзии во тьму вопроса. Нам думается, что тактическая философия Б. Кричевского хорошо иллюстрируется стихотворением Козьмы Пруткова: «Перед морем житейским»:

Все стою на камне:—
Дай-ка брошусь в море...
Что пошлет судьба мне:
Радость или горе?

Может, озадачит,
Может, не обидит...
Ведь кузнечик скачет,
А куда — не видит.

Это стихотворение издавна нравилось нам тем, что в нем отдается должное «стихийному, об'ективному процессу», а «тактике-плану» не придается ни малейшего значения.

Суб'ективисты à la г-да Кареев и Михайловский думали, что теория Маркса противопоставляет об'ективный процесс развития общественных отношений суб'ективным планам людей и осуждает эти планы ad majorem gloriam об'ективного процесса. На этом основании они упрекали марксистов в проповеди квиетизма. Господа «суб'ективисты» были уличены в неправильном понимании Маркса. Им показали, что с точки зрения автора «Капитала» указанное противопоставление не имеет смысла, так как суб'ективные планы людей сами являются выражением об'ективного развития. После этого можно было надеяться, что придуманное «суб'ективистами» противопоставление не найдет места, по крайней мере, в сочинениях тех писателей, которые выдают себя за марксистов. Эта надежда оказалась теперь несновательной. Явился Б. Кричевский и снова разогрел старое измышление «суб'ективистов», исправив и дополнив его в интересах своей «тактики-философии». Если господину Карееву случится прочитать статью г-на Кричевского, то он с удовольствием отметит что ошибка «суб'ективистов» была в сущности очень незначительна: они полагали, что истинный марксист ставит ни во что суб'ективные

планы людей; а из слов Б. Кричевского оказывается, что марксист не может признать своими философскими единомышленниками тех революционеров, которые стремятся предусмотреть направление об'ективного процесса общественного развития и построить сообразно с ним свои планы. C'est tout comme (это одно и то же), не без основания может воскликнуть «старый водолей».

Б. Кричевский глубоко убежден в том, что его взгляд на тактику является «применением к борьбе партии одного из самых глубоких философско-исторических положений Маркса». Мы бьемся об заклад, что вы, читатель, не угадаете, какое именно «положение» имеет он в виду. Слушайте и удивляйтесь. Б. Кричевский говорит о знаменитом положении, согласно которому человечество ставит себе только выполнимые задачи: «Подобно человечеству,—говорит Кричевский,—соц.-демократическая партия, в нашу эпоху представляющая собою движение вперед, ставит себе... одну тактическую задачу за другой, сообразно с возникновением «материальных условий» для решения данной задачи» (стр. 26).

В этих строках поразительнее всего то обстоятельство, что соц.-демократия оказывается стоящей за пределами человечества. Правда, она «представляет собою» его движение вперед; но что она не является его составною частью, видно из того, что она подражает ему, поступая «подобно человечеству». Наш «человекоподобный» тактик забыл только пояснить нам, по какую же сторону человечества стоит социал-демократия: выше она или ниже?

В заключение заметим, что Б. Кричевский опустил еще один вид тактики, именно—тактику-болтовню. Этот чрезвычайно важный вид тактики может быть, в свою очередь, рассматриваем: 1) как болтовня-план, 2) как болтовня-процесс и 3) как болтовня-техника. Нам сдается, что статья подобного человечеству Б. Кричевского представилась бы нам в совершенно новом свете, если бы мы взглянули на нее с точки зрения болтовни-плана и болтовни-процесса.

Что же дальше?

Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird also der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist.

Karl Marx.

I

Зима и весна текущего года ознаменовались в России такими необычайными, такими потрясающими событиями, что теперь, когда несколько улеглось вызванное ими волнение, всякий тот, кто не вполне равнодушен к судьбе своей родины, испытывает потребность выяснить себе смысл этих событий и определить вытекающие из них практические задачи. Что же дальше? — вот вопрос, которым много занималась наша легальная печать и к которому с еще бо́льшим вниманием должны отнестись заграничные русские писатели, имеющие (более или менее полное) право думать, что хотят, и говорить, что думают.

Займемся же этим вопросом.

Что именно произошло в России?

Произошли, во-первых, так называемые студенческие волнения.

Волнения этого рода у нас совсем не новость. Они не переставали повторяться, начиная с 1861 года, когда произошли крупные университетские «беспорядки». С тех пор прошло сорок лет, и много воды утекло под мостами, много перемен совершилось в нашей общественной жизни: чрезвычайно сильно преобразовались наши экономические отношения; не один раз сменились одно другим различные правительственные «веяния»; наша

интеллигенция пережила несколько различных, отчасти даже противоположных настроений, а наши студенты по-прежнему сохраняли свою, всем городовым и всем дворникам известную, склонность к «б у н т у», и по-прежнему производимые ими «беспорядки» возвращались с неумолимою правильностью астрономических явлений. Трудно даже и представить себе, сколько тяжелых и совершенно не заслуженных страданий несли они с собою как для самих учащихся, так и для их родителей: кто сосчитает с л е з ы б е д н ы х м а т е р е й, пролитые по поводу арестов и высылок, обыкновенно сопровождающих у нас студенческие волнения? И кто вычислит невознаградимые потери молодых, свежих и честных сил, понесенные нашей страной вследствие этих арестов и высылок? Периодические нарушения правильности университетской жизни чрезвычайно дорого обходились России. Неудивительно, поэтому, если благоразумные и рассудительные люди, дорожа делом просвещения и сожалея о печальной участи молодых нарушителей «порядка», неоднократно и настойчиво взывали к «здравому смыслу» студентов, советуя им не горячиться без толку, не забывать, что плетью обуха не перешибешь, и не губить задаром своей молодости:

Сила ломит и соломушку,
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей...

Как это часто случается с ними, благоразумные и рассудительные люди не понимали одного и притом самого главного: того, что постоянство всякого данного явления указывает на постоянство вызывающей его причины, и что, вследствие этого, все те, которые действительно дорожили судьбами русского просвещения и искренно сожалели о гибели русских молодых сил, нравственно обязаны были направить свои усилия на у с т р а н е н и е т я ж е л ы х у с л о в и й, д е л а ю щ и х с п о к о й н ы й у м с т в е н н ы й т р у д роскошью, почти совершенно недоступной для сколько-нибудь чуткого и отзывчивого русского студента. Об этих условиях добряки, читавшие благоразумные нотации молодежи, или совсем не упоминали, или упоминали в самых неопределенных и туманных выражениях.

Оно и понятно: прямое и резкое указание на эти условия могло бы вызвать неудовольствие начальства, а благоразумные и рассудительные люди слишком рассудительны и благоразумны для того, чтобы «прать против рожна», вводя начальство во гнев и во искушение. Но не менее понятно и то, что «песня безобразная» о силе, ломящей соломушку, не могла успокоить нашу учащуюся молодежь. Студенты продолжали волноваться чуть не ежегодно, и нынешней зимой их волнение разлилось по всем университетским городам такой широкой и такой сильной волною, а репрессивные меры, принятые против них правительством, оказались такими дикими и такими свирепыми, что на всей необ'ятной Руси, от хладных финских скал до пламенной Колхиды, началось сочувственное студентам движение. Тогда и в самых недогадливых головах промелькнуло, наконец, нечто похожее на догадку. Сам император признал «благовременным» приступить к «коренному пересмотру и исправлению нашего учебного дела». Это обстоятельство несколько развязало языки даже чрезвычайно осторожным публицистам. «Раз с высоты трона раздался призыв к участию в жизни школы семьи и общества,—об'явила газета «Россия» в номере от 8 апреля,—то голос общественной мысли не может оставаться безмолвным свидетелем событий, пассивным зрителем чужих ошибок, заблуждений и недоразумений». Лучше поздно, чем никогда! И хотя, конечно, «голос общественной мысли» не обнаружил большого гражданского мужества, оставаясь «безмолвным» (нечего сказать, хорош **«голос»!**) до тех пор, пока не получил ободрения «с высоты трона», но отсутствие гражданского мужества не всегда означает отсутствие гражданской мудрости. Как знать! Иногда и робкий человек даст такой совет, который принесет не мало пользы самым мужественным людям. Прислушаемся же к «голосу общественной мысли». Что говорит он учащейся молодежи? Какой свет проливает он на ее нынешнее невыносимое положение?

В статье, озаглавленной: «Что нужно нашим университетам?» и подписанной: «профессор», «Россия» (№ 702) указывает на необходимость устранения нынешнего университетского устава, который, — по справедливому замечанию г. «профессора», — продиктован интересами политики, а не науки

и учебного дела. Г. «профессор» требует возвращения к уставу 1863 г. Это совершенно определенный план. Вопрос заключается лишь в том, могло ли бы осуществление этого плана в самом деле обновить нашу университетскую жизнь и обеспечить ей спокойствие, безусловно необходимое для ее правильного развития. Г. «профессор», повидимому, думает, что да, а мы убеждены, что нет.

Г. «профессор» утверждает, что устав 1863 г. основан был на избирательном начале. Это более или менее справедливо в отношении к учащим. Но в какой мере пользовались «избирательным началом» учащиеся? Всякий знает, в какой. Они совсем не пользовались им, потому что выбирать им было некого. Студенты представляли собой большее или меньшее число единиц, не связанных между собою никакими легальными отношениями. Студенческие корпорации были запрещены. Чем была продиктована эта мера: интересами политики или интересами науки? На этот вопрос, разумеется, может быть только один ответ: интересами политики. Какова же была политика, помешавшая ввести в устав 1863 года право студенческих корпораций? Ясно, что в этой политике было очень мало либерального. Это была та «охранительная» политика, которая всеми способами старается помешать проникновению освободительных идей в наше студенчество. Составители устава 1863 года боялись, что корпорации облегчат это проникновение; поэтому они запретили корпорации. Неужели это не ясно г. «профессору»? А если это ясно ему, то зачем же он изображает в ложном свете устав 1863 года? Зачем он вводит в обман общественное мнение?

Волнения учащейся молодежи почти ежегодно возобновлялись в семидесятых годах, т.-е. именно тогда, когда действовал устав 1863 года. Почему г. «профессор» думает, что этот устав, не устранявший недовольства студентов семидесятых годов, успокоит нынешних студентов? Или, может быть, он вовсе не задается целью их успокоения? Может быть, он и сам хорошо знает, что возвращением к уставу 1863 года не предупредишь университетских «историй»? Но в таком случае он совсем обходит вопрос, поставленный на очередь царским рескриптом на имя нового министра народного просвещения. Ведь «коренной пересмотр и ра-

дикальное исправление нашего учебного дела» предпринимаются правительством именно для того, чтобы положить конец студенческим волнениям. Кто не хочет говорить о средствах достижения этой цели, тот остается «безмолвным свидетелем событий, пассивным зрителем чужих ошибок, заблуждений и недоразумений». А ведь «Россия» убеждена, что теперь, после пресловутого «призыва с высоты трона», такая роль нравственно непозволительна!

II

В интересах истины спешу заметить, что не все наши профессора готовы удовольствоваться возвращением к уставу 1863 года. Так, «Русские Ведомости» сообщали от первого мая, что некоторые из факультетов высказались за «разрешение в известных пределах студенческих организаций, имеющих целью как выяснение их нужд, так и благотворительные цели (кассы взаимопомощи) и этические (студенческие суды)». Подобные проекты вообще нередко появляются теперь в различных органах нашей печати. Я не буду останавливаться ни на одном из них в частности, потому что к тому времени, когда выйдет вторая книжка «Зари» и предлагаемая статья дойдет до читателя, судьба всех этих проектов, вероятно, будет уже решена волею начальства в том или другом смысле. Я выскажу лишь общий взгляд свой на возможное значение академической свободы в деле преследования той цели, которую поставило себе правительство Николая II, т.-е. в деле успокоения нашей учащейся молодежи.

Я, разумеется, желаю студентам всяких благ, а потому и всяких прав. Я прекрасно понимаю, какими тисками сдавливает их нынешний университетский устав, и очень обрадуюсь его устранению. Но я убежден, что коренная причина студенческих волнений заключается не в недостатках университетского устава и не в отсутствии у нас академической свободы, как ни велики эти недостатки и как ни печально это отсутствие. Она лежит глубже. Она заключается в том диком произволе, который тяготеет надо всей русской землей и с которым не может теперь помириться ни один мыслящий и бескорыстный русский человек. Недовольство, выражающееся в студенческих волнениях, коренится в общем недовольстве интеллигенции. Нашему полицейскому госу-

дарству искренно сочувствуют теперь разве только в полицейских участках: все живое, все независимое относится к нему с почти нескрываемым презрением и с почти неопредолимым отвращением. Это презрение и это отвращение составляют нравственную атмосферу, господствующую в интеллигентном обществе; тысячи и тысячи детей усваивают его по наследству от родителей, всасывают с молоком матери. Университеты только укрепляют, развивают и обнаруживают то недовольство, которое вызывается и поддерживается общими условиями русской жизни. И пока наше полицейское государство, со свойственным ему циническим попиранием элементарнейших прав человеческой личности, не отойдет в область тех печальных преданий, которым, по выражению Грибоедова, верится с трудом, пока оно не уступит места так называемому правовому, т.-е. конституционному государству, до тех пор лучшая часть русского студенчества останется оппозиционным общественным элементом и до тех пор ее оппозиционное настроение не перестанет прорываться время от времени в виде волнений. Академическая свобода, конечно, необходима для наших учебных заведений. Но ее недостаточно. Она должна быть дополнена политической свободой. Чтобы успокоить мыслящего русского студента, надо эмансипировать русского обывателя, превратив его в гражданина.

Это до такой степени верно, что смутное сознание этого проникает даже в головы, совсем не зараженные революционными идеями. Так, например, «С.-Петербургские Ведомости», в статье «Квинтэссенция университетского вопроса» (№ 110), категорически об'явили, что «невозможно выдумать такой университетский устав, который гарантировал бы против возможности нарушения спокойного течения академической жизни». Ввиду того, что основная причина аномалий «имеет общий характер», лечить эти аномалии возможно только посредством законодательных мер общего характера. Названная газета выставила даже целую программу таких мер. Вот эта программа.

«Предоставление большого простора общественным инстинктам и общественной самодеятельности, главным образом, путем правильной организации местного самоуправления, усиления начала законности, в частности, обеспечения прав личности путем

замены начала личного усмотрения, где оно по существу дела не является необходимым, точным обеспечением прав и обязанностей с надлежащей санкцией и контролем их осуществления; постановка печати на почву определенной законной нормировки с уголовно-судебной, хотя бы и очень строгой, ответственностью на случай нарушений».

Газета наивно думает, что законность и общественная самодеятельность могут процвести у нас даже при абсолютизме, который сковывает Россию по рукам и по ногам и который беззаконен по своему существу. Но как ни велико ее заблуждение в этом случае, она права в своем скептическом отношении к радужным надеждам, возлагаемым на пересмотр университетского устава. «Коренной пересмотр и исправление нашего учебного дела» представляют собою гораздо более сложную и трудную задачу, чем это думал Николай II или — точнее—автор рескрипта на имя г. Ванновского. Решение этой сложной и трудной задачи предполагает предварительное решение другой задачи, не педагогического, а общественного характера. Задача эта называется «коренным пересмотром и исправлением» нашего политического порядка.

Правительство Николая II не помышляет об этой последней задаче, да оно и не могло бы, разумеется, решить ее. Вот почему я убежден, что еще не так скоро придет то желанное время, когда наша учащаяся молодежь получит возможность спокойно заниматься науками, и когда родители перестанут дрожать за участь детей, поступающих в высшие учебные заведения.

И именно потому, что, к моему крайнему сожалению, еще не так скоро придет это желанное время; именно потому, что лучшей и благороднейшей части нашего студенчества суждено еще довольно долго гореть святым огнем гражданского негодования, я не хочу предаваться бесполезным сожалениям о тех страданиях, которые ей еще предстоит испытать, и о тех жертвах, которые еще не один раз будут вырваны из ее рядов и принесены Молоху полицейского порядка. Пусть московские профессора слезливо голосят на тему о самообладании, спокойствии, покорности, умеренности и аккуратности. Я предпочитаю напомнить русскому студенчеству те благородные слова, с которыми великий Фихте некогда обращался к своим слушателям.

«Я убежден,—говорил этот благородный мыслитель,—что царству исконного врага человеческого рода—зла вообще, в различные эпохи являющегося в самых различных видах,—конец может быть положен только развитием науки в человеческом роде. Вам известно, что я разумею под этим воплощение знания, разума, мудрости в самую жизнь... Но эта духовная война против зла требует внешнего мира, тишины, неприкосновенности личностей, ее ведущих. Если бы это условие было нарушено, если бы свободное развитие человеческого духа стеснялось или запрещалось, тогда прежде всего другого следовало бы завоевать эту свободу, ничего не щадя для нее, жертвуя ей кровью и достоянием, потому что, если она не завоевана и пока она не завоевана, немыслимо никакое улучшение человеческих отношений, и человеческий род вынужден вести постыдное и бесцельное существование».

Как не похожа эта мужественная проповедь на слезливые причитания московских книжных червей! Фихте был будильником, а московские книжные черви взяли на себя роль усыпителей. Они как будто и не догадываются, что их воззвание к студентам навсегда останется позорным документом в истории московского «ученого сословия» [1]).

Какой-нибудь книжный червь возразит мне, пожалуй, что Фихте говорил собственно о борьбе с иноземным завоевателем. Но это будет пустое возражение. Во-первых, Фихте, говоря по поводу частного случая, — предстоявшей борьбы с иноземным завоевателем,—высказал общий свой взгляд на нравственную обязанность всех мыслящих граждан всякой страны, в которой нет свободы и неприкосновенности личности и население которой вынуждено, поэтому, вести постыдное и бесцельное существование. А во-вторых, откуда же видно, что иностранное иго вреднее и унизительнее, чем иго, налагаемое на страну ее собственным правительством? Мы, русские, давно уже имели мно-

[1]) При собирании подписей к этому позорному документу начальство прибегло к не менее позорным приемам, занимающим среднее место между шантажем и подлогом. Имена некоторых профессоров подписаны были под воззванием против их воли. Эти профессора довели об этом до сведения читающей публики. Но зато другие, составляющие большинство, как видно, подписались добровольно и по существу против воззвания ничего не имеют.

жество превосходнейших случаев убедиться в том, что «турки внутренние», куда опаснее для нас, чем «турки внешние».

III

К сожалению, на роль усыпителей у нас теперь, как и всегда, очень много охотников. Та же газета «Россия», которая ничего не придумала для обновления нашей университетской жизни, кроме жалких паллиативов, сочла своим долгом предостеречь учащуюся молодежь от увлечения духом борьбы. Она посоветовала ей доверчиво отнестись к царю, «благожелательная заботливость» которого является будто бы единственной опорой студенческих требований: «Вне этой опоры,—говорила газета,—не только студенчество, но и все русское общество лишено возможности пред'являть какие бы то ни было требования, потому что ничем не может подкрепить эти требования».

«Россия» верит в «благожелательную заботливость» Николая II. Блажен, кто верует! Однако, на чем основывается эта ее вера? Мы уже знаем,—со слов писавшего в «России» г. «профессора»,—что университетский устав 1884 г. был продиктован интересами реакционной политики. Мы знаем также, что и при составлении устава 1863 года интересы реакционной (или, по крайней мере, консервативной) политики не были забыты. Но допустим на минуту, что политика, продиктовавшая устав 1863 года, была очень либеральна. Спрашивается, как относится к ней император Николай II? Всякий знает, что он относится к ней совершенно так же, как относился император Александр III, которому политика его отца представлялась чуть не революционной политикой, достойной, если не якобинца, то, по меньшей мере, жирондиста. Николай II оставался верным орудием реакции с самого начала своего царствования, с того самого момента, когда, вступив на «прародительский престол», он, в своей знаменитой речи, назвал «бессмысленным мечтанием» всякую надежду на добровольные уступки со стороны самодержавной власти. И все действия его правительства не только не заключают в себе ни малейшего намека на перемену его образа мыслей, но, напротив, ежедневно и, можно сказать, ежечасно

приносят нам все новые и новые доказательства того, что он твердо решился оставаться на пути, указанном ему Александром III. Его «благожелательная заботливость» не дала и не дает нам ничего, кроме ряда самых реакционных мероприятий; а газета «Россия» приглашает своих читателей ждать от царя великих и богатых милостей; она уверяет — не только студентов, но и всех русских обывателей,—что его добрая воля является надежнейшим фактором нашего прогресса. Это уже слишком! Русские обыватели не лишены, правда, весьма значительной доли наивности. Но при всей их наивности вряд ли кому удастся теперь убедить их в том, что курочка бычка родит, а поросеночек яичко снесет.

Да и что такое эти знаменитые отныне «Временные правила», применение которых вызвало такое глубокое негодование как в России, так и во всем цивилизованном мире? Они явились логическим последствием реакционной политики, продиктовавшей университетский устав 1884 года, и необходимым дополнением этого устава. Их идея зародилась впервые еще в 1882 году. Ее отцом был — нужно ли прибавлять это? — Торквемада-Победоносцев, который предложил ее «Особому Совещанию» министров, состоявшемуся осенью 1882 года по поводу происходивших тогда студенческих волнений. По проекту г. Победоносцева следовало «отдавать в дисциплинарные батальоны и роты тех из воспитанников высших учебных заведений, которые за свое дерзкое и грубое неповиновение начальству не только заслуживают исключения, но и требуют особых мер для исправления» [1]). В то время мысль эта хотя и была очень сочувственно встречена Александром III, но все-таки осталась без практических последствий. В 1899 году она, в несколько смягченном виде, легла в основание «Временных правил». Правительство Николая II выполняло то, перед чем остановилось даже правительство Александра III. Нечего сказать, очень много обещает «благожелательная заботливость» главы этого правительства!

---

[1]) Смотри напечатанные в «Листках» г. В. Черткова «Тайные документы о мерах против студенческих беспорядков», стр. 46.

Уже одно то обстоятельство, что «на особо важную ныне должность министра народного просвещения» призван был старый, ограниченный солдат, из тех, которых называют «бурбонами», должно было бы очень сильно поколебать веру в царскую «заботливость» об учащейся молодежи. Ведь г. Ванновский был одним из немногих министров Александра III, принявших в принципе мысль г. Победоносцева об отдаче в солдаты студентов, уличенных в неповиновении начальству. Он был только против определения их в дисциплинарные батальоны [1]). Он стоял, значит, как раз за ту меру, которая была осуществлена впоследствии в виде «Временных правил» и довела учащихся чуть не до восстания с оружием в руках. И этому-то человеку император поручил успокоить молодежь, внеся в дело ее воспитания «разум, любовь и сердечное попечение»! Этот-то фельдфебель, когда-то находивший как нельзя более естественной мысль об «успокоении» студентов посредством шагистики, произведен во всероссийские «Вольтеры» с обязательством начать новую эру в истории нашего просвещения, отдав молодежи свое сердце нежное, как ласка!

Поистине можно сказать, что, если, призывая г. Ванновского, наш батюшка не насмехался над своими «верноподданными», то он обнаружил полнейшее, всесовершеннейшее непонимание нынешнего положения наших университетов. А у нас нашлись люди, усмотревшие в его рескрипте на имя фельдфебеля-Вольтера широкую либеральную программу и умилившиеся там, где уместны и позволительны были только гнев, негодование и насмешка!

Правда, в своем докладе о студенческих беспорядках 1899 года г. Ванновский уже не говорил об отдаче опальных студентов в солдаты. Он даже указывал на необходимость «немедленного пересмотра уставов высших и средних заведений», а в ожидании такого пересмотра рекомендовал «частное исправление уставов», в проекте которого фигурирует, между прочим, «введение с должной осторожностью постепенно и в пределах возможности корпоративного устройства студентов» [2]). Но, во-первых, корпоративное устройство

[1]) Там же, стр. 47.

[2]) Смотри изданный «Рабочим Знаменем» «Доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков 1899 года», стр. 50 и 51

не шло в проекте г. Ванновского дальше «курсовых старост и курсовых сходов по примеру Военно-Медицинской Академии»[1]); во-вторых, введение корпоративного устройства сопровождалось, в том же проекте, *усилением инспекции*[2]) и *ограничением числа студентов*[3]); в-третьих, к человеку, сравнительно недавно одобрявшему отдачу студентов в солдаты, общество не должно было бы относиться с доверием даже в том случае, если бы он теперь решительно осудил эту меру; а в-четвертых, этот человек совсем и не показывает, что она ему не нравится: ведь студенты, отданные в солдаты за «беспорядки» текущего года, остаются в казармах, хотя г. Ванновский имеет полную возможность вернуть их в университетские аудитории[4]). Новый министр народного просвещения, очевидно, продолжает верить в педагогические свойства *учебного шага*. Много ли обещает нашей учащейся молодежи его «сердечное» о ней попечение?

IV

Очень ошибся бы тот, кто подумал бы, что неуместное умиление по поводу царского рескрипта выразилось лишь в органах, подобных «*России*», с которых нечего и взыскивать ввиду их не-

---

[1]) Там же, стр. 52.

[2]) Там же, стр. 51.

[3]) Там же, стр. 50: «Установление количества студентов в соответствии с вместимостью университета (речь идет о Петербургском университете) ибо в настоящее время последний не может вместить в себе всех студентов, если бы они явились туда одновременно». Реакционная подкладка этого предложения едва ли нуждается в раз'яснениях.

[4]) В настоящее время общество «дождалось» - таки «акта милосердия» генер. Ванновского: студенты «помилованы», но помилованы так, как это привыкло делать самодержавное правительство. Несколько из'ятий от общей кары — вот единственный ответ правительства на чаяния общества, вот награда студентам за то, что они — вопреки призывам «непримиримых» — возобновили занятия, выразив свое доверие добрым намерениям ген. Ванновского. Мы говорим о нескольких из'ятиях потому, что большинству сданных в солдаты студентов «Манифест» дает только зачет их подневольной службы в тот срок, который они должны были бы отбывать, как *исключенные* студенты. Самого исключения «Манифест» для этой категории студентов не отменяет, равно как и связанной с этим исключением потери права служить вольноопределяющимся.

сомненной «оголтелости». Нет, это умиление высказалось даже в таких изданиях, к которым, казалось бы, можно было пред'явить более серьезные требования и которые, à tort ou à raison, считаются у нас прогрессивными. Вот, например, в «Русских Ведомостях» г. П. Обнинский, «старый студент, слушавший Грановского», обнаружил восторженность, достойную лишь публицистов «России» и «Нового Времени». Г. П. Обнинский сравнивает положение дела нашего высшего образования с положением у нас железнодорожного дела: «Катастрофы, снежные заносы, опоздание поездов, долгие остановки среди пустынных полей, ветхие паровозы — вот обычные темы нашей железнодорожной хроники; за катастрофой следует дознание, допрашиваются свидетели и эксперты, но получается хаос мнений и заключений, в котором трудно разобраться: одни знают истинную причину беды, но боятся сказать ее, другие, похрабрее, но близорукие, указывают ее не там, где она существует на деле, третьи и готовы были бы сказать правду, но их не спрашивают, и когда потерпевшие пассажиры бросаются к жалобной книге, таковая оказывается запертой, а ключ неизвестно у кого». Нечто подобное происходило у нас и с просвещением. «Здесь те же катастрофы, те же остановки, та же затаенная правда, та же запертая жалобная книга». Так было,—по словам г. П. Обнинского,—до самого недавнего времени, а теперь, после появления рескрипта на имя г. Ванновского, дело обстоит совершенно иначе, теперь отыскался ключ и раскрылась жалобная книга. «Заговорило общество, заговорила печать и, санкционируя их заветные пожелания, рескрипт на имя нового министра народного просвещения открыл широкую и свободную возможность для всесторонней расчистки и исправления загроможденного пути» [1]).

Широкая и свободная возможность! Вашими бы устами, г. Обнинский, да мед пить! Но в качестве «старого студента, слушавшего Грановского», вам можно было бы знать, что широкое и свободное обсуждение такого важного, обширного и сложного вопроса, как вопрос «о судьбах нашего высшего образования», невозможно без полной свободы печати, ко-

[1]) «Р. В.», № 104, фельетон: «К университетскому вопросу».

торая играет теперь роль запертой на ключ жалобной книги. Нам не было ни малейшей надобности отыскивать этот ключ: мы очень хорошо знаем, что он находится в руках у начальства. Но беда в том, что начальство, захватившее его в свои руки, не допускает к жалобной книге никого из тех людей, которые, пренебрегая безосновательным умилением, сумели бы и захотели бы крупно и четко, «черным по белому», написать в ней, кто — истинный виновник заносов, остановок, катастроф и опозданий, так сильно тормозящих ход русского просвещения. А пока люди этого разряда не имеют доступа к жалобной книге; пока ею имеют право пользоваться только прекрасные души, неспособные пойти дальше робких вздохов и плаксиво-либерально-благонамеренных славословий, до тех пор ее надо считать закрытою, и до тех пор «всесторонняя расчистка и исправление загроможденного пути» останутся, — говоря слогом его императорского величества, — бессмысленными мечтаниями.

Чем обнаружил новый министр народного просвещения свою готовность исполнить «благие пожелания» г. П. Обнинского? Решительно ничем.

«Я приглашаю учащуюся молодежь с доверием относиться к мероприятиям правительства, верить в неустанные о ней попечения, помнить свой долг и, спокойно занимаясь изучением наук, дать нам возможность посвятить свое время и силы на устроительство русской школы и учебного дела. Я глубоко убежден и свято верю, что, при дружном единении и взаимном содействии, мы, с Божьей помощью, в ближайшем будущем будем поставлены в возможность исполнить желание возлюбленного монарха: видеть в русской молодежи твердую и верную надежду отечества и стойкую опору в его будущем».

Так говорит г. Ванновский в своем приказе по корпусу... виноват, я хотел сказать по министерству народного просвещения. Его слова заключают в себе не больше и не меньше того, что должен был и мог сказать министр неограниченного государя: пусть только студенты ведут себя смирно, и тогда правительство, не отвлекаемое от своей великой цели их волнениями, обучит и воспитает их... согласно желанию возлюбленного монарха. Министр Николая Пер-

вого, «Незабвенного», сказал бы совершенно то же самое. Где же тут обещание серьезных реформ? Где же тут действительное понимание важности взятой на себя обязанности?

Правда, в своем «приказе» г. Ванновский обращался к «родителям и семьям учащихся», приглашая их помочь ему «в осуществлении великого дела воспитания молодого поколения». Новый министр вполне справедливо заметил, что основы воспитания лежат в семье. Но подобные трюизмы не доказывают ровно ничего и никому не дают право видеть в г. Ванновском какого-то Тюрго всероссийского просвещения. Г. Ванновский говорил о «домашнем воздействии» родителей на детей. Пусть же слушатель Грановского скажет нам, где, когда и какое правительство запрещало родителям воспитывать своих детей в духе, согласном с общим направлением правительственной политики? Такого правительства нигде и никогда не было. Даже в царствование «Незабвенного» русские обыватели имели полное право кричать «ура!» и изображать перед своими чадами и домочадцами прелести самодержавия, православия и народности.

Г. П. Обнинского и подобных ему «прогрессистов» умилило слово: «приглашаю», которое они немедленно заменили в своем уме словом: «призываю». Они забыли, что призыв призыву рознь, и что есть такие призывы, которые, как говорится, хоть брось. Некогда Александр II, напуганный «нигилистами», призывал петербургских домовладельцев следить за своими жильцами, т.-е. исполнять обязанность сыщиков. Неужели и такой призыв заключал в себе нечто многообещающее? Неужели и он сулил осуществление чьих-нибудь «заветных пожеланий»?

«Московские Ведомости» имели полное основание насмехаться над добряками, вообразившими по своей крайней простоте, что царский рескрипт на имя г. Ванновского и «приказ» этого последнего предвещают созыв русского парламента.

До какой степени мало склонен г. Ванновский к парламентскому образу правления, показала речь, с которой он обратился 6-го апреля к чиновникам своего министерства.

«Я не намерен, — об'явил он им, — созывать многочисленных комиссий, которые часто замедляют и осложняют ход дела; я буду собирать их по мере надобности из лиц, которые лично мне из-

вестны своею опытностью и знаниями и помогут мне разобраться в вопросах учебного дела».

Вот оно как!

Господин Ванновский не хочет слышать *даже о комиссиях*, которые все-таки рассуждают и разговаривают, между тем как он, в своем качестве военного человека, не терпит ни рассуждений, ни разговоров, а признает только «команды слова», употребляемые, как известно, по большей части в повелительном наклонении: «*стой!*», «*слушай!*», «*равняйся!*», «*стройся!*», «*заряжай!*» и т. п. А «прогрессисты» вроде г. П. Обнинского ждут от него расширения общественной самодеятельности. Святая простота!

Самодержавию царя соответствует самодержавие его министров, а самодержавие его министров естественно дополняется самодержавием прочей чиновной братии. И ни одна из этих эманаций «излюбленного монарха» не думает отрекаться от принадлежащей ей частицы абсолютизма. Если наше общество хочет *самодеятельности*, то ему надо *вырвать ее*: *выпросить* ее невозможно.

V

Царь, сделавший строгий выговор князю Вяземскому за то, что тот попытался остановить варварское избиение безоружных манифестантов на Казанской площади, не может быть заподозрен даже и в самом умеренном либерализме. Он простирает свою «благожелательную заботливость» лишь на свою *опричину*. Рассчитывать на его добрую волю значит тешить себя ребяческим вымыслом. Это ясно, как день. И, однако, наши более или менее «передовые» друзья просвещения, толкующие о добрых намерениях императора, далеко не так наивны, как они кажутся на первый взгляд. В основе всех их толков на эту тему лежит сознание той бесспорной истины, что *политические отношения определяются отношением сил*. Читатель помнит, какими соображениями подкрепляла газета «*Россия*» благоразумный совет, данный ею студенчеству. «Благожелательная заботливость царя» есть единственная опора студенческих требо-

ваний: «вне этой опоры не только студенчество, но и общество лишено возможности пред'являть какие бы то ни было требования, потому что ничем не могут подкрепить эти требования».

Das also war des Pudels Kern! Мы должны быть смирны, потому что мы бессильны. Это по-своему совершенно логично. Кто требует, тот должен быть готов, в случае отказа, вступить в борьбу. Для борьбы нужна сила. Исход борьбы зависит от соотношения сил. Кто заранее сознает себя бессильным, тот не требует ничего; он только просит и надеется. Все это вполне верно и все это значит, что свободомыслящая часть русских обывателей добьется своих благих пожеланий только в том случае, если будет обладать силой. Вопрос нашей политической эмансипации есть вопрос силы.

Из этого сам собою вытекает такой вывод.

Кто не содействует, тем или другим способом, росту силы, способной положить конец существующему у нас порядку вещей, тот ровно ничего не делает для освобождения своей родины. А кто, потой или другой причине, хотя бы, например, по причине неумения или нетерпения, препятствует росту этой силы, тот совершает тяжкий, хотя, может быть, и невольный грех против свободы.

Запомним этот вывод. Он очень пригодится нам при обсуждении практических задач, поставленных на очередь событиями текущего года.

Где же сила, способная противостать давящей нас власти?

Студенты не раз обращались к обществу. К нему же—не один раз—взывала и наша революционная печать. Я нисколько не осуждаю таких воззваний. Я очень хорошо понимаю их. Но я спрашиваю читателя, как велика сила нашего общества, и способна ли эта сила справиться с царизмом?

Газета «Россия» уверяет, что общество совершенно бессильно. Это и правда, и неправда. Неправда — потому, что наше общество очень сильно в возможности. Правда — потому, что оно было до сих пор совершенно бессильно в действительности.

Несмотря на все свое презрение и отвращение к полицейскому государству, наше образованное общество привыкло покоряться и молчать даже в таких случаях, когда покорность и молчание становятся стыдом и преступлением. Оно молчало, когда лучшие люди русской земли гибли в ссылке и в изгнании, в каменных мешках крепостей и в ледяных пустынях Сибири. Оно молчало, когда в ответ на стоны голодного народа правительство издавало предписания, затруднявшие помощь голодающим, и тем буквально вырывало у нищего суму. Оно молчало, когда его собственные дети, плоть от его плоти и кость от его костей, погибая в неравной борьбе с разнузданной полицейской властью, протягивали к нему руки и просили его о поддержке. Оно молчало, молчало и молчало, отвечая на дикие выходки коронованных и прочих самодуров разве только подавленными вздохами. Таково было общее правило. Откуда же оно взялось? Отчего наше общество оставалось безответным? Оттого ли, что русские люди—рабы по природе своей? Нет и тысячу раз нет! Рабами делаются, а не родятся. Такие имена, как Рылеев, Пестель, Михайлов, Чернышевский, Бардина, Желябов и многие другие, прославленные наши соотечественники, ясно доказывают своим примером, что и русские сердца могут быть, по выражению Пушкина, для чести живы, что и в них может жить горячая любовь к свободе и непримиримая ненависть к деспотизму. Если борцы, подобные только что названным, составляли лишь чрезвычайно редкое исключение, своим примером еще более оттеняя жалкую покорность окружавшего их общества, то, во-первых, герои везде более или менее редки, а во-вторых — постыдная апатичность нашего общества легко об'ясняется тем, что оно не могло рассчитывать на деятельную поддержку со стороны народа. Герцен справедливо заметил, что так как народ не понимал декабристов, то их смелое предприятие было заранее осуждено на неудачу. То же самое приходится сказать и обо всех других неудачных освободительных попытках, имевших у нас место после восстания на Сенатской площади; все они об'ясняются отсутствием поддержки со стороны народа. Н. Г. Чернышевский горько жаловался в своих «Письмах без адреса» на равнодушие народа к стремлениям нашей передовой интеллигенции шестидесятых годов. Такая же горькая жалоба ча-

сто слышится в некоторых сочинениях Г. И. Успенского и в воспоминаниях многих революционеров следующего десятилетия. Народ, который очень много выиграл бы, если бы осуществились стремления революционеров, продолжал видеть в царе своего верного друга и заступника, а в революционерах — нетерпеливых выразителей эксплоататорских стремлений нашего дворянства и чиновничества. В этом заключался глубокий трагизм истории нашей свободомыслящей интеллигенции. Несмотря на отчаянные попытки сойтись с народом, свободомыслящие русские люди не могли перескочить через пропасть, отделявшую их от него, и потому по необходимости оставались, по выражению того же Герцена, умною ненужностью, иностранцами у себя дома. Общество знало об этом разрыве с народом и понимало вытекающие из него практические последствия. Поэтому, сочувствуя революционерам, по крайней мере в том, что составляло политический элемент их стремлений, оно, говоря вообще, не верило в их победу и, в свою очередь, оставляло их без серьезной поддержки. Оно покорялось и молчало по той простой причине, что протест и борьба не сулили ему никакого практического успеха. Чтобы поколебать этот скептицизм и преодолеть вытекающую из него апатию, нужны были такие знамения, которые отсутствовали в нашей общественной жизни. Только смелые подвиги народовольцев разбудили на короткое время наше общество, породив в нем некоторую надежду на избавление. Но народовольцы были разбиты, и общество сделалось еще более апатичным, чем было. Состояние России после разгрома народовольцев можно хорошо охарактеризовать словами Некрасова:

Слышно только, о ночь беспросветная!
Вихри злобы и бешенства носятся,
Над тобою, страна безответная;
Все живое, все честное косится...

Вполне и надолго разбудить наше общество смогут только такие факты, которые покажут всем, имеющим очи, что пропасть, отделяющая свободомыслящую интеллигенцию от народа, исчезла или, по крайней мере, исчезает. В обществе явится бодрость и надежда на лучшее будущее, когда оно увидит, что в народной массе или хоть в некоторой, наиболее развитой ее ча-

сти, начинается движение, способное поколебать непоколебимую прежде основу «власти роковой». Факты, свидетельствовавшие о начале такого движения, стали появляться не со вчерашнего дня. В печальное царствование Александра III они одни только и составляли светлые точки на мрачном фоне нашей общественной жизни. Но тогда этих светлых точек было еще слишком мало, и они гасли, казалось, совершенно бесследно. Им придавали значение только очень немногие «интеллигенты». Большинство на минуту поражалось ими, — как поразилось оно, например, морозовской стачкой 1886 года, — но затем забывало о них под влиянием какой-нибудь более обычной и более понятной «злобы дня». Людей, указывавших на рабочее движение, как на новую, грядущую общественную силу, третировали, как чудаков, смотрящих на Россию сквозь немецкие очки и мешающих серьезным русским людям делать серьезное русское дело. Только колоссальные, массовые стачки петербургских рабочих весною 1896 года показали, что эти чудаки были не совсем неправы и что их «немецкие» теории не так уже «неприложимы» к русской действительности, как это утверждали народники и суб'ективисты. Но сильное впечатление, произведенное стачками 1896 года, постепенно сглаживалось, и наше общество оставалось все еще очень далеким от понимания того, до какой степени изменяются шансы освободительной борьбы с царизмом, благодаря начинающемуся движению рабочих. Чтобы приблизить его к пониманию этой истины, нужны были потрясающие события текущего года.

VI

Я сказал, что в нынешнем году у нас произошли так называемые студенческие волнения. Это так, но это не все. Студенческие волнения никого не вразумили бы именно потому, что они составляют обычное явление нашей университетской жизни. Замечательно и поучительно в этих волнениях то, что к студентам очень сочувственно отнеслась рабочая масса. Поэтому на вопрос, что же именно произошло в нашем отечестве, надо отвечать так:

Произошли, во-первых, волнения студентов, поддержанных значительной массой рабочих. Огромное общественное значение событий текущего года определяется, между прочим, именно этим сочувственным отношением к студенчеству многих тысяч рабочих. Высказывая такой взгляд, я очень хорошо знаю (по горькому опыту), что иной, зараженный «экономическими» предрассудками, читатель может упрекнуть меня в стремлении сделать из русских пролетариев политических вассалов свободомыслящей интеллигенции. Но такой упрек будет столь же несправедлив, как и все прочие упреки, посылаемые «экономистами» революционной социал-демократии.

В том-то и заключается величие современной идеи рабочего сословия, что самоотверженная защита всех угнетенных и энергическая поддержка всех несправедливо обиженных и униженных принадлежит к числу насущнейших и важнейших интересов пролетариата. Если пролетариат хочет поставить защиту своих классовых интересов на широкую основу политической борьбы, он должен бороться за общие интересы истины, культуры, справедливости и человечности. Сознательные русские рабочие уже по одному тому не могли равнодушно смотреть на полицейскую расправу со студентами, что ярмо полицейского произвола давит их собственную шею и что их собственная шея изранена этим ярмом. Сознательный слой русского пролетариата обязан был поддержать студентов, потому что студенты расшатывали полицейское государство, по рукам и по ногам сковавшее все трудящееся население России. Политическая зрелость русского рабочего класса в значительной степени будет измеряться теперь мерою его сочувствия каждому прогрессивному общественному движению, направленному против существующего порядка вещей. И русский пролетариат показал, что он уже умеет сочувствовать движениям этого рода. Участие многих тысяч рабочих в демонстрациях нынешнего года составит эпоху в истории политического развития нашей страны.

«Касса взаимопомощи» студентов Петербургского университета в своем февральском листке, напечатанном в типографии «Союза борьбы», указывая на политическое значение нашего университетского вопроса, старалась ободрить сту-

дентов будущим сочувствием со стороны рабочих. «Решения университетского вопроса, — говорилось в листке, — надо искать в решении более широкого и неотложного вопроса — вопроса о расширении политических рамок для русской общественной жизни... Насильникам надо противопоставить силу... А эта сила уже растет, ее выдвигает сама жизнь, в ней лежит залог лучшего будущего. Быстро расползается она по стране, охватывая ее все цепче и крепче, грозная, пока бессознательная. Но пробудись в ней сознание — и конец абсолютизму, конец замаскированному рабству» [1]).

Авторы листка говорили о пробуждении политического сознания в русском пролетариате, как о деле будущего. Они имели полное право говорить о нем в настоящем времени. Они могли бы, нисколько не греша против действительности, указать своим читателям на то, что наша трудящаяся масса, в лице своих передовых слоев, уже становится сознательной, и что, вследствие этого, для «замаскированного рабства» наступает уже начало конца. Но не забудем, что листок вышел в феврале. В апреле или в мае, после московских, харьковских, киевских и петербургских (майских) событий, авторы листка уже не говорили бы о рабочем классе, как о силе «пока бессознательной». И они, конечно, радостно поздравили бы борющееся студенчество с новым и самым надежным союзником.

Выступление рабочих на арену политической борьбы явилось нагляднейшим и убедительнейшим опровержением доводов, выдвигаемых рассудительными и благоразумными людьми в пользу смиренномудрия. Оно показало, что газета «Россия» (сознательно или бессознательно) говорила неправду, уверяя студентов в том, что они, равно как и все русское общество, ничем не могут подкрепить свои требования. Теперь ясно, что студенчество и общество могут быть сильны не «заботливой благожелательностью» царя, составляющей надежную «опору» только для разбойников пешей и конной полиции, а поддержкой со стороны рабочего класса. Теперь борьба с царизмом утрачивает свой, некогда безнадежный, характер. Теперь сама жизнь

[1]) Цитировано из № 3 «Искры».

внятно отвечает на вопрос, где можно найти силу, необходимую для борьбы за политическую свободу. Поэтому молчание утрачивает теперь всякую тень оправдания, а политическая апатия становится непростительным грехом не только перед Россией, но и перед всей Европой, в которой наш царизм всегда и неутомимо играл роль добровольного жандарма.

Что передовые элементы русского общества значительно ободрились под влиянием сочувственного отношения рабочих к студентам, это видно по многим признакам. Я не хочу указывать на них страха ради полицейска; при том же читатель, наверное, и сам их подметил [1]). Замечу только, что чем больше оппозиционные элементы нашего общества проникнутся сознанием огромной политической важности революционного рабочего движения и чем деятельнее они будут поддерживать его, тем в большей мере их возможная сила перейдет в действительную.

Чтобы победить царизм, надо быть в состоянии противопоставить (по вышеприведенному выражению студенческого листка) насильникам силу. Такой силы, которая с успехом могла бы противостать насильникам, у русского общества нет и быть не может, как нигде не было ее у высших классов, по крайней мере в течение так называемой новой истории. Даже в Англии семнадцатого века, где королевская власть еще только стремилась к самодержавию и где она далеко не располагала оборонительными средствами современных нам правительств, революционной буржуазии удалось победить короля лишь потому, что она была поддержана низшими слоями населения. Но, не будучи в состоянии поразить «насильников» своей собственной силой, общество может в высокой степени содействовать развитию революционной силы народа. Во Франции оппозиционные и революционные слои буржуазии не только сделали особенно много для пробуждения и роста политической мысли в рабочем классе, но также имели решительное влияние на ход и исход народных демонстраций и народных восстаний. Хотя эти слои и не принимали непосредственного участия, — или принимали лишь слабое непосред-

[1]) Наша легальная печать, по совершенно понятным причинам, никогда не была точным выражением общественного мнения. Теперь она выражает его, может быть, менее точно, чем когда бы то ни было.

ственное участие в уличной борьбе, однако они поддерживали восставших, оказывая им множество мелких, но незаменимых услуг, а главное—деморализуя защитников власти и отнимая у них веру в нравственную правоту ее дела. Для примера я укажу, как описывает один из историков июльской революции 1830 года настроение офицеров во время борьбы с восставшим народом.

«Опасное чувство неуверенности в себе и нравственного угнетения начало распространяться между защитниками дела, которое само по себе было справедливо, но которое испортили несвоевременно агрессивными действиями [1]). Уже два офицера (речь идет о 29 июля. *Г. П.),* г.г. Де-ля-Тур-дю-Пэн и Тюрго, подали в отставку. Видимо обескураженный, маршал (Мармон, которому король вверил главное начальство над войсками. *Г. П.*) несколько раз менял план обороны» [2]).

Это отсутствие нравственной самоуверенности и это угнетенное настроение духа с особенною яркостью обнаруживается в письме к Полиньяку одного из подавших в отставку офицеров.

> «После целого дня убийств и разорений, которые были совершены вопреки всем законам, божеским и человеческим, и в которых я принял участие лишь из чувства подчиненности, о котором я теперь сожалею, моя совесть решительно запрещает мне служить дальше, хотя бы только одну минуту. В течение моей жизни я дал достаточно доказательств моей преданности королю, и я считаю себя вправе, не опасаясь обидной клеветы, различать то, что исходит лично от него, от того, что делается его именем. Я прошу Вас, поэтому, повергнуть на усмотрение короля мое прошение об отставке. Имею честь быть и т. д.
>
> Граф Рауль де-ля-Тур-дю-Пэн» [3]).
>
> 28 июля 1830 г.

Другие офицеры отказывались стрелять в народ. Так, например, когда 28 июля в улице Сент-Онорэ один начальник отряда приказал своим солдатам стрелять, субалтерн-офицер, вместо того,

---

[1]) Цитируемый мною автор сочувствует Бурбонам.

[2]) «Histoire de France pendant la dernière année de la Restauration», par un ancien magistrat, Paris 1839, t. I, p. 305—306.

[3]) Там же, те же страницы, в примечании.

чтобы повторить это приказание, скомандовал: «на плечо!» [1]) Восставший народ ответил на эту команду громким криком: «да здравствуют линейные войска (vive la ligne)!», что, конечно, еще более ослабило воинственное настроение защитников власти.

Офицеры, отказывавшиеся убивать «вопреки всем законам божеским и человеческим», наверное были заражены духом либеральных общественных кругов, глубоко ненавидевших Бурбонов и от всей души сочувствовавших инсургентам. Если в июне 1848 года настроение и поведение сражавшихся с рабочими войск было совсем другое, то это в значительной степени произошло от того, что симпатии французского общества не были и не могли быть на стороне восставших.

VII

Поддержка со стороны общества ускорит рост и приблизит торжество революционной силы народа. Это неоспоримая истина. Понять эту неоспоримую истину безусловно необходимо всем, не беззаботным на счет политики детям русской земли, потому что теперь, когда пролог разыгран и началось первое действие великой драмы, друзья свободы должны быть мудры, как змии: каждая ошибка замедлит их победоносное шествие вперед, за каждое недомыслие им придется заплатить неудачами.

Наши революционеры могли пренебрегать «обществом» до тех пор, пока «политика» представлялась им делом, недостойным истинного социалиста. Но, как только политическая борьба заняла видное место в их программе, сейчас же явилось у них сознание того, как важно им обеспечить себе сочувствие общества. Партия «Народной Воли» задавалась, между прочим, целью убедить свободомыслящую часть общества в том, что «при современной постановке партионных задач» интересы либерализма сходятся с интересами революционеров [2]). Достичь этой цели было,

[1]) Там же, том первый, стр. 261—262. Луи Блан, в своей «Histoire de dix ans», и Волябель, в «Histoire de la Restauration», тоже приводят много ярких примеров такого рода.

[2]) См. записку «Подготовительная работа партии», напечатанную впоследствии в «Календаре Народной Воли».

однако, не так легко потому, что на самом деле тогдашняя «постановка партионных задач» должна была скорее затруднять, чем облегчать сближение общества с революционерами. Когда народовольцы требовали созыва Учредительного Собрания, они тут же уверяли, что у нас, благодаря некоторым счастливым особенностям народного миросозерцания и характера, первые же выборы в такое Собрание дали бы огромный численный перевес сторонникам социальной революции [1]). Такая перспектива, разумеется, не могла очень обрадовать либералов И если либералы все-таки до известной степени сочувствовали «народовольцам», то лишь потому, что социально-революционные ожидания этих последних казались им совершенно несбыточными [2]). Но такое обстоятельство, в свою очередь, не могло содействовать укреплению в либералах веры в политическую зрелость революционеров. А когда революционеры от толков о созыве Учредительного Собрания перешли к рассуждениям о необходимости захвата власти с целью немедленного осуществления социально-революционной программы, тогда либеральное общество еще менее было в состоянии сочувствовать их планам и еще более должно было сомневаться в их политической зрелости.

Народовольцы называли себя социалистами-народниками, и это название, к величайшему вреду для их партии, вполне соответствовало действительности: у них в самом деле было очень много народнических предрассудков. Эти предрассудки делали совершенно невозможной «правильную постановку партионных задач» и придавали утопический оттенок всем стремлениям партии.

Стоя на точке зрения современного научного социализма, мы имеем полную возможность избежать ошибок, бывших неизбежными для русских революционеров семидесятых годов.

С точки зрения современного научного социализма, всякие толки о социалистическом перевороте, как о бли-

[1]) Говорили (и писали), что их было бы до 90% общего числа депутатов.

[2]) Говоря, что либералы сочувствовали народовольцам лишь до известной степени, я хочу этим сказать не то, что их сочувствие к ним было мало, а то, что оно не достигло тех больших размеров, которых могло бы достигнуть, если бы задачи партии «Народной Воли» были поставлены иначе.

жайшей цели революционного движения в России, представляются вполне и безусловно неосновательными. Ближайшей целью революционного движения является низвержение абсолютизма, которое, обеспечив русскому пролетариату политические права и политическую свободу, даст ему широкую возможность расти и зреть, развиваться и организоваться для социалистической революции. Торжество социализма не может совпасть с падением абсолютизма. Эти два момента по необходимости будут отделены один от другого значительным промежутком времени. И именно потому, что они будут отделены один от другого во времени, социал-демократы, в своей непримиримой борьбе с абсолютизмом, могут с полным правом и ни мало не противореча себе, указывать всем, кому надлежит знать и понимать это, что их интересы в настоящее время совпадают с интересами свободомыслящей части нашего общества.

Спешу, однако, оговориться. Полное и всестороннее совпадение наших интересов с интересами передовых элементов общества, а следовательно, и полное и всестороннее сочувствие этих элементов социал-демократии возможно было бы только в том случае, если бы мы, подобно нашим легальным будто-бы-марксистам, отказались от мысли о будущей диктатуре революционного пролетариата и ограничились проповедью «социальной реформы», не идущей дальше смягчения некоторых грубых и устранения некоторых отсталых форм эксплоатации человека человеком. Уподобившись таким будто-бы-марксистам, мы действительно могли бы рассчитывать на симпатии решительно всего общества, за исключением только Разуваевых разных сословий, да небольшой горсти народников старой и новой формации. Сочувствие к нам всех остальных общественных слоев и течений несомненно было бы сильнее, шире, а главное—цельнее [1]). Но тогда мы превратились

[1]) «Единственное, что позволяют нам утверждать данные науки, это то, что настоящее экономическое развитие ведет к постепенному отмиранию самых тяжелых и грубых форм эксплоатации человека человеком...» (С. Н. Булгаков, Капитализм и земледелие, Москва 1900 г., т. II, стр. 456). Г. С. Булгакова не примет за свирепого потрясателя основ даже самая нервная либеральная дама.

бы в смягченных и облагороженных буржуа dernière mode и перестали бы быть партией революционного пролетариата. А это обстоятельство значительно подорвало бы нашу силу, силу всего освободительного движения, идущего из среды народа.

Наша сила есть сила трудящейся и эксплоатируемой массы и прежде всего — пролетариата. Как я уже сказал, общество может приобрести силу и политическое значение лишь в той мере, в какой оно будет содействовать росту и торжеству революционной энергии рабочего класса. Революционная же энергия рабочего класса достигнет наибольшего напряжения лишь тогда, когда он ясно увидит нашу конечную цель: социальную революцию, полное уничтожение эксплоатации трудящихся. Вот почему наше превращение в ручных будто-бы-марксистов было бы очень невыгодно для нас даже с точки зрения нашей ближайшей политической цели, не говоря уже об огромнейшей невыгоде его с точки зрения будущности русского рабочего движения. И вот почему о таком превращении не может быть и речи. Мы будем поддерживать всякое движение, направленное против существующего порядка вещей. Но мы ни на минуту не перестанем вырабатывать в умах рабочих ясное представление о нашей конечной цели. Мы хотим, чтобы борьба с царизмом служила для пролетариата школой, всесторонне развивающей его классовое самосознание.

VIII

Либеральное общество, если только оно действительно созрело для понимания того соотношения политических сил, которые существуют теперь в нашем отечестве, не может требовать от нас отказа от нашей конечной цели, потому что такой отказ принес бы глубокий вред освободительному движению. Оно должно понять и отчасти уже поняло, что будимое и развиваемое нами классовое самосознание рабочих представляет собою теперь вернейшее средство создания революционной силы в русском народе и надежнейший залог политического освобождения России. Оно должно по-

нять и отчасти уже поняло, что каждый новый успех социал-демократической агитации в рабочем классе будет равносилен новому поражению царизма. Оно должно понять и, вероятно, отчасти уже поняло, что завоевание политической свободы принесло бы ему гораздо больше непосредственной пользы, чем рабочему классу, на который упала бы, однако, главная тяжесть борьбы. Наша конечная цель не оттолкнет от нас передовых элементов нашего общества, если только мы сумеем хорошенько уяснить ему свою ближайшую политическую задачу. Явившись «выручать студентов» [1]), атакованных полицией, рабочие очень облегчили нашему либеральному обществу правильное понимание этой нашей задачи. Мы должны воспользоваться этим обстоятельством. Теперь нас хорошо поняли, может быть, только некоторые. Сделаем так, чтобы нас поняли все. Тогда нам, наверное, будут сочувствовать многие.

Но для того, чтобы передовые элементы общества поняли и оценили освободительные стремления революционной социал-демократии, она должна прежде всего организоваться.

Создание крепкой, стройной, единой и нераздельной организации русских социал-демократов составляет теперь самую насущную изо всех стоящих перед нами ближайших практических задач. Отсутствие такой организации уже нанесло нам очень много вреда. Оно помешало нам всесторонне использовать волнения текущего года в интересах нашего движения. Мы должны сознать «то, что есть», и иметь нравственное мужество громко высказать сознанную нами горькую истину: жизнь далеко опередила нас. Это большая беда для такой партии, которая, подобно нашей, хочет и должна руководить самыми передовыми течениями жизни. Но эта беда поправимая, а для энергичных людей большая, но поправимая беда служит лишь новым побуждением к новым усилиям. Нагоним жизнь. Наверстаем упущенное. Займем по праву принадлежащее социал-демократам место руководителей. Это для нас тем

[1]) «Часов около 11 (24-го февраля в Москве) толпы рабочих осаждали манеж с криками: «выручай студентов!». Были частые стычки с казаками и жандармами; за употребление нагаек казаков стаскивали с лошадей и поколачивали». (См. толстовские «Листки Свободного Слова», № 23, стр. 12).

легче, что, опережая нас, русская общественная жизнь шла в том самом направлении, которое было впервые предусмотрено и определено нами. Быстрый ход ее развития является лучшим свидетельством в пользу наших взглядов. А при этом условии положение людей, опереженных жизнью, несмотря на печальные свои стороны, заключает в себе чрезвычайно много отрадного и ободряющего. Оно показывает, что мы имеем за себя непреодолимую стихийную силу общественного развития.

Когда русская социал-демократия будет стройно и строго организована,—а я уверен, что это желанное время не далеко,—тогда она сразу вырастет на целую голову, и тогда ей не страшны будут ни преследования, ни временные неудачи. Организация дает возможность сравнительно легко поправить всякие неудачи и переносить всякие преследования.

Иные говорят: нашей партии очень трудно организоваться, потому что она, постоянно находясь под неприятельским огнем, постоянно несет тяжелые потери. И это, конечно, верно. Но, с другой стороны, неприятельский огонь страшен для нее потому, что она не организована. Тут—заколдованный круг, из которого можно выйти лишь энергическим усилием воли. Пусть наша партия организуется. Организация, как хороший земляной окоп, прикроет ее от неприятельского огня и низведет ее потери до возможного минимума [1]).

А эти потери теперь в самом деле огромны, и при том их вредное влияние быстро растет по мере того, как умножаются и усложняются ее практические задачи. Теперь она уже не может дольше позволять себе роскошь неорганизованности и тот комфорт разъединенности, благодаря которому каждый «барон» может действовать по своей особой «фантазии».

Когда очередным вопросом был у нас вопрос об агитации, тогда многие и многие из нас горячо нападали на «кружковщину». Нападки были справедливы. Кружковщина, действительно,

---

[1]) Возникновение крепкой организации «Земли и Воли» в семидесятых годах сразу и очень значительно уменьшило число «провалов», которые до тех пор были так же многочисленны, как теперь.

великое зло. Но нужно помнить, что мы не избавились от него и по настоящее время. Кружковщина до сих пор тяготеет над нами, насквозь пропитывая наши организационные отношения. Но партия, претендующая и имеющая полное право на серьезную политическую роль, не должна и не может помириться с господством кружковщины в ее организационных отношениях. Ей безусловно необходима организация, об'единяющая в одно дисциплинированное целое все ее силы, вносящая единство в ее деятельность и подчиняющая работу многочисленных кружков, рассыпавшихся по широкому лицу нашей земли, руководству всероссийского центра. Только при этом условии она будет в состоянии сделаться тем, чем она обязана сделаться: руководительницей великого освободительного движения в России.

А когда сплочение всех ее, теперь разрозненных, сил в одно стройное целое станет совершившимся фактом, когда у нее будет «едино тело и един дух», тогда перед ней снова встанет, во всем своем неизмеримом величии, задача агитации. В области агитации ей предстоит сделать еще чрезвычайно много. Не будем обманывать себя. Массовая политическая агитация еще только началась. Мы сделали в ее направлении лишь самые первые шаги, и с нашей стороны было бы смешным и непростительным ребячеством рассчитывать на очень скорую победу. В демонстрациях нынешнего года участвовали, положим, десятки тысяч рабочих. Это уже очень хорошо; но этого мало. Батальоны и полки недостаточны для нас; нам нужны корпуса и целые армии. Мы ежечасно и ежеминутно должны помнить золотые слова Маркса, взятые мною как эпиграф для настоящей статьи: Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist [1]).

IX

И как плодотворна, как завлекательна теперь агитационная деятельность в русской рабочей среде! Подобно сказочному бо-

[1]) Чем глубже захватывается жизнь данным историческим действием тем больше величина совершающей его массы.

гатырю, родившемуся для избавления русской земли от ее злых поработителей, наш пролетариат растет теперь не по дням, а по часам, быстро накопляя силу непобедимую. Искренних друзей его должен особенно радовать тот в высшей степени замечательный и отрадный факт, что его классовое самосознание не отстает от его революционного настроения. Социал-демократические идеи глубоко проникли в его среду и неискоренимо упрочились в ней. Он умеет «выручать студентов», но он умеет выступать и за свое собственное дело. В мае нынешнего года он своею кровью запечатлел свою принадлежность к международной семье социалистических пролетариев. В Петербурге и под Петербургом произошли настоящие сражения рабочих с полицией и войском. «Первого мая (по русскому стилю) забастовали рабочие Выборгской стороны (как говорят, на всех фабриках). 4-го мая рабочие нескольких фабрик направились в город с целью устроить демонстрацию. У Сампсониевского моста им загородила дорогу конная и пешая полиция. Рабочие пустили в ход ножи и палки. Бой длился несколько часов» [1]). Через три дня на Обуховском сталелитейном заводе, в связи с празднованием первого мая, завязался новый бой, при чем на месте осталось, как говорят, шесть убитых. В провинции, говоря вообще, май прошел спокойнее, но и там воззвания, распространенные нашими товарищами по поводу первого мая, были сочувственно встречены тысячами пролетариев, а в Тифлисе майский праздник ознаменовался жестоким столкновением рабочих с властями. Полиция лезет из кожи: она арестует рабочих сотнями; она хочет остановить рабочее движение, запугав его участников. Тщетная надежда! Наши сознательные рабочие так полны веры в свое дело и преданности ему, что запугать их невозможно. Кто хочет узнать, какой дух оживляет этих неустрашимых борцов, пусть прочитает напечатанное в № 5 «Искры» письмо одной работницы, написанное под свежим впечатлением кровавого столкновения 4 мая на Сампсониевском мосту. Я привожу наиболее замечательные места из этого письма.

«Не примите это письмо за малодушие, я очень измучилась и не знаю, что делать... Вы наверно знаете, что у нас был бунт, и

[1]) «Искра» № 5, стр. 4.

что В. нет больше. Я не видала его с 29-го, и он говорил мне тогда, что, вероятно, первого у них работать не будут. Я, как услыхала, что на Выборгской битва, бросила работу, побежала туда, к мосту пройти нельзя было: женщин сами рабочие не пускали, я стала ждать В. на квартире, а он больше не приходил. Я уж справлялась в казарме о нем, ничего не говорят, в охранке то же... или убили его, или ранили до-смерти... Другие говорили, что видели, как он был впереди, это он крикнул: «Да здравствует революция!», и как потом упал. Полиция не ушла, пока все не отступили, и кто не мог встать, подбирали сами. Вы не знаете, как мне обидно, и это одинаково всем нам, всем очень хотелось пройтись на Невский или в город, — уж очень горько умирать, как собакам, в угле, чтобы никто не видал даже; это, верно, такая доля у рабочих, чтобы умирать не на людях: верно, и красной смерти для них жалко... Вот, что еще я хотела сказать вам: хотя и очень многих у нас взяли, может, их нет более совсем, а все-таки мы твердо стоять будем. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросании работы никто стоять не будет: теперь всем нужно больше, всем на улицу хочется. Б. (тоже рабочий) говорит, что жаль, что знамени у них не было. Другой раз и знамя будет, и пистолетов достанут: на камнях да на ножах далеко не уедешь, как начнут штыками колоть» [1]).

Когда в нашу душу закрадется хоть малейшее сомнение насчет будущности нашего дела, нужно перечитать это письмо. Оно бодрит и возбуждает читателя, заражая его своим сдержанным, но могучим энтузиазмом. «Теперь такое время, что на бросании работы никто стоять не будет: теперь всем нужно больше, всем на улицу хочется». И что ни делай правительство, «а все-таки мы твердо стоять будем». Когда такой дух проникает в данный общественный класс, можно с полной уверенностью сказать, что этому классу суждено победить и что он уже зреет для победы. Когда этот дух, уже овладевший некоторыми слоями нашего пролетариата, широко распространится в нашей трудящейся массе, тогда русскому правительству останется,—по выражению Лассаля,—лишь заниматься астрологией, чтобы по звездам определить час своей ги-

[1]) «Искра» № 5, стр. 4.

бели: что гибель совершенно неизбежна, это будет ясно и ему самому, и всем его окружающим [1]).

Но нужно именно, чтобы настроение, сказавшееся в цитированном мною письме, широко распространилось в трудящейся массе. Великая цель политического освобождения России может быть достигнута только великим революционным движением массы.

---

1) Статья эта была уже набрана, когда мне доставили другое, не менее замечательное письмо из рабочей среды. Автор письма высказывает свой взгляд на газету «Искра» и попутно характеризует настроение петербургских рабочих: «Я многим товарищам показывал, и весь номерок истрепался, а он дорог, много дороже «Мысли», хоть и нет там наших строк. Там про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы да полиция боятся нас рабочих и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они и правда страшны и царю, и хозяевам, и всем, а не только хозяйским карманам. Конечно, я просто рабочий, и совсем не такой уж развитой, но я очень чувствую, где правда, знаю, что нужно рабочим. Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра, и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень. Сейчас все рабочие точно керосином облитые, многие даже на лицо переменились, и это все видят; теперь уж мастера многих не трогают, и в праздник полиция вежливенько просит на нашей стороне толпой не стоять, и так просит, будто рабочий завтра свободу получит. Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее». Понятно, что «экономическое» направление не может удовлетворить рабочих, проникнутых таким настроением. «Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки,—продолжает автор письма,—теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать». Автор прекрасно знает, что жертвы неизбежны, но он не боится их, он знает, что без жертв никогда еще не была искуплена свобода. «Со многими мы простимся, многих у нас вырвут, много и ошибок наделаем, да в таком деле иначе нельзя, во-первых, а второе—уж дело больно крупное начинается. Это еще не конец, это только первый пожар, и его потушат, но огонь будет так ярок, что и слепые увидят, что кому нужно, кто кому враг, а уж второй пожар солдаты заливать не пойдут». При таком настроении рабочих наша будущая победа обеспечена. Наша партия обязана позаботиться лишь о том, чтобы ошибки, действительно неизбежные в начинающейся теперь борьбе, были доведены до возможного минимума. Каждая ошибка будет равносильна гибели многих дорогих сил. А чтобы довести до минимума такие ошибки, социал-демократия должна иметь большое влияние. А большое влияние невозможно без централизованной организации: новый довод против организационной кружковщины.

Помимо массового движения, она недостижима, и если бы нам пришлось по той или другой причине отказаться от мысли вызвать такое движение, то мы должны были бы оставить всякую надежду. Поэтому очень вредны всякие, сознательные или бессознательные, уклонения от агитационной деятельности в массе, и уже совершенно непозволительны такие приемы борьбы, которые оторвали бы революционеров от массы, штаб от армии.

К числу подобных приемов принадлежит так называемый террор, вызывающий теперь в России так много самых разнообразных и горячих толков и споров. Интересно, что защитниками террора выступают у нас иногда люди, которые еще вчера были «экономистами» чистейшей воды. Это, впрочем, неудивительно. Многие «экономисты» потому и отрицали политическую борьбу, что не могли представить ее себе иначе, как в виде «террора». Они были против политики единственно потому, что, находясь в спокойном состоянии, понимали, как опасен террор для успехов массовой агитации. Теперь, когда и их коснулось общее возбуждение, они отрицают свое отрицание «политики», проповедуя терроризм, который по-прежнему представляется им единственным возможным видом политической борьбы. Так одна ошибка естественно ведет за собой другую. Увлечение терроризмом, охватившее теперь некоторых из наших «экономистов», можно назвать,—употребляя геометрический термин,—дополнительной ошибкой экономизма.

Против террора уже высказались люди, авторитетный голос которых не останется, конечно, гласом вопиющего в пустыне[1]). Излишне повторять здесь доводы, выдвинутые этими людьми. Но полезно будет вспомнить, как смотрели на отношение террора к революционной агитации в массе некоторые наши террористы-классики.

[1]) См. №№ 3 и 4 «Искры».

X

В брошюре «Террористическая борьба», изданной в Женеве в самом начале восьмидесятых годов, Николай Морозов так изображает смену различных фазисов революционного движения в России.

«Начавшись в 1872 году пропагандой среди рабочего населения в Петербурге, это движение скоро перешло к провинциальному населению. В крестьянской сермяге, с посохом в руках и котомкой книг за плечами, отряхнув с ног прах дряхлого мира, шли пропагандисты по селениям и деревням своей необозримой родины. Не было губернии, куда не заходили бы они со своею проповедью. Движение быстро росло, и летом 1874 года пропаганда охватила почти всю Европейскую Россию. — Но, как ни неожиданно было это движение для правительства, последнее немедленно приняло против него свои меры, и к концу 1874 года почти все пропагандисты томились в казематах в ожидании ссылки, каторги или бесконечного заключения в центральных тюрьмах.—В 1875 г., потерпев окончательное поражение в деревнях, движение снова направилось к городскому люду, для того, чтобы действовать через него в деревне, но и здесь оно было задушено правительством; почти все пропагандисты этого периода и рабочие, последовавшие за ними, были схвачены при первых шагах своей деятельности.— В 1876--1877 г. настало некоторое затишье, изредка прерываемое и противоправительственными демонстрациями мирного характера, и двумя-тремя революционными попытками в том или другом направлении. Продолжать прежний путь, не обращая внимания на преследования правительства, было очевидно невозможно. Волей-неволей приходилось сводить с ним счеты. И вот мало-по-малу начались таинственные убийства правительственных деятелей.—24-го января 1878 года раздался выстрел в петербургского градоначальника Трепова в его приемной; этот выстрел сделался точкой перелома во всей последующей борьбе. Начиная с этого момента, движение определилось и пошло почти без уклонений к своей уже ясно поставленной цели».

Я нарочно сделал без сокращений эту длинную выписку, чтобы читатель ясно увидел, почему террористическая

борьба представлялась Морозову неизбежным и единственно возможным приемом политической борьбы. Приведенная мною страница не оставляет никакого сомнения на этот счет: Н. Морозов считал деятельность в народной массе совершенно невозможной[1]). По его мнению, террор являлся естественным следствием неудач, испытанных революционерами при их попытках возбудить революционное движение в народе. В другом месте своей брошюры он доказывает необходимость террористической борьбы ссылкой на общие социально-политические условия русской жизни.

«В настоящее время в беспредельных равнинах России с ее редкими деревнями и сравнительно незначительными рабочими городами, где разрозненность крестьянского населения мешает сорганизоваться большому деревенскому восстанию, а незначительность городского пролетариата не представляла до сих пор серьезной опасности для правительства, начинающаяся революция приняла совершенно своеобразные формы. Лишенная возможности проявиться в деревенском или городском воспитании, она выразилась в «террористическом движении» интеллигентной молодежи».

Террористическое движение представляется здесь, как движение «интеллигентной молодежи», поставленной в невозможность вызвать массовое, деревенское или городское восстание, а самая эта невозможность рассматривается как результат экономической отсталости России и ее слабой населенности.

Другой сторонник террора В. Тарновский, в брошюре «Терроризм и рутина», появившейся приблизительно около того же времени, как и брошюра Н. Морозова[2]), возражая покойному

---

[1]) В его кратком изображении истории нашего революционного движения встречаются многие неточности. Но здесь нам до них нет дела. Нам важна здесь психология писателя, а не верность сделанного им изображения.

[2]) Если я не ошибаюсь, брошюра Тарновского вышла несколькими месяцами позже. Во всяком случае, обе брошюры появились еще в царствование Александра II.

Драгоманову, который противопоставлял террору открытое нападение на правительство, говорит:

«Что Вы хотите сказать этим «открытым нападением»? Если здесь нужно видеть массовую революцию, то считаете ли Вы возможным и резонным поднять русских простолюдинов на борьбу из-за политической свободы, — при их исторической оторванности от интеллигенции, при их жизни впроголодь и тяжелой борьбе из-за куска хлеба? Очень они проникнутся необходимостью такой штуки, как политическая свобода!—Но тогда неужели трудно понять, что все Ваши «гражданские и военные люди», все «народы» сводятся в сущности к интеллигенции? Она, эта интеллигенция, обязана, да, «обязана», вынести на своих плечах политическую свободу в России, пользуясь ею, как средством» [1])

В. Тарновский насмехался, как над очевидной нелепостью, над мыслью о том, что «русские простолюдины» могут понять важное для них значение «такой штуки, как политическая свобода». Для него, как и для Н. Морозова, единственным слоем, созревшим для политической борьбы, был слой революционной интеллигенции. И так как этот слой ни в каком случае не мог рассчитывать на поддержку со стороны народа, то террор и оказывался единственным возможным для нее средством решительной политической борьбы с правительством. Тут есть своя логика, хотя несомненно, что уже и в то время не все «русские простолюдины» были так равнодушны к мысли о политической свободе, как это думал В. Тарновский: достаточно вспомнить, что «Северно-русский рабочий союз»

---

[1]) В недавно вышедшей брошюре: «Возрождение революционизма в России» о терроре говорится, между прочим, следующее: «Теперь кажется, революционеры переменяют свое отношение к этому способу борьбы и мало-по-малу признают, что террор вовсе не исключительная привилегия партии, не желающей, якобы, опираться на трудящиеся массы, а именно всего лишь только способ действия, которым в крайние моменты жизнь заставляет пользоваться все партии безотносительно к научной подкладке их мировоззрения» (стр. 62). Научная подкладка мировоззрения тут, действительно, не при чем. Но автор брошюры, как видно, плохо знаком с историей нашей революционной литературы. Если бы он лучше знал ее, то он знал бы, что для многих террористов семидесятых годов террор был, разумеется, не «привилегией» (при чем тут это слово?), а необходимостью для партии, не могущей опираться на народ.

тогда уже включил в свою программу (к великому огорчению народнической интеллигенции) требование политических прав и политической свободы. Но В. Тарновский, подобно Н. Морозову, совсем не верил в успех начинавшегося тогда рабочего движения; он совершенно не признавал существования у нас других революционных элементов, кроме интеллигенции, поэтому он мог, нисколько не противореча себе, указывать на террор, как на единственно возможное средство политической борьбы. Но мы, которые знаем то, чего нельзя не знать в настоящее время, т.-е. что в среде «русских простолюдинов» происходит с каждым часом крепнущее движение русских пролетариев; мы, которые видим то, чего нельзя не видеть в настоящее время, т.-е. то, что передовые слои русского пролетариата готовы неустанно бороться за политическую свободу, можем ли мы смотреть на террор глазами В. Тарновского или Н. Морозова? Можем ли мы видеть в нем единственное возможное у нас средство политической борьбы? [1])

Достаточно поставить эти вопросы, чтобы тотчас же решить их отрицательно. Нет, люди, не утратившие веры в массовое движение и понимающие его коренную важность, должны,—если не хотят расстаться с логикой,—смотреть на террор с другой точки зрения. Для таких людей террор может иметь разве только значение вспомогательного приема. Отчасти так смотрели на террор и некоторые революционеры семидесятых годов [2]). В передовой статье первого номера газеты «Земля и Воля» говорится, что террористы должны играть в революционной партии роль охранительного отряда. В то время очень многие думали, что террористический отряд в самом деле может ограничиться такой ролью. Но прошло едва несколько месяцев, и взгляд на террор совершенно изменился. Одни стали доказывать, что террору должны быть отданы все силы партии, так как он есть «революция в действии» [3]), а другие, напротив, готовы

[1]) Нет нужды указывать на то, что экономическое положение России не может представляться нам в таком виде, в каком оно представлялось Морозову и Тарновскому, писавшим двадцать лет тому назад и к тому же смотревшим через народническую призму.

[2]) Кажется, можно утверждать, что так смотрел на террор, например, Желябов, на суде заявивший, как известно, о своем несогласии с Н. Морозовым по вопросу о терроре, как исключительном приеме политической борьбы.

[3]) См. в особенности последние «Листки Земли и Воли».

были совсем отказаться от террора, так как убедились, что террористическая борьба имеет свою логику и что, раз начавшись, она не может остановиться до тех пор, пока в самом деле не поглотит всех сил партии и не парализует почти всех других отраслей ее деятельности, а прежде всего—агитационной деятельности в массе.

Опыт показал, что революционеры, выдвигавшие против террора это последнее соображение, были правы: террористическая борьба действительно поглотила все силы партии и парализовала почти все другие отрасли ее деятельности. Наши товарищи должны знать и помнить это. Им советуют повторить старую ошибку, между тем как они обязаны избежать ее.

Автор брошюры «Возрождение революционизма в России» [1]) считает возможным защищать террор как агитационное (он говорит: эксцитативное) средство. Но защита террора с агитационной точки зрения возможна еще менее, чем с точки зрения охраны революционной организации («террористы — охранительный отряд»).

Агитатор должен стараться как можно больше сблизиться с массой; а террористическая деятельность отдаляет революционера от массы, замыкая его в тесном круге посвященных в «конспиративное» дело товарищей конспираторов.

А кроме того,—и это самое главное—есть гораздо более сильное средство возбуждения массы. Средство это — ее собственная, непосредственная борьба с властью, путем всевозможных видов нелегального массового движения. Это движение совершенно незаменимо по своему воспитательному значению; каждый его успех приближает нас к победе. А между тем террор грозит сильно задержать его, отдалив организованных революционеров от неорганизованной, но уже созревшей для активной борьбы и рвущейся на активную борьбу массы.

Террористическая деятельность и политическая агитация в массе могут итти рука об руку, поддерживая и дополняя друг

---

[1]) Об этой брошюре я в другом месте поговорю подробнее.

друга, только при самых редких, совершенно исключительных условиях. Ни одного из таких условий у нас теперь нет в наличности и долго еще не будет [1]). В настоящее время террор не целесообразен, поэтому он вреден [2]).

Но, в таком случае, как же вы относитесь к выстрелу Карповича? спросит меня, пожалуй, иной читатель, как не раз уже спрашивали меня в устной беседе.

На этот вопрос я отвечаю другим вопросом: а думаете ли вы, что Карпович высказался бы за террор, если бы он был не частным лицом, прислушивающимся лишь к голосу своего нравственного негодования, а членом партии, обязанным подчиняться сознательному политическому расчету?

На этот вопрос я до сих пор не получил удовлетворительного ответа.

Некоторые защитники террора совершенно искренно считают себя самыми передовыми революционерами. В действительности они далеко отстали от хода развития нашего революционного движения и стараются вернуть его назад, лет на двадцать с лишним.

Но моя статья уже переросла предположенные для нее размеры. Пора кончать, откладывая недосказанное до другого раза и подводя итог тому, что сказано.

На вопрос — что же дальше? — приходится дать теперь следующий ответ:

Дальше—продолжение начатой освободительной борьбы, в интересах которой мы должны:

1. Организоваться.

2. Принять все зависящие от нас меры для выяснения оппозиционным элементам общества истинного характера преследуемой нами ближайшей политической задачи.

---

[1]) В апрельской книжке лондонской «Przedswit'a» помещена интересная статья П. Гурковского «Powstanie czy teror». Хотя она не исчерпывает вопроса и не вполне верно изображает русское революционное движение 70-х г.г., но я все-таки очень рекомендую ее тем из наших товарищей, которые знают по-польски.

[2]) Прим. к изданию второму. Теперь эти условия отчасти уже находятся на-лицо; поэтому теперь нам нужно отчасти изменить свое отношение к террору. Об этом см. мои статьи в «Искре»: «О демонстрациях» (№ 41) и «Врозь итти—вместе бить» (№ 87).

3. Продолжать политическую агитацию в трудящейся массе.

4. Придать этой агитации более широкие размеры.

5. Придать этой агитации еще более широкие размеры, распространив ее по возможности и на сельское население.

6. То же в большей степени.

7. То же в еще большей степени.

8. То же в самой большей степени.

9. А потом... но об этом мы успеем потолковать и в другой раз: время терпит. Теперь же нам нужно главным образом помнить, что без организации наше дело не может итти вперед и что:

Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist.

Две рецензии о книгах Б. Чичерина

«Россия накануне двадцатого столетия». Берлин. Изд. Г. Штейниц. 1900

Говорят, что эта анонимная брошюра или, если хотите, книга, — в ней 180 страниц, — сильно раскупалась русскими путешественниками в заграничных книжных магазинах. Если это правда, то это делает большую честь русской читающей публике, так как свидетельствует, что она умеет ценить выдающиеся литературные произведения. Брошюра написана человеком, который обладает большим юридическим образованием и ярким публицистическим талантом; она заключает в себе мастерское, хотя и не всестороннее описание современного положения России. С ней должен ознакомиться всякий, кто только может ее достать.

Ее автор, — умеренный либерал, — убежденный противник существующего у нас политического порядка. По его вполне верному замечанию, о нашей родине и теперь еще можно сказать (как говорил в одном из своих стихотворений Хомяков о дореформенной России), что она—

Безбожной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Вывести ее из этого печального и позорного положения можно только, положив предел бюрократическому произволу. «Но ограничить бюрократию невозможно, не коснувшись той власти, которой она служит орудием, и которая, еще чаще, служит ей орудием, т.-е. неограниченной власти монарха. Пока последняя существует, безграничный произвол на вершине всегда будет порождать такой же произвол в подчиненных сферах. Законный порядок ни-

когда не может упрочиться там, где все зависит от личной воли и где каждое облеченное властью лицо может поставить себя выше закона, прикрыв себя высочайшим повелением. Если законный порядок составляет самую насущную потребность русского общества, то эта потребность может быть удовлетворена только переходом от неограниченной монархии к ограниченной. В этом и состоит истинное завершение реформ Александра II. Иного исхода для России нет» (стр. 163—164).

Другого исхода, в самом деле, невозможно придумать. Наш талантливый автор говорит чистую правду. Но недостаточно указать данной стране правильный путь политического развития; надо еще наметить те общественные силы, которые могут вывести ее на этот путь. Существуют ли подобные силы в современной России? На этот неизбежный и существенно важный вопрос мы, к сожалению, не находим в разбираемой брошюре удовлетворительного ответа. Начать с того, что ее автор об'являет русское общество несозревшим для парламентского правления. «Если бы дело шло о замене неограниченной монархии парламентским правлением, — говорит он, — то, конечно, об этом, при настоящих условиях, не может быть речи. Парламентское правление требует политической опытности, образования, сложившихся партий. Всего этого у нас нет. Но вопрос ставится гораздо проще. Требуется положить предел неограниченной власти и вырвать монарха из развращающего влияния господствующей бюрократии. А для этого достаточно созвать в столицу собрание выборных, например, по два или по три человека от каждого губернского земства, и дать ему обсуждение законов и бюджета. Если, рядом с этим, преобразовать Государственный Совет в Верхнюю Палату, очистив его от тех элементов, которые находятся там только по чину, то конституционное устройство готово. Ненужно много ломать себе голову» (стр. 171).

Итак, у нас теперь же может быть с большою легкостью введено конституционное устройство, хотя о парламентском правлении у нас, «при настоящих условиях», не может быть и речи. Это не ясно. Если бы проектируемое нашим автором выборное собрание должно было иметь только совещательный голос, то от него до парламента, действительно, было бы как до звезды небесной далеко. Но наш автор прекрасно

понимает, что подобное собрание совсем не означало бы ограничения монархической власти. Он хочет гораздо большего. «Необходимо,—замечает он,—чтобы выборное собрание было облечено правами. Совещательное собрание, мнению которого можно следовать или не следовать, всегда будет в руках правящей бюрократии, а ее-то именно следует обуздать. Противовесом окружающему престол чиновничеству может служить только вполне независимый орган, с решающим голосом в общественных делах. Только собранием, облеченным правами, может быть ограничена и самая воля монарха, а это и есть первое условие законного порядка. Пока монарх не привыкнет к мысли, что воля его не все может, что есть независимый от него закон, с которым он должен сообразоваться, напрасно мечтать о каких-либо гарантиях права и об обуздании чиновничьего произвола. Все пойдет по-старому. Бесправное собрание скоро утомится бесплодной деятельностью и явится лишь бессильною помехою бюрократическому управлению, которое легко сумеет если не совершенно его устранить, то низвести его к нулю» (стр. 171—172).

Все это как нельзя более верно. Но именно потому, что это верно и что наш автор ни на минуту не упускает из виду этих верных соображений, мы не понимаем его distinguo между «конституционным устройством» и «парламентским правлением». По-нашему, это различение совершенно неосновательно. И оно не только не выдерживает теоретической критики, но и очень неудобно в практическом отношении. Доказывать обществу необходимость «конституционного устройства» и в то же самое время говорить тому же самому обществу, что оно еще не готово для «парламентского правления»—это значит ослаблять действие своей собственной пропаганды и вносить в умы вредную путаницу понятий.

Но допустим, что Россия в самом деле созрела только для конституционного устройства, а не для парламентского правления. Главный вопрос все-таки остается нерешенным. Мы все-таки не знаем, какие общественные силы могут выступить у нас на борьбу за названное устройство. Наш автор совсем не рассчитывает на добрую волю царя. «Воображать, что монарх, по собственному почину, в силу великодушного побуждения, ограничит свою власть, значит не знать человеческой природы», — справедливо говорит

он (стр. 174). Но если нелепо рассчитывать на добрую в о л ю м о н а р х а, то очевидно, что не останется ничего другого, как апеллировать к в о л е н а р о д а. Иначе сказать, так как закрыт м и р н ы й п у т ь, необходимо выступить на р е в о л ю ц и о н н ы й и заменить оружие критики критикой оружия. Но наш автор убежден, что и на этом пути нас не ожидает ничего доброго. «С другой стороны,—заявляет он,—нельзя ожидать и каких-либо серьезных революционных движений в России. Почвы для революции у нас нет... Волнения юношества и социалистическая пропаганда могут только усилить реакцию. Высшие классы у нас разорены, средние погружены в глубокое невежество. Апатичное и покорное, русское общество в настоящем своем состоянии не способно ни к какому энергичному действию, ни к какой инициативе. Оно равнодушно смотрит на все происходящие вокруг него насилия и неправды и не пред'являет ни малейшего против них протеста. Только от медленного развития общественного сознания можно ожидать более ясного понимания вещей и более бескорыстного стремления к общему благу» (стр. 175).

Если все это верно, если в современной России нет ни одной общественной силы, способной начать и довести до конца борьбу с абсолютизмом; если в ее населении нет других элементов, кроме тех, которые видит и указывает нам наш автор, то надо иметь мужество признать, что мы далеко еще не созрели не только для «п а р л а м е н т с к о г о п р а в л е н и я», но даже и для «к о н с т и т у ц и о н н о г о у с т р о й с т в а». Но в таком случае нечего и толковать об ограничении монархической власти, потому что в таком случае правы наши охранители, утверждающие, что никакая другая власть у нас не возможна. А так как неограниченная царская власть—по ярко и недвусмысленно выраженному мнению нашего автора — не содействует развитию общественного сознания, а, наоборот, все более и более его развращает, то выходит, что наше положение безвыходно, и что мы должны, как Дантовские души при входе в ад, о с т а в и т ь в с я к у ю н а д е ж д у.

В конце своей брошюры наш автор действительно приходит к этому безотрадному выводу, хотя и не хочет в этом сознаться, вследствие чего он, несмотря на свой крупный литературный талант, начинает выражаться нерешительно, сбивчиво, неопределенно. «Может быть у нас появится государственный человек,

вроде Кавура или Бисмарка, который поймет задачи времени и сумеет двинуть Россию на путь, указанный ей историей,—мечтает он.—Возможно и то, что появится царь, одушевленный высоким нравственным чувством, который захочет быть благодетелем подвластных ему народов. Во всяком случае, оставаться при нынешнем близоруком деспотизме невозможно» (стр. 179—180).

Невозможность оставаться при нынешнем близоруком деспотизме нисколько не увеличивает шансы появления у нас такого монарха, появление которого мы только что (именно на стр. 174) об'явили несообразным с человеческой природой. А что касается появления у нас государственных людей вроде Кавура или Бисмарка, то, оставляя в стороне вопрос о том, насколько русский Бисмарк мог бы способствовать политическому освобождению народов, населяющих русскую империю, мы заметим, что государственные люди не сваливаются с неба, а если бы и сваливались, то тем не менее,— вернее сказать: тем более,—нуждались бы в такой общественной среде, которая соответствовала бы их политическим замыслам. И именно ввиду этого неоспоримого обстоятельства мы, даже приурочив свои свободолюбивые упования к появлению государственных людей «вроде Кавура или Бисмарка», все-таки не избавляемся от обязанности выяснить себе, где те силы, которыми может быть обусловлено у нас хотя бы и медленное развитие общественного сознания, необходимое для осуществления преобразовательных планов нашего будущего «Кавура или Бисмарка». Этого разбираемая брошюра совсем не выясняет, и в этом состоит ее коренной недостаток, не заключающий в себе, однако, ничего случайного.

Наш автор принадлежит к той, многочисленной на Руси, категории либералов, которая характеризуется крайней отвлеченностью ее политических воззрений. Честные и неподкупные, умные и образованные либералы этой категории искренно сочувствуют страданиям своей родины и всей душой стремятся принести ей пользу. Но они не знают, как взяться за дело, и потому чувствуют себя лишними людьми, «иностранцами у себя дома». Это тяжелое психологическое состояние тесно связано у них с полным преобладанием идеализма в их со-

циологических воззрениях. Чувства и понятия людей, с одной стороны, и политические учреждения, с другой,—исчерпывают собою, по их мнению, все главнейшие пружины общественного развития. Они не знают и не хотят знать, что существуют другие пружины, которые лежат глубже этих и которыми эти приводятся в движение. Им и в голову не приходит, что экономическое развитие представляет собой такой могучий «фактор прогресса», перед которым не устоит ни апатия «общества», ни усердие бюрократов. Они превозносят реформы Александра II и горько оплакивают контрреформы Александра III, но они не считаются с тем колоссальным по своей важности обстоятельством, что в последние 25 лет в русской экономике совершились глубочайшие изменения, которые вызвали к жизни новые общественные силы, способные преодолеть и бездеятельность образованного общества, и самодеятельность полицейского участка. Им совершенно неизвестно наше нарождающееся рабочее движение, уже успевшее обнаружить такое замечательное и такое многообещающее умственное и политическое пробуждение в среде нашего пролетариата. Многие из них не чужды философского образования, а наиболее пожилые из них находились когда-то под влиянием Гегелевской философии, но, несмотря на это, они никак не могут возвыситься до диалектической точки зрения на русскую общественную жизнь. Они хорошо помнят, чем Россия была в прежнее время; они прекрасно знают, чем она до сих пор остается во многих слоях своего населения; но они чужды всякого понятия о том, чем она становится в других, новых, полных жизни и быстро растущих слоях. Неудивительно, что эти люди хандрят, жалуются и скучают; что они распространяют вокруг себя «вавилонскую тоску», и что, когда они попадают за границу, то, торопясь отвести душу в беседах с «передовыми людьми Запада», они невольно, но тем не менее жестоко клевещут на свою родину.

Наш автор—именно такой либерал. Русское рабочее движение для него—нелепая и смешная басня, и он думает, что социалистическая пропаганда может только усилить реакцию. После всего сказанного нами это совсем неудивительно. Однако надо заметить, что это его мнение подсказано ему не только полным незнакомством его с тем, что происходит теперь в нашей рабочей среде, но также и его резко враждебным отношением к социа-

лизму вообще и к русским социалистам в частности. С русскими социалистами, которых он называет нигилистами, у него старые счеты. Он убежден, что «нигилисты» помешали правительству Александра II докончить дело реформ, и он удивляется тому, что многие до сих пор причисляют «Чернышевского, Добролюбова и К°» к деятелям эпохи преобразований. «Их можно считать деятелями разве только на подобие мух, которые гадят картину великого художника», ехидно замечает он (стр. 21). Такое замечание свидетельствует лишь о том, как сильно ослепляет его политическая вражда к нашим великим просветителям. Но люди, ослепленные своими (политическими или какими-нибудь иными) страстями, утрачивают способность к правильному мышлению и делают непростительные промахи. Это случилось и с нашим автором. Он, либерал, ненавидящий административный произвол и мечтающий о законном порядке, не нашел нужным послать хотя бы самомалейшее слово упрека по адресу того правительства, которое отправило Чернышевского на каторгу. Он, как видно из его брошюры, читал известный дневник архи-умеренного Никитенка. Неужели же он позабыл то место этого дневника, где говорится о суде над Чернышевским? «Я спрашивал у сенатора (Любощанского),—пишет Никитенко,—доказано ли юридически, что Чернышевский виноват так, как его осудили. Он отвечал мне, что, ему известных, юридических доказательств нет, но что моральное убеждение прямо против Чернышевского». Никитенко спрашивает: «как же, однако, его осудили?». И тот же самый вопрос естественно должен был задать себе наш либеральный автор. Как убежденный сторонник законности, он нравственно обязан был резко и решительно осудить беззаконие. Он ограничился тем, что обругал того, над кем беззаконие было совершено. Это не так, чтобы уж очень либерально. Такой либерализм кажется нам не совсем надежным.

Наш автор уверяет, что «нигилисты» 60-х годов вели себя очень бестактно. «В то самое время, как с высоты престола даровалась свобода 20-ти миллионам русских людей, как происходил величайший переворот в русской истории,—с негодованием восклицает он, — издавались печатно подпольные прокламации, приглашавшие к истреблению не только всей царской фамилии, но и всего дворянства и высшего чиновничества» (стр. 23 — 24).

Наш автор выражается очень неточно. Большинство вышедших в указанное им время «подпольных» прокламаций (к сожалению, в России до сих пор возможны только подпольные прокламации) чуждо всяких призывов к насилию. Авторы их знали, как видно, русского обывателя и вовсе не желали пугать его без надобности. Исключение из общего правила составляет только воззвание «Молодой России», действительно грешащее обилием романтически-сильных выражений. Спора нет, составители этого воззвания хорошо сделали бы, если бы предпочли другой язык. Но что сказать о таких либералах, которые приходят в нервное настроение по поводу одной, хотя бы и бестактной, прокламации, и, находясь в этом настроении, совершенно забывают, что закон лучше административного произвола и «морального убеждения» сыскной полиции даже в том случае, когда речь идет о суде над «нигилистом». Повторяю, такой либерализм ненадежен.

Польский и еврейский вопросы. Ответы на открытые письма Н. К. Ренненкампфа. 2 изд. Берлин. Изд. Г. Штейница. 1901

Г. Б. Чичерин доказывает,что необходимо уравнять евреев в правах с другими жителями империи. Он говорит также, что угнетение польского народа не может быть оправдано ни с точки зрения нравственности, ни с точки зрения государственной пользы. Разумеется, он совершенно прав и в том, и в другом отношении: на этот счет у порядочных и неглупых людей не может быть двух мнений. Но видит ли г. Б. Чичерин в нашем отечестве такие силы, которые могли бы взяться за осуществление, между прочим, той в сущности чрезвычайно скромной программы, которую он наметил в своей брошюре? Нет, он не видит таких сил. Поэтому и все его рассуждение о поляках и евреях не имеет в его глазах ни малейшего практического значения. «Не только мы с вами, — говорит он, обращаясь к Н. К. Ренненкампфу,—не призваны решать эти вопросы, но на практике они вовсе и не поставлены, и решение их в смысле справедливости в настоящее время представляется не более, как праздною мечтою, о которой практические люди и толковать не станут. Тем не менее, обсуждение их именно с этой точки зрения может,

хотя бы и в малой степени, способствовать выяснению нравственных и политических понятий в русском обществе, чем пренебрегать нельзя. Во всяком случае, такой обмен мыслей дает некоторое нравственное удовлетворение, а это что-нибудь значит в такое время, когда так редко приходится испытывать это чувство» (стр. 6).

Эти строки пропитаны таким же глубоким политическим пессимизмом, какой мы заметили в авторе брошюры «Россия накануне двадцатого столетия». Подобно этому автору, г. Б. Чичерин принадлежит к числу тех русских либералов, которые не видят перед собою возможности бороться за осуществление своих идеалов и потому вынуждены ограничиваться хорошими разговорами на хорошие темы. Таких либералов у нас много, но толку от них, по правде говоря, очень мало. Когда же появятся у нас либералы другого разбора, либералы, способные не только осудить современную русскую действительность, но и ополчиться на борьбу с нею?

Когда? Только тогда, когда в русской либеральной среде распространится та мысль, что политическое пробуждение русского пролетариата — не миф, а самая неоспоримая истина. Эта мысль и теперь уже проникает в названную среду, как это видно, между прочим, из либерального предисловия к изданной нами подпольной записке С. Витте «Самодержавие и Земство». Но в этой среде до сих пор все-таки еще недостаточно людей, понимающих глубокую справедливость этой мысли. И нельзя не пожалеть об этом. Чем скорее наши либералы поймут, что теперь у нас сам народ в лице рабочего класса начинает стремиться к политической свободе, тем скорее возникнет у нас серьезное либеральное движение. Серьезное либеральное движение может возникнуть у нас только, как результат движения рабочих. Такова одна из самых интересных особенностей нашей общественной жизни.

Либералы, вызванные к новой жизни социалистическими пролетариями, уже не будут третировать «нигилистов» так, как третирует их талантливый автор брошюры «Россия накануне двадцатого столетия».

О демонстрациях

Дни идут за днями, но не походят один на другой. Давно ли люди, мнившие себя опытными «практиками», старались убедить «теоретиков» в том, что «толковать рабочей массе в России об уничтожении капитализма, о социализме, наконец, об уничтожении самодержавия—вообще нелепость», и резко порицали группу «Осв. Труда» за то, что она будто бы хотела «взять самодержавие на уру». Теперь голоса таких «критиков» окончательно смолкли, теперь даже неисправимые «экономисты» стараются придать своим речам политический оттенок, и теперь, повидимому, в самом деле появились люди, думающие, что самодержавие может быть взято «на уру» одним энергичным усилием. Кто напоминает этим людям, что наша победа над царизмом еще не близка, того они упрекают в «расхолаживании» революционеров. Это, конечно, необдуманные упреки: серьезных революционеров не расхолодишь никакими напоминаниями о продолжительности предстоящей им борьбы, а на кого такие напоминания могут подействовать угнетающим образом, тот горяч лишь на поверхности. Победят врага не те, которые ежедневно твердят, что мы переживаем «канун революции», а те, которые готовы неустанно исполнять всю,—как праздничную, так и будничную,—работу, необходимую для скорейшего наступления кануна революции. Те крестоносцы, которые, едва выступив из своих деревень, при виде каждой колокольни спрашивали: «не это ли Иерусалим?», не попали в Палестину. Иерусалим был взят теми опытными воинами, которые знали дальность ожидавшего их пути и приняли меры для преодоления его трудностей. В нашем деле самообман опаснее для нас, чем все военные хитрости нашего коварного неприятеля.

Демонстрации, ознаменовавшие собою начало 1901 г., повторились в его конце. Все заставляет думать, что и новый, 1902 год будет таким же, если не более, бурным, как и его предшественник. Рабочий класс принимает самое деятельное участие в демонстрациях; по большей части он составляет главную их силу. Но не будем обманывать себя словами. Рабочий класс оказывается представленным в демонстрациях лишь некоторыми своими слоями. Он еще не двинулся всей своей массой. Исключение из этого правила составляют разве лишь известные московские волнения. И именно тем, что не вся рабочая масса участвует в демонстрациях, об'ясняется то, что полиция пока еще очень легко справляется с «нарушителями порядка». Она еще нигде не встретила отпора. А отпор психологически необходим, потому что если его еще долго не будет, то демонстрации станут утрачивать свое воспитательное влияние на массу и приобретать в ее глазах значение опыта, доказывающего полную невозможность открытого сопротивления власти. И тогда неизбежно, естественно, возникнут такие формы борьбы, которые отдалят революционеров от рабочей массы и чрезвычайно сильно затруднят им решение их важнейшей задачи, о которой они не должны забывать нигде и никогда, — задачи систематического и неуклонного содействия всестороннему развитию классового самосознания пролетариата. Кто умеет ценить воспитательное значение демонстраций и кто желает сохранить это их значение, тот должен всеми силами стремиться к тому, чтобы они все более и более приобретали массовый характер. Там, где массовые демонстрации еще невозможны, лучше до поры до времени не выходить на улицу. Но зато там надо с тем большей энергией и немедленно же взяться за подготовление массовых демонстраций.

До сих пор на эту сторону дела не было обращено достаточного внимания. Перед нами лежит письмо, полученное редакцией «Искры» несколько недель тому назад из одного университетского русского города и прекрасно подтверждающее справедливость наших слов. «Вот теперь,—говорит автор письма,— опять начались студенческие волнения, грозящие разрастись в новые «беспорядки». Кажется, давно бы пора выпустить к рабочим прокламацию, излагающую ход событий в студенческой среде, об'ясняющую причины волнений и т. д., но ничего подобного не

делается. Не знаю, чем это об'яснить... Почему не сообщить рабочим о том, как борются за свои права студенты, почему не выяснить значения их борьбы с министерством народного просвещения в общей борьбе всех оппозиционных элементов с правительством, не указать на стойкость и взаимную поддержку учащихся разных городов?.. Интеллигенция как будто довольствуется тем, что две-три сотни рабочих, сконцентрированные в ее кружках, знают об всем, что творится кругом ее... до той же массы, которая скрывается за этими избранниками, ей никакого дела нет...»

Мы не хотим ручаться за то, что в этой картине нет никаких преувеличений. Отнюдь не хотим! Мы прекрасно знаем, что преувеличения вполне возможны в устах и под пером того, кто, близко и внимательно наблюдая ход дорогого ему дела, особенно поражается замеченными им упущениями и недостатками. Но что указанные автором письма недостатки и упущения действительно существуют, это для нас не подлежит сомнению. Политическая агитация в массе еще недостаточно обдуманна, широка и систематична. Рабочая масса, *взятая в ее целом*, еще мало знает о том, что делается в тех—рабочих и «интеллигентных»—слоях населения, которые уже вполне проникнись духом «беспорядка». Поэтому она и не оказывает этим слоям всей той поддержки, которую она могла бы и должна была бы оказывать. Если бы демонстрациям предшествовала обдуманная, систематическая и широкая агитация в рабочей массе, подобная той, которая имеет место в студенческой среде,—где перед каждой большой демонстрацией происходит множество подготовительных совещаний и собраний,—то на наш призыв откликались бы не тысячи, а десятки тысяч рабочих, и тогда мы повели бы с нашими «усмирителями» совсем другой разговор.

Верно, конечно, и то, что обдуманная, деятельная и широкая агитация в массе для подготовки *целесообразных* демонстраций сама предполагает существование стройной и прочной организации сил революционной социал-демократии. Но без такой организации нам теперь вообще невозможно обходиться.

Скажем еще раз: демонстрации должны теперь приобретать все более и более массовой характер. Но этого мало. На каждой демонстрации надо уметь противопоставить полицейским бесчинствам *организованное сопротивление*. Как организовать сопротивление? Лучший ответ на этот вопрос будет дан,

разумеется, опытом. Но за опыт придется платить страшно дорого. Поэтому нам следует заранее прислушиваться ко всем практическим указаниям, идущим из лагеря противников нашего нынешнего политического строя.

Не так давно вышедшая за границей брошюра «Об уличных беспорядках (мысли военного)» дает нам несколько советов насчет того, как сопротивляться организованной и вооруженной силе царского правительства. Правда, автор брошюры приурочивает свои советы к такому моменту, который еще не настал и пока еще неизвестно, когда настанет. Он советует в самом начале борьбы народа с войском как можно скорее «изъять из обращения» гражданское, полицейское и военное начальство. Этот совет сам по себе очень не дурен. Революц. социал-демократия, вероятно, и сделает рекомендуемый автором смелый шаг в то время, когда она, крепко организовав свои силы и приобретя решительное влияние на народную массу, а следовательно, и на весь ход общественных событий, окажется в состоянии взять на себя почин вооруженного восстания для нанесения последнего, смертельного удара издыхающему царизму. Это будет счастливое время. Но теперь мы вынуждены ставить себе те более скромные практические задачи, без предварительного решения которых указанное счастливое время никогда не станет для нас настоящим временем. А в числе этих задач одно из самых первых мест занимает, по нашему мнению, организация такого сопротивления предержащим властям, которое, не будучи—пока еще преждевременным — открытым восстанием, вместе с тем обеспечило бы участникам демонстрации возможность давать хорошую сдачу полицейско-казацкой орде. Но и в этом смысле советы автора названной выше брошюры представляются нам далеко не бесполезными. Он пишет, напр.: «В современной народной толпе есть элемент очень ценный с точки зрения силы, могущей быть противопоставленной силе войска... Среди рабочих имеется не мало запасных воинских чинов всех родов оружия. Есть пехотинцы, есть кавалеристы, есть артиллеристы... Сгруппировавшись по родам оружия, разделившись на десятки, с выбранным начальником во главе, рабочие из запасных воинских чинов во время волнения будут центрами, около которых сами собою сгруппируются разрозненные элементы толпы.

«Организованные в мирное время «десятки»—во время волнений явятся кадрами народного войска.

«Люди «десятка» должны хорошо знать друг друга, должны быть в состоянии доверять друг другу и вполне полагаться друг на друга... Во время боя люди десятка должны во что бы то ни стало держаться вместе...»

В другом месте брошюры автор обращает внимание своих читателей на ту пользу, которую может принести протянутая поперек улицы (на аршин от земли) проволока. По его замечанию, такая проволока может остановить движение конницы и артиллерии и породить очень полезную для революционеров сумятицу.

Наконец, отметим еще вот какие советы нашего автора: «Пехоту следует окружать со всех сторон, стеснять, разобщать солдат друг от друга и от их офицеров».

«Солдатам же следует заранее внушать, что не против них бьется народ...»

Все это очень похоже на полную и чрезвычайно полезную правду, и мы от всей души благодарим г. «военного» за его «мысли».

Конечно, дело не в частностях. Запасные рядовые могут быть организованы не в «десятки», а как-нибудь иначе. Рядом с ними могут возникнуть и, вероятно, возникнут другие боевые единицы из рабочих и студентов. Очень возможно, что боевые дружины этого последнего рода окажутся даже более соответствующими свойствам нашей революционной среды. Но верно то, что мы уже теперь можем приступить к организации сопротивления во время демонстраций. Когда мы организуем его, тогда полицейские кулаки и казацкие нагайки перестанут безнаказанно гулять по головам и по спинам студентов, рабочих и «посторонних лиц».

Эти соображения о пользе, которую могло бы принести нам создание подвижных боевых дружин, снова приводит нас к мысли о необходимости общей, централизованной организации сил революционной социал-демократии. Высказать эту мысль—значит повторяться. Но повторения в этом случае неизбежны, и мы не боимся их. С терпением перса, поневоле каждый день повторявшего своему господину: «Царь, помни об афинянах», мы добровольно будет твердить нашим товарищам: помните, что нам надо организоваться!

Из Брюсселя

Брюссель, 31 декабря 1901 г.

Пишу вам под свежим впечатлением только что состоявшейся международной социалистической конференции. На ней присутствовали делегаты: от Франции—Вальян и Жеро-Ришар; от Германии — Каутский и Зингер; от Голландии — Ван-Коль и Трульстра; от Соединенных Штатов—Геррон; от Англии—Гайдмэн и Куэльч; от Польши—Войнаровская; от России—Кричевский и ваш покорный слуга; от Бельгии—Ансель и Вандервельд, а также секретарь Международного Бюро Виктор Серви.

В числе очередных вопросов не было ни одного из тех, от решения которых в ту или в другую сторону зависят судьбы движения и при обсуждении которых неизбежно загораются страсти. Впрочем, Международное Бюро не имеет и права решать эти великие вопросы. Его задачи гораздо скромнее: оно должно проложить путь для сближения и для единодушного действия социалистов всех стран на почве тех решений, которые приняты другими, более компетентными инстанциями (национальными и интернациональными с'ездами). Не удивительно поэтому, что Международному Социалистическому Бюро приходится исполнять много необходимой, но мелкой и будничной работы.

Так, в первом же заседании его первого с'езда ему пришлось обсуждать спор, давно ведущийся между Английской Независимой Рабочей Партией (Independent Labour Party) и Социал-Демократической Федерацией (Social-Democratic Federation) по вопросу о представительстве в Бюро. Конференция решила, что в январе будущего года должно быть созвано в Лондоне собрание из представителей обеих английских социалистических фракций для улажения этого спора.

Из других практических решений укажу на следующее: каждой из представленных в Международном Бюро наций, кроме двух делегатов, предложено выбрать еще секретаря или—в тех странах, где существуют две социалистические фракции — двух секретарей, для сношений с Международным Бюро.

Далее решено печатать на французском, английском, немецком и голландском языках Бюллетень Международного Движения. Но этот бюллетень будет выходить не в виде особого издания, а на страницах уже существующих органов — «Neue Zeit» в Германии, «Mouvement Socialiste» во Франции, «Social - Democrat» в Англии, «De Nieuwe Tijed» в Голландии. Само собою разумеется, что периодическим изданиям других стран ничто не препятствует воспроизводить этот бюллетень на своих страницах. Думаю, что «Искра» и «Заря» сумеют извлечь из него все, что может быть интересного для русского читателя-социалиста.

Парижский международный социалистический конгресс 1900 г., как известно, постановил, что следующий конгресс состоится в 1903 г. в Амстердаме. Теперь наша конференция точнее обозначила время созвания этого конгресса: он состоится в половине августа. В январе 1903 года секретарь Международного Бюро обратится с воззванием к рабочим партиям и социалистическим организациям всех стран, приглашая их прислать на конгресс своих представителей и заранее обозначить те вопросы, которые они желали бы подвергнуть обсуждению.

Укажу, наконец, на то постановление конференции, согласно которому при Международном Бюро в Брюсселе должна быть организована Международная социалистическая библиотека. Социалисты всех стран настоятельно приглашаются посылать в нее все свои издания.

Перехожу теперь к тем решениям конференции, практическое значение которых определяется их политическим содержанием.

По почину Каутского и Зингера, конференция единогласно решила сделать следующее заявление:

«Международное Социалистическое Бюро, собравшись на конференцию в Брюсселе 30 дек. 1901 г., самым энергичным образом протестует во имя социалистического пролетариата всех стран

против политики германизации в прусской Польше, где прусское правительство не отступает перед самыми варварскими мерами для того, чтобы силой принудить польское население отказаться от родного языка.

«Бюро клеймит также лицемерие и двоедушие господствующих классов, которые не находят достаточно слов для выражения своего негодования против английского варварства в Трансваале и которые, с другой стороны, одобряют и поддерживают самый позорный гнет, налагаемый правительством на поляков в Германии. Бюро приглашает польский рабочий народ искать защиты против подавления его духовной и национальной культуры, равно как и против его экономической эксплоатации, под знаменем международной социал-демократии и всеми силами содействовать ускорению ее победы, которая одна только может принести полную духовную и материальную свободу и равенство».

По поводу «империализма» конференция, по предложению Гайдмэна, единогласно высказалась так:

«Международное Социалистическое Бюро снова обращает внимание рабочих всего света, как социалистов, так и не-социалистов, на империалистскую политику, которой держатся все страны Европы и Соединенные Штаты Америки ради служения экономическим интересам класса капиталистов.

«Несмотря на неприязнь, которая возникает по временам между отдельными нациями, этот класс, взятый в целом, везде действует одинаковым образом для поддержания своего всемирного господства.

«Если в последнее время Англией совершено было много преступлений в Южной Африке, а Соединенными Штатами—на Филиппинских островах, то, с другой стороны, вся Европа, в союзе с Соединенными Штатами и с Японией, совершила в Китае целый ряд несправедливостей и жестокостей, кладущих отвратительное пятно на историю нашего времени.

«Те страшные последствия, которые несет с собою для порабощенных народов капиталистическая эксплоатация и которые мы видим в английской Индии, — где 230 миллионов людей были совершенно разорены английскими вымогательствами,—в Ирлан-

дии, в Польше, в Африке и в Азии, ведут эти народы к нравственному унижению и к материальному обеднению.

«Господствующие классы пользуются империализмом и шовинизмом для того, чтобы противодействовать вредному влиянию капиталистической конкуренции, и для того, чтобы ослабить возрастающее влияние социализма в такое время, когда опустошительный промышленный кризис господствует во всех странах.

«Международное Бюро горячо взывает к рабочим всего мира, убеждая их не поддаваться интригам буржуазных государственных людей, не верить лжи, распространяемой капиталистической прессой, и с возрастающей энергией стремиться к полному сплочению в особую партию рабочего класса, которая об'единится на международной почве для уничтожения привилегий буржуазии».

Наконец, в двух заявлениях, предложенных русскими делегатами и поддержанных польской делегаткой, В. Войнаровской, конференция заклеймила реакционные и жестокие действия нашего правительства. Вот эти заявления:

I. «Международное Социалистическое Бюро единодушно протестует против русского правительства, которое, ради своих реакционных целей, нарушило конституцию финляндского народа и, недавним циркуляром министра народного просвещения, почти совершенно закрыло евреям доступ в средние и высшие учебные заведения.

«Международное Социалистическое Бюро тем более считает себя обязанным протестовать против этой последней меры, продиктованной антисемитами, что еврейские рабочие - социал-демократы своей неутомимой деятельностью оказали большую услугу международному пролетариату».

Подписано:

Плеханов, Кричевский, В. Войнаровская.

II. «Международное Социалистическое Бюро клеймит ненавистный русский деспотизм, который еще раз покрыл себя кровью, произведя 7 мая 1901 года бойню среди рабочих Обуховского завода в Петербурге во время манифестации, происшедшей в связи с празднованием первого мая, и заставив затем свой холопствую-

щий суд приговорить (в конце сентября 1901 года) к каторжным работам и тюремному заключению 29 жертв, произвольно выхваченных из числа обуховских манифестантов.

«Бюро посылает свое братское приветствие героям-борцам, русским рабочим, свидетельствуя о горячем сочувствии, которое международный социализм питает к их освободительной борьбе против царизма, «этого врага социализма и демократии».

Подписано:

Кричевский, Плеханов, Войнаровская.

Около 6 час веч. окончилось послеобеденное, — второе и последнее,—заседание конференции, и делегаты, разбившись на группы, разошлись по ресторанам с тем, чтобы, подкрепив свои силы, снова сойтись в 8 час. на большой международный митинг, о котором заранее возвещено было в центральном органе бельгийской партии «Le Peuple» и в особых афишах. Я не стану передавать содержание тех речей, которые были произнесены на этом митинге делегатами всех стран: говорилось то, что обыкновенно говорится в таких случаях. Прибавлю только, что как ваш покорный слуга, так и другой русский делегат сочли своим долгом указать западно-европейским товарищам на могучий и непрерывный рост русского рабочего движения и на постоянно обостряющиеся столкновения русского пролетариата с царизмом. Такие указания не бесполезны, так как на Западе даже социалисты очень плохо осведомлены о том, что делается в России. Но для русских читателей в них нового ничего нет, и потому я не распространяюсь о них, предпочитая отметить то поднятое настроение, которое господствовало между слушателями, наполнившими огромную «праздничную залу» («Salle de Fêtes») брюссельского «Народного Дома». Бельгийский пролетариат ведет теперь чрезвычайно энергичную борьбу с реакционной частью буржуазии за всеобщее избирательное право. Дух борьбы наполняет сердца бельгийских рабочих, и потому каждое энергичное слово иностранных делегатов встречало восторженный отклик со стороны их слушателей. Я не раз присутствовал на больших политических собраниях бельгийских рабочих, но еще никогда они не производили на меня такого сильного впечатления.

Но приятнее и сильнее всего поражало участие в митинге детей и подростков рабочего класса. Эти малолетние и несовершеннолетние пролетарии стройно и торжественно пропели целый ряд песен в честь иностранных делегатов. Когда смолкла последняя песня, я взглянул на своего соседа Вальяна. «Quelle belle soirée!» (какой приятный вечер!),—воскликнул до глубины души тронутый борец Коммуны. И действительно, мы прекрасно провели этот вечер.

Повторяю, бельгийский пролетариат находится теперь в периоде ожесточенной борьбы. Наши бельгийские товарищи-социалисты твердо убеждены, что их реакционное правительство уступит только с и л е, и надо видеть, как систематично и обдуманно ведут они дело революционной агитации! [1]). Они не вступят в открытый бой раньше времени; но, когда они вступят в него, их враг будет побежден, — в этом невозможно сомневаться. По всему видно, что бельгийские социалисты придерживаются «тактики-плана».

Бельгийский пролетариат завоюет всеобщее избирательное право. Это будет новым, огромным шагом вперед в рабочем движении Бельгии. Но этот новый шаг будет в этой стране началом такого же «к р и з и с а в с о ц и а л и з м е», какой переживает теперь Франция. Я думаю, бельгийский социализм вынесет этот кризис, как вынес его и французский, но я не могу не находить, что «цена прогресса» бывает по временам довольно высока.

---

[1]) Насколько трудно бельгийскому правительству бороться с пролетариатом, видно, между прочим, из такого факта: во время демонстраций казармы некоторых полков в Брюсселе приходится запирать, а к дверям их приставляют жандармов. Иначе солдаты присоединятся к демонстрантам.

Смерть Сипягина и наши агитационные задачи

Блестящая служебная карьера Сипягина неожиданно прервана. Человек, в продолжение тридцати месяцев державший в своих руках почти всю исполнительную власть русского государства и жестоко злоупотреблявший ею, пал жертвою своего реакционного усердия. Наши «охранители» горько оплакивают его гибель и мечут громы негодования на бедную голову его молодого «убийцы». Им вторит значительная часть и буржуазной прессы Запада. Нас не удивляют ни западные буржуа, ни русские «охранители». Наша реакционная партия твердо убеждена, как известно, в том, что она имеет право и даже обязана истреблять все живое, а всякий ответ насилием на ее насилие составляет в ее глазах великое преступление. Что же касается западной буржуазии, то она давно пережила свой *период бурных стремлений* и сделалась защитницей «порядка». Русские студенты, поднимающие вооруженную руку на звероподобных опричников всероссийского самодержца, вызывают в ней не сочувствие, а страх, напоминают ей не Брутов, а Тропманов. Их смелые, самоотверженные поступки представляются ей вопиющим нарушением *прав человека*. Гуманная защитница этих прав, она считает употребление оружия позволительным только в тех случаях, когда дело идет о завоевании новых рынков или об усмирении рабочих, пытающихся сбросить с себя иго капитала. Невыносимое положение русской учащейся молодежи интересует ее гораздо меньше, чем печальная судьба французских и бельгийских капиталов, затраченных в южно-русских металлургических предприятиях. *Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше*...

В смерти Сипягина виновато прежде всего упорство той реакционной клики, к которой он принадлежал до конца своих дней

и которая отвечала полицейскими разбоями на самые естественные и самые неизбежные требования студенчества. Нравственная ответственность за эти дневные и ночные разбои падает главным образом на самого Сипягина. Он как будто задался целью показать всем, имеющим очи, что «сердечное попечение» царского правительства об учащейся молодежи есть одно из самых «бессмысленных мечтаний» нашего коронованного недоросля. Он сделался ответственным издателем почти всех репрессивных мероприятий, направленных против этой молодежи. Мудрено ли, что ему и пришлось за них ответить?

Пусть же реакционные цицероны гремят против его «убийцы». Их негодующие вопли никого не введут у нас в заблуждение. Русское «общество» опять переживает теперь то оппозиционное настроение, в котором оно находилось лет двадцать тому назад и благодаря которому оно сочувствовало «террористической» борьбе партии Народной Воли.

Свирепый полицейский «порядок» до смерти надоел всем честным людям, и ни один честный и мыслящий человек не станет оплакивать гибель столпов и защитников этого порядка.

Killing is no murder! (умерщвление не убийство), писал один английский публицист XVII века, когда Кромвель захватил политическую власть, только что завоеванную революционной партией. Умерщвление не убийство, — с полным убеждением скажут теперь многие и многие русские люди. Не нужно быть неукротимым «потрясателем основ» для того, чтобы понять, какая глубокая и широкая пропасть отделяет Карповичей и Балмашовых от вульгарных убийц.

Умерщвление не убийство! Сознание этой истины до такой степени распространилось теперь в России, что оно начинает грозить серьезной опасностью нашему освободительному движению. Это звучит парадоксом, но с этим должен будет согласиться всякий тот, кто даст себе труд вдуматься в наше современное положение.

Жрецы полицейского Молоха делают все возможное для того, чтобы довести до самой крайней степени раздражение нашей свободомыслящей интеллигенции. Когда раздражение достигает этой крайней степени, мысль о «террористической» борьбе возникает, можно сказать, сама собою всюду, где соотношение

общественных сил еще не позволяет думать об открытом массовом восстании с оружием в руках. А где, — как у нас в настоящее время,—эта мысль уже выразилась в нескольких практических действиях, и где,—опять как в современной России,—такие действия встречают горячее сочувствие в широких слоях населения, там «терроризм» стремится сделаться господствующим приемом революционной борьбы, отодвинув на задний план все другие.

Признаки такого стремления замечаются теперь даже в нашей социал-демократической среде. Некоторые социал-демократы начинают поговаривать о том, что демонстрации обходятся слишком дорого и что террористические действия скорее поведут к цели Опыт 70-х годов показал, что от таких разговоров не далеко и до мысли о «систематическом терроре». Но тут-то и заключается серьезная опасность для нашего освободительного движения. Если бы это движение стало террористическим, то оно тем самым подорвало бы свою собственную силу.

Его сила состоит в том, что идея политической свободы, увлекавшая некогда одну интеллигенцию, проникла в некоторые слои рабочего класса. Сознательная часть пролетариата является теперь самым надежным борцом за политическую свободу. Если волнения учащейся молодежи получили теперь у нас такое большое значение, то это произошло именно потому, что студента стал поддерживать рабочий. И это очень хорошо понимает сама учащаяся молодежь, которая вполне сознательно сближается с пролетариатом. Ей хорошо выяснилось решающее политическое значение рабочей армии. Но всем известно, что приемы борьбы, употребляемые всякой данной армией, определяются ее составом. Состав рабочей армии таков, что для нее самым удобным и самым действительным приемом борьбы являются демонстрации и вообще всякого рода массовые уличные движения. Терроризм же доступен для нее лишь при самых редких и исключительных обстоятельствах. При наших нынешних условиях он привел бы к тому, что из нее выделились бы и слились бы с террористами-интеллигентами отдельные личности и группы личностей, вся же остальная ее масса стала бы гораздо менее активной, вследствие чего только замедлилось бы, — если

бы не прекратилось совершенно, — дело политического воспитания нашего пролетариата и надолго отсрочилось бы падение абсолютизма.

Один из наиболее энергичных, опытных и сознательных представителей русского рабочего класса, Степан Халтурин, был решительным противником террора именно на том основании, что террор мешает организации, а следовательно, и вообще политическому воспитанию рабочих. Правда, впоследствии он сам стал террористом, но он стал им не потому, что признал ошибочным свое прежнее мнение, а потому, что организация рабочих перестала казаться ему неотложным делом: он проникся тем убеждением, что смерть Александра II принесет с собою конституцию и политическую свободу, при которой дело политического воспитания рабочих двинется с небывалой у нас быстротою. Имея такое убеждение, он мог, не изменяя себе, предпочесть террористическую деятельность агитационной. Но теперь уже невозможно разделять такое убеждение. Опыт показал, что оно было ошибочно. Царь Александр II погиб; царизм продолжает существовать. Чтобы покончить с ним, необходимо разрушить его основу. А к этой цели нет другого пути, кроме политического воспитания народа и прежде всего рабочего класса.

Говорят, что террор тоже воспитывает рабочую массу, возбуждая ее. Тут есть капля истины. Рабочие, недовольные существующим порядком вещей, радуются удачным покушениям и огорчаются неудачными. Их, конечно, возбуждают доходящие до них известия о действиях террористов. Но такое возбуждение не выдерживает и отдаленного сравнения с возбуждением, вызываемым в рабочих личным непосредственным участием их в массовых уличных движениях. В этом последнем случае возбуждение располагает к самодеятельности, между тем как сочувствие к террористам не только не исключает пассивного отношения к общественной жизни, но даже поддерживает и укрепляет его, приучая население смотреть на революционную партию, как на благодетельную, но постороннюю ему силу, которая сама все делает, сама поразит всех врагов свободы и сама обеспечит торжество революции. Терроризм изолирует революционную партию и тем осуждает ее на поражение.

Что демонстрации стоят у нас многих жертв, это, к сожалению, неоспоримо. Но, во-первых, ошибочно думать, что террористические действия обходятся в этом смысле дешевле. Наоборот. Наибольшие потери причиняются революционерам именно ими. А во-вторых, без жертв невозможна никакая борьба. Жертвы были и будут. Все дело в том, чтобы они не приносились напрасно, и чтобы каждая демонстрация приносила нашему делу всю ту пользу, которую она может принести.

В № 14 «Искры» мы уже указывали на то, чего недостает теперь нашим демонстрациям: 1) в них участвует сравнительно мало народу; 2) их участники не оказывают организованного сопротивления властям. Опыт показал, что мы не ошибались. Возьмите хоть Киевскую демонстрацию 2 февраля. Ее участники проявили поистине геройское мужество и самоотвержение. Но их было сравнительно немного, и полиция легко справилась с ними. Но это не все. Даже и те, сравнительно небольшие силы, которые участвовали в демонстрации, не были организованы, что еще более ослабило их сопротивление. А с другой стороны, посмотрите на то, что произошло в Гельсингфорсе 5 апреля. Здесь, как сообщают иностранные газеты, полиция встретила дружный отпор со стороны «толпы» и отступила, унося с собой много раненых. И это было достигнуто без употребления участниками демонстрации огнестрельного оружия, которое было бы вредно, так как дало бы правительству желанный повод для «усмирения бунтовщиков» солдатскими пулями. Мы не знаем, была ли организована Гельсингфорсская демонстрация 5 апреля. Повидимому—да. Но, как бы там ни было, несомненно то, что ее успех был обусловлен дружным действием большой массы народа. Полиция и казаки были атакованы со всех сторон. Даже из окон домов в них кидали камнями, дровами и бутылками, наполненными едкими кислотами. Правительство поняло, что против него все население, и уступило, отсрочив призыв новобранцев. В наше время тайна политического успеха заключается в искусстве вызывать движение массы. Когда идея политической свободы овладеет у нас всей рабочей массой,—как овладела она уже некоторыми ее

слоями,—тогда и у нас будут происходить демонстрации, подобные Гельсингфорсской. А чтобы эта идея овладела всей рабочей массой, надо распространять ее с удесятиренной энергией. Надо наводнить Россию листками и воззваниями, обнаруживающими гнусность нашего политического устройства. Надо разбрасывать такие листки и воззвания в мастерских, в трактирах, в банях, в конках, в церквах, на постоялых дворах, на железных дорогах, на пароходах, словом — везде и всюду. Всякому уличному движению должна предшествовать работа подготовительной агитации и организации. Там, где не соблюдено это условие, лучше воздерживаться от демонстраций. Но зато тем решительнее надо выступать там, где почва для демонстрации уже подготовлена.

Кто считал прошлогоднее событие «началом конца», в том разочарование понятно: конец пока все еще не «кончен». Но в нашем деле иллюзии не менее вредны, чем малодушие, с которым они, кстати сказать, состоят в тесном родстве. Мы переживаем теперь «не начало конца, а просто начало». Не удивительно, поэтому, что конец заставляет себя ждать: но мы никогда не дождемся его, если оставим путь политической агитации в массе и ударимся в террор.

Умерщвление не убийство! Но оно не есть также и путь к победе. Карая отдельных слуг царя, оно не разрушает царизма. Мы очень ценим самоотвержение лиц, подобных Балмашову и Карповичу. Но мы стремимся к низвержению целой системы. Мы стоим на классовой точке зрения. А с этой точки зрения самым верным и совершенно незаменимым средством борьбы с царизмом была и остается агитация в рабочем классе для развития его политического самосознания и организация его сил для дальнейшей, все более и более упорной, все глубже и глубже проникающей, все более и более плодотворной и победоносной агитации.

Только на фундаменте политического самосознания русского пролетариата может быть воздвигнуто здание русской политической свободы! Русское революционное движение восторжествует, как движение рабочей массы, или совсем не восторжествует!

Комментарий к проекту программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

I

Социал-демократическое учение широко распространилось в России. Социал-демократы, на которых всего лет десять тому назад русские социалисты старой «манеры» смотрели как на чудаков, не понимающих «закона экономического развития» нашей страны, могут с гордостью сказать теперь, что они господствуют в русской революционной среде, и что все выдающиеся явления современной русской экономической жизни представляют собою яркое и неопровержимое доказательство справедливости их взгляда на «закон» ее развития. Горсточка «чудаков» разрослась в большую и влиятельную партию. И как бы ни были велики те разногласия, которые раздирают ее время от времени; как бы ни были тяжелы те многочисленные потери, которые приходится нести ей вследствие беспрерывных и ожесточенных правительственных преследований, всем и каждому теперь ясно, что нет в русской империи такой силы, которая могла бы искоренить нашу социал-демократию. Российская социал-демократическая партия является теперь неустранимым фактором социально-политической жизни России. Обстоятельства складываются чрезвычайно благоприятно для нее. Весь вопрос в том, как сумеет она воспользоваться ими. На этот вопрос ответит будущее. Но уже в настоящее время можно, ни мало не рискуя ошибаться, указать те условия, которые непременно должны быть на-лицо для того, чтобы она поднялась на высоту своей задачи. Таких условий два: одно из них называется крепкой боевой организацией, а другое — стройной и последовательной программой.

Теперь уже никто из наших товарищей не сомневается в необходимости крепкой организации того типа, который существовал в России во второй половине семидесятых и в начале восьмидесятых годов (организации общества «Земля и Воля» и «Партии Народной Воли») и который оказал тогдашним русским революционерам такие огромные, неоцененные услуги. Теперь,— если мы не ошибаемся, — споры ведутся лишь о том, какой путь приведет нас к созданию организации этого типа. Не то с программой: ее значение в жизни и деятельности партии сознается с гораздо меньшей ясностью. Некоторые из наших товарищей и теперь еще охотно повторяют те слова Маркса, что один действительный шаг в рабочем движении важнее целой дюжины программ. Но эти наши товарищи, — принадлежащие к числу так называемых практиков, — вкладывают здесь в слова Маркса не тот смысл, какой они у него имели. Что Маркс — равно как и его неизменный друг Энгельс—не был и не мог быть равнодушен к программным вопросам, это понимает всякий тот, кто хоть немного освоился с научным социализмом и выяснил себе ту роль, которая отводится в нем воздействию сознательных элементов рабочего класса на его отсталые элементы. Пусть «практики» вдумаются, например, в нижеследующие строки:

«Коммунисты отличаются от других рабочих партий тем, что, с одной стороны, в движении пролетариев разных наций они выделяют и отстаивают общие, независимые от национальности, интересы всего пролетариата; с другой стороны — тем, что на различных стадиях развития, через которые проходит борьба пролетариев с буржуазией, они всегда защищают общие интересы движения в его целом. Таким образом коммунисты на практике представляют собою самую решительную, всегда вперед стремящуюся часть рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения» [1].

Этих строк никак нельзя истолковать в смысле столь любезного «практикам» всех стран противопоставления действи-

[1]) «Манифест Коммунистической Партии», Женева 1900, стр. 16—17.

тельных успехов движения программам. В самом деле, чтобы выделить общие, независимые от национальности интересы всего пролетариата, необходимо знать, в чем они заключаются; а это невозможно для того, кто не выяснил себе условий, хода и общих результатов рабочего движения, т.-е. для того, кто равнодушен к «теории». Еще менее способен был бы такой человек определить и отстоять общие интересы этого движения, в его целом, на всех стадиях его развития. Таким образом, согласно Марксу, коммунист (по-нынешнему — социал-демократ) в своей практической деятельности необходимо должен опираться на теорию. Но что такое эта теория, без которой ни одному «практику» нельзя ступить почти ни одного шагу? Ответ ясен. Кто хорошо понял условия, ход и общие результаты рабочего движения, тот выработал себе полную и последовательную коммунистическую (социал-демократическую) программу, потому что такой программой называется не что иное, как совокупность руководящих взглядов, относящихся к указанным предметам. Следовательно, — опять-таки по Марксу, — коммунисты (социал-демократы) отличаются от других рабочих партий (например, хоть от «чистых» трэдюнионистов) именно тем, что они имеют программу, охватывающую весь ход рабочего движения, взятого в его целом, и постоянно руководствуются этой программой в своей практической деятельности [1]). Иначе сказать: отличительная черта коммунистов (социал-демократов) именно в том и заключается, что у них «практика» теснейшим образом связана с «теорией» и что эта теснейшая связь находит свое естественное и прямое выражение в программе. Если же это так,—

---

[1]) «We are not theorists: this is no visionnary plan, but one eminently practicable (мы не теоретики, наш план—не план мечтателей, а план вполне осуществимый)»,—так говорила в своем заявлении Северо-Американская Ассоциация рабочих железных, стальных и жестяных заводов (The Amalgamated Association of iron, steel and tin workers) накануне большой стачки 1901 года. Понесенное ею жестокое поражение показало, что ее «вполне осуществимый» план был на самом деле не вполне «осуществим», и что пренебрежительное отношение к «теории» не проходит даром для пролетариата наших дней.

а это в самом деле так,—то в глазах Маркса противопоставление действительных успехов движения программам приобретало смысл только в тех случаях, когда речь шла о программе таких групп (или партий), которые еще не пользуются ровно никаким влиянием на умы рабочих: действительные успехи рабочего движения ни мало не зависят от программы таких партий (или групп). Но как только рабочие начинают прислушиваться к их голосу и подчиняться их влиянию, — их программы тотчас же приобретают практическое значение: и тогда они начинают входить в число тех условий, от которых зависят действительные успехи рабочего движения, а потому противопоставление им этих успехов делается тогда совершенно неуместным и логически невозможным [1]).

Так представляется отношение между «теорией» и «практикой» с точки зрения правильно понятого марксизма. Людвиг Фейербах писал когда-то: «Что такое теория, что практика? Теория, это — то, что остается в одной моей голове; практика, это — то, что проникает в головы многих. То, что об'единяет многие головы, создает массу, распространяется и завоевывает себе место в мире». Все учение и вся деятельность Маркса показывают, что в этом отношении он до самой смерти своей был вполне согласен с Фейербахом.

---

[1]) Нам возразят, может быть, что замечание Маркса насчет маловажности программ сравнительно с действительными успехами движения находится в письме, написанном по поводу соединения эйзенахцев с лассальянцами, т.-е. относится к тому времени, когда программы немецких социалистов приобрели уже очень серьезное влияние на рабочих. Это так. И отсюда выходит, повидимому, что даже и в этом случае Маркс считал возможным противопоставлять действительные успехи рабочего движения программам. Но почему Маркс написал свое, теперь знаменитое письмо о тогдашнем проекте программы немецкой социал-демократии? Почему он так горячо критиковал этот проект в своем письме? Почему он думал, что лучше не соединяться с лассальянцами, чем делать им уступки, непозволительные в принципиальном отношении? Ясно—почему: потому, что программа немецкой социал-демократии уже была тогда в его глазах очень важным условием действительных успехов немецкого рабочего движения, и что равнодушное отношение к программе,—сопровождающееся обыкновенно очень большой «уступчивостью»,—казалось ему крайне вредным. Правда, уступчивость «практиков» не принесла тогда всех тех вредных последствий, каких опасался Маркс. Но это уже вопрос посторонний, нас здесь не касающийся.

II

Да и не один Маркс был с ним согласен. С ним — сознательно или бессознательно—соглашались также и все те, которые отстаивали существующий порядок вещей и видели в успехах социалистического движения величайшую угрозу цивилизации. Идеологи господствующих классов издавна умели ценить значение тех теорий, которые оправдывали эксплоатацию одной части общества другою. Так, например, известно, что господствующая церковь и официальная общественная наука всегда и везде играли роль таких теорий. Современная нам буржуазия тоже очень недурно понимает, какую огромную важность имеют социально-политические теории для социально-политической практики. Это доказывается,—если еще нужно доказывать это,—тем походом, который она предприняла теперь против революционного социализма под предлогом «критики» теории Маркса. Буржуазные ученые, подобные Шульце-Геверницу, Геркнеру, Георгу Адлеру, Вернеру Зомбарту и прочей братии того же рода, сочли своим гражданским долгом выступить в «критический» поход против марксизма именно потому, что оценили колоссальное практическое значение этой теории. Они увидели, что марксизм «об'единяет» теперь миллионы голов; что он быстро и широко «распространяется» теперь между пролетариями; что он «создает массу» и готовится «завоевать себе место в мире». И вот, полные страха за судьбу дорогого им общественного порядка, они взялись за «критику» Марксова учения, чтобы удалить из него его революционное содержание и убедить пролетариев в том, что, вопреки упрямым догматикам, социализм очень хорошо может существовать и даже развиваться бок-о-бок с капитализмом. Этому же достохвальному мотиву повиновались и русские dii minorum gentium, ополчаясь на брань с «ортодоксией», все эти г.г. Струве, Булгаковы, Туган-Барановские, Прокоповичи, Бердяевы, Франки и прочие глубокомысленные и многоглаголивые «критические» подмастерья, имена же их ты, господи, веси. Несмотря на огромную дозу всем им свойственной наивности, эти господа прекрасно понимают практический смысл своих теоретических усилий

Идеологи той просвещенной части русской буржуазии, которая стремится европеизировать свои взгляды, но не хочет и не может перейти на точку зрения пролетариата, они «критикуют» учение Маркса для того, чтобы превратить его из орудия освобождения рабочего класса, каким оно везде и неизменно было до сих пор, в орудие политической эмансипации русского «среднего сословия». И как ни жалки сами по себе теоретические результаты подобной «критики», все-таки надо признать, что в известном смысле они весьма полезны для дела буржуазии. Г.г. «критики» могут утешать себя тем, что их усилия не пропадают даром. Очень ошиблись те из наших товарищей, которые думали, что «критика» марксизма есть чисто литературное явление, и которые поэтому не придавали значения теоретической борьбе с нею. Кому же не известно, в самом деле, что влияние «критики» распространялось у нас иногда даже на совершенно искренних сторонников пролетариата, которые, к большому вреду для своего собственного дела, обнаруживали готовность покинуть, как «устарелые», многие важнейшие положения научного социализма? Эти социалистические жертвы буржуазной «критики» в большинстве случаев кончали тем, что сознавали свои заблуждения. И это, разумеется, делает честь их собственной критической мысли. Но это в лучшем случае только уменьшает вред, нанесенный нашей партии, их, хотя бы и временными, колебаниями.

Всякому свое дорого. Чем более усердствуют в своей, будто бы критической работе ученые, полу-ученые и совсем невежественные идеологи крупной и мелкой буржуазии, тем серьезнее должны относиться к социалистической теории все те, которым не на словах только дороги интересы пролетариата. В такое время, когда буржуазная интеллигенция на все голоса кричит о «социальном мире» и на все лады доказывает, что социализм всегда останется не более, как великодушной утопией, интеллигенция пролетариата обязана с удесятеренной энергией отстаивать идею классовой борьбы и убеждать рабочих как в исторической неизбежности социальной революции, так и в практической осуществимости социалистических требований. А чтобы выполнить эту задачу, она должна окончательно разделаться со всеми предрассудками уз-

ких «практиков» и всецело проникнуться сознанием первостепенной практической важности теоретических вопросов вообще и программных вопросов в частности. Соотношение умственных сил в современном капиталистическом обществе таково, что социал-демократам следует как можно чаще припоминать слова Мефистофеля:

Verachte nur Vernunft und Wissenschaft—
Des Menschen allerhöchste Kraft,
Lass nur in Blend- und Zauberwerken
Dich von dem Lügengeist bestärken,
So hab ich dich schon unbedingt...

Если нет худа без добра, то нет и добра без худа. Социал-демократические идеи чрезвычайно быстро распространялись у нас, начиная со второй половины девяностых годов. Это чрезвычайно умножило наши силы. Но это же привело и к тому, что вместе с сознательными товарищами в наших рядах оказалось очень много таких новобранцев, которые далеко еще не усвоили себе нашего учения в его целом, в значительной степени сохранив взгляды, унаследованные от предыдущих эпох нашего движения и являющиеся теперь вредным анахронизмом. Неудивительно, что такие новобранцы невольно и незаметно для себя вносили в нашу среду довольно-таки порядочную путаницу понятий. Даже в тех случаях, когда, пересматривая свой умственный багаж, они замечали, что многие их взгляды не соответствуют их новой, социал-демократической точке зрения, и старались от них отделаться, они по весьма естественной реакции преувеличивали отличительные черты своего нового миросозерцания, доходя до непозволительных и смешных крайностей. При внимательном отношении к «программам» со стороны более опытных товарищей все это,—при данных обстоятельствах неизбежное, но тем не менее очень вредное,—шатание мыслей могло бы быть прекращено довольно скоро. Но «старики» сами были подчас не так чтобы уж очень сильны в теории и мало дорожили ею; поэтому архаизмы и уродливые крайности надолго оставались неприкосновенными, а иногда гордо и смело выступали, именуя себя «новыми течениями» в русской социал-демократии. Что такое положение дел

чрезвычайно сильно препятствовало дальнейшим успехам нашей партии, это знает всякий, кто следил за ее жизнью в продолжение последнего пятилетия.

Итак невнимательное отношение русских социал-демократов к теоретическим и программным вопросам ведет за собою то, что даже ее успехи отчасти становятся источником ее слабости. Это продолжаться не должно; этому надо положить конец. Тем более надо, что в будущем наше господство в русской революционной среде не может оставаться таким же неоспоримым, каким оно было в последние годы. Растущая волна политического недовольства выносит на арену оппозиционного и даже революционного движения такие общественные элементы, которые по самой природе своей не могут сочувствовать социал-демократии. Эти элементы непременно будут сплачиваться в особые от нашей партии организации и, по свойственному всякой организации инстинкту самосохранения, будут стараться отстаивать свою собственную точку зрения и ослаблять влияние социал-демократической пропаганды. По некоторым недвусмысленным признакам уже теперь можно предвидеть, в какую парадоксальную форму облечется на практике это стремление: с одной стороны на нас будут нападать во имя свободы и пользы критики, а с другой—каждую нашу критическую статью будут ставить нам в вину, указывая на необходимость об'единения всех революционных направлений. Как неизбежный результат такой, повидимому, противоречивой, но в сущности вполне последовательной и целесообразной тактики получится новая и еще бо́льшая путаница понятий, чрезвычайно полезная для враждебных нам организаций и крайне невыгодная для нас. С этой путаницей мы вынуждены будем бороться, даже если бы теперь мы пока еще и не хотели этого. Но единственным и незаменимым средством борьбы с нею является заботливое охранение наших собственных теоретических позиций, старательное выяснение себе и другим всех особенностей нашей программы.

«Наша задача,—говорил орган Маркса и Энгельса, журнал «Neue Rheinische Zeitung», в апреле 1850 г., — состоит в беспощадной критике, направляемой даже более против наших мнимых друзей, чем против наших явных врагов; и, занимая такую

позицию, мы с удовольствием отказываемся от дешевой демократической популярности».

Нам, русским социал-демократам, не приходится отказываться от «демократической популярности» по той простой причине, что мы составляем теперь уже не меньшинство, а огромное большинство в нашей революционной среде. Но, разумеется, мы должны были бы отказаться от нее, если бы это стало нужно в интересах нашего дела. Во всяком случае задача беспощадной критики мнимых друзей рабочего класса стоит и перед нами теперь, как она стояла перед основателями научного социализма более полувека тому назад. А для ее решения необходима ясная теория, последовательная программа.

III

Недостаточно внимательное отношение к «программам» сказалось у нас, между прочим, и в том достойном замечания обстоятельстве, что единственным печатным проектом программы русской социал-демократии был до сих пор проект, выработанный группой «Освобождение Труда» в 1884 году и опубликованный в 1885 году. Да и этот единственный печатный проект не был, насколько мы знаем, открыто принят ни одной из действующих в России организаций, хотя все серьезные русские социал-демократические организации действовали в его духе. Программа группы «Освобождение Труда» и до сих пор не может быть названа устарелой. Правда, в ней есть два пункта, которые,—как заметил недавно польский «Przeglad Socialdemocrtyczny»,—не выдерживают критики с точки зрения «ортодоксального» марксизма: прямое народное законодательство и государственная помощь производительным товариществам рабочих во всех отраслях нашего народного хозяйства. Но это — зло не столь большой руки, потому что его очень легко было бы поправить. «Przegląd» прибавляет, что эти два требования еще очень недавно фигурировали даже в германской социал-демократической программе [1]). Повидимому, это служит в его глазах смягчающим обстоятельством. Но на са-

[1]) «Przegląd Socialdemocratyczny», № 1, Marzec 1902, str. 43.

мом деле германская социал-демократия тут не при чем. Группа «Освобождение Труда» внесла в свою программу требование государственной помощи производительным товариществам не потому, чтобы она была увлечена в этом случае примером немецких товарищей, а просто потому, что ей невозможно было не считаться с народническими симпатиями,—скажем откровеннее: предрассудками, — тогдашних русских революционеров. Нужно помнить, что в то время она была буквально единственной русской социал-демократической группой, а число возможных русских социал-демократов казалось очень большим, так как все старые революционные взгляды и программы потерпели жестокое крушение. При таких обстоятельствах группа «Освобождение Труда» поневоле должна была, по крайней мере, попробовать быть осторожной, мягкой и уступчивой. И она действительно решила попытаться быть такою. Этим ее решением об'ясняется как принятие ею в свою программу требования государственной помощи производительным товариществам, так и очень неопределенная формулировка ее аграрных требований. Эти последние должны были особенно сильно затрагивать народнические предрассудки наших тогдашних революционеров. Группа «Освобождение Труда» хорошо понимала это и поэтому выразилась очень «дипломатично». Желательный ей пересмотр характеризуется в ее проекте только двумя чертами: 1) он должен быть радикальным, т.-е. в корне изменить быт крестьянского населения и не останавливаться перед соображениями о законности и о так называемых исторических правах «благородного» сословия; 2) домохозяевам должно быть предоставлено право отказываться от надела и выходить из общины. Эта вторая черта ясно определяет направление пересмотра: он должен положить конец крепостной зависимости крестьянина по отношению к государству и разорвать ту цепь, на которой оно так долго держало его под предлогом наделения его землею. Но группа «Освобождение Труда» ничего не сказала о том, какие положительные требования должна, по ее мнению, выставить социалистическая партия во время желательного ей радикального пересмотра наших аграрных отношений. И это понятно.

Пускаться в подробности на этот счет значило тогда поднимать такие ожесточенные, бесконечные споры, каких лучше было избегать до поры до времени. На деле такая осторожность ни к чему не привела, потому что споры эти все же пришлось начать очень скоро после составления проекта программы: доказательство — книга «Наши разногласия», представляющая собою резкий ответ на ехидные литературные выходки ныне благополучно юродствующего г. Л. Тихомирова против социал-демократической ереси. Но что группа «Освобождение Труда» не спешила начинать их, это очень понятно, и это доказывается также брошюрой «Социализм и политическая борьба», которая написана совсем «мягко» и в которой даже о русской поземельной общине говорится в выражениях, совершенно исчезнувших из нашего словаря после выхода «Наших разногласий», т.-е. после того, как началась вынужденная полемика наша с народниками всяких оттенков[1]). Теперь обстоятельства коренным образом изменились, и теперь соображения практической осторожности подсказывают русским социал-демократам прямо противоположную тактику: всякие недомолвки принесли бы нам теперь огромный вред, и потому в предлагаемом проекте нет никаких недомолвок. На всех без исключения «i» поставлены в нем достаточно заметные точки.

Насчет представительной системы и прямого народного законодательства надо прямо сказать, что в этом отношении группа «Освобождение Труда» находилась тогда под влиянием идей Риттингтаузена, и что прекрасная работа Каутского: «Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie», Stuttgart 1893, заставила ее значительно изменить свой взгляд[2]).

---

[1]) Удивительно, почему никто из наших противников не указал на это, как на «противоречие»; ведь наши противники так усердно (и так бесплодно) искали у нас «противоречий».

[2]) Раз зашла речь об этой группе, заметим, что ее самое название (Освобождение Труда) нерационально. Но и оно принято было, как уступка «духу времени». Первоначально группа предполагала называть себя просто группой русских социал-демократов; но это уже слишком резало бы ухо наших возможных товарищей, в течение долгих лет привыкавшее лишь к анархической хуле на международную социал-

Но и это частность, которую легко было бы исправить. Главное неудобство в том, что программа группы «Освобождение Труда» представляет собою скорее очень сжато написанную статью, чем программу в собственном смысле слова: она содержит в себе не только изложение взглядов ее авторов, но и защиту этих взглядов, ответы на те возражения, которые должны были подняться со всех сторон. Это было неизбежно при известных уже читателю обстоятельствах той эпохи, но это делает ее несоответствующей требованиям настоящего времени. Теперь, когда русская социал-демократия пустила такие глубокие корни в русскую землю и когда она достигла неоспоримого преобладания в русской революционной среде, она может и должна спокойно сказать свое «верую», не вводя в него теперь уже ненужных доказательств своего права на существование в России. Именно такое «верую» и представляет собою предлагаемая программа. Ее составители закрыли доступ в нее критике чужих воззрений и защите своих собственных, полагая, что как та, так и другая найдут себе более подходящее место в довольно обширной теперь литературе партии.

IV

Но если в нашей программе теперь уже неуместны какие бы то ни было диалоги с нашими противниками, то это вовсе не значит, что при ее составлении излишне было вспоминать жгучие вопросы наших дней, так сильно волнующие социал-демократов всего мира. Мы говорим о тех вопросах, которые подняты были в социально-политической литературе капиталистических стран критическим походом более или менее ученых представителей буржуазии против научного социализма Маркса и Энгельса. На эти вопросы программа необходимо должна дать ясные ответы, потому что ответами на них определяется теперь груп-

демократию, и потому решено было «смягчить» то, чего на самом деле смягчить было решительно невозможно. С этой целью и принято было без внимательного рассмотрения пришедшее кому-то из нас в голову название: социал-демократическая группа «Освобождение Труда». Теперь такая «осторожность», отчасти напоминающая осторожность страуса, кажется просто смешною, а тогда было не до смеху.

пировка людей в два противоположных лагеря: лагерь эксплоатируемых с одной стороны и лагерь эксплоататоров с другой. Самым важным из этих жгучих вопросов, центром, вокруг которого расположились все остальные, был, как известно, вопрос о том, увеличивается или уменьшается общественное неравенство, — т.-е. экономическое расстояние между классами, — по мере того как подвигается вперед развитие капиталистического общества. Идеологам буржуазии очень хотелось доказать, что оно уменьшается. Они думают, что его уменьшение неизбежно должно вести к ослаблению борьбы классов или даже к полному «социальному миру». Но, не говоря уже о том, что — как это показывает история борьбы той же буржуазии с аристократией — уменьшение общественного неравенства далеко не всегда ведет к ослаблению классовой борьбы, все те статистические данные, на которые ссылались защитники капитализма, были совершенно не верны сами по себе или подвергались неверному истолкованию. Теоретики социализма обнаружили это с полною очевидностью, показав, что расстояние между производителями и присвоителями постоянно увеличивается. И само собою разумеется, что авторы предлагаемого проекта сочли своею обязанностью выставить в надлежащем освещении этот важный результат спора, вполне подтверждающий правильность Марксовой теории. Указав на то, что в развивающемся буржуазном обществе область господства капиталистических производственных отношений постоянно расширяется, наша программа говорит вслед за этим, что зависимость наемного труда от капитала столь же постоянно увеличивается, а уровень его эксплоатации капиталом повышается. Отсюда следует, конечно, что буржуазные призывы к «социальному миру» в действительности не имеют даже того мнимого основания, которое им придавали статистические фокусы ученых апологетов капитализма. На самом деле борьба классов постоянно обостряется и не может не обостряться, пока существует капиталистический способ производства. Эта мысль также нашла себе категорическое выражение в нашей программе. А этими двумя чертами достаточно определяется ее характер: она вполне «ортодоксальна» Кто не любит марксистской «орто-

доксии» и кто мечтает, если не о полном примирении классов, то хотя бы о «притуплении» их борьбы, тот может даже и не читать нашего проекта. Он не для него написан.

Тех же, которые не боятся прослыть «ортодоксами» и которые, подобно нам, считают преступной всякую мысль об ослаблении классовой борьбы в капиталистическом обществе, мы попросим обратить внимание еще вот на что.

Маркс и Энгельс видели в промышленных кризисах выражение того обстоятельства, что производительные силы буржуазного общества переросли его имущественные отношения. «Во время кризисов, — говорили они еще в Манифесте Коммунистической партии, — появляется эпидемия, которая во все предшествующие эпохи показалась бы нелепостью — эпидемия излишнего производства. Общество вдруг превращается на некоторое время в варварское состояние; можно подумать, что голод или всеобщая истребительная война лишили его всех жизненных средств; промышленность и торговля как бы уничтожаются, и почему? Потому, что общество слишком цивилизовано, потому, что оно имеет слишком много жизненных средств, потому, что торговля и промышленность его развиты слишком высоко. Находящиеся в его распоряжении производительные силы не способствуют уже сохранению буржуазных имущественных отношений; напротив, они стали слишком велики для этих отношений; они встречают в них препятствие, а когда им удается одолеть его, они приводят в расстройство все буржуазное общество, угрожают существованию буржуазной собственности. Буржуазные отношения оказываются слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство». В брошюре «Развитие научного социализма» Энгельс, вслед за Фурье, называет промышленные кризисы кризисами от полнокровия, т.-е. от перепроизводства. Но об'яснять кризисы противоречием между средствами производства и имущественными отношениями, значит видеть в них периодически повторяемый самой общественно-экономической жизнью довод в пользу социалистической революции. Такой взгляд, естественно, не мог нравиться теоретикам буржуазии, которые давно уже находили его тенденциозным. В последнее время в их «миролюбивом» сердце расцвела та приятная

надежда, что развитие кредита и трестов, увеличив «приспособляемость» капитала, в значительной степени, если не вполне, избавит буржуазное общество от неприятных потрясений, вызывавшихся «эпидемией излишнего производства». Этой отрадной надежде стали предаваться даже некоторые писатели, до сих пор упорно именующие себя социал-демократами. Для примера назовем г. Бернштейна, довольно пространно развивавшего эту мысль в своей книге «Die Voraussetzungen des Sozialismus» (вышедшей по-русски в Петербурге под заглавием: «Исторический материализм»). Но злая судьба готовила нашему бывшему товарищу жестокое посрамление. Не успел еще замолкнуть шум, вызванный его книгой, как новый промышленный кризис обнаружил всю тщету и все легкомыслие его приятной надежды.

Не вдаваясь здесь в перечисление «уроков» этого кризиса, заметим, что он, подобно своим предшественникам, ясно обнаружил свой характер «кризиса от полнокровия». Перепроизводство не оспаривается никем. Экономисты спорят между собою лишь об его причине. Иные из них, по старой привычке, до сих пор изображают излишек производства, как следствие... недостатка его в некоторых отраслях народного хозяйства: капитал неправильно («непропорционально») распределен между разными отраслями,—в этом, по их словам, все дело. Но такое об'яснение, не выдерживающее самого легкого прикосновения критики, свидетельствует лишь об упорном нежелании или о полной неспособности дающих его экономистов бросить критический взгляд на капиталистическое общество и подметить существующее в нем несоответствие между производительными силами и имущественными отношениями. А между тем, это несоответствие почти уже поддается теперь количественному измерению (разумеется, далеко не точному). Опираясь на данные немецкой имперской статистики, Рихард Кальвер, путем очень простого расчета, пришел к тому выводу, что за четыре года (1895—1899), ознаменовавшимися чрезвычайно высоким под'емом, производительные силы немецкой промышленности возросли, по крайней мере, на 38,56%, а покупательная способность внутреннего рынка Германии увеличилась ни в каком случае не более, как на 20%. Так как в 1899 году немецкая промышленность работала «вовсю», то выходит, что в этом году, по меньшей мере,

$^2/_5$ общей суммы произведенных ею товаров не могли найти сбыта на внутреннем рынке. Это значит, что в 1899 году населению Германии не хватило, по меньшей мере, полутора миллиардов марок для того, чтобы без остатка купить всю массу им же самим произведенных товаров. Почему не хватило? Это может быть об'яснено только распределением национального дохода Германии, которое, в свою очередь, определяется ее имущественными отношениями. Ясно, стало быть, что если производительные силы германской промышленности далеко опередили покупательную способность населения этой страны, то это показывает, что ее имущественные отношения уже не соотвествуют ее производительным силам, т.-е. что совершенно правы были основатели научного социализма со своим «тенденциозным» об'яснением «эпидемии излишнего производства».

Когда покупательная способность населения данной страны отстает от ее производительных сил, то ей остается апеллировать только к вывозу. Германия, разумеется, не позабыла об этом. Но, к несчастью, промышленный под'ем распространился на весь цивилизованный мир и привел все его страны приблизительно к такому же несоответствию между ростом производства и покупательною способностью населения. Поэтому всем им пришлось в усиленной степени апеллировать именно к в ы з о в у. Неудивительно, что международный рынок оказался переполненным и что почти всемирный промышленный кризис положил конец тому пышному расцвету промышленности, в прочность которого так сильно хотелось верить не только самим предпринимателям, но и их теоретическим выразителям, буржуазным экономистам и «критикам» Маркса. «Эпидемия излишнего производства» и на этот раз повлекла за собою все те разрушительные последствия, которые обыкновенно ее сопровождают. Она унесла много мелких и слабых предприятий и «еще сильнее обнаружила стремление к сосредоточению хозяйственных сил в крупных предприятиях» [1]). Вместе с тем, сотни тысяч пролетариев лишились всякого заработка, а еще большее число их вынуждено было довольствоваться значительно пониженным заработком. Лишения рабочего класса, которые были не малы даже в период промышленного под'ема, усилились теперь в огромной

[1]) «Kölnische Zeitung» 1902, № 9: «Das Wirtschafts Jahr 1901».

степени. И таким образом опять подтвердилась справедливость той мысли Фурье, что в цивилизации (т.-е. в капиталистическом обществе) бедность порождается богатством.

Эти явления, столь характерные для нынешнего общественного порядка, конечно, не могут быть обойдены молчанием в социал-демократической программе. Поэтому предлагаемый проект, указав на расширение области господства капиталистических производственных отношений и на повышение уровня эксплоатации наемного труда капиталом, говорит:

«Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся соперничество этих стран на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающих количествах. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляют собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному или даже абсолютному ухудшению положения рабочего класса».

Тут читатель имеет перед собою фотографически точное изображение того, что происходит в действительности. И если в этом месте наш проект программы так же «ортодоксален», как и во всех других, то это об'ясняется «ортодоксальным» характером всего хода развития капиталистического общества.

V

Технический прогресс роковым образом ведет к концентрации производства и к уменьшению значения средних и особенно мелких предприятий в хозяйственной жизни капиталистических стран. Это ясно показывает современная статистика, и это volens nolens признается даже теми «критиками», которые делают все возможные и все невозможные статистические натяжки с целью показать, что указанный процесс совершается крайне медленно. И это, разу-

меется, тоже отмечено в нашем проекте. Но какая судьба ждет тех мелких производителей, которые выбывают из строя и лишаются возможности продолжать независимое существование? Апологеты буржуазии и их новые союзники, «критики» Маркса, говорят, что развитие крупного капиталистического производства создает множество новых функций, обеспечивающих своим исполнителям довольно высокое денежное вознаграждение и привлекающих к себе, по крайней мере, часть некогда самостоятельных производителей. Так создается,—уверяют нас апологеты и «критики», — новое среднее сословие, становящееся на место старого, исчезающего вследствие прогресса производства. Об экономической самостоятельности этого нового среднего сословия, разумеется, не может быть и речи: оно целиком находится в услужении у крупного капитала. Но потеря экономической самостоятельности вознаграждается хорошим «жалованием» и комфортабельной жизнью.— Появление нового среднего сословия произвело, например, на г. Бернштейна такое сильное впечатление, что он заговорил об абсолютном увеличении числа «собственников» в нынешнем обществе [1]).

Все эти уверения не лишены некоторого фактического основания. Развитие крупного производства, беспощадно давя мелких и средних производителей, в самом деле создает новый и многочисленный слой, разумеется, не собственников (это мог придумать только несравненный г. Бернштейн), а «служащих», этих чиновников капитала, получающих от него кое-когда и кое-где довольно богатые милости. Этот новый общественный слой уже успел оказать громадное влияние на характер того социализма, которому, по всей справедливости, принадлежит название мелко-буржуазного. Между тем как прежде теоретики этого социализма нападали на крупный капитал и мечтали о восстановлении класса мелких независимых производителей, в настоящее время они, сообразно изменившимся обстоятельствам, вполне и нелицемерно примирились с крупным производством в промышленности,—в земледелии они, по-прежнему, поют хвалу мелкому производителю, — и заботятся лишь о том, чтобы

[1]) См. его письмо к Ганноверскому конгрессу немецкой партии, отчасти воспроизведенное в его книге.

«притупить» борьбу пролетариата с буржуазией и придумать такие «социалистические» реформы, которые мирно уживались бы с дальнейшим существованием капиталистического способа производства. Из среды теоретиков этого социализма вышла значительная часть «критиков» Маркса. К ним принадлежит теперь и наиболее «известный», наиболее крикливый, наиболее самоуверенный, но, вместе с тем, и наиболее комичный изо всех этих «критиков», так часто упоминаемый здесь г. Бернштейн. Все это показывает, что общественное значение того нового слоя, о котором идет речь, действительно немаловажно. Но, во-первых, появление «нового среднего сословия» нисколько не подрывает верности того положения, что число пролетариев в развивающемся капиталистическом обществе увеличивается и абсолютно и относительно, вследствие чего это общество все более и более разделяется на два класса с прямо противоположными интересами: с одной стороны класс лиц, существующих продажей своей рабочей силы, а с другой — класс лиц, покупающих эту силу с целью ее эксплоатации. На этот счет статистика не оставляет сомнения. А, во-вторых, возникает вопрос: насколько прочно существование этого «нового среднего сословия»? Выразимся точнее: не должно ли дальнейшее развитие капитализма привести к значительному уменьшению числа чиновников капитала и к обращению большинства их в простых рабочих, если не в жалких нищих, протягивающих к обществу руку за скудной и обидной помощью? Факты говорят, что — да. По мере того, как концентрация производства идет вперед своими постоянно ускоряющимися шагами, число этих мелких буржуа нового вида испытывает быстрое уменьшение. Это хорошо видно на примере Соединенных Штатов Северной Америки, где распространение трестов делает в среде чиновников капитала поистине жестокие опустошения. «Preliminary Report of the Commission on Trust and Industrial Combination» видно, что, например, при возникновении «American Steel and Wire Company» лишились места около половины разных officers, superintendents и других «highpriced men». Не лучше влияют тресты и на судьбу «офицеров» торгового капитала. Президент «национальной лиги странствующих приказчиков» (Commercial Travelers National League), Dowe полагает, что число «salesmen»,

лишившихся места вследствие возникновения трестов, превышает 35.000, т.-е. составляет если не целую армию, то довольно значительный корпус. И предложение Dowe вряд ли можно назвать преувеличенным, если принять в расчет, что, например, American Steel and Wire Company из прежнего числа 200 — 300 приказчиков сохранила у себя 15 — 20 человек, а Destilling Company of America уволила 300 «salesmen». Естественным результатом такого опустошения является понижение «жалованья», получаемого чиновниками капитала. Вышеназванный президент «лиги странствующих приказчиков» утверждает, что около 25.000 Salesmen должны были согласиться на понижение их платы на целую треть [1]).

Все это показывает, что новая разновидность «собственников» совсем неспособна оправдать ожидания, возлагаемые на нее идеологами крупной и мелкой буржуазии. Ее судьба также мало опровергает «марксову догму», как и все другие явления современной общественно-экономической жизни.

Ввиду этого составители предполагаемого проекта считали себя в полном праве сказать, нисколько не смущаясь возникновением «нового среднего сословия», что с расширением области господства капиталистических производственных отношений мелкие производители частью превращаются в пролетариев, а частью попадают в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость по отношению к капиталу. И эта «догма» тоже есть фотографически точное изображение действительного хода вещей. Ее правильность ни мало не подрывает даже тот общеизвестный факт, что, под влиянием многоразличных причин, которые сами создаются, по большей части, тем же развитием капитализма и международных сношений, концентрация производства в земледелии вообще совершается несравненно медленнее, чем в промышленности, местами же совсем приостанавливается или сопровождается одновременным увеличением очень мелких хозяйств. Эти очень мелкие хозяйства все более и более становятся хозяйствами бедняков,

[1]) См. Heinrich Waentig: «Industriekartelle und Trusts», в «Schmollers Jahrbuch» за 1901 год. Ср. также в «Chicago Conference of Trusts», Chicago 1900, речь того же Dowe, напечатанную на стр. 115—124.

существующих, главным образом, продажей своей рабочей силы и получающих со своего клочка земли лишь известное количество продуктов для собственного потребления. Выступая на рынке в качестве продавцов рабочей силы, эти «землевладельцы», разумеется, ни в коем случае не могут быть занесены в разряд независимых от капитала производителей. Напротив, увеличение числа рабочих, владеющих землею, стало теперь одним из важнейших условий существования и дальнейшего развития интенсивного капиталистического земледелия.

VI

Если вдобавок ко всему вышесказанному читатель примет в соображение, что—как это указано в нашем проекте—технический прогресс необходимо ведет к тому, что спрос на рабочую силу отстает от ее предложения, то он не увидит никакого преувеличения в тех словах, которыми предлагаемая программа заканчивает характеристику капиталистического общества: «Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливают собой в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства и необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс». Этими словами указываются социальные последствия основного противоречия, свойственного капиталистическому обществу: противоречия между нынешним, высокоразвитым состоянием производительных сил и капиталистическими отношениями производства. Об устранении этих последствий нельзя серьезно говорить до тех пор, пока существует их причина. А для того, чтобы уничтожить их причину, нужно устранить капиталистические производственные отношения, т.-е. сделать социальную революцию. В своем проекте мы и определяем эту революцию, как конечную цель «всей деятельности международной социал-демократии».

Нужно ли пояснять, почему в нашем проекте социальная революция пролетариата изображается не только как «экспроприация экспроприаторов», но и как организация общественного производительного процесса? Если буржуазное общество характери-

зуется товарным производством на основе капиталистических производственных отношений, то упраздняющая его социалистическая революция необходимо должна устранить как эти отношения, так и товарное производство, этот обильный источник анархии в народном хозяйстве.

Но необходимое политическое условие этой революции составляет, по нашему мнению, диктатура пролетариата.

Так как мысль о диктатуре пролетариата имеет дар очень не нравиться «критикам» Маркса, и так как их доводы против этой мысли не остались без некоторого влияния даже на вполне надежных товарищей наших в разных странах, то полезно будет сказать здесь несколько слов в защиту нашего мнения, категорически выраженного в нашем проекте.

Под диктатурой пролетариата мы понимаем завоевание им «такой политической власти, которая сделает его господином положения и даст ему возможность подавить всякое сопротивление эксплоататоров». Вопрос заключается в том, стало быть, нужна ли пролетариату такая власть для того, чтобы он мог совершить свою социальную революцию?

Когда буржуазия боролась с аристократией, стремясь заменить феодальные производственные отношения капиталистическими, ее теоретики много раз очень горячо и очень красноречиво высказывали то убеждение, что только сила может дать ей победу, и что в обществе, опирающемся на насилие, нет другого верховного владыки, кроме силы. Руководимая этим убеждением, она не останавливалась перед самыми «крайними» средствами, если только они были целесообразны. Она сознательно искала политического господства, понимая, что без него не могут осуществиться ее социальные стремления. Наконец, ее продолжительные и упорные усилия увенчались решительным успехом: она добилась политического господства. Как же она воспользовалась им? Во-первых, она окончательно разбила сопротивление аристократии и сделала его невозможным на будущее время; а, во-вторых, позаботилась о том, чтобы обезопасить свой общественный порядок от всяких посягательств со стороны пролетариата. В своем стремлении к этой последней цели она, как это известно всем и каждому, тоже не останавливалась перед крайними

средствами и не колеблясь апеллировала, если это казалось ей нужным, к верховному владыке всякого общества, разделенного на классы, т.-е. к силе. Одним словом, она понимала, что ее диктатура составляет необходимое политическое условие ее социального освобождения и ее господства. А теперь, когда это господство не только достигнуто, но уже клонится к упадку; теперь, когда созданный ею общественный порядок все сильнее и сильнее колеблется под революционным напором пролетариата, она, крепко держась за ту политическую власть, которая еще остается у нее в руках, об'являет классовую диктатуру злостным измышлением узких «догматиков», нелепой выдумкой революционных «доктринеров». Это по меньшей мере так же странно, как странно было бы, — по известному латинскому выражению, — слышать, что Гракх говорит против возмущения. Что же изменилось с тех пор, как знамя общественного прогресса перешло из белых рук буржуазии в мозолистые руки пролетариата? Почему диктатура, бывшая полезной и необходимой в руках одного класса, стала бы ненужной и нецелесообразной в руках другого? Изменилось только отношение буржуазии к общественному прогрессу. Прежде она защищала его и была проникнута революционными стремлениями; теперь она противится ему и как огня боится всего, что носит на себе печать таких стремлений. Поэтому ее идеологи, некогда так красноречиво рассуждавшие о «войне классов» и о революционной роли силы, теперь так вкрадчиво толкуют о «социальном мире» и о бесполезности классовой диктатуры для «решения социального вопроса». Но «что враг советует, то верно худо». Если против мысли о диктатуре пролетариата восстают защитники нынешнего общественного порядка и находящиеся под их влиянием мелко-буржуазные «критики» Маркса, то это происходит именно потому, что эта диктатура представляет собою необходимое политическое условие социальной революции. Ссылки на то, что передовые капиталистические страны все более и более приближаются к демократическому режиму, совсем не убедительны. Такой режим еще не устраняет классов, а следовательно и классовой борьбы, а следовательно и необходимости для угнетенного класса добиться политического господ-

ства, чтобы устранить социальную причину своего угнетения. Кто хотя отчасти разделяет то мнение, что современные демократические конституции делают излишней диктатуру рабочего класса, тот сознательно или бессознательно склоняется к той мысли, что «социальный вопрос» может быть «решен» без нарушения существенных интересов эксплоататоров, т.-е. что дело обсйдется без социальной революции. Но такой мысли, разумеется, не может разделять никто из тех, которые причисляют себя к революционной социал-демократии. И вот почему все сторонники этой социал-демократии обязаны раз'яснять пролетариату, что ему надо стремиться к диктатуре, если он хочет устранить капиталистические производственные отношения и заменить их социалистическими. В программу политического воспитания рабочих непременно должно войти усвоение ими идеи будущего политического господства их класса, каким бы путем ни привела их к нему история: насильственным, или мирным.

Заботливо и не без «ортодоксального» умысла оттенили мы в нашем проекте роль социал-демократии как передового отряда рабочей армии и вместе ее руководителя. Она организует рабочий класс в самостоятельную партию, противостоящую всем партиям эксплоататоров, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов этих последних с интересами эксплоатируемых и вообще всеми зависящими от нее средствами старается ускорить развитие классового самосознания пролетариата и выяснить ему необходимость и характер предстоящей социальной революции. С точки зрения правильно понятого марксизма все это разумеется само собою. Но «критическая» смута и сюда напустила густого туману, благодаря которому русские социал-демократы «экономического» направления вообразили, будто обязанность социал-демократии состоит не в том, чтобы безустанно и как можно скорее двигать вперед классовое самосознание пролетариата, а единственно в том, чтобы выражать то, что уже сознано им без какой бы то ни было помощи со стороны «революционной бациллы». Не совершая самоубийства, социал-демократия никогда не может согласиться на эту смешную и позорную роль пятого колеса в телеге.

VII

Буржуазии господство пролетариата представляется сплошным попранием прав и систематическим нарушением интересов «всех остальных классов общества». Но что такое эти остальные классы? Наш проект говорит, что в развитом капиталистическом обществе «самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит относительно небольшому, по своей численности, классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества». Если это верно, — а мы хотели бы послушать того, кто попытался бы доказать нам, что это ошибочно, — то и социальная революция, которая положит конец существованию капиталистического общества, нарушит интересы лишь незначительного меньшинства. А из этого следует, что и диктатура пролетариата вовсе не будет знаменовать собою попрания прав «всех остальных классов общества». Напротив, она явится орудием социального освобождения всех тех слоев, которые, не принадлежа непосредственно к наемникам капитала, все более и более становятся зависимыми от него в своем существовании и все более и более чувствуют его гнет. Наш проект говорит, что по мере того, как развиваются противоречия, свойственные капиталистическому обществу, «растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы и обостряется революционная борьба пролетариата с эксплоататорами». Эти слова верно выражают, как нам кажется, отношение к капиталу разных классов угнетаемого им населения: его гнет испытывает на себе теперь далеко не один пролетариат, и не один пролетариат недоволен этим гнетом, но он один сознательно восстает против него, он один ведет с капиталом революционную борьбу, т.-е. такую борьбу, цель которой заключается в устранении капиталистических отношений производства. Потому только его движение может быть рассматриваемо как движе-

ние, способное освободить все угнетенное и эксплоатируемое капиталом человечество. И потому борьба с капиталом других общественных классов будет становиться социально-революционной только в той мере, в какой они будут разделять *его* стремления и поддерживать их. Потому, наконец, и партия рабочего класса, международная социал-демократия, хотя и зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплоатируемого населения, но зовет их,—как говорит наш проект,—лишь, если они переходят на точку зрения пролетариата. Для всех социал-демократов это должно быть понятно само собою. Но так как опыт показывает, что в настоящее время, благодаря «критической» смуте, полезно пояснять даже такие истины, которые в нашем кругу должны были бы считаться совершенно бесспорными, то мы поясним нашу мысль на отдельном примере.

В последние годы в социал-демократической литературе западно-европейских стран очень много спорили об *аграрном вопросе*, на практике сводящемся для социал-демократии к вопросу о том, в какое положение ей следует стать по отношению к *крестьянству*. Но что такое *крестьянин*? Ставя себе этот вопрос, невольно вспоминаешь слова Ал. Толстого: «*Есть мужик и мужик*». Так, например, в Германии крестьянином называется и такой домохозяин, который, имея десятин восемьдесят земли, обрабатывает их с помощью *наемного труда*, —при чем получает доход, которому позавидовал бы у нас иной «мелкопоместный» дворянин, — но то же название крестьянина носит и владелец крохотной «*парцеллы*», вынужденный продавать свою рабочую силу, может быть, тому же счастливому обладателю восьмидесяти десятин. Не ясно ли, что социал-демократия не может одинаково относиться к обоим этим разрядам «крестьян»? Крестьянин, благосостояние которого основывается на эксплоатации наемного труда, есть для нее такой же буржуа, как и промышленный капиталист, а обладатель «парцеллы», выступающий на рынке в качестве продавца рабочей силы, рассматривается ею как человек, существенные интересы которого совпадают с интересами *пролетариев* и который рано или поздно, с бо́льшим или меньшим трудом, должен стать под красное знамя пролетариата. Тут дело говорит само за себя и дальнейших пояснений не требует. Возьмем поэтому слой сельского

населения, называемый иногда крестьянским по преимуществу. Слой этот состоит из домохозяев, которые никому не продают своей собственной рабочей силы, но по размерам своих участков не нуждаются также и в эксплоатации — чужой. Что сказать об этих крестьянах, несомненно, живущих «трудом рук своих» и потому тоже входящих в состав трудящейся массы?

О них мы скажем вот что. Эти крестьяне, как и все мелкие производители, очень сильно страдают от развития капитализма. Если—говоря вообще—капитал не находит теперь выгоды в их обезземелении [1]), то он многочисленными другими способами налагает на них свою тяжелую руку. Поэтому их положение ухудшается, что естественно порождает в них более или менее сильное недовольство. Они тоже борются с капиталом. Но поскольку их борьба имеет целью защиту их интересов, как мелких производителей и мелких собственников, она совершенно чужда того социально-революционного характера, каким отличается борьба пролетариата. Чтобы действительно отстоять мелкое производство и мелкую собственность, нужно было бы вернуть общество назад, к тому времени, когда товарное производство еще не привело в своем развитии к господству капиталистических производственных отношений. Но желать этого могут только реакционеры, и, поскольку мелкое крестьянство имеет такие желания, оно играет реакционную роль в современном обществе. Однако чаще всего оно не задается даже и такими, — по-своему широкими, — целями. Оно

---

[1]) Говорим—вообще, потому что есть исключения. Так, в Бельгии, в период с 1880 до 1895 г., число участков до 5 гектаров испытало очень значительное уменьшение, так что, по словам официальных статистиков, «концентрация поземельной собственности, соответствующая развитию крупной сельско-хозяйственной культуры и скотоводства, обнаружилась с большой ясностью» («Annuaire statistique de laBelgique», 1899, p. XL—XLI). Во Франции крупная поземельная собственность в десятилетие 1882—1892 г.г. приобрела 197.300 гектаров; средняя (от 10 до 40 гект.) утратила 16.086 гект., мелкая (от 1 до 10 гект.) утратила 121.524 гект., при чем число мелких собственников уменьшилось на 17.442; только мельчайшая собственность (до 1 гект.) показывает возрастание, но мельчайшие собственники—те же пролетарии.

ограничивается рядом требований, самое щедрое исполнение которых способно было бы только отчасти *задержать триумфальное шествие крупного капитала* и, соответственно этому, несколько *упрочить современное положение вещей*. Такие требования *консервативны* по своему существу. Социал-демократия не может поддерживать их, не отказываясь от своей социально-революционной программы. Правда, в качестве партии, более всех других заинтересованной в торжестве демократических принципов политического устройства, социал-демократия, с своей стороны, выставляет ряд требований, осуществление которых значительно облегчило бы положение мелкого крестьянства, — как и всей вообще трудящейся массы, — ни мало не задерживая при этом быстрого хода современного экономического развития. Эти требования и теперь местами обеспечивают нашей партии сочувствие и поддержку некоторой части крестьянства. Но этим сочувствием они в большинстве случаев дарят ее именно как партию *демократическую*, а не как *социальную* демократию, не как *партию социальной революции* [1]). Чтобы научиться ценить ее *как социально-революционную партию*, они должны предварительно убедиться в том, что социальная революция представляет для них, как и для рабочего класса, единственный действительный выход из нынешнего тяжелого положения. Но убедиться в этом именно и значит—*перейти*

---

[1]) Дж. Гатти в своей книге «Le socialisme et l'agriculture» говорит (на стр. 305—306), что в Италии, во время выборов 1895 и 1897 годов, многие мелкие землевладельцы подали свой голос за социалистических кандидатов. Мы охотно верим этому. Но у Гатти остается невыясненным, *всей ли* социалистической программе сочувствовали эти землевладельцы, или только ее *демократической* части. А это далеко не одно и то же. Вступление в ряды социалистической партии людей, на самом деле сочувствующих *только одной и при том не самой характерной* части ее программы, может повлечь за собой весьма серьезные неудобства для всего движения. Маркс говорит, что этикетки, наклеиваемые на социально-политические системы, в отличие от этикеток, наклеиваемых на другие товары, обманывают не только покупателей, но и продавцов. Это очень метко сказано. Но отсюда следует, что к социально-политическим этикеткам надо относиться внимательнее, чем ко всем другим.

на точку зрения пролетариата. Распространять это убеждение между всеми вообще мелкими производителями (и мелкими лавочниками) составляет бесспорную обязанность международной социал-демократии. На эту бесспорную обязанность указывает и наш проект, когда говорит, что социальная демократия, организуя пролетариат, руководя всеми проявлениями его борьбы и выясняя ему историческое значение и необходимость социальной революции, «вместе с тем обнаруживает перед всей остальной трудящейся массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от ига капитала».

Чем дальше пойдет вперед развитие капитализма, тем легче будет для международной социал-демократии исполнение этой ее обязанности перед мелкими производителями, потому что тем очевиднее и тем тяжелее будет их более или менее посредственная зависимость от крупного капитала.

VIII

Что именно должна делать социальная демократия для исполнения указанной обязанности, это—вопрос, который не допускает общего решения, потому что в каждой отдельной стране, а очень часто даже в отдельных местностях отдельных стран, он должен решаться различно, в зависимости от различия данных условий. Несомненно и ясно только то, что воздействие социальной демократии на страдающие от капитализма, но не принадлежащие к пролетариату слои трудящейся массы будет тем легче и тем плодотворнее, чем сознательнее станет рабочий класс в собственном смысле этого слова, чем лучше будет он организован и чем дальше подвинется вперед экономическое развитие. Это показывает, между прочим, пример Германии. Ни в каком из других немецких государств социал-демократы не говорили так много о необходимости воздействия на крестьянство, как в Баварии, и нигде социал-демократы не были так сильно расположены жертвовать в интересах такого воздействия «марксовой догмой», как именно в этом государстве. Каким же успехом увенчались их усилия? Очень небольшим! В сельских округах Баварии за социал-демократов было подано в 1898 году только

7,6% общего числа правильно поданных голосов, между тем как в сельских округах Пруссии социал-демократы получили 11,6% голосов, в Мекленбург-Шверине—31,4%, а в Саксонском королевстве—40% [1]). Саксонское королевство далеко опередило Баварию, что об'ясняется большим экономическим его развитием и свойственным ему несравненно более энергичным движением рабочих. Мы обращаем на это внимание тех из наших русских противников, которые охотно напоминают нам о том, что теперь «даже на Западе» социал-демократы стараются сблизиться с крестьянством: воздействие западной социал-демократии на сельское население есть прежде всего воздействие на него хорошо сплоченных и хорошо организованных рабочих партий. Чтобы следовать в этом отношении примеру «Запада», нам нужно сначала создать себе прочный операционный базис в рабочем классе.

Однако как раз в этом отношении мы пока еще «не Запад». Хотя капиталистический способ производства и у нас уже сделался господствующим, и потому истинно-революционной партией и у нас может быть только социал-демократия, но положение нашего крестьянства как нельзя более отличается от положения западно-европейских крестьян. У нас,—как говорит предлагаемый проект,—«на каждом шагу встречаются остатки нашего старого, докапиталистического порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству и его «главе». Эти многочисленные остатки крепостного быта чрезвычайно сильно задерживают все вообще наше экономическое развитие, но с особенной и, поистине, мертвящей силой ложатся они на крестьянина. Прежде, чем ставить аграрный вопрос в том смысле, в каком его ставят западно-европейские социал-демократы, мы должны добиться раскрепощения нашего крестьянина, мы должны ввести его в условия жизни, свойственные нынешнему европейскому обществу. Социальная революция, которую нам предстоит теперь совершить в русской деревне, есть революция «третьего сословия», а не революция пролетариата». Не вдаваясь в неуместные здесь подробные комментарии нашей аграрной программы, мы считаем, однако, полезным сказать о ней следующее:

[1]) Hugo Böttger, «Die Sozialdemokratie auf dem Lande», Leipzig 1900, S. 11.

Революционеры, не разделавшиеся с народническими предрассудками,—а таких у нас, к сожалению, все еще не мало,—наверное упрекнут нас в том, что мы не требуем национализации земли. Мы же думаем, что не только социал-демократы, но и все вообще революционеры, скажем больше: все вообще противники нашего старого крепостного быта и его политической «надстройки», — царизма, — должны очень осторожно относиться к требованию национализации земли, потому что, если бы такая национализация совершилась при нынешних наших политических условиях, или хотя бы при таком полуабсолютизме, какой существует, например, в Пруссии, то шансы победы революционной партии, а следовательно, и выхода русского мужика из того печального и позорного положения илота, в котором он прозябает в настоящее время, — уменьшились бы в очень значительной степени.

В руках нашего полицейского государства и теперь уже сосредоточивается слишком значительная часть производительных средств нашей страны. Содействовать переходу к нему всех тех земель, которыми оно не может теперь распоряжаться как своей собственностью [1]), значило бы способствовать укреплению его сил, продолжению, если не увековечению его существования. Такая политика соответствует интересам нашей бюрократии, но она коренным образом противоречит интересам революционной партии, а с ними также всей трудящейся и эксплоатируемой массы.

Национализация земли защищается у нас... «Московскими Ведомостями». В прошлом году это почтенное издание напечатало (в номере 110), за подписью князя Д. Цертелева, статью: «Земельная собственность и земельное обложение», в которой мы встречаем, между прочим, такие строки:

«Мысль о национализации земли не раз уже высказывалась не одними только социалистическими писателями, и нельзя не при-

[1]) Земли крестьянских обществ издавна рассматриваются им как его собственность. Да и не одних крестьянских обществ: однодворческими землями оно тоже всегда распоряжалось по своему усмотрению. Много ли выиграли от этого крестьяне и однодворцы,—предоставляем решить читателю.

знать, что, выраженная в общей форме, она не представляет в себе ничего революционного, и что при существующем порядке вещей фактически государство уже есть собственник всех земель, находящихся внутри его границ или собственной территории, как принято выражаться, а так как один и тот же предмет быть собственностью двух конкретных или юридических лиц не может, то частные землевладельцы не могут быть названы собственниками своих земель в точном смысле, а являются их владельцами в той мере, в какой это владение гарантировано им государством».

С теоретической стороны довод князя Д. Цертелева является чем-то вроде плохого каламбура; но это нимало не подрывает истинности основного положения приведенной нами тирады: того, что мысль о национализации земли далеко не везде и вовсе не всегда революционна. Все зависит от обстоятельств времени и места, а в русском полицейском государстве эти обстоятельства таковы, что национализация земли была бы колоссальным выигрышем для бюрократии и столь же колоссальным проигрышем для всех друзей политической свободы.

Наши немецкие товарищи [1]) и слышать не хотят о национализации земли в германских государствах [2]). Тем решительнее восстали бы они против меня, если бы в Германию перенесены были русские государственные порядки.

Впрочем, нужно заметить, что они высказываются против национализации земли не только потому, что она придала бы новые силы германскому полу-абсолютизму. Это соображение имеет для них очень большой вес, но, кроме него, есть и другие. Дело в том, что при нынешнем положении всемирного хозяйства национализация земли, — которая в буржуазном обществе могла бы совершиться, разумеется, лишь при условии денежного вознаграждения землевладельцев, — была бы выгодна этим последним, — а следовательно невыгодна рабочему классу и всему вообще трудящемуся населению. Ввиду этого социалисты могут защищать ее только по недоразумению.

---

[1]) Конечно, не из тех, которые идут за «критиками» или сами принадлежат к их числу. Эти «товарищи» в лучшем случае сами не ведают, чего хотят.

[2]) Ср. Kautsky, «Die Agrarfrage», S. 321 и след.

Когда политическая власть окажется в руках рабочего класса, тогда вопрос о национализации земли примет, конечно, совсем другой вид, но тогда он будет лишь одной из составных частей гораздо более широкого вопроса о национализации,—т.-е. о переходе в общественную собственность, — всех вообще средств производства и обращения продуктов.

Правда и то, что в революционную эпоху экспроприация крупных землевладельцев может явиться у нас необходимым условием социально-политической победы революционной партии. Но это—вопрос совсем другой. Его постановка и его решение будут обусловливаться соотношением общественных сил в такую эпоху. Говорить о нем теперь преждевременно, хотя теперь же следует заметить, что при известных обстоятельствах его необходимо будет поставить.

IX

Переходя к другим частям нашего проекта, мы прежде всего заметим, что мы не видим надобности защищать те требования, которые мы выставляем «в интересах охранения рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также в интересах развития его способности к освободительной борьбе»; неотложная необходимость осуществления требований подобного рода так очевидна, что признается даже «критиками Маркса», как известно, мало склонными к «утопиям», т.-е. к борьбе с буржуазией. «Критики» изображают дело так, как будто эти реформы представляют собой все, чего может разумно добиваться пролетариат; для нас они являются лишь рядом мелких побед, которые нужно одержать пролетариату в его движении к социальной революции. Но именно потому, что эти победы должны быть одержаны для того, чтобы его полное освобождение стало возможным, мы будем добиваться их со всей энергией, порождаемой стремлением к великой цели.

Не нужно комментариев и для наших политических требований. Всеобщее, равное и прямое избирательное право; неприкосновенность личности и жилища граждан; неограниченная свобода совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов; свобода

Русский рабочий класс и полицейские розги

День первого мая есть день международной рабочей демонстрации. В этот день рабочие всех стран выступают под одним знаменем—под красным знаменем международной социал-демократии. В этот день они наглядно показывают всем, имеющим очи, что боевой клич авторов Коммунистического Манифеста: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» не остался гласом вопиющего в пустыне. В этот день даже очень близорукие люди видят, что мыслящие пролетарии всех стран действительно соединились и что число немыслящих—тех темных тружеников, которые еще не пробудились к сознательной социально-политической жизни,—будет уменьшаться именно в той мере, в какой сознательные рабочие будут продолжать влиять на бессознательных. День 1 мая показывает нам, что уже сделано в рабочей среде, и призывает нас с новой энергией продолжать действовать в ней, если только наша цель для нас не пустое слово, и если мы не забыли, что освобождение рабочих может быть лишь делом самих рабочих.

В этот великий день господствующие классы всех стран чувствуют себя очень нехорошо: он напоминает им о приближающейся социальной революции. И вот почему их газеты злобно издеваются над демонстрантами, а их охранители «порядка»—полицейские всех ведомств и всяких наименований—придираются к рабочим гораздо усерднее, чем в обыкновенное время. A la guerre comme à la guèrre (на войне—по-военному). Но война имеет свои законы. Законы этой войны, которая называется борьбой классов, определяются—по крайней мере тогда, когда дело еще не дошло до окончательной развязки,—по-

литическим устройством тех стран, где она происходит. В конституционных странах, пользующихся благами политической свободы, рабочий класс имеет право печатно защищаться от нападок враждебной ему печати, а полиция сдерживает свое охранительное рвение ввиду того, что и на нее есть законная управа. Не то у нас в России. Рабочий класс лишен у нас всякой законной возможности открыто обсуждать и защищать свои интересы, полиция же наша прекрасно знает, что воля начальства есть для нее высший закон и что нет такого бесчинства, за которое ее могли бы притянуть к ответственности, если только это бесчинство совершено ею по приказанию свыше.

Самодержавие главы государства на практике равносильно самодержавию администрации, это—старая истина. Но и эта истина имеет свои оттенки. Еще Герцен заметил, что абсолютизм существовал когда-то и на Западе, однако на Западе никому в голову не пришло высечь Спинозу или отдать Лессинга в солдаты, в России же непременно сделали бы и то и другое. До какой степени справедливо это замечание, показывает вся история русской литературы, а еще лучше показывают это события последних лет. Отдача в солдаты целых сотен студентов представляет собою факт небывалый в истории западно-европейских университетов, а слух о сечении участников майской демонстрации кажется тенденциозной ложью даже тем из людей Запада, которые хорошо помнят подвиги западно-европейского абсолютизма.

Унизительные истязания, которым подверглись наши товарищи не только в Вильне, но и в некоторых других городах, чрезвычайно ярко характеризуют отношение царизма к рабочему движению. Царизм, основывающийся на полном бесправии подданных, предполагает, как свое непременное условие, их совершенное безличие и их полную бессознательность. Майская демонстрация—дело сознательных рабочих—громче, чем все другие демонстрации, свидетельствует о том, что в русскую рабочую среду уже проник свет сознания, что в нем уже пробудилось чувство собственного достоинства. Столкновение было неизбежно, и оно приняло ту форму, которую оно должно было принять, сообразно всему характеру царского пра-

вительства. Этому правительству нужны рабы. В лице демонстрантов перед ним явились смелые граждане. И вот оно схватилось за розгу, чтобы напомнить этим гражданам, что чувства, их воодушевляющие, составляют у нас запрещенный товар и что тех, кто его распространяет, ждет последняя степень унижения.

Свист розог характеризует нынешний наш политический порядок несравненно лучше, чем мог бы характеризовать его гром выстрелов. Сечение—наказание, придуманное для рабов,—показывает, что самодержавие царя, равносильное самодержавию администрации, означает в то же время полное рабство пролетариата. Оно разоблачает колоссальную, по своему бесстыдству, ложь зубатовской политики: чего ждать русским рабочим от правительства, которое порет их розгами за участие в такой демонстрации, которая совершенно свободно совершается там, где трудящаяся масса завоевала себе политические права?—Ничего, кроме новых цепей, ничего, кроме новых унижений! Русские рабочие не могут возлагать на него ни самомалейшей надежды. Русские рабочие должны проникнуться самой горячей, самой непримиримой ненавистью к царизму.

«Теперь мы достаточно знаем, что́ такое наш старый абсолютизм,—говорил Фердинанд Лассаль в одной из своих громовых речей.—Потому, прочь всякие колебания, прочь всякая нерешительность! За горло его и колено ему на грудь!»

Многие и многие из тех русских рабочих, которые уже начали задумываться об интересах своего класса, но которые еще не решались выйти на путь революционной борьбы с правительством, теперь, под влиянием известия о расправе с участниками майской демонстрации, наверно перестали колебаться, наверно расстались со всякой нерешительностью и прониклись страстным желанием поскорее положить конец нашему позорному политическому порядку, сделавшему возможным грубое издевательство над их братьями, рабочими. Они поняли, что первым крупным шагом к освобождению русского рабочего класса от его многочисленных бедствий должно быть низвержение царизма.

Нет, должен быть насилию предел!
Коль угнетенный права не находит,

Коль для него несносно стало бремя
. . . . . .
Когда ничто помочь ему не может,
Тогда ему остался острый меч!

Полицейская расправа с участниками майской демонстрации громко вопиет о мщении. Ни один сознательный русский пролетарий, ни один искренний друг русского пролетариата не имеет права успокоиться до тех пор, пока месть не совершилась. Но как мстить? кого карать? Вот вопрос, настоятельно требующий от нас ответа.

Самоотверженный Лекерт решил его по-своему, направив несколько пуль в виленского обер-палача. Вечная память герою. Но герой погиб, а иго царизма по-прежнему давит на израненные плечи русского рабочего класса, и по-прежнему позор розги угрожает всему трудящемуся населению России за самомалейшее проявление самосознания и независимости. Как избавиться от этой угрозы, одно существование которой есть уже кровная обида всему трудящемуся населению России?

По нашему мнению, к этой цели ведет только один путь, но зато этот путь вполне верен, и наша партия не может миновать его в настоящее время.

Если вчера Иван подвергнут был телесному истязанию в участке, а сегодня Петр убьет кого-нибудь из полицейских, то человеческое достоинство Ивана все-таки останется поруганным. Вера Засулич выстрелила в Трепова, приказавшего высечь Боголюбова розгами. Этот поступок сделал честь Вере Засулич, но, к сожалению, он не вывел Боголюбова из невыносимого нравственного состояния. Наша ближайшая практическая задача заключается не в том, чтобы карать отдельных слуг царя, —мы все равно не в состоянии были бы покарать каждого из них в отдельности,—а в том, чтобы вообще отбить у правительства охоту отвечать на демонстрации розгами. А этого мы не достигнем самоотверженными действиями отдельных лиц; этого можно достигнуть только отчаянным сопротивлением со стороны всех тех, кому угрожает телесное истязание.

Администрация имела законное право сечь революционеров, заключенных в Шлиссельбургскую крепость: она не пользовалась этим правом, она хорошо знала, что шлиссельбургских узников

можно повесить, можно задушить подушками, можно заколоть штыками или убить прикладами, но нельзя наказать розгами. Она понимала, что они будут сопротивляться до последней крайности, и что, вследствие этого, вместо «наказания» произойдет просто-на-просто изувечение или даже убийство одного или нескольких заключенных — факт, способный наделать много неприятного шума в России и за границей. Отчаянная решимость предохраняла шлиссельбургских узников от поругания. Она же предохранит от него и нынешних участников демонстрации.

И пусть не говорят нам, что в Шлиссельбурге заключены революционеры, энергия которых была закалена целыми годами борьбы, между тем как в демонстрациях могут принимать участие обыкновенные, «средние» люди, только что вышедшие на путь протеста. Между арестованными демонстрантами, наверное, всегда найдется несколько закаленных и испытанных борцов, способных взять на себя почин сопротивления и увлечь за собой средних людей «толпы». Русская трудящаяся масса, — рабочий городской и сельский уже пережил тот период детства, в течение которого он легко мирился с розгой. Теперь она глубоко оскорбляет его нравственное достоинство, и его уже не трудно заразить примером самозащиты.

Сопротивление палачам; сопротивление во что бы то ни стало; сопротивление до последних сил, до последнего издыхания,—вот необходимый теперь ответ на полицейские розги. Благодаря такому сопротивлению, сцены «исправительного наказания» уступят место гораздо более драматическим сценам геройской самозащиты революционеров в полицейских застенках. И если после такой самозащиты,—которая, разумеется, поведет за собою многие «неприятности» и даже опасности для руководителей полицейской расправы,—если даже и после нее полицейским варварам удастся-таки подвергнуть истязанию своих побежденных пленников, то из такого истязания совершенно исчезнет элемент «наказания», ломающего волю наказуемого и заставляющего его, подобно рабу, покорно ложиться под розги победителя, останется только элемент живодерства, напоминающий те мучения, которым краснокожие дикари Америки подвергали своих врагов. И это мучительство окажется таким могучим агитационным средством; оно

покроет правительство таким позором; оно вызовет к нему такую жестокую ненависть во всех слоях населения, что от него вынуждены будут отказаться даже самые допотопные помпадуры.

Отдельные лица, способные на самоотверженный подвиг, бывали у нас прежде; они есть и теперь, но самоотверженные подвиги отдельных лиц не устранят нынешней нашей политической системы; а нам нужно устранить именно всю эту систему, потому что только ее полное крушение, только полное политическое освобождение России может достойно отомстить за все притеснения и за все унижения, испытываемые русским пролетариатом со стороны нашего полицейского государства. Нам, стоящим на точке зрения пролетариата, необходимо вдохнуть дух героизма в рабочую массу. И мы вдохнем его в нее, потому что русский рабочий уже не раб по своему настроению, потому что он уже сознает свое достоинство и способен носить с честью «гражданина сан».

Итак, надо сопротивляться розге. Но этого недостаточно. Надо уметь также сопротивляться и арестам во время демонстраций. «Искра» давно уже указывала на то, что необходимо организовать такое сопротивление. Она указывала отчасти и на то, как можно, по ее мнению, организовать его. Но этот последний вопрос принадлежит к числу тех практических вопросов, которые лучше всего решатся на месте соединенными силами сознательных рабочих. Мы же скажем теперь одно: эти сознательные рабочие должны помнить, что на них лежит теперь великая обязанность: обязанность помешать полиции остановить революционное воспитание массы.

Вынужденная полемика

Передовая статья 20-го № «Искры» вызвала неудовольствие так называющейся «Боевой организации партии социалистов-революционеров». Эта организация упрекает нас в том, что мы выставили в неверном освещении события 2-го апреля, указав на связь между этим событием и реакционной политикой правительства по отношению к учащейся молодежи. «С. В. Балмашов,—поправляет нас эта «организация»,—был прежде всего социалистом и революционером... Убийство министра внутренних дел совершено им не как студентом, а как членом боевой организации социалистов-революционеров, по ее постановлению и при ее непосредственном содействии... С. В. Балмашов явился исполнителем решения боевой организации партии, и мотивов его решения нужно искать прежде всего в официальных заявлениях этой организации, а не в каких бы то ни было догадках и предположениях, неизвестно на чем основанных».

Юпитер, ты сердишься, стало быть, ты не прав.

Мотивов решения, принятых покойным С. В. Балмашовым, надо искать в его собственных словах: только обращаясь к этому источнику, мы не рискуем попасть в заблуждение, благодаря произвольным догадкам и «неизвестно на чем основанным» заявлениям.

Что же говорил сам С. В. Балмашов?

Он категорически утверждал на суде, что его «единственным сообщником и помощником было русское правительство». Он ни единым словом не упомянул о «боевой организации партии соц.-рев.», и, повидимому, ему осталось неизвестным самое существование этой организации с ее постановлениями.

Нам говорят, что С. В. Балмашов был прежде всего социалистом и революционером. Мы охотно верим тому, что он был социа-

листом, и мы не имеем ни малейшей охоты и решительно никакой возможности сомневаться в том, что он был революционером. Но мы не знаем, откуда видно, что он был «социалистом-революционером». Мы боимся, что именно это утверждение основано на «догадках и предположениях, неизвестно на чем основанных».

Далее, нам ставят на вид, что убийство министра внутренних дел совершено Балмашовым не как студентом, а как членом «боевой организации». Но если бы принадлежность С. В. Балмашова к этой организации и не подлежала сомнению, — а мы уже знаем, что она более чем сомнительна, — то и тогда наша мысль о причинной зависимости между правительственными преследованиями студентов и выстрелом 2-го апреля осталась бы совсем не опровергнутой. Ведь Балмашов, действительно, был студентом, и он, действительно, испытал на себе всю тяжесть преследований, направленных против нашей учащейся молодежи. Эти преследования сделали из него революционера, а сделавшись революционером, он мог сойтись и с «боевой организацией» (чему, однако, решительно противоречит его собственное заявление); все это было очень естественно, но все это ни мало не показывает, что его решение сложилось независимо от «сердечного попечения» наших реакционеров о наших высших школах, и все это ни мало не показывает, что мы ошибались.

«Сипягин убит, — продолжает «боевая организация», — как министр внутренних дел, на ответственности которого лежат тысячи вопиющих злодеяний,—злодеяний, перед которыми меркнут даже все драконовские мероприятия, специально направленные против волнующихся студентов».

Но мы вовсе не утверждаем, что С. В. Балмашов хотел покарать Сипягина только за студентов. «Боевая организация» совершенно не поняла нашей статьи. Заряжая свой карающий револьвер, Балмашов имел в виду бедствия всей угнетенной России, но ведь эти же бедствия имеет в виду все наше передовое студенчество, давно уже переросшее узкие требования «академической свободы». Между тем никто из мыслящих людей не удивится, если мы скажем, что революционное настроение нашего студенчества (не исключая и самых передовых его элементов) вызывается прежде всего ненормальностями его собственного положе-

ния, как учащегося «сословия». «Боевая организация» почему-то не обратила внимания на слова: «прежде всего». Эти слова указывают на гонения, испытываемые нашим студенчеством, как на б л и ж а й ш у ю п р и ч и н у пробуждения революционной мысли этого студенчества. Но раз революционная мысль пробудилась, то совершенно естественно, что она не останавливается на чисто академических требованиях. Она открывает причинную зависимость между положением учащейся молодежи в частности и положением всей страны вообще; она выставляет п о л и т и ч е с к и е или даже с о ц и а л ь н о-политические требования. Это очень ясно видно на примере самого Балмашова. Обвинительный акт по его делу цитирует следующее интересное место из одной его рукописи: «Студенты сознают, ... что строй, при котором они живут, поддерживается маленькою горстью людей в ее личных глубоко эгоистических интересах. Студенчество дождалось сильнейших репрессий... русское правительство желало им самим установленные драконовские законы менять на еще более бесчеловечные... Изменение академич. строя возможно исключительно лишь с переменой всего общественного строя, почему студенты и должны стремиться к уничтожению современного монархического строя».

Этот отрывок с поразительной ясностью показывает, ч т о и м е н н о н е н о р м а л ь н о е п о л о ж е н и е н а ш е г о с т у д е н ч е с т в а б ы л о т о ч к о й о т п р а в л е н и я р е в о л ю ц и о н н о й м ы с л и С. В. Б а л м а ш о в а[1]). «Боевая организация» ссылается на то, что в письме к своим родителям Балмашов говорит, что приносит свою жизнь «в жертву великому делу облегчения участи трудящихся и угнетенных». Это святые слова; но и эти святые слова ни мало нас не опровергают. Немецкий студент Карл Занд, поразивший Коцебу в марте 1819 года, говорил о себе словами тогдашней революционной песни: Ein Christus sollst du sein, т.-е. ты должен быть Христом; ты должен пожертвовать своей жизнью для нуждающихся и обремененных. Это как раз то,

[1]) Нам заметят, пожалуй, что составитель обвинительного акта мог неправильно процитировать рукопись С. В. Балмашова. Но этот последний не нашел нужным ни п р о т е с т о в а т ь против приведенного отрывка (что он непременно сделал бы, если бы отрывок был сочинен самим обвинителем), ни д о п о л н и т ь его какими-нибудь пояснениями. Следовательно, мы имеем право предположить, что этот отрывок правильно выражал его мысль.

что писал С. В. Балмашов. И тот же Занд, решившись поразить Коцебу, вышел из студенческой организации, мотивируя свой выход тем, что он хочет стать мстителем за весь народ.

Психология Карла Занда, как две капли воды, похожа на психологию С. В. Балмашова, а между тем давно уже даже все школьники, не исключая и самых непонятливых, знают, что в смерти Коцебу виновато было прежде всего упорство той реакционной клики, которая держала в своих руках судьбы тогдашней Германии и которая отвечала полицейскими преследованиями на самые естественные и самые неизбежные требования тогдашнего немецкого студенчества.

Так называемая «боевая организация» очень плохо поняла исторический смысл того самого события, которое она взялась выставить в истинном свете. Смеем думать, что мы отчасти уже выяснили ей этот смысл. Но если ей и теперь что-нибудь неясно то мы и впредь готовы к ее услугам.

Беседа с «другом»-читателем

Мы получили письмо за подписью «читателя-друга», вызванное передовой статьей № 23 «Искры» о полицейских насилиях над демонстрантами. Автор возмущен нашей статьей, которая рекомендует «отчаянное сопротивление со стороны всех тех, кому угрожает телесное наказание».

Вот, что говорит он по этому поводу: «Люди, которых подвергали поруганию в застенке, были взяты на улице, во время демонстрации, их истязали за их стремление к свободе, за проявление класс. самосозн., за солидарность с с.-д. партиями и их органами. Их дело—дело всего рабочего класса и революционных партий; их поругание — поругание всего пролетариата, всей социал-демократии». Поэтому «ответ на вопрос «как мстить» должен был возложить долг мести на действующие организации, а не на самих и без того пострадавших товарищей»... «Искра» же не видит надобности вмешательства действующих организаций. По крайней мере, она ни одним словом не обмолвилась, как поступать остающимся на свободе товарищам. Вся тяжесть мести и защиты своего человеческого достоинства возлагается на самих заключенных»... «Господа, да ведь это похоже на издевательство! Ведь смешно говорить заключенному, которого держат 4 дюжины городовых: «защищайся». Если «Искра» не находит решения вопроса в той или иной форме активного вмешательства организаций, если она чувствует себя бессильной перед этим глубоко трагическим вопросом, ... то пусть она будет искренней, пусть бросит красивые, но жалкие в данном случае слова о «геройской самозащите», о «борьбе», и тогда для всякого ясен будет единственный логический и психологический вывод из сделанной «Искрой» постановки вопроса: те, кому угрожает телесное наказание,

должны сопротивляться... путем самоубийства!». «Есть, господа, вопросы, на которые та или иная организация может оказаться не в силах дать в данную минуту удовлетворительный ответ, но из этого не следует, чтобы она имела нравственное право затыкать такую прореху первой попавшейся тряпкой. Предоставление арестованным и истязуемым рабочим управляться, как они сами знают, лишь бы прославлено было имя бога революции, лишь бы можно было факт их отчаянной борьбы использовать в агитационных и педагогических целях—и есть именно такое затыкание дыр сомнительного качества тряпками».

В этом письме нас особенно поразило крайне невнимательное отношение его автора к нашим мыслям. От «друга» мы могли бы ожидать несколько большего внимания.

Мы сказали, что если А будет сегодня оскорблен в участке, а Б завтра, послезавтра или вообще впоследствии убьет оскорбителя, то А вряд ли почувствует себя отомщенным. Мы ссылались на пример Боголюбова, тяжелое нравственное состояние которого не было, да и не могло быть рассеяно выстрелом Веры Засулич. Отсюда для нас сам собою следовал тот практический вывод, что мстить покушениями значит избирать наименее действительный способ мести.

Если наш «друг» находит, что наши психологические соображения ошибочны, то ему следовало сказать и доказать это. Он этого не сделал. Почему? Потому, что он очень невнимательно, — совсем не по «дружески», — отнесся к нашему рассуждению и не понял, где лежит его исходная точка.

Мы снова обращаем внимание нашего «друга» на эту точку и просим его сказать прямо: счел ли бы он себя отомщенным, если бы, подвергшись истязанию розгами в участке, он услыхал впоследствии, что его товарищи убили того или тех, по чьему приказанию истязание совершилось?

Мы думаем, что на этот вопрос можно дать только отрицательный ответ. Мы уверены, что и сам сердитый «друг» наш,—чуточку подумав,—тоже ответит на него отрицательно. А если наш сердитый «друг» ответит отрицательно, то он не-

обходимо должен будет стать на нашу точку зрения и... и сменить гнев на милость.

Далее. Если когда-нибудь нашему сердитому «другу» будут угрожать полицейские розги, то мы уверены, что он, не уповая ни на какие последующие действия оставшихся на свободе товарищей, скажет себе, что ему остается *именно то, и только то*, на что указывала «Искра», т.-е. *сопротивление палачам, сопротивление во что бы то ни стало, сопротивление до последних сил, до последнего издыхания*. И говоря себе это, он будет гораздо дальше, чем когда-либо, от всякой мысли об издевательстве над самим собою. Напротив, сознание своего человеческого достоинства и сознание необходимости отстаивать это достоинство достигнут у него тогда высшей степени ясности.

Наш «друг» думает, что сопротивление невозможно. Он думает так потому, что не знает истории нашего движения.

К лучшим, наиболее ободряющим страницам нашей истории принадлежит то сопротивление наших арестованных товарищей самодурству тюремного начальства, та «*борьба в тюрьме*», о которой говорит Вера Засулич в первой книжке «Зари». Издевается над товарищами не тот, кто советует продолжать эту борьбу, а тот, кто заговаривает об ее невозможности. Неужели нескольких пучков розог достаточно для того, чтобы разбить энергию русских революционеров?

Издевается над товарищами не тот, кто говорит им: «у вас есть выход; вы можете отстоять свое достоинство энергичной борьбой»,—а тот, кто говорит им: «ваше положение безвыходно; вы ничего не можете сделать для самозащиты; но на свободе у вас найдутся самоотверженные товарищи, которые отомстят за вас».

Пассивная *толпа*, покорно ложащаяся под розги, и самоотверженные *герои, мстящие за эти розги*,—вот в каком виде представился бы нам состав нашей партии, если бы был прав автор письма. А так как история делается не единицами, то в этом зрелище было бы очень мало привлекательного. К счастью, наш автор жестоко ошибается: героическое настроение перестает быть уделом единиц; *масса* становится все более и более *активной*, и

ее арестованные полицией представители сумеют постоять за себя в участке.

Мы указывали на шлиссельбургских узников, которых можно было убить, — говорили мы, — но нельзя наказать розгами. Наш «друг» мог не согласиться с нами, но он не имел права обойти этот довод молчанием. Почему же он обошел его? Он не вдумался в его значение, он невнимательно, — повторяем, совсем не по «дружески», — прочитал нашу статью. И только потому, что он невнимательно прочитал ее, он вообразил, что «Искра» чувствует себя бессильной перед вопросом о полицейских розгах. Как бы не так! Наш «друг», очевидно, проникнут взглядами наших противников: он думает, что если мы не рекомендуем террора, то значит мы не рекомендуем ровно ничего. Но от такого взгляда давно пора отделаться, потому что если бы такой невероятно узкий взгляд сделался общим достоянием наших революционеров, то мы никогда не пришли бы к победе.

А что делать остающимся на свободе товарищам? Что делать тем организациям, арестованным представителям которых придется «до последнего издыхания» отстаивать свое достоинство в участках?

Им надо делать то, что они делали до сих пор: развивать классовое (т.-е., следовательно, и политическое) самосознание массы; способствовать росту массового движения и в ширь и в глубь; всеми зависящими от них силами ускорять наступление того момента, когда одного слуха о том, что в участке истязуют арестованных демонстрантов, будет достаточно для того, чтобы эти притоны полицейских разбойников были осаждены грозными толпами рабочего народа; усиливать свою собственную партийную организацию до той степени, на которой она сможет повести эти грозные толпы к победе.

Говоря это, мы, — в интересах нашего невнимательного «друга-читателя»,—ставим точку над «і» в нашем ответе на вопрос: как мстить? Раздраженный «друг» не понял этого ответа; мы раз'ясняем ему нашу мысль и, расставаясь с ним, мы говорим ему с полнейшим убеждением: указанный способ мести есть единственный способ, достойный тех

людей, которые принадлежат к серьезной политической партии, а не составляют простого общества взаимного отмщения.

Говорят, что Пугачев, исполняя в армии свою казацкую военную повинность, был высечен по приказанию начальства и что это унижение впервые заронило в его голову мысль о бунте. Не знаем, правда ли это; должно быть это—простая выдумка. Но si non è vero è ben trovato (если и неверно, то хорошо придумано). Месть à la Пугачев несравненно страшнее, чем месть à la Лекерт.

Логика русского «терроризма»

Не то хощу, что творю, но еже не хощу, то содеваю...

Перед нами лежит вторая книжечка журнала «Свобода», издаваемого «революционно-социалистической» группой того же имени. Об этом «журнале для рабочих» нам хотелось бы подробно поговорить с читателями, но мы вынуждены отложить это до того— не знаем, близкого ли—времени, когда ясно определится его направление, и когда мы увидим, в чем же именно расходятся издающие «Свободу» «революционеры-социалисты» с «социалистами-революционерами», издающими «Революционную Россию». Теперь же, пока это остается неизвестным, мы можем рассматривать лишь отдельные мысли «Свободы». Возьмем сначала мысль о так называемом терроризме.

В статье «Укрепление основ... розгами» (по поводу виленских истязаний) мы встречаем следующие строки:

«Раз правительство вводит порку, избиение в тюрьмах, всяческие надругательства над движением в постоянный обиход жизни, как орудие борьбы, — нам волей-неволей приходится придерживаться «террористического образа действий». Если бы поступок фон-Валя был личною мерзостью обезумевшего царского опричника, нам не пришлось бы говорить ни о какой организации террористической борьбы с правительством: в рабочей массе всегда найдется самоотверженный Лекерт, который отомстит за поруганную честь товарищей и вынудит представителей правительства смирять свои варварские наклонности. Но тут проявляется уже предрешенный взгляд правительства, одно за другим следуют дикие и гнусные действия. На план приходится отвечать планом — организацией террористической дружины, мстящей правительству и наказывающей его».

Организованная «террористическая» борьба,—борьба, ведомая по заранее составленному плану, это—не что иное, как систематический террор.

Группа «Свобода» и прежде совсем не была чужда идеи систематического террора, но прежде значение этого рода борьбы представлялось ей в другом свете. Так, напр., брошюра «Возрождение революционизма в России» рекомендует террор лишь как «эксцитативное» средство. По мнению автора этой брошюры, террор нужен собственно только затем, чтобы вызвать усиленную политическую агитацию в массах. «Раз начнется усиленная, энергичная агитация в массах — его эксцитативная[1]) (возбуждающая) роль сыграна, и останется ли он тогда в качестве действительного террора или сейчас же уступит место ряду вооруженных массовых нападений на правительственные власти,— решат обстоятельства, решит сама жизнь» (стр. 68 первого изд.).

Что такое действительный террор? По здравому рассуждению выходит, что действительный террор есть тот, действие которого соответствует этимологическому смыслу слова террор. Это слово означает, как известно, страх, ужас. Поэтому приходится предположить, что, по мнению автора брошюры «Возрождение революционизма», террор, имеющий теперь лишь «эксцитативное» значение, может приобрести со временем значение устрашающее. Но этой естественной и, можно сказать, неизбежной гипотезе резко противоречит то мнение того же автора, что террор устрашающего значения иметь совсем не может. «Мы считаем нужным, — говорит он, — ... возможно резче подчеркнуть отсутствие у нас веры в устрашающую роль террора, потому что такая вера в иллюзии будет разбита на первых же порах работы реальными фактами действительности, а продуктом этого может явиться самый безвыходный и расслабляющий пессимизм. Поэтому-то мы и отрицаем совершенно устрашающую роль террора, а выдвигаем его эксцитативное (возбуждающее) значение» (стр. 64 той же самой брошюры).

---

[1]) Смысл этого странного, поистине варварского термина очень хорошо передается русским словом: возбуждающее, как справедливо пояснил в скобках сам автор.

После этого категорического заявления прямо-таки невозможно защищать ту гипотезу, что — по мнению группы «Свобода» — действительный террор есть террор устрашающий. Но, в таком случае, как же мы должны понимать сей загадочный террор? Неизвестно. Это очень жаль; но дело, собственно говоря, не в этом. Оно в том, что наш автор допускает возможность наступления у нас такого периода революционной борьбы, когда террор должен будет уступить место крайним формам массовой борьбы с правительством. А вот «Свобода», — издаваемая «для рабочих» той же самой группой, которая издала названную брошюру, — думает, как видно, что наступление такого периода невозможно. По крайней мере, она ни одним словом не намекает на то, что проповедуемый ею систематический террор может оказаться впоследствии неуместным. Чем об'ясняется эта разница? Скажут, разницей во времени: вторая книжечка «Свободы» только что вышла, а брошюра «Возрождение революционизма в России» появилась года полтора тому назад. Это так; но что же изменилось за это время? Если поверить «Свободе», то надо сказать, что изменилось отношение правительства к революционерам. В поступке фон-Валя,— говорит «Свобода», — проявился уже предрешенный взгляд правительства; вследствие чего на план приходится отвечать планом, — организацией террористической дружины (стр. 178 — 179).

Допустим на минуту, что это так, т.-е., что организация такой дружины действительно необходима. Но неужели группа «Свобода» только теперь убедилась в том, что «одно за другим будут следовать гнусные действия» нашего правительства? Неужели она имела наивность сомневаться в этом не далее, как полтора года тому назад?

Она ответит нам, пожалуй, что хотя она вообще никогда не сомневалась в гнусности русского правительства, но что она не могла предвидеть таких возмутительных действий, как телесное наказание участников демонстраций. Но внимательный читатель таким ответом не удовлетворится. Во-первых, в 1901 г.,—когда вышла брошюра «Возрождение революционизма в России»,—группа «Свобода» могла и должна была знать, что уже в 1894 г. правительство прибегало к телесным наказаниям для подавления «беспорядков» на Тагильском заводе, а во-вторых,

посмотрите, какую перспективу рисует нам та самая брошюра «Возрождение революционизма», во время появления которой будто бы нельзя было предвидеть гнусного плана правительства:

«Теперь оно вводит разряд людей «порочного поведения», куда она заносит непокорные ему элементы рабочих, смешивая их с грязью и обрекая на более чем голодное существование в ссылке; скоро оно прекратит судебное разбирательство стачек... Потом вместо бичей введет скорпионы, вместо простых устрашений — смерчи вселенские (!), пооб'явит всюду военное положение с произволом, изумительным даже и для русских порядков (sic). Повысит все степени наказания, начнет буквально гноить людей по тюрьмам за всякое подстрекательство рабочих масс к политическим волнениям. Будет карать смертною казнью... Все жать, все крушить и гнуть в бараний рог, чего бы это ни стоило и чем бы это ни грозило! При такой своей тактике русское правительство неминуемо должно ополчиться всеми своими силами и самыми возмутительными средствами против рабочего движения, прокладывающего себе политическую дорогу...» (стр. 15 — 16).

Если это не «план», — то мы право не знаем, что и называется планом, а если это «план», то почему же группа «Свобода» только теперь убедилась в том, что на «план» правительственного террора необходимо ответить планом революционным? Это тоже неизвестно.

В еще более густом — совершенно уже непроницаемом — мраке неизвестности остается значение того террористического «плана», который будто был столь необходим теперь, благодаря полицейскому террору. Будет ли этот планомерный революционный террор иметь только «эксцитативное» значение, или он будет устрашать правительство, вопреки мнению группы «Свобода» о том, что устрашающее значение террора есть пустая и вредная иллюзия, за которой необходимо должно последовать тяжелое разочарование?

Многоглаголивая «Свобода» не проронила на этот счет ни одного, хотя бы самого коротенького, словечка. Почему? Потому, что она и сама не свела концов с концами в своем взгляде на террор. Ей хочется террора, и она проповедует его при всяком удобном и неудобном случае, а почему собственно нужен террор, этого

она и сама хорошенько не знает. Бей, а на том свете разберут, кого и зачем убили: для «возбуждения», для устрашения, или для какой-либо другой потребы.

В той же книжечке «Свободы» напечатана интересная корреспонденция об известной батумской бойне. Редакция дополнила эту корреспонденцию своим собственным рассуждением, особенно наглядно показывающим, как запутаны и противоречивы ее взгляды на современное русское рабочее движение вообще и на террор в частности.

«Батумские рабочие, — говорит она, — по кавказскому обычаю ходят при (?!) оружии; являясь требовать освобождения товарищей, они оставили дома не только револьверы и кинжалы, но даже и перочинные ножи... Этот факт — самое блестящее доказательство того, как высоко стоит самосознание батумцев. Ни на одну секунду ни у кого не может зародиться мысль, что батумцы — трусы, ибо последующие события показали совершенно противное. А если они не трусы, не из боязни столкновения с правительством оставили дома оружие и держались самым мирным образом, — значит, они всей душой понимают великое значение организованной толпы... При таком влиянии мысли на всю натуру человека мы не найдем никаких тревожных признаков в словах автора корреспонденции: «им, как борющимся при русских условиях, дозволительны все и всякие средства». Такое, само по себе рискованное убеждение не является опасным, если людьми все время руководит полная сознательность. Не будь этой сознательности, поджог дома Антадзе, покушение на жизнь Вайншейдта могли бы явиться весьма нежелательными и даже вредными для дела. Вместо организованной, сознательной рабочей борьбы, просто месть нескольких человек нескольким человекам, хотя бы она и одобрялась всеми!— Это в сущности небольшой выигрыш для революционного дела, ибо завтра придет другой Антадзе и будет то же самое проделывать (над) бессознательной толпой... Но чуть она сознательна, тут она думает и действует вся целиком. Все тысячи понимают, что их гнетет строй, и борются против этого строя, и если необходимость вынуждает убрать в этой борьбе нескольких зловредных зверей, вообще наказать их за их гнусные поступки—это совершается, как одно из проявлений рабочей борьбы, ни мало не угрожая перевести самую борьбу на почву убийства и поджогов. Все живут, все

действуют, и только в крайних случаях, как бы по приговору самой сознательной толпы, организуется малым числом людей специальный урок каким-нибудь Вайншейдтам и Антадзе» (стр. 216, 217, 218).

Не сетуйте на нас, читатель, за длинную выписку: ее длина с избытком искупается ее высокой поучительностью. В самом деле, заметьте то — по мнению редакции «Свободы» — коренное условие, наличность которого необходима для того, чтобы «террористические» действия не вредили рабочему движению. Это условие может быть выражено словами: высокое развитие классового самосознания пролетариата. Когда это условие еще не достигнуто, тогда террористические действия становятся очень опасными для рабочего движения, так как ведут к тому, что сознательная, организованная борьба рабочего класса заменяется «просто местью нескольких человек нескольким человекам». Очень хорошо! И очень решительно! Теперь спрашивается: достиг ли уже русский пролетариат высокой степени развития классового самосознания? Всякий тот, кто понимает значение слов: классовое самосознание, скажет, что хотя самосознание русских рабочих делает теперь чрезвычайно быстрые успехи, но, несмотря на это, только пустые и жалкие льстецы могут уверять русский пролетариат в том, что им уже достигнута высшая степень классового самосознания. Само собою понятно, что группа «Свобода» к числу этих пустых и жалких льстецов не принадлежит. Автор брошюры «Возрождение революционизма» категорически заявляет (стр. 14), что в нашей рабочей среде «идея политической борьбы находится в зачаточном состоянии» [1]).

В свою очередь «Свобода», — повторяя высказанную «Искрой» мысль о необходимости организации отпора полицейской силе во время демонстрации, — замечает: «Если бы демонстрации исходили от большинства населения, то все же были бы полезны боевые дружины... Услуга же таких отрядов в настоящее время стоит выше какой-угодно оценки: громаднейшее большинство демонстрантов состоит из публики, из любопытных, часто совсем слу-

[1]) Курсив наш.

чайного народа, пока еще не успевшего в должной мере проникнуться враждебными чувствами к правительству и не считающего своим долгом наносить ему удар за ударом» (кн. 2, стр. 95 — 96).

Рабочая масса еще не участвует в демонстрациях. Это—совершенная, хотя и очень печальная правда, но о чем свидетельствует этот факт? О том ли, что самосознание русского пролетариата уже достигло высшей степени, или о том, что такая степень, к сожалению, еще далеко не достигнута?

В другом месте той же книжечки «Свобода» говорится, что «наша» [1]) Росс. С.-Д. Партия, «к несчастью, еще мало захватывает рабочие массы... Многие из мыслей, твердо усвоенных партией и легших в ее основание, еще не сделались достоянием русского рабочего люда» (стр. 133). Это тоже — совершенная, хотя и весьма горькая истина. Но не эта горькая истина убедит нас в том, что русский пролетариат уже достиг высокой степени классового самосознания. Она свидетельствует именно о том, что такая степень еще не достигнута.

А если это так, то значит у нас пока еще нет на-лицо того условия, которое, — по очень разумным словам ред. «Свободы», — необходимо для того, чтобы «террористическая» деятельность не вредила рабочему движению; чтобы она не выродилась, — по прекрасному выражению той же редакции, — в простую месть нескольких человек нескольким человекам. А отсюда следует, что «Свобода» должна была бы энергично высказаться против тех, которые прибегают к этой борьбе в настоящее время. Должна была бы, если бы хотела и умела быть логичной. Но быть логичной она и не умеет, и не хочет. Она не замечает своих собственных противоречий и не видит того, что в «террористической» борьбе, как

---

[1]) Группа «Свобода» иногда причисляет себя к рус. соц.-дем.; иногда говорит, что каждый из нас должен чувствовать себя «членом единой социалист. партии» (стр. 99), а иногда же говорит о своей партии, как о партии «революционно-социалистической» («Возрожд. рев., стр. 48), при чем самым ярким историческим выражением «рев.-социалистических» стремлений в нашей революционной истории она считает партию «Народной Воли» («Возрожд. рев.», стр. 19).

и во всякой другой, есть своя собственная логика, неизбежно и неумолимо приводящая к таким умозаключениям, которых подчас вовсе не ожидают борцы. Вот посмотрите, что мы видим теперь.

Между тем как «Свобода», советуя нашим революционерам выступить на путь систематического террора, все-таки находит, что главные революционные силы должны быть направлены на дело агитации в рабочей массе, более последовательные люди приходят к другим выводам.

Карпович писал своим друзьям из тюрьмы: «Будет организация, сама жизнь заставит ее вступить в политическую борьбу, т.-е. борьбу непосредственную с русским правительством. Без этого она растворится, растает и упрется в тупой угол, откуда выхода нет. А другой борьбы, как террористической, я не знаю» [1]).

Людям, «не знающим другой борьбы», кроме «террористической», освободительная политическая борьба рабочего класса, очевидно, должна представляться просто-на-просто немыслимой, по крайней мере, при современных русских условиях. И самое существование таких людей беспощадно опровергает ту мысль редакции «Свободы», что увлечение «террором» ни мало не угрожает нам ослаблением притока революционных сил в рабочую массу. Нет, очень угрожает. Если все «террористы» проникнутся на этот счет взглядами Карповича, и все революционеры сделаются «террористами», то массовое рабочее движение будет предоставлено на произвол судьбы, в полном смысле этого слова.

А можно ли опасаться того, что взгляд Карповича распространится среди наших «террористов»? Тем более можно, что он и теперь уже очень распространен между ними. Балмашов заявил на следствии, что при тех репрессиях, к которым прибегает русское правительство в борьбе с революционерами, «мирная» социалистическая работа невозможна» [2]). Принимая в соображение, что под «мирной» работой «террористы» обыкно-

[1]) См. брошюру «Карпович и Балмашов перед судом», Берлин 1902 г., стр. 27.

[2]) Та же брошюра, курсив опять наш.

венно понимают всякую другую борьбу, кроме единоличной (собственно «террористической») и массовой борьбы с оружием в руках, приходится признать, что и Балмашов, подобно Карповичу, считал политическую агитацию в массе невозможной при современных наших условиях. Это — новое опровержение мысли, высказанной «Свободой», и новое указание на то, чем угрожает нам увлечение «террором».

Всякий имеет право быть нелогичным. Не лишена этого права и группа «Свобода». Но жизнь не останавливается перед промахами суб'ективной логики людей. У нее есть своя об'ективная логика, которая особенно больно бьет именно тех, кто не одарен большими логическими способностями. Таким людям она на каждом шагу преподносит крайне неприятные сюрпризы и заставляет их сегодня делать как раз то, что они не далее, как вчера, об'являли ненужным и невозможным.

Именно такие люди могут сказать о себе словами Писания: не то хощу, что творю, но еже не хощу, то содеваю...

Когда законы об'ективной логики общественного движения остаются непонятными для некоторых отдельных лиц из числа сторонников этого движения, тогда «промахи незрелой мысли» скорее смешны, чем страшны. Но когда этих законов не хочет или не может понять значительная часть тех, которые так или иначе примыкают к движению, тогда приходится признать, что делу прогресса угрожает тяжелое поражение. Это ярко подтверждает история революционного движения в России. В 70-х годах у нас был период, когда революционеры, придя к тому убеждению, что террористическая борьба неизбежна, твердо убеждены были, однако, и в том, что «террористы» могут и должны составить лишь «охранительный отряд» революционной партии, главные силы которой должны итти «в народ». Они рассуждали так, как рассуждает теперь «Свобода» и, к сожалению, не одна «Свобода». Этот их взгляд был очень определенно выражен в передовой статье первого номера «Земли и Воли». Если бы в то время кто-нибудь сказал нашим революционерам, что их «охранительный отряд» скоро поглотит все их организованные силы и тем положит конец их деятельности «в народе», то они только пожали бы плечами: «Ведь мы прекрасно понимаем, — говорили они, — что без поддержки народа мы, револю-

ционеры, не имеем ровно никакого значения». Но прошло едва полгода после появления первого № названного органа, и в организации «Земля и Воля» стало брать верх то «террористическое» направление, сторонники которого со страстью доказывали, что работать в народе при современных русских условиях это то же, что «биться, как рыба об лед» (см. журнал «Народная Воля»). Люди сели на верхний конец наклонной плоскости и надеялись удержаться там, с убеждением повторяя, что спуститься к нижнему концу ее—значит совершить самоубийство, т.-е. погубить все революционное дело. Но об'ективная логика раз принятого положения столкнула их вниз, незаметно для них самих и вопреки их, повидимому, твердому решению остаться наверху. Avis для нынешних наших сторонников «охранительных отрядов», «эксцитативного» террора, «террористической мести» и т. п.

Повторяем еще раз: «терроризм» — как и всякий другой род борьбы — имеет свою собственную. логику. Кто сегодня «признает» террор лишь как прием самозащиты или как способ «мести», тот завтра или послезавтра станет, подобно Карповичу или Балмашову, считать его единственно возможным у нас видом революционной борьбы. А тогда прощай социализм! Прощай всякая, сколько-нибудь основательная надежда на близкую победу над правительством. Все дело сведется тогда к «мести нескольких человек нескольким человекам», по прекрасному выражению «Свободы». Мстители погибнут. И пусть на их место появляются временно все новые и новые кучки («дружины»). Такая борьба не может все-таки не быть безнадежной. Удары мстителей будут становиться все реже и реже, их силы будут становиться все слабее и слабее, а злорадная клика реакционеров, громко радуясь их гибели, будет, — по не менее удачному выражению той же «Свободы», — то же, что и прежде, проделывать над бессознательной толпой... Caveant consules!

«История повторяется»

Орган еврейского «Бунда», «Голос Рабочих» («Arbeiterstimme») доволен передовой статьей 22 № «Искры». В № 28 этого органа напечатана статья, где нас между прочим сравнивают с талмудистами.

Приведя из указанной статьи нашей те строки, где говорится, что полицейские расправы с участниками майских демонстраций вопиют о мщении, и указав, с другой стороны, на то, что, по нашему мнению, только полное политическое освобождение России может явиться достойной местью за все притеснения и за все унижения, испытываемые русскими пролетариями, «Гол. Раб.» замечает: «это значит говорить языком талмудиста, который учит, что Илья-пророк даст ответы на все вопросы».

Орган «Бунда» находит, как видно, что мы хотим отложить дело мести в слишком долгий ящик. Ему кажется, что это дело не терпит отлагательств. Он не хочет ждать. Он хочет немедленного отмщения.

Такой мести хочет не только «Гол. Раб.». Под влиянием новой тактики борющегося за свое существование правительства у нас теперь очень быстро растет число тех людей, которые ждать отнюдь не согласны и которые именно поэтому готовы упрекать нас не только в талмудизме, но и в еще гораздо более тяжких прегрешениях. Иные доходят до того, что, повидимому, искренно считают нас... р е а к ц и о н е р а м и. Мы говорим не шутя и, если понадобится, докажем это ссылками на некоторые, недавно вышедшие, произведения печати.

Что ответим мы на нападки этих людей?

Мы скажем им так:

Вы не м о ж е т е ждать? Слабонервные трусы, вы д о л ж н ы терпеть, пока не сумели вооружиться, не сумели внушить доверие народу! Вы н е х о т и т е ж д а т ь? Вы не хотите? Право? Так из-за вашего революционного зуда, из-за вашей барской револю-

ционной фантазии вы бросите на карту будущность народа? Года через два народ мог бы победить; но вот, видите ли, русской революционной молодежи невтерпеж. Надо сейчас, сию минуту... Нет, если бы самые скептические мнения о вас были верны, я все-таки не верю в существование революционной партии, которая не хочет, не может ждать минуты, когда победа будет возможна, когда победа будет вероятна. Только за народ, только с народом имеете вы право итти в бой...

Как вам нравится наша отповедь, читатель? Наверное, совсем не нравится. Да мало того, что не нравится — мы видим внутренним оком, как вы, прочитав слова: «слабонервные трусы», судорожно сжимаете в руке нашу газету, а дойдя до слов: «революционный зуд, барская революционная фантазия», с негодованием бросаете эту бедную газету на пол и бежите составлять «протест», стараясь присоединить к себе какого-нибудь «об'единенного» социал-демократа, алчущего попасть в «трясину популярности», и повторяя всем и каждому направо и налево, что «Искра» полемизирует не по-товарищески, что она перешла все пределы, что она посылает своим противникам оскорбления, беспримерные в истории нашей революционной печати, что она и т. д., и т. д., и т. д., и пр., и пр., и пр. Мы заранее знаем, что ваш «протест» будет красноречив и благороден, но прежде, чем вы возьметесь за перо для его составления, обратите внимание вот на какое, далеко не маловажное, обстоятельство.

Строки, вызвавшие ваше благородное негодование, от слов: «вы не можете» включительно до слов: «итти в бой», принадлежат не н а м. Они взяты нами из брошюры П. Л. Лаврова «Русской социально-революционной молодежи», вышедшей в 1874 г. в Лондоне. Мы только по рассеянности забыли поставить нашу цитату во вносные знаки. Стало быть, если вы опубликуете ваш протест, то он окажется направленным против редактора «Вперед» и «Вестника Народной Воли», и все ваши обвинения пойдут по его адресу. А это, пожалуй, вызовет неудовольствие «Революционной России», которая, если мы не ошибаемся, считает себя состоящей в некотором духовном родстве с покойным [1]). А что, если «Революцион-

[1]) Сравните только «Наши задачи» бывшего «Союза соц.-рев.» с «Манифестом» бывшей «Партии соц.-рев.» (о нем в № 6 «Искры»), затем с редакц. заявлением № 1 «Вестника Р. Рев.» с «программными» статьями №№ 7—11

ная Россия» напишет протест против вашего протеста, при чем тоже присогласит каких-нибудь захудалых социал-демократов? Ведь тогда пойдет совсем уже нелепая неразбериха. Так уже не лучше ли вам оставить всякую мысль о протесте? Не лучше ли вам сделать вид, что протестовать вы даже и не собирались? Что строки, взятые нами у Лаврова, вас ни мало не возмущали, и что впросак вы ни на одну секунду не попадали? Право же, это будет много превосходнее, тем более, что все эти «протесты» подчас являются не чем иным, как замаскированным покушением на свободу революционной печати, попыткой зажать рот противнику.

А теперь сядем рядком, да потолкуем ладком все о той же, не отмеченной вносными знаками, цитате.

Как царь Алексей Михайлович пользуется славой «тишайшего» царя, так и П. Л. Лавров имеет репутацию «тишайшего» писателя. Но как Ал. Мих., при всей своей «тихости» иногда очень круто расправлялся со своими боярами, так и П. Л. Лавров, при всей своей литературной кротости, умел очень резко говорить о тех явлениях в нашем революционном мире, которые казались ему вредными для революционного дела. И замечательно, что хотя названная нами выше брошюра раздосадовала сторонников Ткачева,— против которого она и была направлена [1]), но ни одного «протеста» она не вызвала, никто не закатывал глаз по ее поводу, никто не бил себя в грудь, и никто не кричал, что она содержит в себе выражения, беспримерные по своей резкости и т. д., и т. д., и пр., и пр. Почему это? Вы скажете, пожалуй, что резкость Лаврова была вызвана резкостью Ткачева, который вызвал его на по-

«Рев. Рос.» и с брошюрой «Свобода», изданной так наз. «Рао. партией политич. освобожд. России», о соединении которой с партией соц.-рев. недавно сообщено в «Рев. России».

[1]) Сторонников Ткачева она не могла не раздосадовать, так как независимо от резких мест, подобных вышеприведенному, она в заключение рисовала черной краской тот путь, на который последователи Ткачева звали наших революционеров. «Это—путь агитации без определенной цели, без определенной программы,—писал П. Л. Лавров,—путь, на котором все интриганы, все честолюбцы обманывали своих приверженцев» и т. д. (стр. 60). Не правда ли, читатель, это значительно резче знакомого вам термина «революционный авантюризм», столь сильно расстроившего нервы некоторых слабонервных людей нашего времени?

лемику? Но это не об'яснение. Разве нельзя было протестовать против обоих? По нынешнему времени это, вероятно, так бы и было.

А кроме того, надо помнить еще и то, что цитированное нами (без вносных знаков) место относилось у Лаврова не к одному Ткачеву, а к целому течению в нашей революционной среде,—к течению, которое, разумеется, нельзя было делать ответственным за резкость одного Ткачева. В чем же дело? Почему же тогда никто не протестовал? Уж не потому ли, что «слабонервные» люди были тогда не столь слабонервными, как теперь?

Но как бы там ни было, а это — вопрос, не лишенный интереса. Главным образом, ввиду этого интереса мы и процитировали брошюру П. Л. Лаврова. Пусть не думают наши товарищи из «Гол. Раб.», что мы хотели применить к ним резкие выражения брошюры. Совсем нет. Мы хотели только поставить им на вид то мнение ее автора, что бывают обстоятельства, когда революционеры нравственно обязаны подчинять свое нетерпение доводам рассудка, оценивающего действия отдельных лиц и всей партии с точки зрения целесообразности, и когда нежелание «ждать» является преступным. Редакция «Гол. Рабочих» как будто позабыла об этом.

Позабыла она также и о том, что месть мести — рознь. Она несогласна с тем, что только полное политическое освобождение России достойным образом отомстит за все унижения и притеснения, выпавшие на долю русских пролетариев. Но, не соглашаясь с нами в этом случае, она восстает против совершенно очевидной истины. В самом деле, о чем идет речь? О притеснениях и угнетениях, испытываемых русскими пролетариями от нынешнего политического порядка. Этим угнетениям и притеснениям нет числа, потому что они падают на головы русских пролетариев решительно на всех шагах их тяжелой жизни: в шахтах и на фабриках, на полях и на дорогах, в тюрьмах и острогах. Неужели редакция «Голоса Раб.» думает, что за эти унижения и оскорбления можно отомстить несколькими «террористическими» пулями или несколькими взрывами нескольких пудов динамита? Думать так—было бы верхом наивности; думать так—значило бы покинуть не только точку зрения рабочего класса, но и вообще точку зрения политической борьбы против данного поли-

тического порядка и встать на точку зрения личной мести отдельным представителям этой системы. Такая месть есть все, что угодно, но только совсем не политическая борьба.

Наконец, позабыла редакция «Гол. Раб.» еще и о том, что соц.-дем. не пристала та логика, которую Энгельс, вслед за Гегелем, называл метафизической, и которая характеризуется формулой: «или-или». Людям, придерживающимся этой логики, дело представляется очень просто: и л и полная окончательная победа над правительством, и л и полная невозможность отомстить ему за испытанные от него обиды. Марксисты же, стоящие на диалектической точке зрения, знают, что борьба за политическое освобождение страны есть длинный процесс, в продолжение которого революционеров ожидает целый ряд частичных побед над их смертельным врагом,—побед, несущих с собою, следовательно, и мщение. С этой точки зрения месть вовсе не представляется отложенной в долгий ящик: нет, к отмщению надо приступить сейчас, немедленно, не теряя ни минуты и — как мы сказали в своей статье — не считая себя в праве хоть немного успокоиться до тех пор, пока обида не отомщена. Но, конечно, и тут остается нерешенным вопрос о том, что́ понимать под местью. На этот вопрос нет бесспорного ответа. Все зависит здесь от степени нравственного и политического развития отвечающего: для одного лучшая, — наиболее «достойная», — месть заключается в успехе того дела, из-за которого он и его близкие подвергаются оскорблениям; другой, будучи оскорблен, забывает о деле, и думает только о том, как бы наказать лицо, нанесшее оскорбление. Различные люди мстят различно. Но не трудно видеть, какой род мести выгоднее для дела. Возьмем хоть рассуждения «Гол. Раб.». Правительство устами Зубатова говорит: «я вас толкну на террор и потом раздавлю». Чтобы добиться этой цели, оно оскорбляет революционеров. А революционеры, будучи оскорблены, говорят устами «Голоса Рабочих»: «выступим же на путь террора!». Не ясно ли, что т а к о й мести правительство не убоится?

Мы не сомневаемся в том, что у редакции «Гол. Раб.» очень хорошие намерения. Но ее логика в данном споре слаба, так слаба, что над ней, наверное, очень посмеялись бы даже т а л м у д и с т ы, если бы дали себе труд ознакомиться с нею.

Значение Ростовской стачки

Всякий новый шаг, сделанный русским пролетариатом на пути своего политического развития, вызывает в нашей революционной среде новые споры по тактическим вопросам. Это вполне естественно и очень хорошо. Естественно—потому, что новые шаги рабочего движения служат для нас новыми «уроками жизни», а уроки жизни настоятельно требуют своего истолкования. Хорошо—потому, что тактические споры содействуют этому истолкованию и тем избавляют нас, по крайней мере, от некоторых практических ошибок и от тяжелых разочарований, неизбежно следующих за практическими ошибками. «Практика»—великая и ничем незаменимая вещь. Но сама по себе она еще ровно ничему не учит. Чтобы пользоваться ее указаниями, надо уметь замечать и понимать их.

О недавних ростовских событиях много и горячо спорят теперь русские революционеры. Мы от души радуемся этим спорам, но мы позволим себе заметить, что иное дело судить о каком-нибудь общественном явлении, а иное дело судачить по его поводу. Судаченье бесплодно по самой природе своей. Оно не только ничего не выясняет, но, напротив, затемняет даже и то, что было ясно с самого начала. К сожалению, о ростовских событиях многие именно не судят, а судачат, и это очень, очень жаль, ибо эти события заслуживают самого серьезного внимания.

Результатом судаченья являются, между прочим, те обвинения, которые выдвигаются против нашего Донского Комитета. Эти обвинения подчас поистине комичны. Так, например, один «интеллигент» (как видно весьма неинтеллигентный) публично (т.-е. на большом собрании революционеров) упрекал названный комитет в том, что тот не поддержал группы молодых людей, явившихся с революционными песнями на одно из первых со-

браний стачечников. Перед такими упреками можно не останавливаться. Всякий дельный революционер без труда поймет, что бывают положения, когда агитаторам совсем не до песен. Но есть обвинения, имеющие более серьезную в и д и м о с т ь.

Некоторые сторонники политической агитации находят, что Донской Комитет дурно поступил, не воспользовавшись волнением ростовской рабочей массы для устройства демонстрации. А иные идут так далеко, что приписывают ему, на этом основании, склонность к печальной памяти «э к о н о м и з м у». Перед э т и м обвинением нельзя не остановиться, так как оно не только не справедливо, но и способно посеять ряд самых опасных тактических недоразумений.

Несправедливость его состоит в том, что оно совершенно неверно изображает дело. Демонстрация в Ростове была, и притом очень величественная и необычайно продолжительная. Она началась в четверг, 7-го ноября, и окончилась только в следующий четверг, т.-е. в тот день, когда состоялось последнее м а с с о в о е собрание под открытым небом. Число участников этой величественной и необычайно продолжительной демонстрации, разумеется, не оставалось неизменным, но, несмотря на все колебания, оно было очень велико, временами достигая до 20 и даже до 30 тысяч. Таких демонстраций у нас еще никогда не бывало, и вот почему ростовские события составляют эпоху в истории нашего рабочего движения. Не понимать этого могут только те, которым вообще неясны значение и задачи нашей агитации в рабочей массе.

Обвинителей ввела в ошибку внешность явления. Они привыкли думать, что уличное шествие составляет необходимый признак демонстрации, и потому, услыхав, что в Ростове уличного шествия не было, они умозаключили, что не было и демонстрации. Но названное шествие вовсе не составляет необходимого признака демонстрации. Его не было во время д е м о н с т р а ц и и перед Казанским собором в 1901 г., его не было и во время демонстрации перед тем же собором в декабре 1876 г. Скажут ли нам, что тогда не было и демонстраций? Наконец, если бы ростовские народные собрания под открытым небом и не были демонстрациями в собственном смысле этого слова; если бы нам доказали, что их правильнее назвать, например, митингами, для выражения народного неудовольствия, то мы и в этом не видим беды. Шекспир гово-

рит где-то, что как бы мы ни назвали розу, она не утратит своего запаха. О ростовских собраниях мы скажем, что какое бы имя мы им ни дали, мы все-таки должны будем признать, что они имели колоссальное влияние на развитие классового самосознания ростовских рабочих. А развитие классового самосознания в рабочем классе и есть та великая цель, которую мы преследуем в своей агитации, и если Донской Ком. достиг ее, не прибегая к демонстрации, то от этого не уменьшилась его заслуга. Обвинители говорят, что Донской Комитет должен был вести собравшихся «в балке» рабочих в город. Но мы не понимаем, почему это было обязательно. Зачем было итти из «балки» в город, когда весь город шел «в балку»? Почему Магомет непременно должен итти к горе даже в том случае, когда гора сама идет к Магомету? Агитация агитации—рознь. Есть агитация, плодотворная с точки зрения социал-демократов, и есть агитация, полезная с точки зрения других партий, например анархистов, или так называющих себя социалистов-революционеров. Агитацией занимались люди, говорившие политические речи собравшимся «в балке» ростовским рабочим. И агитацией занимались бы люди, которые воспользовались первым загородным собранием рабочих для того, чтобы вести их в город. Но между тем как огромные собрания «в балке» послужили превосходнейшей школой политического воспитания ростовского пролетариата, демонстративное движение в город могло бы закончиться таким столкновением с военной силой, на которое потратилась бы вся энергия совершавшегося тогда массового движения и которое не только не подвинуло бы вперед самосознания массы, но надолго задержало бы его развитие. С точки зрения социал-демократии такое столкновение было бы вредно. Мы должны не бояться жертв, когда они полезны для дела, но мы обязаны избегать их, когда они не приносят пользы делу или даже,—как было в разбираемом случае,—отодвигают его далеко назад. Но если бы мы не были социал-демократами, если бы неизменным критерием в наших суждениях нам не служил вопрос о том, как повлияет данный шаг революционеров на развитие классового самосознания рабочего класса, то мы рассуждали бы иначе. Мы твердили бы: «надо итти в город». А если бы шествие в город закончилось кровавой неудачей, мы сказали бы: вот новое дока-

зательство того, что демонстрации ни к чему хорошему не ведут. Да здравствует террор! Да здравствует «боевая организация», которая завоюет рабочему классу политическую свободу! (Ср. опубликованные «Рев. Рос.» письма Качура.) По-своему мы были бы очень логичны, но наша логика не имела бы ничего общего с логикой освободительного движения пролетариата.

Колоссальные ростовские собрания «в балке» не только представляют в своей совокупности чрезвычайно внушительную демонстрацию, но и свидетельствуют о том, что наша политическая агитация может и должна войти теперь в новую необходимую и плодотворную фазу.

До сих пор у нас и в демонстрациях обыкновенно обнаруживалось то разделение и та отчужденность «героев» от «толпы», которые были в одно и то же время и следствием, и причиной слабости нашего революционного движения. «Герои» прохаживались перед «толпой», крича: «Долой самодержавие!», махая красными флагами и, по мере возможности, отбиваясь от полицейских бандитов. «Толпа» прислушивалась к «возмутительным» возгласам «героев», читала надписи на красных флагах, более или менее сильно возмущалась полицейскими зверствами и более или менее громко выражала свое сочувствие демонстрантам. Но дальше этого дело не шло или шло очень редко. Чаще всего «толпа» оставалась сама по себе, а «герои» сами по себе, и именно потому, что эти последние оставались сами по себе, им приходилось со стыдом уступать первому серьезному натиску со стороны полиции. А это приводило их к сомнению в целесообразности демонстраций, как агитационного средства. Они—или, по крайней мере, некоторые из них—говорили себе и другим: «Стоит ли выходить на улицу для того, чтобы после самого непродолжительного сопротивления улепетывать от полицейских кулаков и казацких нагаек? Не лучше ли, не целесообразнее ли давать единоличный отпор наиболее зарвавшимся царским опричникам?». И многим начинало казаться что поступать так действительно будет лучше и целесообразнее. А раз они приходили к этому убеждению,—они начинали смотреть на так называемый (на самом деле никого не пугающий) террор, как на самое действительное средство революционной борьбы, приписывая демонстрации лишь второстепенное, подчиненное значение.

А террор роковым образом привел бы к еще большему отчуждению «героев» от «толпы» и к еще большему ослаблению сил «героев». Таким образом весь ход нашей политической агитации неизбежно приводил нас к следующему противоречию: в интересах развития политического самосознания в массе мы должны были прибегать к демонстрациям, а прибегая к демонстрациям, мы, против всякого ожидания, укрепляли то настроение в революционной среде, в результате которого явился бы фактический отказ от непосредственного воздействия на массу. Разрешить это противоречие можно было только одним путем: путем устранения той причины, которая вызывала слабость сил демонстрантов. А так как эта причина заключалась в том, что демонстрации были делом не «толпы», а одних только «героев», то нужно было, чтобы «герои» перестали существовать в качестве отдельного от «толпы» элемента. Другими словами, необходимо было придать демонстрациям м а с с о в ы й х а р а к т е р. На эту необходимость мы указывали еще в № 14 нашего органа.

И вот ростовские события показали, что мысль о слиянии «героев» с «толпой» не имеет в себе ничего несбыточного. В ноябре прошлого года в Ростове-на-Дону не было ни «героев», ни «толпы», а была огромная, многотысячная масса рабочих, неудержимо рвавшихся в новую, сознательную жизнь и готовая самоотверженно бороться со своими угнетателями и усыпителями. «Герои» исчезли в «толпе», «толпа» слилась с «героями». Она сама прониклась героическим самосознанием и потому перестала быть «толпою», превратившись в сознательный отряд сознательной армии международного пролетариата.

И как только состоялось это превращение, сейчас же всем стало ясно, что теперь полицейские бандиты совсем не так сильны и страшны, как были прежде. «Боимся ли мы атамана?»—спросил один из ораторов у рабочих, собравшихся на балке. — «Нет, не боимся!»—дружно отвечали рабочие.—«Стало быть, мы будем продолжать наше собрание?»—спросил он опять.—«Да, будем продолжать!»—как один человек, отвечала вся огромная масса. И собрание продолжалось на глазах у удивленных и испуганных бандитов полицейского «порядка», которые должны были понять тогда,—если они еще не совсем утратили способность понимания,—что на общественную сцену России выступает новая, могучая сила.

Если дело приняло такой счастливый и многознаменательный оборот, то этим мы в значительной степени обязаны находчивости, благоразумию и такту нашего Донского Комитета, который сумел избежать тактических односторонностей и извлечь из событий наибольшую долю того, что можно было извлечь из них для политического воспитания рабочих. Этим он оказал нашему движению большую услугу. И чем скорее распространится в русской социал-демократической среде сознание важности этой услуги, тем более очевидно станет для каждого из нас, до какой степени неосновательны нападки [1]), сыплющиеся на Донской Комитет со стороны тех людей или даже целых направлений, у которых очень слаба сила суждения, но зато очень сильна потребность с у д а ч и т ь.

Да, ростовские события открыли собою новую эпоху, эпоху м а с с о в ы х д е м о н с т р а ц и й. Демонстрации «героев», прохаживающихся перед «толпой», и отжили свое время, и утратили свое значение. Теперь демонстрации должны быть массовыми, или их вовсе не должно быть. Говоря это, мы ни на минуту не позабываем о том, что массовые движения не могут быть вызываемы по произволу той или другой революционной организацией. Они подготовляются общим ходом социального развития. Но люди, понимающие ход этого развития, могут способствовать е г о у с к о р е н и ю. В том и состоит отличие социальной демократии от других политических партий, что ее деятельность является сознательным выражением бессознательного общественного процесса, который делает из пролетариата передовую общественную силу. Раз мы убедились в том, что теперь начинается эпоха массовых демонстраций, мы должны сообразно с этим убеждением направить всю свою подготовительную агитационную работу. «Искра» уже указывала на агитацию в студенческой среде, как на такую, которая в известной мере может служить образцом для агитации в среде пролетариата. Студенческим «волнениям» последних лет предшествовала обыкновенно систематическая, подготовительная работа, выяснявшая смысл начинавшейся борьбы и значение выставляемых требований. Известно, что даже и такая систематиче-

[1]) Эта статья была уже набрана, когда мы получили № 15 «Рев. России», дающей замечательные образчики этих неосновательных нападок.

ская работа не приводила к полному единодушию между студентами. В их среде всегда находились элементы, относившиеся к движению несочувственно или просто равнодушно. Это не удивительно; такие элементы найдутся всегда и везде. Но важно то, что, благодаря систематической подготовке движения, к нему присоединялись все студенты, по своему умственному развитию и по своим нравственным свойствам способные к нему присоединиться. Студенческое движение располагало, вследствие этого, наибольшим числом тех сил, которыми оно могло располагать. И потому с ним так трудно было справиться. А то политическое движение, которое должно увлечь за собою все живые элементы пролетариата, до сих пор увлекало только незначительный его слой, между тем как другие его слои оставались неподвижными, несмотря на то, что и в них накопился уже не малый запас революционной энергии. До них не достигали политические призывы социальной демократии, и потому они не давали на них никакого отклика. А этим неизбежно обусловливалась слабость нашего политического движения. Чтобы устранить ее, нам нужно подготовить свои демонстрации так же старательно, как подготовляет передовое студенчество свои «волнения» в среде учащейся молодежи. Нам нужно звать на борьбу все те элементы рабочей массы, которые у ж е способны примкнуть к ней. В этом случае нам помогут «возмутительные воззвания», если только мы сумеем—а мы обязаны суметь—придать им действительно массовое распространение. Наконец, нам необходимо способствовать развитию тех элементов пролетариата, которые еще не пробудились от своей политической дремоты. Это наши товарищи будущего времени. Сегодня они еще боятся «политики» и потому неохотно слушают политических агитаторов. Но скоро,—может быть, не далее, как завтра,—они поймут, что «политика» соц.-демократии есть политика их собственных, насущных и осязательных классовых интересов,—и тогда они будут отвечать восторженным «ура!» на наши политические речи. А чтобы им стал понятен смысл нашей «политики», мы, принимаясь за агитацию в их среде, должны исходить именно из насущных и осязательных интересов, всеми силами стараясь, в то же время, обнаружить противоречие этих интересов с интересами существующего порядка. Ростовские события показали, между прочим, что при умелом ведении дела нас ждет

здесь верный и скорый успех. А успех означает в этом случае не более, не менее, как то, что к революционной армии постоянно будут примыкать свежие, все более и более густые, все более и более многочисленные колонны, и политическая борьба, начатая «революционной бациллой», все более и более будет становиться массовым движением, борьбой целого класса.

Много тяжелой работы предстоит нам впереди! Но это-то и хорошо! Даром ничто не дается, а наша тяжелая работа быстро приближает нас к нашей великой цели. Весело жить в такое время!

Пролетариат и крестьянство

I

Небольшая историческая справка

В № 8 «Революц. России» в статье: «Из партийной деятельности» мы читаем:

«Массовые волнения крестьян в Полтавской, Харьковской и других губерниях выдвинули и поставили ребром перед всеми русскими революционерами вопрос о воздействии революционных организаций на крестьянство. Теперь не остается уже места для каких-либо сомнений в необходимости, возможности и целесообразности этого воздействия. Даже те течения русской революционно-социалистической мысли, которые прежде категорически отрицали возможность и целесообразность работы в крестьянстве, теперь начинают признавать насущную необходимость ее».

Недавние крестьянские волнения действительно придали новый интерес вопросу о практических задачах социалистов в русской деревне. Это само собою понятно, и этого никто оспаривать не станет. Но именно потому, что названный вопрос приобретает теперь новый интерес, полезно хорошенько выяснить себе, как решался он русскими социалистами в прежнее время. И прежде всего следует спросить себя, какие именно «течения русской революционно-социалистической мысли» отрицали у нас «возможность и целесообразность работы в крестьянстве». Что говорит об этом «Рев. Россия»?

Она говорит вот что: «Партия социалистов-революционеров и те организации, которые об'единились в ней, всегда ставили одной из основных задач своей деятельности — революционизирование деревни и приобщение крестьянства к общему со-

циально-революционному движению. В этом и состояло одно из самых основных ее отличий от соц.-демократических организаций, в этом и заключался один из самых основных пунктов разногласий с ними. Признание необходимости и своевременности планомерного революционного воздействия сплошь и рядом делало для соц.-революционеров даже во времена их крайней численной слабости практически невозможным войти в те соц.-демократические группы, с которыми вместе приходилось все время работать, и раствориться в них. Приходилось отделяться и начинать самостоятельное дело».

Кажется, ясно. Именно русская соц.-демократия была тем течением, которое прежде «категорически отрицало» возможность и целесообразность деятельности между крестьянами. И в этом состояла черта, отличавшая нашу соц.-демократическую партию от соц.-революционеров, «всегда» (курсив «Рев. России») имевших непреодолимое влечение к названной деятельности. «Рев. Рос.» не упускает случая поставить читателям на вид эту счастливую особенность своей «партии» и не перестает, как говорится, шпынять русских социал-демократов за их пренебрежение к крестьянству.

«Тяжелы были условия, — сочувственно повествует она, — при которых приходилось начинать и вести эту работу. Сверху, с высот теорий и программ, громко и решительно заявлялось о невозможности и даже нецелесообразности какой бы то ни было революционной работы в крестьянстве. В 1896 г. на Лондонском конгрессе, перед лицом международного пролетариата, представители русской социал-демократии, одни составлявшие всю русскую секцию конгресса [1]), торжественно заявили, что при современных политических условиях русским революционерам нечего и думать о воздействии на сельское население. Манифест Рос. Соц.-Дем. Пар-

[1]) В примечании «Рев. Рос.» поясняет: «Представитель Союза Соц.-Рев тогда не был ими допущен на конгресс, а представитель «Группы старых народовольцев» удалился в виде протеста против этого исключения». Это неправда: представитель «Группы старых народовольцев» удалился совершенно по другому поводу; что же касается представителя «Союза Соц.-Рев.», то он явился с мандатом, подписанным лишь несколькими заграничными русскими студентами и был «не допущен» (конгрессом, а не только русскими соц.-демократами) именно потому, что не представлял ничего серьезного. Об этом см. брошюру Г. Плеханова «Новый поход против русск. соц.-демократии».

тии 1898 г. ни словом не затрагивает вопроса о работе среди крестьянства, как будто последнего совсем и не существует. И неудивительно, ибо с'езд южно-русских соц.-дем. организаций, состоявшийся в январе 1902 г., можно сказать, накануне грандиознейших крестьянских волнений на юге России, совершенно не счел нужным поставить в программу своих занятий вопрос об отношении к крестьянству, опять-таки как будто его и не бывало».

Перечислив прегрешения русских социал-демократов перед крестьянством, «Рев. Рос.» замечает: «Эти примеры достаточно ярко показывают, что на крестьянство смотрели, как на quantité negligeable, как на чистый нуль в политическом отношении. В лучшем случае работа в крестьянстве лишь допускалась, и то лишь для лиц, силою обстоятельств прикрепленных к деревне».

Мы скоро увидим, насколько в самом деле «ярки» приведенные «Рев. Рос.» примеры. Теперь же скажем, что они ни в каком случае не «достаточно» характеризуют взгляды русских социалистов на крестьянство. Для полноты картины «Рев. Рос.» должна была бы несколько подальше заглянуть в прошлое и вспомнить, как смотрело на работу в крестьянской среде «течение», непосредственно предшествовавшее у нас соц.-демократии. Так как она почему-то не пожелала или не сумела сделать эту историческую справку, то мы вынуждены взяться за нее сами.

Еще в 1879 г., — т.-е. в то время, когда русская соц.-демократия не существовала даже и в зачатке, — в первом же номере «Нар. Воли» (выходившего в России органа очень известной партии того же имени) была весьма «категорически» высказана та мысль, что при современных наших политических условиях работать в народе—значит биться, как рыба об лед. «Нар. Воля» тогда же заявила, что она считает себя обязанной настойчиво повторять эту мысль, разделяя то мнение Прудона, что повторение служит незаменимым средством распространения истины. И она, действительно, «категорически» повторяла ее каждый раз, когда ей приходилось формулировать свой взгляд на практические задачи русских революционеров. И чем более распространялись в нашей революционной среде идеи «Партии Нар. Воли», тем более «категорическим» становилось отрицательное отношение ко всяким попыткам агитационной и организационной деятельности в крестьянстве. Это знает всякий, кто хоть немного знаком с историей

нашего революционного движения. И это подтверждается «народовольческой» литературой. «Привлечение в организацию отдельных лиц из крестьянства, способных к ней примкнуть, — говорит «Календарь Народной Воли», — конечно, всегда признавалось очень желательным... Но что касается организации в настоящее время в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы [1]) совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов» [2]).

Эти строки «достаточно ярко показывают», что «Партия Нар. Воли» смотрела на крестьянство, «как на quantité negligeable, как на чистый нуль в политическом отношении». Они показывают также — и не менее «ярко», — что если русская соц.-демократия, в самом деле, всегда смотрела на работу в крестьянской среде, как на безусловно бесполезную трату революционных сил (мы еще посмотрим, в какой мере справедлив этот упрек), то в этом случае она совершенно сходилась со своей предшественницей, «Партией Нар. Воли», и что, следовательно, сваливать вину такого взгляда исключительно на русские соц.-демократические «программы и теории», значит жестоко искажать истину. «Рев. Рос.» именно и предается такому искажению. Очень может быть, что она делает это совершенно неумышленно. Но невежество—плохое извинение.

Факты, приведенные нами, «достаточно ярко показывают» еще и то, что на Лондонском международном социалистическом конгрессе представитель «Группы старых народовольцев» отнюдь не мог бы разойтись с русскими соц.-демократами по вопросу о своевременности революционной работы в крестьянской среде, если бы только он остался верен взглядам старой «Партии Нар. Воли». Делегат соц.-революционеров, может быть, высказался бы по этому вопросу в другом смысле. Но какое практическое значение мог бы иметь взгляд человека, представлявшего микроскопическую горсточку русских юношей, живших за границей?

Дальше. Перед нами лежит первая книжка «Вестника Русск. Революции», где, в статье «Наша программа» (заметьте, чита-

[1]) Речь идет о программе «Партии Нар. Воли».

[2]) Календарь, стр. 129, примечание.

тель: п р о г р а м м а), мы встречаем следующие интересные строки:

«Каково должно быть наше отношение к крестьянству? Не забудем, что в числе политических приобретений, сделанных «Нар. Волей» в период ее героической борьбы и завещанных ею русскому движению, был отрицательный взгляд на деревню, как на исходную точку демократического переворота, как на инициативную силу революции. «Народная Воля» подчеркивала важность общинных идеалов мужика, указывала на громадное значение аграрного вопроса для России. Но она не думала, чтобы революционная деятельность могла, по примеру прежних лет, искать отправного пункта для себя в деревне и непосредственно опереться на мужика. И, по нашему крайнему убеждению, с тех пор не произошло здесь ничего существенно нового, что заставило бы нас отказаться от такого взгляда».

Редакция «Вестника» признает, что «возникновение сельской интеллигенции» сделало деревню доступнее для революционной пропаганды. Она не сомневается также в том, что «демократический переворот, начатый в центрах интеллигенцией и рабочими», был бы теперь более сознательно поддержан деревней. Но она твердо стоит на том, что инициатива переворота должна исходить от «рабочих и интеллигенции городов». И она думает, что неуместно было бы отделять революционные силы, работающие в городе, на пропаганду в деревне. Такое отделение «пока» представляется «операцией, решительно невыгодной, разбивающей дружный натиск революционной армии на самодержавие».

Эти строки тоже «достаточно ярко показывают», что если русские соц.-демократы и в самом деле провинились перед «мужиком» (а это, повторяем, покажет нам новая историческая справка), то вину их вполне разделяют люди, занимающие теперь очень видное место в «Партии соц.-рев.», и что этой партии очень полезно будет вспомнить слова медведя в басне «Зеркало и Обезьяна»:

Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

«Рев. Рос.» негодует на с'езд южно-русских соц.-дем. организаций, который состоялся, «можно сказать, накануне грандиозней-

ших крестьянских волнений на юге России» и который не нашел нужным заниматься крестьянским вопросом. Допустим, что ее негодование совершенно основательно, но вы помните, читатель, когда вышла первая книга «Вестника Русской Революции»? Она вышла в и ю л е 1901 г. Это тоже, «можно сказать, накануне» все тех же «грандиознейших крестьянских волнений». Мы знаем, что сказала—в своей п р о г р а м м н о й статье—редакция «Вестника» по поводу крестьянского вопроса: она признала политическим приобретением уже известный нам о т р и ц а т е л ь н ы й взгляд «Партии Нар. Воли» на деревню и «категорически» высказалась против направления в крестьянство хотя бы некоторой части революционных сил, работающих теперь в городах. Это очень ясно и совсем недвусмысленно. Казалось бы, что «Рев. Рос.» не могла пройти мимо такого заявления; казалось бы, что ей следовало обратить серьезное внимание на «политическое приобретение», унаследованное «Вестником Русской Рев.» от «Партии Нар. Воли» и рекомендуемое редакцией этого издания русским революционерам наших дней; казалось бы, наконец, что, обратив на это «приобретение» свое просвещенное внимание, она должна была отнести «течение», выраженное «Вестником», к числу тех «течений русской революционно-социалистической мысли», которые «категорически отрицали возможность и целесообразность работы в деревне». Но вышло совсем иначе. «Шпыняя» соц.-демократов, «Рев. Рос.» ни одним словом не обмолвилась о «Вестн. Рус. Рев.». Почему? Не потому ли, что ей неприятно было «на себя оборотиться»? Может быть. Но, в таком случае, где же справедливость?

Нам скажут, пожалуй, что редакция «Вестн. Р. Рев.» все-таки не совсем отрицала возможность и целесообразность «работы в деревне»: ведь она «горячо приветствовала однако пропаганду в деревне со стороны тех элементов, которые самым образом своих занятий прикреплены, так сказать, к ней» [1]). Вероятно, на основании этого горячего приветствования редакция «Вестника» сочла даже возможным сказать, что «ее отношение к земледельческому классу не основано на отрицании революционной деятельности в деревне», хотя «чуждо преувеличения результатов ее при тепе-

[1]) «Вестник», кн. 1, назв. статья, стр. 12—13.

решних условиях» [1]). Читатель подумает, может быть, что именно на этом основании «Рев. Рос.» и не зачислила редакции «Вестника» по ведомству «тех течений русской революционно-социалистической мысли, которые» и пр. и пр. Но в таком случае читатель ошибается. Дело в том, что, признавая желательность революционной пропаганды в крестьянстве со стороны революционных элементов, которые привязаны к деревне по своей профессии, редакция «Вестника» только повторила в 1901 году то, что сказано было шестнадцать лет тому назад в программе группы «Освобождение Труда», родоначальницы русской соц.-демократии. Стало быть, с этой стороны взгляд «Вестника» не отличается от взгляда указанной группы. И если уже миловать редакцию «Вестника», то надо было помиловать и группу. А «Рев. Рос.» не только не милует этой группы, но кидает в ее огород камушек презрительной иронии, замечая, что некоторые из «течений», сбитые с толку своими «теориями и программами», в лучшем случае допускали работу в крестьянстве «лишь для лиц, силою обстоятельств прикрепленных к деревне». Ясно, стало быть, что такое допущение не составляет в ее глазах даже и самомалейшего смягчающего обстоятельства. Но тогда почему же щадит она «Вестн. Рус. Рев.»? Не потому ли, что она предпочитает «считать кумушек»? Очень на то похоже!

Правда, в эпоху появления первой книжки «Вестн. Рус. Рев.» этот журнал еще не был официальным органом «социалистов-революционеров» Его об'явили таковым лишь впоследствии. Но впоследствии его редакция нигде и ничего не сообщала своим читателям о том, что она изменила свой взгляд на «политическое приобретение», сделанное «Партией Нар. Воли». Приходится думать поэтому, что она и теперь очень дорожит им. А из этого следует, что ее и до сих пор надо относить к числу тех «течений», которые так строго осуждаются «Рев. Рос.» за их отрицательное отношение к деревне.

Это—довольно интересный вывод. А еще более интересен следующий. «Рев. Рос.» говорит, что «Партия соц.-революционеров и те организации, которые об'единились с ней, всегда (курсив «Рев. Рос.») ставили одной из основных задач своей деятель-

[1]) Там же, стр. 13.

ности—революционизирование деревни». Теперь оказывается, что это неправда, по крайней мере, в применении к той группе, которой принадлежал почин издания «Вестн. Рус. Рев.»: эта группа, очевидно, никогда (курсив наш) не относила работы в крестьянстве к числу «основных задач» своей деятельности. Так пишут историю!

Но и это еще не все. Если писанная история отличается подчас некоторыми странностями, то действительная история идет иногда совершенно невероятными путями, как это было засвидетельствовано еще покойным Тихомировым в покойном «Вестнике Нар. Воли».

Указывая на известное нам «политическое приобретение», сделанное «Нар. Волей», редакция «Вестника Рус. Рев.» утверждала, как мы видели, что и до сих пор, т.-е. до июля 1901 г., «не произошло здесь (т.-е. в деревне) ничего существенно нового, что заставило бы нас отказаться от такого взгляда», т.-е. от того же «приобретения». Не видя этого нового, она думала, что не целесообразно отделять часть революционных сил на пропаганду в деревне. А новое, оказывается, давно уже было. Соц.-революционеры,—как мы узнаем это из «Рев. Рос.»,—деятельно работали в крестьянской среде. «Во многих местах отзывчивость крестьян превосходила самые смелые надежды революционеров». И скоро «обнаружилось, что работа в деревне требует более широкой постановки, которая была уже не под силу отдельным лицам и кружкам», и потому «идея о необходимости и неотложности работы в крестьянстве охватывала все большие круги революционных деятелей, не удовлетворявшихся соц.-демократической постановкой вопроса». А редакция «Вестн. Рус. Рев.» ровнехонько ничего об этом не знала! Разве это не поразительно? И впоследствии, когда «Вестник» сделался органом «Партии соц.-революционеров», его редакция не сочла нужным открыто покаяться в том, что она совершенно даже и не подозревала столь плодотворной деятельности тех самых элементов, из соединения которых составилась ее новая партия. Разве это не изумительно?!

Но известно, что невежество—вовсе не доказательство. Если редакция «Вестн. Рус. Рев.» ничего не знала о засвидетельствованных «Рев. Рос.» и поистине невероятных успехах соц.-революционеров в крестьянской среде, то успехи эти все-таки суще-

ствовали—разве «Вестн. Р. Р.» осмелится усомниться в этом?—и росли не по дням, а по часам. Со времени об'единения соц.-рев-в одну партию, дело пошло поистине гигантскими шагами. В качестве увенчания здания возник недавно «Крестьянский Союз», опубликовавший воззвание: «Ко всем работникам революционного социализма в России», чрезвычайно замечательное тем, что оно написано слогом передовых статей «Р. Р.». Это важное обстоятельство «ярко» доказывает, что упомянутые статьи производят на крестьянские умы не только сильное, но прямо неизгладимое впечатление. И это, разумеется, прекрасно. Но плохо то, что ослепленная невероятными успехами своей партии, «Рев. Рос.» совсем, как видно, позабыла историю революционной мысли в России.

Мы напомнили ей эту историю, поскольку она касается «Партии Нар. Воли» и группы, начавшей издание «Вестника Рус. Рев.». Мы скоро напомним ей и историю отношений к «земледельческому классу» русской соц.-демократии. Но предварительно нам нужно определить, в чем именно понятие: пролетарий отличается от понятия: крестьянин. Такое выяснение необходимо именно затем, чтобы мы могли точнее определить наши практические задачи в крестьянстве.

II

Пролетариат и крестьянство «на Западе»

Мы начинаем с «Запада». Почему? Это выяснится самим ходом исследования. Теперь же мы просим читателя удовольствоваться пока тем общим соображением, что западные страны более «развиты», чем наше отечество, а более развитые страны до некоторой степени показывают то, что предстоит «отсталым».

Что такое пролетарий? Это—производитель, который не имеет никаких средств производства и потому вынужден продавать свою рабочую силу обладателю таковых, капиталисту, т.-е. должен работать по найму.

А что такое крестьянин? Это, прежде всего, землевладелец. Но прусский юнкер тоже землевладелец, а между тем его никто

не назовет крестьянином. Стало быть, землевладение составляет хотя необходимый, но еще не достаточный признак того общественного слоя, который называется крестьянством.

Каковы же его другие признаки? Прежде, в то доброе старое время, когда «западные» страны,—например, хоть та же Пруссия,—были отсталыми в том самом смысле, в каком мы назвали отсталою Россию, крестьянская поземельная собственность отличалась там от дворянской правовым положением собственника. Теперь правовые различия этого рода, можно сказать, совсем исчезли даже в наименее «передовых» из западно-европейских стран, и потому крестьянское землевладение характеризуется там лишь своими размерами.

Согласно определению, даваемому известным немецким экономистом Конрадом, крестьянским считается такой участок, который достаточно велик для того, чтобы занять своей обработкой всю рабочую силу своего обладателя и его семьи, но слишком мал для того, чтобы его обладатель мог не принимать личного участия в его возделывании и ограничиться трудом управления и надзора за наемными рабочими[1]).

Конрад противопоставляет крестьянина обладателю парцеллы, который не может жить доходом со своего клочка земли и вынужден искать заработка на стороне. (Там же, стр. 438.)

Если мы последуем за Конрадом в этом противопоставлении,—а последовать полезно в интересах точного разграничения понятий,—то крестьянское землевладение все-таки окажется у нас охватывающим участки весьма неодинаковой величины. В Германии называют крестьянскими такие участки, которые простираются от 2 до 100 гектаров (гектар—0,9 десятины). Ввиду этого нельзя не согласиться с А. Толстым, утверждавшим, что «есть мужик и мужик». Крестьянин, владеющий двумя-тремя гектарами, живет «трудами рук своих» и в лучшем случае кое-как сводит концы с концами; а крестьянин, имеющий сто гектаров, не только пользуется благосостоянием, но — и это для нас главное — не может обойтись в своем хозяйстве без наемных рабочих. Поэтому он принадлежит к классу предпринимателей, эксплоататоров

Но эти две категории крестьян соединяются между собою множеством промежуточных ступеней, делающих почти незаметным

[1]) «Handwörterbuch d. Staatsw.», B. II, S. 437.

переход от одной из них к другой. Притом же крестьянин, эксплоатирующий наемных рабочих, сам принимает участие в их труде и этим отличается от крупного предпринимателя, который только распоряжается и управляет «делом». Характер крестьянина, имеющего батраков, отличается, стало быть, двойственностью: такой крестьянин—не только эксплоататор, он также и производитель.

Чем больше у него батраков, тем меньше, обыкновенно, его личное участие в их труде и тем более в его характере преобладают черты эксплоататоров; а чем незначительнее число его батраков, тем больше приходится работать ему самому и тем более он приближается к мелким самостоятельным производителям.

Так как его характер определяется этими двумя чертами, то для понимания этого характера надо иметь ясное представление: 1) о том, что такое эксплоататор; 2) о том, что такое самостоятельный производитель.

Всякий социалист хорошо знает, что такое эксплоататор. На этот счет распространяться излишне. Поэтому мы прямо переходим к выяснению того, что такое мелкий самостоятельный производитель. Выяснить это нам тем более полезно, что значительная часть крестьянства целиком принадлежит к этой категории, обрабатывая свои участки своими собственными силами и вовсе не прибегая к покупке чужой рабочей силы.

Прежде всего мы наталкиваемся здесь на такие вопросы: имеем ли мы право отождествить понятие: мелкий самостоятельный производитель с понятием: пролетарий? А если для их отождествления нет достаточного основания, то не можем ли мы, по крайней мере, об'единить их в одном общем, более широком понятии, например, в понятии: трудящееся население?

И да, и нет! Здесь все зависит от точки зрения.

Если мы станем на точку зрения морали и, об'явив эксплоатацию чужого труда безнравственной, будем классифицировать членов современного цивилизованного общества сообразно тому, живут или не живут они такой эксплоатацией, то у нас непременно выйдет, что и пролетарий, работающий по найму, и ремесленник, не имеющий наемных рабочих, и крестьянин, собственным трудом возделывающий свое поле, принадлежат к одному общественному классу, — классу производителей, неповинных в

эксплоатации своих сограждан. И этому классу будет противостоять у нас класс эксплоататоров.

Но можем ли мы довольствоваться точкой зрения морали?

Нам опять приходится ответить: и да, и нет. Здесь все зависит от нашей умственной требовательности.

Было время, когда многие социалисты совершенно довольствовались точкой зрения морали. Это время было временем утопического социализма. А потом социалисты перестали довольствоваться точкой зрения морали и перешли на точку зрения науки. Тогда началась эпоха научного социализма [1]).

Последователи научного социализма стремятся к научному пониманию и к научной классификации явлений. А научная классификация явлений основывается на их свойствах или на их происхождении, а не на тех моральных суждениях, которые мы произносим по их поводу. Мы можем сколько-угодно порицать волка и хвалить собаку. Это не помешает зоологу отнести и того, и другую к одному роду canis.

Как же представляется дело с научной точки зрения? Чтобы понять это, надо сначала разрешить вопрос о том, что именно называется классом в современной общественной науке.

Маркс задался этим вопросом в последней главе третьего тома «Капитала», при чем формулировал его так: почему наемные рабочие, капиталисты и землевладельцы составляют три великих класса современного общества? Указанная глава осталась неоконченной и потому не дает полного ответа. Однако даже и то, что сказано там, достаточно определяет мысль автора, если не с положительной, то с отрицательной ее стороны. Именно, мы узнаем, что, по мнению Маркса, только на первый взгляд кажется, будто дело тут (в вышеприведенной классификации) заключается в одинаковости дохода и источника дохода: дальнейший анализ приводит к другому выводу. Каков этот вывод, осталось, повидимому, неизвестным, так как именно в этом месте оборвалась рукопись третьего тома. Но совершенно ясно, по крайней мере, то, что не

[1]) Во избежание недоразумений заметим, что многие социалисты-утописты уже понимали неудовлетворительность моральной точки зрения и стремились к научному анализу общественной жизни. Но они еще не знали, где искать основы этой жизни, и потому их анализ не мог итти далеко.

распределением общественного дохода, — т.-е. не подразделением его на заработную плату, предпринимательскую прибыль и поземельную ренту, — обусловливается разделение современного общества на три великих класса: наемных рабочих, капиталистов и землевладельцев. Распределение дохода не может, стало быть, служить научной основой классификации этого рода.

Если это так, — а мы сейчас увидим, что это в самом деле так, — то очевидно, что очень ошибаются те люди, которые относят крестьянина или вообще мелкого самостоятельного производителя к одному классу с пролетарием на том основании, что доход такого производителя не выше, а иногда и ниже, чем доход пролетария, или же в силу того соображения, что крупный капитал эксплоатирует не только пролетария, но также и мелкого производителя. Факты, на которые при этом указывают, очень часто совершенно неоспоримы; но они имеют совсем не то общественное значение, какое им обыкновенно приписывают.

Чем же обусловливается разделение общества на классы? На этот вопрос отвечает другая, предпоследняя глава «Капитала».

Общий вывод, который из нее вытекает, может быть выражен словами самого Маркса: данные отношения распределения являются выражением исторически определенных отношений производства.

Но выражение предполагает существование того, что выражается. Поэтому данные отношения распределения, — т.-е. данный способ распределения продукта,—предполагает известные производственные отношения. Предполагает не только логически, но и исторически. Наемный рабочий получает известный доход в виде заработной платы. Это — факт, характеризующий собой отношения распределения. Наемный рабочий не имеет ничего, кроме своей рабочей силы; все средства производства принадлежат другим классам: капиталистам и землевладельцам. Это — факт, относящийся к области производственных отношений. Но почему же рабочий получает только заработную плату, т.-е. только часть продукта, созданного его трудом? Именно потому, что у него нет ничего, кроме рабочей силы. Отношения распределения выражают собой отношения производства. Но они не только выражают их, а также и обусловливаются ими. Если бы не было свойственных капиталистическому обществу производственных отношений, то и не было бы свойственных ему отно-

шений распределения. А его производственные отношения представляют собою лишь один *период* в экономической истории человечества. Они возникли вследствие экономического развития и исчезнут под его же влиянием. Кто хочет понять судьбу, ожидающую нынешнее буржуазное общество, тот ни на шаг не приблизится к своей цели, когда узнает, как совершается в нем распределение продукта; дело станет ему ясно только тогда, когда он поймет исторический характер, переходное, временное значение свойственных этому обществу *отношений производства*.

Теперь мы знаем, что такое общественный класс. Это — более или менее обширный разряд лиц, находящихся в одинаковых отношениях производства к другим разрядам. Разделение общества на классы обусловливается существующими в нем производственными отношениями. Стало быть, к этим отношениям мы должны обратиться и при решении вопроса о том, принадлежат ли мелкие самостоятельные производители к одному классу с пролетариями.

С точки зрения производственных отношений пролетарий совсем не то, что мелкий самостоятельный производитель. И тот, и другой трудятся: это так. Но один трудится для себя, а другой — для хозяина; в этом существенная разница. Если мелкий производитель трудится для себя, а не для хозяина, то этим он обязан не своему труду, а своему положению обладателя известных средств производства. Это положение составляет отличительный признак этой категории производителей, заставляющий выделить ее в особый общественный класс.

Кто думает, что понятие: *пролетарий* должно раствориться в более «широком» понятии: *трудящийся*, тот или ничего не понимает в современном социализме, или умышленно насаждает теоретическую путаницу ради какой-нибудь практической цели, не имеющей ровно ничего общего с делом истинного освобождения «трудящихся».

Производственные отношения всякого данного общества не только обусловливают собою разделение его на классы и свойственное ему распределение продукта. Ими определяется также направление всех великих общественных движений. Производственными отношениями капиталистического общества обусловливается то обстоятельство, что пролетарий не может сбросить с себя ига

капитала иначе, как совершив социальную революцию. Поэтому пролетариат является теперь классом революционным по преимуществу. Не то с мелкими производителями. Принадлежность им средств производства является, как мы видели, залогом их экономической самостоятельности. Поэтому их жизненный интерес требует сохранения частной собственности на средства производства. Если производственные отношения делают из пролетария революционера, то из мелкого производителя они делают консерватора.

Само собою разумеется, что этот консерватор далеко не всегда доволен своим положением. Он тоже может роптать и волноваться. Но пока он стоит на своей собственной точке зрения; пока он усиливается защитить или восстановить характерные для него отношения производства, до тех пор его недовольство пропитано духом консерватизма или даже реакции: оно направляется не против частной собственности на средства производства, а против того, что мешает ему воспользоваться выгодами такой собственности. Он хотел бы остановить или повернуть назад колесо истории. И это давно и хорошо сознали г.г. «охранители». Так, уже цитированный нами Конрад говорит о крестьянах: «Крестьянство всегда было консервативнейшим элементом государства; оно всегда упорно держалось за старое и защищало его с величайшей энергией. Понимание важного значения имущества и любовь к отечеству делают его естественным противником свойственных городам революционных идей и твердым оплотом против соц.-демократических стремлений» (Там же, стр. 439). Такое же отрадное упование на консерватизм крестьянина не раз высказывали «охранители» других западно-европейских стран: для примера укажем на книгу французского экономиста Сушона [1]).

Правда, в течение последнего десятилетия в социалистической литературе все чаще и чаще раздаются голоса, выражающие твердое убеждение в том, что крестьянин может и должен быть привлечен к социализму. И не в одной только европейской литературе высказывается подобная уверенность. Совсем недавно в Чикаго вышла книга «The american Farmer», автор которой, американский

[1]) «La propriété paysanne», Paris 1899.

социал-демократ Саймонс, полагает, что мелкий фермер является теперь естественным союзником промышленного пролетария. Но это мнение Саймонса не противоречит нашей мысли. Его только надо понять, как следует.

Капиталистические производственные отношения все более и более расширяют область своего господства в передовых странах нашего времени. Это расширение области господства названных отношений делает положение мелкого производителя,—как в промышленности, так и в земледелии,—все более и более непрочным, зависимым и тяжелым. Саймонс приводит много интересных примеров, показывающих, что мелкий американский фермер часто кругом опутан сетями капитала. Ввиду этого северо-американская социал-демократия может найти и должна искать себе сторонников также и между мелкими фермерами. Но для того, чтобы мелкий фермер пошел под ее знамя, безусловно необходимо одно важнейшее психологическое условие: он должен убедиться в том, что мелкое землевладение отжило свой век и что частная собственность на средства производства должна уступить место — общественной. Другими словами, ему надо покинуть точку зрения мелкого производителя и встать на точку зрения пролетариата. При наличности этого условия соц.-демократия, разумеется, обязана принять его в свои ряды. Более того, она обязана облегчить ему своей пропагандой и агитацией переход на новую, непривычную для него точку зрения. Но до тех пор, пока такой переход не состоялся, пока фермер требует таких мер, которые обеспечили бы его существование, как мелкого производителя; пока он стремится не к социальной революции, а лишь к некоторым социальным реформам, которые задержали бы победоносное шествие крупного капитала или ограничили бы область его вторжения, до тех пор он не социалист, и ему нечего делать между социалистами. И если бы социальная демократия вздумала поддерживать эти его стремления, то она тем самым пришла бы в непримиримое противоречие со своею собственной коренной задачей, которая заключается совсем не в том, чтобы задерживать развитие капитализма, а в том, чтобы воспользоваться этим развитием в интересах социальной революции.

Мы знаем, что в социалистических партиях всего цивилизованного мира есть теперь «товарищи», изображающие этот во-

прос в другом свете. Эти «товарищи» говорят, что социализм нисколько не изменит себе, взяв на себя отстаивание интересов крестьянства, как такового. Но своими доводами эти господа обнаруживают лишь неясность и непоследовательность своих собственных воззрений.

Святой Бернард, споря с людьми, утверждавшими, что взгляды Аристотеля тождественны с учением Иисуса, воскликнул: вы доказали не то, что Аристотель был христианином, а то, что вы сами язычники.

Подобно этому мы можем сказать о многих и многих из «товарищей», которые рекомендуют западным социалистам «новую тактику» по отношению к крестьянству: они доказали не то, что предлагаемые ими меры облегчат торжество социализма, а то, что это торжество им, нашим будто бы товарищам, совсем не нужно.

Пора кончить. Расставаясь с читателем до следующей статьи, мы настоятельно просим его твердо помнить, что мы говорим пока только о «Западе», а о России речь у нас впереди.

III

Пролетариат и крестьянство «на Западе»

(Продолжение)

Мы видели, что по учению Маркса разделение общества на классы обусловливается существующими в нем производственными отношениями и что с точки зрения этих отношений пролетарий совсем не то, что мелкий самостоятельный производитель: ремесленник или крестьянин. И теперь нам легко решить, много ли правды в словах г. Виктора Чернова, который, в статье: «Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя», развязно утверждает, что в своем взгляде на крестьянина Маркс гораздо ближе к оппортунисту Фольмару, чем к «ортодоксальному марксисту Каутскому» [1]). Г. В. Чернов ссылается на те слова Маркса,

[1]) Излишне прибавлять, что взгляд Фольмара представляется г. В. Чернову очень близким ко взгляду на крестьянство наших суб'ективистов и народников. В аграрном вопросе все симпатии этих господ принадлежат Фольмарам, Бернштейнам, Герцам и пр. жрецам оппортунизма.

что в руках мелкого крестьянина земля есть простое средство производства. Он не понимает того, что в глазах автора «Капитала» именно это обстоятельство—обладание средствами производства — и составляет признак, не позволяющий причислить крестьянина,—и вообще мелкого производителя,—к одному классу с пролетарием. По Марксу, земля в руках мелкого крестьянина есть не только простое средство производства; в этих руках она является самым главным средством производства, необходимым полем крестьянского труда и капитала. Г. В. Чернов не заметил этого неприятного для него словечка—«капитала»,—а его полезно было бы заметить: оно уясняет, каким образом крупный капитал может эксплоатировать мелкого крестьянина. Маркс хорошо знал факт такой эксплоатации, но он столь же хорошо знал и то, в чем она заключается. А заключается она в том, что крупный капитал ухитряется тем или другим способом отнять у крестьянина ту прибавочную стоимость, которую при других, более благоприятных, условиях получил бы этот последний, как обладатель необходимой для производства движимости и недвижимости, как «мелкий капиталист» и «землевладелец» [1]). И вот почему крестьянин, подвергающийся такой эксплоатации, восстает,—как мы сказали в предыдущей статье,—не против частной собственности на средства производства, а только против тех неблагоприятных для него условий, которые мешают ему воспользоваться преимуществами своего положения, как собственника. Вот почему он склоняется не к социальной революции, а к социальным реформам, которые ограничили бы власть крупного капитала и вообще замедлили бы ход экономического развития современного общества. Короче, вот почему его положение делает его не революционером, а консерватором или даже реакционером. Революционером он делается только тогда, когда,—отчаявшись в возможности защитить или вернуть свою экономическую независимость,—переходит на точку зрения пролетария и стремится уже не отстоять мелкую собственность на средства производства, а устранить присвоение этих средств частными лицами.

Указанная нами статья г. В. Чернова напечатана в сборнике «На славном посту», посвященном г. Н. Михайловскому по случаю

[1]) Ср. стр. 339 и 340 второй части третьего тома «Капитала».

сороковой годовщины его литературной деятельности. Таким образом статья является как бы «вещественным выражением невещественных отношений». И, признаемся, нас поражает мысль г. Чернова—снабдить фальшивой ссылкой на Маркса литературный подарок юбиляру. Неужели г. Михайловский не заслуживает п р а в д и в о г о приношения? Правда и то, что г. В. Чернову невозможно было обойтись без фальшивой ссылки: слишком уже слаба его теоретическая позиция. Но если г. Михайловский удосужился прочитать третий том «Капитала»,—что кажется нам, впрочем, довольно невероятным,—то он и сам, конечно, заметил фальшь и, наверное, очень огорчился ею: она должна была лишний раз напомнить ему о том, что дело, которое он защищал так долго и так упорно, в сущности безвозвратно проиграно. Уместно ли, деликатно ли было наводить маститого юбиляра на такие безотрадные размышления?

Но оставим г. Чернова «на славном посту» его фальшивой ссылки и вернемся к нашей теме. Постараемся пояснить наши общие положения несколькими отдельными примерами.

Возьмем сначала ремесленников, этих типичных представителей мелкого производства в области обрабатывающей промышленности. Их положение в Германии, как и во всем цивилизованном мире, становится все более и более затруднительным: крупный капитал беспощадно отнимает у них одну позицию за другою. Они недовольны; они ропщут; им хочется завоевать себе лучшее будущее. Но что же делают они с этой целью? Они стараются замедлить ход экономического развития. Их социально-политические программы насквозь проникнуты консервативным,—более того: реакционным духом. Чтобы не итти «в глубь времен», укажем хоть на программу существующего с 1882 г. «Всеобщего немецкого союза ремесленников»: от нее несет средними веками. С другой стороны, неоспорим тот факт, что в рядах немецкой соц.-демократии встречается немало ремесленников. Но эти ремесленники уже не защищают интересов мелкой собственности: они уже покинули точку зрения мелкого самостоятельного производителя и перешли на точку зрения пролетария.

Теперь обратимся к земледельцам. Северо-американские фермеры давно уже чувствуют, что их дело обстоит не очень благополучно, и давно уже пытаются об'единиться в борьбе против

крупного капитала. Очень интересной и, в свое время, довольно влиятельной организацией фермеров является союз т. н.: «Patröns of Husbandry» или «Grangers» («фермеров» или «земледельцев»). Наивысшей точки своего процветания эта организация достигла, повидимому, около 1876 г., когда ей принадлежало 5 пароходов, 32 элеватора и 22 магазина для складов товаров. Она охотно называла себя рабочей организацией [1]) и находилась в дружественных сношениях с так называемыми «Рыцарями Труда». Но ее программа не заключала в себе даже намека на необходимость устранения капитализма. Напротив, в ней категорически сказано: «Мы не враги капитала, но мы восстаем против тирании монополий» [2]). И это понятно: крупный капитал подчиняет себе фермера не в процессе производства продуктов, а в процессе их обращения, а также в области кредита. Поэтому и усилия «Гренджеров» направлялись не против производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу, а только против некоторых капиталистических «монополий», касающихся кредита, перевозки товаров и торговли ими. Иляй надеется, что сближение «деревни с городом» сообщит рабочему движению «здоровый консерватизм» (Там же, стр. 73—74). Он прав в том смысле, что пока фермеры не покинут точки зрения мелкого производителя и не перейдут на точку зрения пролетария, их сближение с рабочими будет замедлять успехи социализма. Вся история рабочего движения в Северо-Американских Штатах подтверждает это как нельзя лучше.

А что мы видим в нашей старой Европе? Господа «критики» Маркса усердно твердят, что экономическая и социально-политическая жизнь западно-европейской деревни резко противоречит Марксовой «догме». Посмотрим же, верно ли это в применении к безусловно «ортодоксальной» догме, лежащей в основе всей нашей статьи.

Как ведут себя, например, немецкие «крестьянские союзы»? Каковы их программы? Каково их отношение к освободительному движению пролетариата? Эти союзы тоже борются с «монополиями» капитала в области товарного обращения и кредита и в

[1]) M. R. Ely, «The Labour Movement in America». New-York, p.p. 178 and 73.

[2]) Там же, стр. 74.

то же время всеми силами защищают «монополию» частной собственности. Их социально-политические тенденции достаточно характеризуются тем, что во многие из них закрыт доступ евреям и пролетариям [1]).

А Франция? Здесь очень распространены сельско-хозяйственные синдикаты, громадное большинство членов которых состоит из крестьян. Но и эти организации за ничтожными исключениями, легко об'ясняемыми нашей «догмой», чужды всякой мысли о революционной борьбе с капиталом, т.-е. об устранении капитализма и замене его социализмом. С этой стороны они могут служить образцами мелко-буржуазной умеренности и консервативного благоразумия. И потому французские охранители видят в них лучший оплот против социализма [2]).

Но есть же в Западной Европе такие счастливые уголки, в которых крестьяне оказываются очень доступными для социалистической пропаганды и агитации? Разве крестьяне не пристают к социалистам в Венгрии и в Италии? И разве г. Юлий Гарденин не показал нам, что социалистическое движение между итальянскими и венгерскими крестьянами в пух и прах бьет относящуюся к крестьянскому вопросу «догму» марксистов? [3]).

Г. Ю. Гарденин, действительно, показал нам нечто весьма поучительное. Жаль только, что это нечто говорит не против нашей «догмы», а, наоборот, против него самого и его единомышленников.

Взглянем хоть на Венгрию. Здесь прежде всего надо заметить, что огромное большинство крестьян обладает совершенно незначительными поземельными участками и потому не может существовать доходом со своих участков. Венгерские крестьяне вынуждены продавать свою рабочую силу крупным землевладельцам. По знакомой уже нам терминологии Конрада их надо называть не крестьянами в собственном смысле этого слова, а обладателями парцелл. Но поскольку обладатель парцеллы продает другим свою

---

1) Georges Blondel, «Etudes sur les Populations Rurales de l'Allemagne», Paris 1896, p.p. 239, 241.

2) «Les syndicats agricoles et leur oeuvre», par le Comte de Rocquigny, Paris 1900, p. 392.

3) См. его статью: «Чему нас учит социалистическое движение в Венгрии и Италии» во второй книжке «Вестника Русской Революции».

рабочую силу, постольку он перестает быть самостоятельным производителем и делается пролетарием. И именно по этой причине ему вообще гораздо легче целиком перейти на точку зрения пролетария. Чтобы перейти на нее, ему надо только потерять надежду на улучшение своего положения в качестве собственника микроскопических средств производства и сосредоточить свои усилия на защите своих интересов как продавца рабочей силы. А раз он перешел на точку зрения пролетария, сама логика борьбы рано или поздно приводит его к мысли об устранении капиталистических производственных отношений, т.-е. к социальной революции. Пример венгерских обладателей парцелл [1]) подтверждает это с изумительной ясностью.

В 1890 году в Венгрии считалось 1.440.000 крестьян, участки которых были меньше пяти иохов (иох — полдесятины с небольшим). Но тамошние сельско-хозяйственные условия таковы, что даже десяти иохов недостаточно для прокормления средней крестьянской семьи. Венгерские крестьяне—как мы уже сказали—полупролетарии по своему экономическому положению. Эти полупролетарии арендуют у крупных землевладельцев землю из-за доли урожая или за отработки или же нанимаются на земляные работы, предпринимаемые для регулирования течения рек. Однако условия арендования земли все более изменялись в течение последних десятилетий к невыгоде крестьян. Развитие сельско-хозяйственного капитализма уничтожило старые полупатриархальные отношения между крестьянами и крупными землевладельцами и научило некогда нерасчетливых магнатов расчетливости: отработки становились все тяжелее, а доставававшаяся крестьянам доля урожая постоянно уменьшалась [2]). На этой экономической основе и возникла та, временами очень ожесточенная, борьба классов, которая чрезвычайно сильно содействовала проникновению в крестьянскую среду социалистических учений. Мы видим, что во всем этом пока еще нет ровно ничего, противоречащего нашей «догме». Но главный вопрос заключается в том, какие требования выставляют в своей борьбе венгерские полупролетарии. Характером

---

[1]) Французы называют очень маленькие земельные участки носовыми платками.

[2]) «Zwei Sozial-Demokratische Bauernkongresse»,—«Neue Zeit», 15 Jahrgang, 1 Band, S. 811, sq.

этих требований определяется весь характер их движения. А эти требования были очень определенно формулированы двумя крестьянскими конгрессами, один из которых состоялся 31 января—2 февраля 1897 г. в Будапеште, а другой 14 — 16 февраля того же года в Чегледе.

Будапештский конгресс выставил требования двоякого характера: одни из них касались правового положения венгерского сельско-хозяйственного работника (всеобщее, равное и прямое избирательное право; свобода стачек; свобода передвижения; уничтожение устава о найме прислуги и т. п.); другие относились к условиям продажи работником своей рабочей силы (сокращение рабочего дня; расширение законодательства, охраняющего интересы рабочего, и распространение его на сельское хозяйство; назначение сельско-хозяйственных инспекторов и т. д.). В обоих случаях представители мелкого крестьянства целиком становились на точку зрения пролетариата, и во всем их поведении не было ровнехонько ничего, могущего хоть немного поколебать Марксову «догму». Совершенно наоборот: когда эти представители, заканчивая список своих требований, об'явили себя социалистами, венгерские социал-демократы могли без всяких колебаний и оговорок признать их своими «ортодоксальными» товарищами.

То же приходится сказать и о конгрессе в Чегледе. Хотя некоторые из заседавших там представителей мелкого крестьянства, повидимому, были отчасти заражены анархизмом и даже антисемитизмом [1]), но в своих решениях и этот конгресс показал себя чуждым того мелко-буржуазного социализма, точкой отправления которого является утопическое стремление поддержать мелкую собственность на средства производства. Выставленные этим конгрессом требования имели в виду интересы сельско-хозяйственного рабочего, как пролетария, а не как мелкого собственника. Это хорошо видно из категорического заявления Чегледского конгресса насчет того, что все рецепты, придумываемые для спасения мелкого землевладения, являются пустыми обещаниями, или, в лучшем случае, бессильными паллиативами. Конгресс об'явил себя солидарным с социал-демократией именно потому, что убедился в невозмож-

[1]) «Von der Bauernbewegung in Ungarn»,—«Neue Zeit», 16 Jahrgang, Band, S. 691.

ности остановить упадок мелкого землевладения [1]). В качестве закоренелого «догматика», пишущий эти строки очень хотел бы, чтобы защищаемая им «догма» почаще опровергалась так, как опровергли ее мелкие крестьяне Венгрии на Будапештском и Чегледском конгрессах.

Впрочем, зачем ограничиваться этими двумя конгрессами? Все последующее движение венгерских крестьян совершилось именно в том направлении, которое так ясно обозначилось в Будапеште и Чегледе. И неудивительно, что на своих позднейших конгрессах они сумели сохранить точку зрения пролетариев. Для примера укажем на второй Будапештский конгресс (25 — 27 декабря 1897 г.) и на конгресс южно-венгерских крестьян и сельско-хозяйственных рабочих в Темешваре (в январе 1898 г.) [2]).

Если, несмотря на все эти совершенно неоспоримые факты, г. Ю. Гарденин все-таки пытается сконфузить русских марксистов ссылками на Венгрию, то нам остается предположить одно из двух: или этот развязный сочинитель не понимает ни того, что он оспаривает, ни того, на что ссылается, или рассчитывает на легковерие своих читателей. Какое бы из этих двух предположений ни было ближе к истине, несомненно то, что его статья посрамляет его самого, а вовсе не сторонников Марксовой «догмы».

IV

Пролетариат и крестьянство «на Западе»

(Продолжение)

Теперь перенесемся в Италию и посмотрим, как обстоит дело с движением тамошнего крестьянства.

Из очень известной книги Наполеона Колаяни мы узнаем (стр. 19), что «официальной» программой сицилийских рабочих союзов служит «программа итальянских рабочих, программа Мар-

[1]) Paul Engelmann, l. c., S. 817.

[2]) «Von der Bauernbewegung in Ungarn», S. 691.

Заметим, однако, что на втором Будапештском конгрессе большинство представителей состояло из безземельных сельско-хозяйственных поденщиков

ксовой школы» [1]). Надеемся, что это обстоятельство даже расторопным г. Ю. Гарденину не может быть использовано, как довод п р о т и в марксизма. Но ведь тут говорится об официальной программе: ясно, что, по мнению Колаяни, есть еще какая-то другая программа, не признанная вожаками движения, но зато, может быть, более соответствующая взглядам и стремлениям сицилийского крестьянства. Каково же содержание э т о й программы? Колаяни характеризует ее словами некоего Энея Кавальери, который говорит, что в сущности сицилийские Fasci являются «обществами сопротивления» вроде английских трэд-юнионов (стр. 21). Но что же такое английский трэд-юнион? Это — организация, имеющая целью улучшить положение рабочего, как продавца рабочей силы. Если рабочие, принадлежащие к такой организации, не идут в своих стремлениях дальше этой цели, то они тем самым показывают, что ими еще не сознается истинное положение их класса и определяемая этим положением революционная общественная задача. Таких рабочих можно и должно признать людьми ограниченными; но и этим ограниченным людям не следует приписывать таких стремлений, каких они вовсе не имеют: нельзя выставлять их защитниками мелкого производства. «Чистый трэд-юнионист» стоит на пролетарской точке зрения, хотя по свойственной ему близорукости он и не способен охватить своим взглядом всю открывающуюся оттуда величественную перспективу. Следовательно, даже если Колаяни прав; если «официальная» марксистская программа признавалась только вожаками сицилийских союзов, между тем как масса не шла дальше своеобразного трэд-юнионизма, то и тогда наша «догма» остается незыблемой; и тогда мы сохраняем полное право повторить, что в нынешнем обществе движение земледельцев может быть прогрессивным только в том случае, если они покидают точку зрения мелких собственников и переходят на точку зрения пролетариев.

Вообще необходимо помнить, что сицилийское движение может быть названо крестьянским только с большими оговорками. За исключением небольшой береговой полосы, которая идет от Марсалы через Палермо и Мессину до Катании и от Катании до Этны и в которой преобладает мелкая поземельная собственность

[1]) «Il programma della scuola marxista».

и половничество, на всем остальном пространстве «благодатного острова» господствует крупное землевладение, а земледельцы являются настоящими пролетариями [1]). Заметьте еще, что в области, отличающейся преобладанием половничества и мелкой собственности, союзы были распространены гораздо менее, чем в пролетарских местностях (Там же, стр. 59). Это интересное явление, кажется, говорит тоже не против марксизма; вероятно, по этой причине г. Гарденин и не счел нужным довести о нем до сведения своих читателей.

Так называемое крестьянское движение на итальянском полуострове тоже в весьма значительной степени имеет чисто пролетарский характер: союзы крестьян и там чаще всего являются обществами сопротивления, стремящимися обеспечить сельско-хозяйственному рабочему возможно более выгодные условия продажи его рабочей силы. В доказательство сошлемся на брошюру Иваное Бономи и Карло Веццани [2]) и на брошюру Джиованни Монтемартини [3]). «Крестьянские» союзы всего чаще и называются союзами «для улучшения» (условий найма) [4]).

Обо всем этом г. Ю. Гарденин хранит в своей статье самое глубокое молчание, а редакция «Вестника Русской Революции» тоже не находит нужным сказать по этому поводу хотя бы одно маленькое словечко. Молчаливость доходит у них в этом случае до курьеза, который не мешает отметить.

Желая пристыдить нас той «позицией», которую «заняли в аграрном вопросе» итальянские социалисты, г. Ю. Гарденин указывает на решение, принятое Болонским конгрессом сельских рабочих, состоявшимся в конце 1901 года. Вот какой вид принимает у него это решение:

«Принимая во внимание, что, несмотря на очевидные различия, разделяющие земледельческих работников,—трудящихся за плату, трудящихся из доли урожая, мелких арендаторов и мелких крестьян собственников, — все земледельческие работники подвергаются одинаковой эксплоатации как со стороны частных лиц, так и со стороны государства.

---

[1]) Colajani, «Gli Avvenimenti», p.p. 58—65.

[2]) «Il movimento proletario nil mantovano», Milano 1901.

[3]) «Le leghe di miglioramento fra i contadini nell'oltrepo paese».

[4]) «Le leghe di miglioramento».

«Принимая во внимание, что только деятельность всех эксплоатируемых, основанная на гуманистическом и цивилизующем принципе солидарности, может обеспечить делу морального, политического и хозяйственного освобождения трудящегося класса достаточную силу и вес,—

«Конгресс сельских работников высказывается за необходимость об'единить в одном национальном союзе все кооперативные и профессиональные товарищества: именно, организации тех работников, которые охватывают на основе классовой борьбы совокупность следующих трудящихся классов: сельских батраков и чернорабочих, издольщиков, мелких арендаторов и крестьян, если последние самолично обрабатывают свою собственную или арендованную землю» [1]).

Тут на первый взгляд кажется, что «позиция» итальянских социалистов резко расходится с «позицией» марксистов: мелкие производители должны быть об'единены в одном союзе с пролетариями. Но так кажется только на первый взгляд.

Во-первых, г. Гарденин привел не полный текст решения Болонского конгресса. В полном тексте находятся еще след., очень важные строки: «что касается мелких арендаторов, издольщиков и собственников, то их прием в отдельные организации сельскохозяйственных рабочих должен зависеть от того, насколько они заинтересованы в тех улучшениях, которых эти организации добиваются» [2]).

На самом деле выходит, стало быть, так: существуют организации для защиты интересов сельско-хозяйственных работников, как продавцов рабочей силы; и в эти организации принимаются не только сельские пролетарии, но также и мелкие арендаторы, издольщики и собственники, поскольку они заинтересованы в борьбе этих организаций, т.-е. поскольку им самим приходится продавать свою силу. Это совершенно естественно и необходимо. Но те лица, т.-е. докладчики Болонского конгресса, которые предложили это решение, отнюдь не смешивали понятия: мелкий крестьянин с

[1]) «Вестник Русской Революции», кн. 2, стр. 207—208.

[2]) «Quanto ai piccoli fittavoli, mezzadrie proprietori, la loro accetazione nelle singole organizzazioni dei lavarotori della terra deve essere subordinata alfatto che essi siano interessati al miglioramento di quelle categorie cui le dette organizzazioni si riferiscono». «Avanti», 26/XI 1901.

понятием: пролетарий. Если бы они были повинны в таком смешении, то они не сделали бы оговорки, приведенной нами и опущенной г. Гарденияым по свойственной ему молчаливости;они не сказали бы, что мелкие собственники и пр. принимаются лишь постольку и т. д.

Во-вторых, дополнение, предложенное Гатти и принятое громаднейшим большинством конгресса, предписывает, чтобы потребительные организации мелких собственников действовали по возможности солидарно с организациями сельско-хозяйственных работников, но отдельно от них [1]). Это дополнение, о котором ни г. Гарденин, ни редакция «Вестника Р. Р.» тоже не сказали ни одного слова, с полной ясностью показывает, что итальянские социалисты очень хорошо понимают, как велика разница между пролетариями, с одной стороны, и мелкими крестьянами — с другой.

До какой степени ясно они понимают это, — видно из происходивших на Болонском конгрессе прений. Во время этих прений Энрико Ферри — вождь левого крыла итальянских социалистов — прямо требовал, чтобы мелких собственников совсем не принимали в рабочие организации, а Филиппо Турати—вождь правого крыла—хотя и восстал против этого требования, но единственно потому, что, по его словам, мелкий собственник — наполовину рыба, наполовину птица, что иногда в нем преобладает один характер, а иногда — другой и что в каждом данном случае преобладание того или другого характера зависит от местных условий [2]). Принятое конгрессом решение ближе к «позиции» Турати. Но эта «позиция» вполне согласна с нашей «догмой». Основная мысль хотя бы наших статей о пролетариате и крестьянстве на Западе именно к тому и сводится, что сельско-хозяйственный производитель представляет собою «рыбу», пока имеющиеся у него средства производства обеспечивают ему экономическую самостоятельность, и становится отчасти «птицей», когда оказывается вынужденным время от времени продавать свою рабочую силу. И тогда в нем преобладает то характер «рыбы», то характер «птицы», смотря по тому, в какой мере он производит самостоятельно и в какой мере ему приходится работать по найму. Кто понял это, тот никогда не скажет — как это говорят наши так называющиеся социалисты-революцио-

[1]) «Avanti», No. di 25/XI 1901.

[2]) «Ma in sezione separata da essi».

неры,—что мелкий крестьянин и пролетарий принадлежат к одному общественному классу. А именно это и «требуется доказать».

Партия, старающаяся отождествить мелкого производителя с пролетарием, есть партия, мешающая пролетариату отделить свою «позицию» от «позиции» мелкой буржуазии. А мешать пролетариату сделать это — значит работать на пользу мелких буржуа и во вред рабочему классу. Поэтому... но вывод ясен даже и для тех, которые были удивлены тем, что «Искра» назвала наших «соц.-революционеров» мелко-буржуазной партией.

V

Пролетариат и крестьянство «на Западе»

(Окончание)

Оппортунисты западно-европейского социализма, так называемые критики Маркса, много пишут и говорят теперь о сельско-хозяйственной кооперации. Они видят в ней путь, по которому сельское население может притти к социализму, миновав капиталистическую фазу. В глазах некоторых из них этот путь имеет то преимущество, что, выступив на него, сельское население избежит не только капитализма, но также и классовой борьбы, которая с успехом будет заменена союзом классов[1]). Эта неожиданная для нас перспектива настолько интересна, что мы считаем не лишним остановиться на вопросе о названной кооперации.

Известно, что между сельскими товариществами первое место по численности и по величине оборотов почти везде занимают кредитные товарищества. Так, например, из 15.054 товариществ, числившихся в Германии к 1 июля 1901 г., было:

Кредитных	10.487
Товариществ для совместной закупки	1.294
Молочных товариществ	2.047
Прочих	1.206

[1]) См. «Die moderne Agrarfrage» von Dr. A. Nossig, Berlin—Bern 1902 стр. 480 и многие другие.

Обороты германских кредитных товариществ равняются приблизительно 1.750.000.000 марок. У русского читателя, сочувствующего всякого рода «ассоциациям» и знающего, как плохо идет их дело в нашем отечестве, при виде этой цифры может произойти даже легкое головокружение. Ее во всяком случае нельзя не признать весьма почтенной. Но каковы могут быть экономические последствия развития кредитных товариществ в деревне?

Товарищества этого рода очень облегчают крестьянину дело совершения займов, без которых ему часто совсем нельзя обойтись в своем хозяйстве. Нуждой крестьянина в деньгах часто пользуется ростовщик, выжимающий из него последние соки. Деревенское ростовщичество представляет собою далеко не новое явление. Напротив,—по замечанию Маркса,—ростовщический капитал принадлежит, вместе со своим близнецом — торговым капиталом, к допотопным формам капитала, возникающим задолго до появления капиталистического способа производства и встречающимся в различных экономических формациях [1]). Но эта старинная форма отличается чрезвычайной живучестью. Исследование, сделанное в 1887 году по почину «Союза для социальной политики», показало, что ростовщик очень хорошо чувствовал себя даже в современной германской деревне. Мы не думаем, конечно, что теперь его царство в немецкой деревне окончилось; но мы полагаем, что его власть была поколеблена распространением сельских кредитных товариществ. И чем больше станет возникать таких товариществ, тем легче будет немецкому крестьянину избегать сетей ростовщика. В этом смысле значение кредитных товариществ очень плодотворно. Но это их плодотворное значение вовсе не делает из них моста, по которому крестьяне могли бы перейти в социализм, минуя капиталистические отношения производства.

Как влияет ростовщический капитал на экономику деревни? Он задерживает ее развитие. Он разоряет и порабощает себе производителей, но он не изменяет способа производства. Этот способ остается неизменным; влияние ростовщика сказывается лишь в том, что производствен-

[1]) «Das Kapital», III, 2, 132.

ный процесс совершается при условиях, все менее и менее благоприятных для производителей. Поэтому устранить ростовщика из деревни значит открыть для нее путь экономического развития. А открыть для нее этот путь не значит помешать вторжению в нее капитализма. Наоборот, чем скорее пойдет она по этому пути, тем скорее разовьются в ней капиталистические отношения. Устранение допотопной формы капитала приведет к расцвету его новейшей формы.

Мы видим отсюда, что сельские кредитные товарищества не способны содействовать появлению тех «ячеек», из которых — по словам «критиков» — сложится социалистическое общество. Если они приведут к социализму, то не иначе, как через капитализм и путем борьбы классов. Пойдем далее.

Во многих государствах Западной Европы начинают играть довольно значительную роль товарищества для закупки необходимых земледельцу материалов и орудий, а также для сбыта продуктов земледелия. В Германии общая сумма оборота таких товариществ доходила в 1900 году до 100 миллионов. Это, конечно, далеко не то, что мы видели в кредитных товариществах, но и это — уже не маленькая цифра. Надо заметить еще, что в будущем этим товариществам, очевидно, предстоит еще очень широкое развитие. «Близнецы» ростовщиков — торговцы, интересам которых угрожают эти товарищества, уже теперь приходят по их поводу в большое волнение и стараются остановить их успехи. Торговцы по-своему совершенно правы. Этот вид товариществ может нанести значительный ущерб интересам торгового капитала, значительно ограничив область его приложения [1]). Но и ограничение области приложения торгового капитала не равносильно устранению капитализма. Совсем нет. Лишая посредников той роли, которую они играли до сих пор в сношениях между производителями указанных выше предметов и их потребителями, кооперация содействует уменьшению численности среднего класса и тем самым расширяет пропасть между крупной буржуазией, с одной стороны, и пролетариатом — с другой. Правда, исчезновение

[1]) См. интересную книгу Эли Купе: «Le mouvement syndical et coopératif dans l'agriculture française», Montpellier 1898.

посредников-торговцев может быть возмещено ростом благосостояния некоторой части крестьянства, которая перейдет в ряды средней буржуазии. Но такой переход будет означать слоение крестьянской массы, которое подготовляет проникновение в деревню капиталистических отношений производства и связанной с ними борьбы классов, а это вряд ли может быть признано надежным путем избежания капитализма и классовой борьбы.

К этому надо прибавить, что в товарищества рассматриваемого вида соединяются и могут соединяться исключительно самостоятельные производители. Наемному труду в них нечего делать, и потому сельские батраки не принимают в них никакого участия. Э. Купе совершенно справедливо замечает, что солидарность, связывающая их членов друг с другом, есть солидарность собственников, и что такая солидарность не представляет собою чего-либо свойственного одному земледельческому населению: она не менее часто встречается и в промышленности[1]).

Значит, мы здесь вынуждены сделать вывод, уже сделанный нами выше: если кооперативные товарищества приведут деревню к социализму, то они сделают это не иначе, как ускорив ее переход через капитализм.

А производительные товарищества? Говоря о них, надо прежде всего помнить, что собственно в земледелии они в настоящее время чрезвычайно редки, вследствие чего даже самые убежденные сторонники «кооперативного принципа» не возлагают на них почти никаких надежд или даже относятся к ним совершенно отрицательно[2]). Несравненно большее значение имеют товарищества для обработки тех или дру-

[1]) Назв. соч., стр. 60.

[2]) Так, Давид в своей недавно вышедшей книге «Sozialismus und Landwirtschaft» высказывает (стр. 700) ту мысль, что, даже добившись политической власти, социал-демократия не должна была брать на себя организацию собственно земледельческих товариществ. По отношению к земледелию в собственном смысле слова Давид оказывается чистейшим индивидуалистом. Труден только первый шаг. Посмотрим, остановится ли на нем этот «критик» Маркса.

гих продуктов земледелия или скотоводства, например, сыроварни, молочные, маслодельные заводы, мельницы, булочные, винокурни и т. п. Предприятия этого рода, без сомнения, приносят своим участникам подчас очень значительные выгоды, но никаких «ячеек» социалистического общества они собою не представляют по той простой причине, что путь к капитализму расчищается ими еще решительнее, чем другими видами деревенской кооперации.

Чтобы убедиться в том, нам нет надобности отправляться на «Запад»: достаточно взглянуть на русские артельные сыроварни и маслодельни. Вот наглядный пример.

В 1896 г. в селе Алсуфьеве, Вологодской губ., образовалась маслодельня, в которой приняло участие 53 лица, владеющих 250 коровами. В числе тех лиц было 4 землевладельца с 124 коровами, 2 священника и 2 псаломщика с 15 коровами и 45 крестьян из 10 сел, окружающих Алсуфьево, со 111 коровами [1]). Если дела маслодельни шли хорошо, то крестьяне, принявшие в ней участие, наверно, живут теперь много лучше, чем жили прежде. Но ведь они и прежде не принадлежали к деревенской бедноте: у каждого из них в среднем было почти по 2½ коровы. И если эти крестьяне живут теперь много лучше, чем прежде, то расстояние, отделявшее их от деревенской бедноты, значительно увеличилось. А это и есть то слоение сельского населения, которое так сильно способствует развитию сельско-хозяйственного капитализма. И не надо думать, что Алсуфьевская артель представляет собою что-либо исключительное. Нет, в рассматриваемом отношении она как нельзя больше похожа на все прочие артельные предприятия не только в России, но и за границей. Вот опять пример. В 1891 году в Винциге, в Силезии, образовалась мукомольно-хлебопекарное товарищество: в него вошло 23 домохозяина с капиталом в 85 тыс. марок. Это составляет в среднем на каждого товарища довольно круглую сумму, имеющуюся далеко не у каждого крестьянина. В Винцигскую артель вошла, стало быть, только местная крестьянская «аристократия». Если ее дела шли хорошо, то эта «аристократия» стала еще больше

[1]) П. Пахомов, «Очерк современного состояния молочного хозяйства в России», Москва 1900, стр. 22.

отличаться по своей зажиточности от своих односельчан, чем это было до основания товарищества. А ее дела шли так хорошо, что мукомольно-хлебопекарные товарищества начали возникать и в других местностях Силезии. В 1893 году подобная же «артель» образовалась, например, в Гурау. В этой артели числилось 60 домохозяев различной степени зажиточности. На оборудование своего предприятия она употребила в дело 155.101 марку [1]). Это опять составило настолько кругленький капиталец, что деревенской «демократии» вряд ли можно было думать об участии в «артели». Если предприятие принесло выгоду, то оно увеличило неравенство между жителями Гурау. А это, — как мы уже знаем, — новый шаг для развития там капитализма.

Но этого мало. Артели этого рода в огромнейшем большинстве случаев «работают» наемными руками, что уже прямо превращает их в капиталистические предприятия. Для примера укажем на голландские товарищества для обработки молочных продуктов.

Первоначально эти продукты обрабатывались в Голландии капиталистами sans phrases. Но скоро крестьяне увидели, какие большие выгоды приносит это дело, и стали заводить артельные маслодельни. Первая артельная маслодельня появилась в 1887 г в Варге, а 1 января 1900 года таких маслоделен считалось уже 68, число же их участников было более 400. Дела их идут очень хорошо, и приносимые ими выгоды служат крестьянам значительным подспорьем в хозяйстве. Таким образом можно, повидимому, сказать, что в области обработки молока голландский капитализм встретил победоносного соперника в лице крестьянских артелей. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что крестьянские маслодельни сами эксплоатируют наемный труд и потому сами должны быть отнесены в разряд капиталистических предприятий.

По словам Кальсбеека, товарищество имеет в глазах крестьянина лишь то преимущество, что направляет в его карман прибыль, прежде попадавшую в руки капиталиста. «Крестьянин вступает в товарищество, чтобы получить как можно больше за свой

[2]) «Die geschichtliche Entwickelung des landwirtschaftlichen Genossenschaftswesens in Deutschland», von Dr. F. Müller, Leipzig 1901, S. 449.

товар. Его предприятие имеет чисто капиталистический характер. Его собственные интересы враждебно противостоят там интересам рабочего; он стремится к тому, чтобы за возможно меньшую плату получить как можно больше труда, и в борьбе классов играет роль капиталиста, обладателя средств производства» [1]). Выходит, что в капиталистическом обществе нельзя отбояриться от капитала: гони его в дверь,—он влетит в окно.

Заметим, наконец, что и внутри товариществ капитал умеет находить себе место и отстаивать свое «право». Вандервельд рассказывает, что, посетив один из наиболее процветающих артельных заводов Западной Фландрии, он застал там следующее положение дел: «Основанное в 1880 г., это товарищество считает теперь 465 членов, принадлежащих к самым различным слоям деревенского населения: тут есть и рабочие, имеющие по 1 корове, и мелкие крестьяне, имеющие их по две и по три штуки, и крупные фермеры, имеющие их до 50 штук. Капитал, взятый взаймы у богатого землевладельца той же деревни, давно уже выплачен. В общем собрании участвуют все члены товарищества; ими выбирается распорядительный совет; повидимому, мы находимся здесь в царстве полнейшей демократии, и, однако, на самом деле зависимость земледельцев от крупных землевладельцев так велика, так безусловна, что никто из них не осмелился бы возвысить голос и воспользоваться теми правами, которые даются ему буквой устава; всем делом управляет—весьма, впрочем, ловко—его основатель» [2]).

И это вовсе не исключение. Вандервельд прибавляет, что в товариществах, не обладающих собственным капиталом, неимущие члены еще более порабощены капиталистами [3]). «А собственного капитала не имеют все те товарищества, которые ведут крупное дело и употребляют дорогие машины. Конечно, пока дело идет о маленьких молочных, в которых нет машин, крестьяне могут довольно легко собрать между собою необходимый капитал или занять его в местном товариществе, но теперь все более и более

[1]) «Die genossenschaftlichen Molkereien in Holland und ihre Arbeiter», — «Neue Zeit», от 18 октября 1902 г., стр. 91.

[2]) «Essai sur la question agraire en Belgique», Paris 1903, p.p. 177—178. Основатель и есть местный крупный землевладелец.

[3]) Вандервельд, там же, стр. 178.

становится очевидным, что крупные молочные, применяющие паровые машины, во всех отношениях выгоднее мелких... Для основания паровой молочной необходим довольно значительный капитал: по крайней мере, 30 или 40 тысяч франков. Поэтому часто, — чтобы не сказать всегда, — случается, что этот капитал ссужает какой-нибудь денежный человек—землевладелец или крупный фермер, которому принадлежит, по договору или в силу вещей, верховное господство над всем предприятием, и которому достается также, под видом процентов, большая часть прибыли» [1]).

Предприятия, заводимые будто бы для борьбы с капиталом, создают широкое поприще для его подвигов. И капитал спешит устремиться на это новое для него поприще. В марте 1900 года под фирмой—«Центральная контора крупных бельгийских молочных», в Бельгии было основано анонимное общество, главной целью которого является именно ссуда денег «кооперативным предприятиям». Значение этого шага было так ясно, что организованное бельгийское крестьянство пришло в волнение. Льевенский «Крестьянский союз» постановил, что кооператоры не должны входить ни в какие сношения с названной конторой. Но это не помешало ее успехам. «И уже теперь можно предвидеть, — замечает Вандервельд, — что при первом же кризисе множество мелких молочных, работающих с недостаточным капиталом, исчезнет, уступив место паровым молочным, которые, очевидно, превосходят их и в техническом, и в коммерческом отношении» [2]).

А между тем в молочном хозяйстве дело бельгийских кооперативных товариществ обстоит все-таки лучше, чем в других отраслях обработки сельско-хозяйственных продуктов. Если для устройства паровой молочной нужны, по крайней мере, 30 или 40 тысяч франков, то для устройства хорошо оборудованного сахарного завода необходимо иметь не менее 800 тысяч. Поэтому мы видим, что хотя сахарные заводы и носят иногда кооперативную этикетку, но в сущности они имеют чисто капиталистический характер [3]). То же приходится сказать и о вино-

[1]) Там же, стр. 179.
[2]) Там же, стр. 179.
[3]) Ср. там же, стр. 189.

курнях, пивоварнях и т. п. Ввиду всего этого Вандервельд, который еще несколько лет тому назад, — именно в реферате, озаглавленном: «Золотая свадьба научного социализма», — высказывал к великой радости наших народников то убеждение, что сельско-хозяйственная кооперация позволит деревне миновать капиталистическую фазу, теперь пришел к противоположному взгляду. В настоящее время он убежден, что сельско-хозяйственные товарищества, размножающиеся в бельгийской деревне, «или будут прозябать в зачаточных формах, или, приобретая более важное значение, будут вместе с тем все более и более приобретать капиталистический характер» [1]). Это как раз то, что говорим мы, «фанатические» сторонники «Марксовой догмы».

Правда, Вандервельд думает, что судьба сельско-хозяйственных товариществ для производства и продажи продуктов могла бы быть иная, если бы они были прочно соединены с обширными товариществами потребителей. Он указывает на некоторые молочные бельгийских крестьян-социалистов, сбывающие свои продукты потребительным товариществам городских рабочих и потому имеющие обеспеченное существование. Но, во-первых, и здесь «перспективы будущего» кажутся ему довольно ограниченными [2]). А, во-вторых,—и это всего важнее, — здесь вопрос о возможной роли сельско-хозяйственной кооперации получает совершенно другое содержание.

Что потребительные товарищества при известных условиях могут оказать значительные услуги делу освободительной борьбы пролетариата, это убедительно доказано примером Бельгии, и на этот счет теперь бесполезно распространяться. Что организованная партия пролетариата может, — опять-таки при наличности известных условий, — привлечь к себе более или менее значительную часть мелкого крестьянства, ни на минуту не покидая при этом своей классовой точки зрения, в этом тоже невозможно сомневаться. Наконец, что организованная партия пролетариата может, в своем воздействии на крестьянство, опираться, между прочим, и на свои потребительные товарищества, это мы допускаем

[1]) Там же, стр. 194.

[2]) Там же, та же страница.

без малейшего колебания. Но все это доказывает только то, что пролетарий, выброшенный из деревни в качестве обнищавшего члена общины, может и должен вернуться в нее социал-демократическим агитатором. А это мы знаем, по крайней мере, со времени появления выработанного группой «Освобождение Труда» проекта программы русской соц.-демократии. И когда наши противники указывают на сельско-хозяйственную кооперацию, как на новый путь, по которому деревня может притти к социализму, не испытывая неприятностей классовой борьбы, они имеют в виду вовсе не эти товарищества крестьян, целиком зависящие от пролетарской поддержки. Они утверждают, что собственная внутренняя логика деревенской кооперации приведет крестьянина к социализму. И тут они жестоко ошибаются: эта логика ведет к капитализму.

Нам полезно будет запомнить этот вывод. Он поможет нам разобрать программу русских социалистов-реакционеров, которые возлагают на сельско-хозяйственную кооперацию такие же огромные и такие же неосновательные надежды, какие связаны с нею у их родных братьев, оппортунистов западно-европейского социализма.

Еще о Ростовской стачке

«Революционная Россия», которая находит, что непозволительно пользоваться ростовскими событиями, как предлогом для сведения счетов между разными фракциями нашей революционной партии, не устояла, однако, перед искушением кинуть, по поводу этих событий, несколько камешков в огород русской социал-демократии. Она поместила корреспонденцию, изображающую действия нашего Донского Комитета в совершенно ложном свете, а в передовой статье преподнесла читателям длинное рассуждение о том, как не следует поступать во время движений, подобных ростовскому. Из этого рассуждения безо всяких «счетов» как бы само собою выходит, что не следует поступать именно так, как поступал наш Донской Комитет... если верить г. корреспонденту.

Вот посмотрите сами. Корреспондент «Р. Р.» утверждает, что Донской Комитет в своей агитации не выходил из рамок чисто экономических вопросов; с своей стороны, автор передовой статьи, совершенно позабыв все «минутные расчеты междуфракционной политики», а просто желая об'яснить, какую тактику рекомендовали бы его единомышленники, пишет: «Для тысячных толп рабочих из'езженная колея мирной, «чисто экономической» стачки теперь слишком узка, и если ее не покидают сами рабочие,—является полиция, являются войска и выгоняют их силою из этой колеи». Корреспондент повествует о том, что на одной из сходок Комитет старался «сдерживать рабочих, водворить полное спокойствие и хладнокровие», между тем как настроение участников сходки «сильно подымалось, искало выхода в чем-нибудь активном»; автор передовой статьи, отнюдь не желая намекать на кого бы то ни было, а так себе, вообще, подпевает: «Говорить рабочей массе: веди себя смирно и спокойно, но стойко, бастуй, пока не уважены твои требования, сим победишь! — теперь не приходится». Кор-

респондент очень недоволен тем, что наш Комитет не повел рабочих в город на демонстрацию; автор передовой статьи «Рев. России» очень кстати высказывает такую общую мысль: «Положение вовсе не таково, чтобы нам представлялось на выбор — или мирная, спокойная стачка, или бурная, сопровождаемая столкновением демонстрация». Видите, как удивительно тонко выходит! Автор передовой статьи не порицает никого из действовавших в Ростове. Он просто высказывает свое мнение о том, как надо пользоваться событиями вроде ростовских, и как воспользовались бы ими соц.-рев. А корреспондент описывает, как повели дело ростовские соц.-дем., и каждую, вообще высказанную мысль передовой статьи подтверждает примером того или другого тактического промаха Донского Комитета. И подтверждает совсем неумышленно. Помилуйте! Он тоже чужд «минутных расчетов междуфракционной распри». Тут не более как совпадение, полная гармония между тем, что описывает один, и тем, что думает вслух другой. И эта гармония так поражает читателя, так настраивает его против соц.-дем. и в пользу их противников, что он восклицает: «Жаль, очень жаль, что влияние Д. К. на рабочих было так сильно! Досадно, очень досадно, что соц.-рев. блистали своим отсутствием именно там, где они были так нужны!» И расстроенный читатель отдыхает душой только тогда, когда прочитывает следующие успокоительные строки: «Придавая весьма важное значение экономической борьбе пролетариата и принимая на себя руководство этой борьбой, мы нравственно обязаны не раскрывать перед рабочими обманчивых, слишком радужно окрашенных перспектив». «Р. Р.» не только придает важное значение экономической борьбе пролетариата, но и «принимает на себя руководство» ею. Какое счастье! Теперь все пойдет хорошо!

Плохо только то, что описание ростовских событий, сделанное корреспондентом «Р. Р.», не соответствует истине, а потому указанная нами отрадная и поучительная гармония приобретает такой вид, как будто она была предустановлена — и предустановлена не при сотворении мира, а совсем, совсем недавно, почти на-днях, и не в силу тех общих метафизических причин, которым обязана своим происхождением гармония, открытая Лейбницем, а именно ради «минутных расчетов междуфракционной политики». А потому и впечатление, производимое ею, получает со-

всем другой и вовсе не «радужный» характер. Кто знает, как в самом деле агитировал наш Донской Комитет, тот ясно видит, что публицисты «Р. Р.» больше руководствуются «минутными расчетами междуфракционной политики» именно тогда, когда они закатывают глаза вверх, бьют себя в перси и кричат, что они не думают ни о чем, кроме истины. «Р. Р.» выразила однажды резкое отвращение к полемике à la Буренин. Мы понимаем ее. Она предпочитает полемизировать в духе одного из славных представителей славного рода Головлевых...

Правдолюбивый и хорошо осведомленный корреспондент «Рев. Рос.» сообщает, что Донской Комитет «поспешил вмешаться» в стачку, когда она уже началась без его ведома. Это не верно. Не говоря уже о том, что стачке предшествовали многочисленные прокламации Комитета, призывавшие рабочих к борьбе с их эксплоататорами, надо заметить, что едва заволновались рабочие котельного цеха, Комитет тотчас же был извещен об этом своим человеком и немедленно принялся агитировать в пользу забастовки во всех мастерских. Если его агитация не осталась безуспешной, то этим он обязан был организованным рабочим, которые находились с ним в беспрерывных сношениях. Так ли ведут себя люди, «идущие в хвосте событий»? Совсем не так. Но какое дело до всего этого корреспонденту «Р. Р.»? Какое дело до всего этого ее редакции? Как бы ни вел себя наш Донской Комитет; как бы ни были трудны те условия, при которых происходила его многолетняя, упорная и плодотворная работа, в глазах «товарищей» из лагеря так называющихся социалистов-революционеров он всегда будет виновен уже одним тем, что носит название соц.-демократического Комитета. Соц.-демократы всегда идут «во хвосте событий»; они всегда преисполнены «квиетизма». Это известно всем беззубым старушкам русской легальной и нелегальной литературы.

«Правда, в Ростове не было Комитета нашей партии, — рассказывает автор передовой статьи;—но были там, как и везде, элементы, тяготеющие ко взглядам и методу действий, которым теперь обычно присваивается имя «социал-революционных». Там даже образовался было небольшой кружок, попытавшийся самостоятельно вмешаться в стачку и выпустивший прокламацию за подписью «группы соц.-революционеров». Как ни была мимолетна эта

попытка, но и в ней обнаружилась одна характерная особенность всех людей и кружков, тяготеющих — несмотря на те или иные индивидуальные оттенки—к социально-революционным течениям».

Во всей этой тираде несомненно только то, что «элементы» симпатичные «Р. Р.» не имели никаких связей в ростовской рабочей среде, ничего в ней не делали и никакого влияния на нее не имели. Стало быть, знать о том, когда, что и как делалось и делается в этой среде, они в лучшем случае могли только «с пятого на десятое». А отсюда следует, что если редакция «Рев. Рос.» хотела дать своим читателям достоверные сведения о событиях в Ростове, то ей надо было внимательно относиться к показаниям существовавшей там серьезной революционной организации, т.-е. организации все тех же социал-демократов. Это представляется тем более обязательным, что, по собственному признанию собственного корреспондента «Рев. Рос.», все ораторы, выступавшие перед стачечниками, по крайней мере со вторника пятого ноября, должны были заручиться полномочием от нашего Комитета: так велико было его влияние! Но уже знакомая нам предустановленная гармония и нетерпеливая, хотя и великодушная, готовность «принять на себя» руководство экономической и всякой другой борьбой пролетариата заставляет «Рев. Рос.» поступать иначе. Вот яркий пример. О прокламации соц.-революционеров в приведенной нами тираде говорится, очевидно, со слов корреспондента, который пишет, что на сходке стачечников 5 ноября «была разбросана среди рабочих гектографированная прокламация за подписью группы соц.-рев.». Но на сходке 5 ноября не было разбросано никакой прокламации, кроме той, которую написало от имени нашего Комитета, но без его согласия, лицо, обозначенное в корреспонденции буквой Х. Эту прокламацию стачечники разорвали, даже не дав себе труда прочесть ее, потому что на ней не было так хорошо известной им печати Донского Комитета. Именно этот факт и убедил лицо, обозначенное буквой Х, в том, что ему следует выступить не иначе, как по соглашению с Комитетом [1]). Очевидец, корреспондент «Рев. Рос.» изобразил все это дело совершенно неверно,—грех, тысячи раз слу-

[1]) Заметим кстати, что Х. может быть заподозрен в симпатии к соц.-рев. разве только потому, что он слегка сочувствовал Эд. Бернштейну. Других указаний на эту симпатию не имеется.

чавшийся с тысячью других корреспондентов-очевидцев. Желая поправить ошибку корреспондента, один из членов Комитета написал в «Р. Р.» письмо, изображавшее инцидент с прокламацией в его истинном свете. Но эта поправка разрушала предустановленную гармонию, и потому явилась незваным гостем, который, как известно, хуже татарина. Редакция напечатала по ее поводу, на последней странице, мелким шрифтом, лишь следующую двусмысленную заметку: «Нами получено письмо за подписью: член Донского Комитета, Амвросий. Г. Амвросий заявляет, что гектографированная прокламация, носившая, по словам нашего корреспондента, подпись «Группа социалистов-революционеров», была подписана: «Донской Комитет». Наш корреспондент настаивает на правильности своего сообщения». Очень хорошо! «Корреспондент настаивает». Но желательно было бы знать, что думает об его настойчивости сама редакция и «настаивает» ли она, в свою очередь, «на правильности» того места передовой статьи № 15, где о небывалой прокламации группы соц.-рев. говорится как раз то, что сообщил о ней настойчивый корреспондент. К сожалению, о сем редакция умалчивает. «Обычно» крайне многоречивая, она вдруг стала чрезвычайно скупа на слова. Оно и понятно. Письмо товарища Амвросия противоречило «минутным расчетам междуфракционной политики», так что смущенной редакции оставалось только умыть руки, подобно Понтию Пилату. И она совершила этот обряд с большим искусством в одной из самых задних комнат своего обширного помещения. А на переднем фоне, на глазах у большой публики, осталось все то же показание корреспондента. И все та же предустановленная гармония, заставляющая читателя терпеливо ждать того счастливого времени, когда «Р. Р.» и ее единомышленники в самом деле, а не только в бессильной мечте, примут на себя руководство борьбой пролетариата.

Очень хорошо. Но эта очень хорошая история имеет свою мораль, на которой не мешает остановиться.

Редакция «Р. Р.» не сочла себя обязанной во всеуслышание повторить вслед за нашим Комитетом, что прокламация, распространенная 5 ноября, была подписана его именем, хотя и без его согласия. Это ее дело, — дело ее логики, ее здравого смысла. Ее недоверчивое отношение к свидетельству Донского Комитета мо-

жет наводить на некоторые невыгодные для нее мысли, но собственно вины оно не составляет. И однако... однако,

Какой бы шум вы подняли, друзья,
Когда бы сделал это я!

Когда мы не сочли себя обязанными повторить, вслед за так называемой «Боевой организацией», что Балмашов стрелял в Сипягина по ее поручению, то с «Р. Р.» сделалась жесточайшая литературная истерика, а симпатизирующие ей «элементы» стали на все голоса и на «все Европы» жалобно кричать о том, что мы совершили какую-то неслыханную провинность, неслыханным образом погрешив против какого-то обычного революционного права. Так «возмущались» они, когда дело коснулось свидетельства их товарищей А теперь все они находят, повидимому, что в поведении «Р. Р.» нет ничего «возмутительного». Где же справедливость?

Корреспондент «Р. Р.» очень сожалеет о том, что Донской Комитет не организовал демонстрации. Ему и в голову не приходит, что в Ростове в продолжение нескольких дней, и притом именно благодаря умелости и такту соц.-дем. вожаков рабочих, происходила колоссальная, еще небывалая в России демонстрация. Корреспондент «Р. Р.» подобен крыловскому чудаку, слона-то и не заметившему. Но чудачество, доводящее людей до того, что они не замечают самых величественных явлений, имеет, как и все на свете, свою причину. В политике оно «обычно» вызывается детской слабостью силы суждения. Человек запоминает какой-нибудь внешний, вовсе не необходимый признак явления и воображает, что дело именно в этом признаке. Там, где он его не видит, он не замечает и явления, хотя бы оно было и настоящим «слоном» между другими явлениями. Жертвой такого... «промаха незрелой мысли» сделался и корреспондент «Рев. Рос.». Он запомнил один из внешних признаков демонстрации — шествие по улицам, сопровождаемое противоправительственными возгласами и пением революционных песен, решил, что демонстрации не было, так как стачечники по улицам не ходили и песен не пели (отсутствие песен огорчило его, повидимому, особенно сильно). Кроме того он слыхал, что ведущие политическую борьбу прибегают к демонстрациям, и решил, что так как демонстрации в Ростове не было, то Донской Комитет склонен к «экономизму». А редакция «Р. Р.»

охотно поверила этой удивительной цепи силлогизмов, так как ей давно уже хочется «принять на себя руководство» борьбой русского пролетариата.

Как именно вел себя наш Донской Комитет, это отчасти уже знают наши читатели из опубликованных нами известий; а еще больше выяснится это им из известий, которые будут опубликованы нами в самом непродолжительном времени. А теперь мы спешим успокоить «Рев. Рос.» насчет характера нашей агитационной деятельности в среде рабочих.

Не беспокойтесь, господа, и не торопитесь «принять на себя руководство» освободительным движением этого класса. Беспокоиться вам решительно нечего, а в руководители пролетариата вы решительно не годитесь. Вы охотно и часто повторяете, что мы идем «в хвосте» событий и что мы задерживаем движение, вместо того, чтобы содействовать его ускорению. Вы ссылаетесь при этом на наши собственные признания. И в этом последнем случае вы отчасти говорите правду. Очень нередко, критикуя свою собственную деятельность, мы говорим: «события опередили нас; мы идем в их хвосте» и т. п. Но эти самообличения, к слову сказать, свидетельствующие о том, что мы вовсе не такие самодовольные доктринеры, какими вы нас изображаете, — не только не говорят против наших воззрений, а, наоборот, представляют собою блестящее, хотя и косвенное подтверждение их неоспоримой правильности. В самом деле, о каких событиях здесь говорится и в каком смысле они нас обгоняют? Здесь говорится о тех событиях, совокупность которых обусловливается быстрым ростом классового сознания русского пролетариата. Число и значение этих событий увеличивается так быстро, что часто мы оказываемся не в состоянии использовать их во всей их полноте. И мы, разумеется, очень жалеем об этом обстоятельстве; мы указываем на него, чтобы побудить себя и других к новой работе, к новым усилиям. Но самый факт этого быстрого роста классового самосознания в среде русских пролетариев показывает, что правда на нашей стороне, а не на стороне тех стародумов русской революции, которые еще так недавно с упорством закоснелых старообрядцев твердили, что так как капитализму не суждено у нас развиться, то нелепо видеть в пролетариате главного и самого надежного носителя революционной идеи в России. Когда мы говорили нашим

революционерам: «идите к рабочим», над нами смеялись, на нас смотрели почти как на безумцев. Не далее, как в 1889 г. издававшаяся в Женеве «Свободная Россия», оспаривая нас, писала: «Если даже в Германии, где соц.-демократы представляют уже известную политическую силу, результаты, достигнутые ими, далеко не блестящи, то у нас, конечно, нельзя даже думать серьезно о том, что наши рабочие будут служить en masse активными и сознательными борцами за добывание политической свободы». И затем, развивая свою мысль, она прибавляла, что «даже успешная пропаганда среди отдельных даровитых рабочих не окупает той массы жертв, которых требует». В редактировании «Свободной России» принимал участие г. Вл. Бурцев, отчаянный террорист и, если не ошибаемся, единомышленник нынешних соц.-рев. Конечно, в настоящее время г. Вл. Бурцев уже не согласился бы напечатать цитированные нами строки. Но не согласился бы только потому, что теперь уже слишком очевидна нелепость высказанной в ней мысли и слишком уже ясно теперь, что мы были правы. Теперь нас уже не смеют уверять, что русский пролетариат не способен на борьбу за политическую свободу; но теперь нас пытаются поймать на слове, когда мы говорим, что силы пролетариата растут быстрее, чем могли ожидать даже очень многие из нас. Жалкая попытка! Наши противники не понимают, что чем более события опережают соц.-демократов, тем злее и беспощаднее насмехаются они, эти события, над ними, нашими противниками. Да, события опережают нас. Но какие события? Те самые, которые мы давно уже считали неизбежными и которые вам и вашим духовным предкам представлялись несоответствующими «судьбам русского капитализма». Вы не замечаете, как жестоко насмеялась над вами та самая «жизнь», которую вы об'являете единственной учительницей. Вы до такой степени не сознаете глубочайшего комизма своего положения, что выражаете благосклонную готовность стать руководителями того самого общественного класса, исторического значения которого вы не понимали прежде и не поняли до сих пор, как это доказывается вашими усилиями отождествить понятие: пролетарий с понятием: крестьянин. Нечего сказать, хорошие вышли бы из вас руководители. Письма Качура, подпавшего под ваше влияние, ясно показывают, как отразилось бы ваше руководительство на самосознании рабочих.

Благодаря вам, он совершенно позабыл ту истину, составляющую основное положение всей политики современных социалистов, что освобождение пролетариата должно быть делом самого пролетариата. Вместо сознания этой истины вы сообщили ему детскую веру в чудотворную силу вашей «Боевой организации». Чем т а к в л и я т ь на рабочих, лучше, по евангельскому выражению, навязать себе жернов на шею и броситься в воду. Т а к о е влияние не принесет ничего, кроме непоправимого вреда для русского пролетариата и для всей вообще русской революции. И вот почему глубоко прав был наш товарищ, сказавший в «Заре», что ваша партия носит двойное название социалистов-революционеров по двум причинам: потому, что ваш социализм не революционен, и еще потому, что ваша революционность не имеет ничего общего с социализмом. И поэтому же вы напрасно думаете, что вы и мы составляем лишь две фракции одной и той же революционной партии: нет, господа, нам нельзя с вами родными «счесться»; социал-демократы не могут принадлежать к одной партии с «социалистами-революционерами». Первые представляют в революционном движении п р о л е т а р и а т, вторые — м е л к у ю б у р ж у а з и ю.

Карл Маркс

Тридцать пятый номер «Искры» выходит в свет в день двадцатилетия смерти Карла Маркса, которому и принадлежит в нем первое место.

Если верно то, что великое международное движение пролетариата было самым замечательным общественным явлением XIX столетия, то нельзя не признать, что основатель Международного Товарищества Рабочих был самым замечательным человеком этого столетия. Борец и мыслитель в одно и то же время, он не только организовал первые кадры международной армии рабочих, но и выковал для нее, в сотрудничестве со своим неизменным другом Фридрихом Энгельсом, то могучее духовное оружие, с помощью которого она уже нанесла множество поражений неприятелю, и которое со временем даст ей полную победу. Если социализм стал наукой, то этим мы обязаны Карлу Марксу. И если сознательные пролетарии хорошо понимают теперь, что для окончательного освобождения рабочего класса необходима социальная революция, и что эта революция должна быть делом самого рабочего класса; если они являются теперь непримиримыми и неутомимыми врагами буржуазного порядка, то в этом сказывается влияние научного социализма. С точки зрения «практического разума» научный социализм отличается от утопического именно тем, что решительно разоблачает коренные противоречия капиталистического общества и беспощадно обнаруживает всю наивную тщету всех тех иногда очень остроумных и всегда вполне благожелательных планов общественной реформы, которые предлагались социалистами-утопистами разных школ, как вернейшее средство прекращения борьбы классов и примирения пролетариата с буржуазией. Современный пролетарий, усвоивший теорию научного социализма и остающийся верным ее духу, не может не быть ре-

волюционером и по логике, и по чувству, т.-е. не может не принадлежать к самой «опасной» разновидности революционера.

Марксу досталась великая честь сделаться наиболее ненавистным для буржуазии социалистом XIX века. Но ему же выпало на долю завидное счастье стать наиболее уважаемым учителем пролетариата той же эпохи. В то время, как вокруг него сосредоточивалась злоба эксплоататоров, его имя приобретало все более и более почетную известность в среде эксплоатируемых. И теперь, в начале XX века, сознательные пролетарии всех стран видят в нем своего учителя и гордятся им, как одним из самых всеоб'емлющих и глубоких умов, одним из самых благородных и самоотверженных характеров, какие только знает история.

«Святой, память которого празднуется 1 мая, называется Карл Маркс», — писала одна буржуазная венская газета в конце апреля 1890 года. И, действительно, ежегодная майская демонстрация рабочих всего мира представляет собою величественное, хотя и не предумышленное, чествование памяти гениального человека, программа которого об'единила в одно стройное целое повседневную борьбу рабочих за лучшие условия продажи своей рабочей силы с революционной борьбой против существующего экономического строя. Только чествование это не имеет ничего общего с религиозными праздниками; современный пролетариат тем больше чтит своих «святых», чем больше их деятельность способствовала приближению того счастливого времени, когда освобожденное человечество устроит свое царство небесное на земле, а небо предоставит в распоряжение ангелов и птиц...

К числу злых нелепостей, распространявшихся насчет Маркса, принадлежит сказка о том, что автор «Капитала» относился враждебно к русским. На самом деле он ненавидел русский царизм, всегда игравший гнусную роль международного жандарма, готового давить всякое освободительное движение, где бы оно ни начиналось.

За всеми серьезными проявлениями внутреннего развития России Маркс следил с таким глубоким интересом и, главное, с таким основательным знанием предмета, какие едва ли можно было встретить у кого-нибудь из его западно-европейских современников. Немецкий рабочий Лесснер рассказывает в своих воспоминаниях о нем, как радовался он появлению русского перевода «Капитала», и как приятно было ему верить, что в России появля-

ются уже люди, способные понимать и распространять идеи научного социализма. Из предисловия к русскому переводу «Манифеста Коммунистической Партии», подписанного им и Энгельсом, видно, что сочувствие русским революционерам и нетерпеливое желание поскорее увидеть их победителями приводило его даже к значительной переоценке тогдашнего нашего революционного движения. А какой радушный прием встречали в его гостеприемном доме [1]) русские изгнанники, показывают его отношения к Лопатину и Гартману. Его разлад с Герценом вызван был частью случайным недоразумением, а частью вполне заслуженным недоверием к тому славянофильскому социализму, провозвестником которого в западно-европейской литературе, к сожалению, сделался наш блестящий соотечественник под влиянием тяжелых разочарований 1848 — 1851 г.г. Резкая выходка Маркса против этого славянофильского социализма в первом издании I тома «Капитала» заслуживает не осуждения, а похвалы, особенно в настоящее время, когда этот социализм возрождается у нас в виде программы партии так называющихся социалистов-революционеров. Наконец, что касается ожесточенной борьбы Маркса с Бакуниным в Международном Товариществе Рабочих, то она не имеет ни самомалейшего отношения к русскому происхождению этого анархиста и очень просто об'ясняется непримиримой противоположностью взглядов [2]). Когда издания группы «Освобождение Труда» положили начало распространению социал-демократических идей между русскими революционерами, Энгельс, в письме к В. И. Засулич, выразил сожаление о том, что это произошло не при жизни Маркса, который, по его словам, радостно приве-

---

[1]) Тот же рабочий Лесснер говорит, что дом Маркса «всегда был открыт для всех надежных товарищей».

[2]) Бывший «марксист», а ныне вульгарный экономист М. Туган-Барановский в своих «Очерках из новейшей истории политической экономии» (стр. 294) повторяет анархическую сплетню о том, что Маркс, будто бы, содействовал распространению печатной клеветы на Бакунина. Здесь не место разбирать доводы, приводимые обыкновенно в подкрепление этой выдумки. Мы подробно поговорим о них в «Заре», где легкомысленное произведение г. Туган-Барановского получит достойную оценку. Но не мешает заметить, что наш бывший «марксист» вовсе не потрудился подвергнуть критике свои источники. Он голословно повторяет обвинение, которое, не будучи доказано, в свою очередь, становится клеветой.

ствовал бы литературное предприятие этой группы. Что же сказал бы великий автор «Капитала», если бы ему довелось дожить до настоящего времени и узнать, что у него есть уже много и много последователей в среде русских рабочих? Какою радостью наполнилось бы его сердце, если бы ему пришлось услыхать о событиях, подобных недавним событиям в Ростове-на-Дону! В его время русский марксист был редкостью, и передовые русские люди посматривали на эту редкость в лучшем случае с улыбкою добродушного сожаления; теперь идеи Маркса господствуют в русском революционном движении, а те русские революционеры, которые, по старой привычке, отвергают их вполне или отчасти, в действительности давно уже,—и несмотря на свою, по большей части, очень громкую революционную фразеологию, — перестали быть передовыми и незаметно для себя перешли в обширный лагерь отсталых.

Не мало пустяков говорилось и повторялось также об его частых полемических стычках с противниками. Миролюбивые, но недалекие люди об'ясняли эти стычки его будто бы неудержимой страстью к полемике, которая, в свою очередь, будто бы порождалась его будто бы злым характером. На самом деле, та почти беспрерывная литературная борьба, которую ему приходилось вести, особенно в начале своей общественной деятельности, вызывалась не свойствами его личного характера, а общественным значением защищаемой им идеи. Он был одним из первых социалистов, сумевших и в теории, и на практике всецело встать на точку зрения классовой борьбы и отделить интересы пролетариата от интересов мелкой буржуазии. Неудивительно поэтому, что ему приходилось часто и враждебно сталкиваться с теоретиками мелко-буржуазного социализма, очень многочисленными тогда особенно в среде германской «интеллигенции». Прекращение полемики с этими теоретиками означало бы отказ от мысли сплотить пролетариат в особую партию, имеющую свою собственную историческую цель, а не плетущуюся во хвосте мелкой буржуазии. «Наша задача,—говорил журнал Маркса «Новая Рейнская Газета» в апреле 1850 г.,— состоит в беспощадной критике, направляемой даже более против наших мнимых друзей, чем против наших явных врагов; и, занимая такую позицию, мы с удовольствием отказываемся от дешевой демократической популярности». Явные враги были менее опасны именно потому, что они уже не могли затемнить клас-

совое самосознание пролетариев, между тем как мелко-буржуазные социалисты с их «внеклассовыми» программами продолжали вести за собою многих и многих рабочих. Борьба с ними была неизбежна, и Маркс вел ее со свойственным ему неподражаемым уменьем. Его примера не должны забывать мы, русские социал-демократы, которым приходится действовать при условиях, очень похожих на условия, существовавшие в дореволюционной Германии. Мы, можно сказать, со всех сторон окруженные мелко-буржуазными теоретиками специфического «русского социализма», должны твердо помнить, что интересы пролетариата и нас обязывают беспощадно критиковать наших мнимых друзей, например, хорошо известных нашим читателям «соц.-революционеров»,—как бы ни возмущала наша беспощадная критика добродушных, но недалеких друзей мира и согласия между различными революционными «фракциями».

Учение Маркса—современная «алгебра революции». Понимание его необходимо для всех тех, которые хотят вести сознательную борьбу с существующим у нас порядком вещей. И это до такой степени верно, что даже многие идеологи русской буржуазии одно время чувствовали потребность сделаться марксистами. Идеи Маркса были незаменимы для них в их борьбе с допотопными теориями народничества, пришедшими в резкое противоречие с новыми экономическими отношениями России. Это хорошо поняли те наши молодые буржуазные идеологи, которые лучше других были знакомы с современной литературой общественных наук. Они стали под знамя марксизма и, борясь под этим знаменем, приобрели довольно громкую известность. А когда народники были разбиты наголову, когда их старозаветные теории превратились в груду безобразных развалин, тогда наши новоявленные марксисты решили, что марксизм уже сделал свое дело и что пора подвергнуть его строгой критике. Эта «критика» совершалась под тем предлогом, что общественная мысль должна итти в п е р е д, но единственным ее результатом оказалось то, что под ее прикрытием наши недавние союзники совершили п о п я т н о е движение и расположились на теоретических позициях западно-европейских буржуа социал-реформаторского оттенка. Как ни жалок был этот результат столь крикливо возвещенного «критического» похода и как ни тяжело было русским соц.-демократам присутствовать

при этих «критических» превращениях людей, вместе с которыми они только что выступали против одного общего врага и с которыми они надеялись впоследствии окончательно сблизиться, но по зрелом рассуждении они должны были сознаться, что отступление наших неомарксистов на «священную гору» буржуазного реформаторства не только вполне естественно, но еще является косвенным подтверждением правильности выработанного Марксом материалистического понимания истории. В 1895—1896 г.г. у нас увлекались марксизмом такие лица, которые ни по общественному своему положению, ни по умственному и нравственному своему складу не имели ничего общего ни с пролетариатом, ни с его освободительной борьбой. Одно время на марксизм была мода во всех петербургских канцеляриях. Если бы такое положение дел могло продолжаться, то оно доказывало бы, что основатели научного социализма ошибались, утверждая, что образ мыслей определяется образом жизни, и что высшие классы не могут стать носителями социально-революционных идей нашего времени. Но «критика» Маркса, начавшаяся немедленно после того, как закончилась борьба против реакционных стремлений народничества, лишний раз подтвердила, что Маркс и Энгельс были правы: образ мыслей «критиков» определился их общественным положением; восставая против «фанатизма догмы», они в действительности восставали только против социально-революционного содержания Марксовой теории. Им нужен был не тот Маркс, который в течение всей своей жизни, полной труда, борьбы и лишений, горел священным огнем ненависти против капиталистической эксплоатации: Маркс — вожак революционного пролетариата казался им неприличным и «ненаучным». Им нужен был только тот Маркс, который в «Манифесте Коммунистической Партии» об'явил, что он готов поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной в своей борьбе с абсолютной монархией и мелким мещанством. Их интересовала только демократическая половина социально-демократической программы Маркса. Это было как нельзя более естественно; но именно эти совершеннно естественные стремления наших «критиков» делали очевидной полную неосновательность всяких расчетов на них, как на социалистов. Их место в рядах либеральной оппозиции, которой они и дали—в лице редактора «Освобождения» г. П. Струве—

внимательного, старательного и талантливого литературного выразителя.

Судьба Марксовой теории доказывает ее верность. И это не только в России. Известно, что западные ученые долго пренебрегали ею, как неудачным плодом социально-революционного фанатизма, но время шло, и с течением времени делалось все более и более ясным даже и для глаз, смотревших сквозь очки буржуазной ограниченности, что плод социально-революционного фанатизма имеет, по крайней мере, одно неоспоримое преимущество: он дает чрезвычайно плодотворный метод исследования общественной жизни. Чем более подвигалось вперед научное изучение первобытной культуры, истории, права, литературы и искусства, тем плотнее и плотнее подходили исследователи к историческому материализму [1]), несмотря на то, что большинство из них или совсем ничего не знало об исторической теории Маркса, или, как огня, боялось его материалистических,—т.-е., в глазах современной буржуазии, безнравственных и опасных для общественного спокойствия,—взглядов. И мы видим, что материалистическое об'яснение уже начинает приобретать себе в ученом мире право гражданства. Недавно появившееся на английском языке сочинение американского профессора Зелигмана «Экономическое об'яснение истории» свидетельствует о том, что официальные жрецы науки понемногу проникаются сознанием великого научного значения исторической теории Маркса. Зелигман дает нам понять, между прочим, и те психологические причины, которые препятствовали до сих пор правильному признанию и пониманию этой теории буржуазным ученым миром. Он прямо и откровенно говорит, что ученых пугали социалистические выводы Маркса. И он старается растолковать своим собратьям по науке, что социалистические выводы можно отбросить, усвоив себе только лежащую в их основании историческую теорию. Это остроумное соображение, которое, заметим кстати, хотя и робко, но совершенно ясно было высказано уже в «Критических заметках» г. П. Струве, служит новым доказательством той, не новой уже истины, что легче вер-

[1]) Из новейших авторов упомянем Бюхера, фон-дер-Штейнена, Гильдебранда, Эспинаса, Гёрнеса, Фейергерда, Гроссе, Чикотти и целую школу американских этнологов.

блюду пролезть сквозь игольное ушко, чем идеологу буржуазии перейти на точку зрения пролетариата. Маркс был революционером до конца ногтей. Он восстал против бога-капитала, как гетевский Прометей восставал против Зевса. И, подобно этому Прометею, он мог сказать о себе, что его задача заключается в воспитании таких людей, которые, умея по-человечески страдать и по-человечески наслаждаться, сумели бы «не уважать тебя», божество, враждебное людям. А буржуазные идеологи именно этому-то божеству и служат. Их задача именно в том и заключается, чтобы отстаивать его права духовным оружием, как полиция и войско поддерживают их оружием холодным и огнестрельным. Признанием буржуазных ученых будет пользоваться только такая теория, которая не покажется им опасной для бога-капитала. Ученые Франции и вообще стран французского языка в этом отношении гораздо откровеннее всех других. Так, еще известный Лавелле говорил, что экономическая наука должна быть перестроена заново, потому что она перестала удовлетворять своему назначению с тех пор, как легкомысленный Бастиа скомпрометировал защиту существующего порядка. А совсем недавно А. Бэшо в книге, посвященной французской школе политической экономии, нисколько не конфузясь, оценивал различные экономические учения с той точки зрения, какое из них «дает более действительное оружие противникам социализма». Ввиду этого понятно, что идеологи буржуазии, усваивающие себе идеи Маркса, непременно будут стоять «под знаком критики». Мерой их «критического» отношения к Марксу является мера несоответствия взглядов этого непримиримого и неутомимого революционера с интересами господствующего класса. Понятно также и то, что последовательно мыслящий буржуа скорее признает верными исторические идеи Маркса, чем его экономическую теорию: исторический материализм легче обезвредить, чем, например, учение о прибавочной стоимости. Это последнее,—которому один из самых выдающихся буржуазных «критиков» Маркса дал выразительное название теории эксплоатации,—навсегда сохранит за собою в образованных и ученых кругах буржуазии репутацию неосновательного. Экономической теории Маркса ученые и образованные буржуа нашего времени предпочитают «суб'ективную» экономическую теорию, имеющую то хорошее свойство, что явления эконо-

мической жизни общества рассматриваются ею вне всякой связи их с его производственными отношениями, в которых коренится источник эксплоатации пролетариата буржуазией, и напоминать о которых очень неудобно поэтому теперь, когда классовое самосознание рабочих подвигается вперед такими быстрыми шагами.

Экономические, исторические и философские идеи Маркса могут быть приняты во всей грозной полноте их революционного содержания только идеологами пролетариата, классовый интерес которого связан не с сохранением, а с устранением капиталистического порядка, с социальной революцией.

Мартовские Иды

Говорят, что Мартовские Иды неблагоприятны для тиранов. И если бы наука раз навсегда не осудила астрологических суеверий, то можно было бы «с фактами в руках» доказывать, что тираны, единоличные и коллективные, имеют полное основание трепетать не только в течение Мартовских Ид, но и в продолжение всего месяца, посвященного Марсу. В марте пал Юлий Цезарь; в марте погиб Александр II; в марте вспыхнула венская революция, положившая конец гнусному режиму Меттерниха; в марте произошло ломбардо-венецианское восстание против австрийского ига, ознаменовавшееся героическими «пятью днями» в Милане; в марте совершилась берлинская революция, нанесшая неизлечимую рану прусскому абсолютизму; в марте парижский пролетариат заставил бежать в Версаль позорное правительство «национальной обороны». Можно подумать, что бог в о й н ы, вопреки общераспространенному мнению о нем, очень неравнодушен к с в о б о д е. Но оставляя в стороне вопрос о вкусах этого бога и о таинственном влиянии посвященного ему месяца на внутреннюю жизнь цивилизованных стран, приходится, независимо от каких бы то ни было суеверных соображений, признать, что месяц Март всякому, не беззаботному насчет политики, человеку напоминает о целом ряде таких исторических событий, которые были и надолго останутся в высшей степени интересными не только для ученого, стремящегося обнаружить причинную связь общественных явлений, но и для деятеля, старающегося извлечь из них практические уроки. Достаточно назвать великое парижское революционное движение 18-го марта, которое обязан внимательно изучить и тот, кто хочет составить себе ясное понятие о борьбе классов в современном обществе, и тот, кто принимает деятельное участие в этой борьбе и, отстаивая интересы пролетариата, желает знать, в чем состоит

сила этого класса и каковы слабые стороны его революционных восстаний, затрудняющие его победу над неприятелем.

Революционное движение 18-го марта, известное также под именем Парижской Коммуны 1871 года, является блестящим подтверждением той истины, которая лежит в основе всей практической деятельности современных социалистов и которая была так хорошо формулирована в уставе Международного Товарищества Рабочих, вышедшем из-под пера Карла Маркса и гласящем, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Движение 18-го марта было движением пролетарским по преимуществу. Хотя в нем деятельно участвовала многочисленная мелкая буржуазия французской столицы, однако Парижская Коммуна не издала ни одного постановления для защиты исключительных интересов мелких предпринимателей. Напротив, все принятые ею меры были пропитаны пролетарским духом. В движении 18-го марта мелкая буржуазия шла под красным знаменем пролетариата.

Принятые Парижской Коммуной постановления социально-экономического характера не отличались, правда, ни численностью, ни решительностью. Их было мало, и они представляли собою довольно робкие шаги на пути решения векового спора между трудом и капиталом. Но действовать решительно в этом отношении Парижской Коммуне помешали, во-первых, внешние условия: борьба с бандитами буржуазной реакции, укрепившейся в Версали и начавшей оттуда беспрерывные и беспощадные нападения на Париж, оставшийся во власти рабочих. А кроме того, — и это главное, — в движении 18-го марта не было всей той сознательности, которая необходима пролетариату для того, чтобы он мог не только убедиться в непримиримой противоположности своих интересов с интересами буржуазии, но также и выработать себе последовательную программу практических действий. Тем нашим революционерам разных цветов, которые еще так недавно с упреком говорили нам, что мы придаем преувеличенное значение сознательности в революционном действии рабочего класса, полезно будет хорошенько поразмыслить над движением 18-го марта. Его история с ясностью покажет им, что стихийность, которую они представляют себе могучим ломовым конем, способным вывезти движение из всех затруднений, на самом деле является источником промахов и поражений. Шансы успеха

пролетариата в его борьбе с защитниками существующего порядка вещей растут в той самой мере, в какой его движение утрачивает стихийный характер и становится сознательным. И в той же самой мере возрастает влияние на него социальной демократии, планомерные действия которой служат сознательным выражением бессознательного исторического процесса

Противопоставление стихийности сознательному действию революционной партии может иметь смысл только в том случае, когда сама эта партия, не умея встать на классовую точку зрения, противопоставляет свои субъективные пожелания объективному ходу вещей. В этом случае ход идей противоречит ходу вещей, и потому оказывается лишенным всякой творческой силы. Мысль опережается жизнью и мало-по-малу утрачивает на нее всякое влияние. Таких случаев можно было бы не мало насчитать в истории того доброго старого времени, когда социализм, стоявший на почве утопии, распространялся почти исключительно в среде так называемой интеллигенции. Стихийное движение рабочего класса имело тогда за собою гораздо больше шансов практического успеха, чем сознательные усилия заговорщиков революционеров или социалистов реформистов. Но это доброе старое время само было лишь введением в историю современного революционного движения пролетариата. Дальнейшее развитие этого движения вело к тому, что стихийность все более и более отступала в нем перед сознательностью, которая черпала свою творческую силу именно в правильном понимании об'ективного хода вещей. Противоречие между мыслью и жизнью оказалось тогда разрешенным; социализм переставал быть утопическим и становился научным.

История рабочего движения в эпоху, предшествовавшую Парижской Коммуне 1871 г., как нельзя лучше подтверждает все это. Фридрих Энгельс, сам живший в сороковых годах в Париже и хорошо знакомый с тем, что там происходило, говорит, что уже скоро после июльской революции пролетариат, получивший свое конспиративное воспитание еще в тайных обществах времен реставрации, становится преобладающим элементом в революционных организациях заговорщиков. Тайное общество «Времен Года», с помощью которого Бланки и Барбэс вызывали восстание 1839 г., было уже исключительно пролетарским. И таким же пролетарским

было общество «Новых Времен Года», которое было основано после неудачи названного восстания и которым руководил Альбер. Но, несмотря на то, что эти общества состояли почти исключительно из пролетариев, их приемы и их тактика имели в себе очень мало пролетарского, будучи целиком заимствованы из эпохи заговоров, составлявшихся буржуазной интеллигенцией. «Само собою понятно, — замечает Энгельс, — что заговорщики не ограничивались организацией революционного пролетариата, они стремились именно к тому, чтобы опередить революционный процесс развития, вызвать в нем искусственный кризис, сделать революцию в такое время, когда еще не было на-лицо необходимых для нее условий». Да им и не приходилось много думать о необходимых для революции условиях, потому что единственным ее условием являлась в их глазах надлежащая организация заговоров. «Они были алхимиками революции,—продолжает Энгельс,—и отличались такою же путаницей понятий и такой же ограниченностью взглядов, какие были свойственны алхимикам старого времени. Они старались делать открытия, которые должны были совершить революционные чудеса: взрывчатые снаряды, адские машины магической силы, восстания, которые должны были действовать тем сильнее и удивительнее, чем менее было у них разумного основания». Поглощенные своей алхимической работой, заговорщики преследовали только ближайшую цель низвержения существующего правительства и пренебрежительно смотрели на дело развития классового самосознания рабочих. Они отличались обыкновенно отчаянной храбростью и значительной революционной сноровкой, строили первые баррикады, грабили оружейные лавки, организовывали сопротивление и руководили им, короче — были офицерами уличных восстаний, но эти решительные люди, эти герои баррикадных битв и самоотверженные организаторы всякого рода террористических,— как сказали бы мы теперь, — действий уже и тогда представляли собою не б у д у щ е е пролетарского движения, а его п р о ш л о е. По мере того, как подвигалось вперед развитие пролетариата, заговорщики утрачивали свое влияние и находили себе опасных конкурентов в тех тайных обществах рабочих, которые ставили себе целью не непосредственное восстание, а о р г а н и з а ц и ю с и л р а б о ч е г о к л а с с а и р а з в и т и е е г о к л а с с о в о г о с а м о с о з н а н и я. Коммунистическая пропаганда того времени,

равно как и споры, происходившие между коммунистами различных направлений, остались так же мало понятны французским заговорщикам старого закала, как мало понятны были нашим нынешним хранителям революционных преданий 70-х годов споры между представителями различных направлений русской соц.-демократии.

Начатое в 1847 г. правительством Луи-Филиппа *дело о бомбах* рассеяло, по свидетельству Энгельса, даже самых упорных и наименее осмысленных заговорщиков и толкнуло шедших за ними рабочих на путь чисто пролетарского движения. Во время февральской революции 1848 г. коммунисты были уже самой сильной фракцией революционного пролетариата. Однако движение 1848 г. потонуло в крови июньских борцов, и в продолжение многих лет французский рабочий класс, подавленный своей великой неудачей и лишенный всех политических прав, не выходил из мертвой точки застоя. Только политическая оттепель шестидесятых годов принесла с собою возобновление его освободительной борьбы. Но теперь эта борьба делает новый шаг вперед. Теперь передовые представители французских рабочих становятся под знамя руководимого Марксом Международного Товарищества Рабочих. И хотя большинство этих представителей продолжает подчиняться влиянию утопического социализма,—преимущественно прудонизма,—но старая тактика заговорщиков, с их бунтарством, политическими покушениями и пр. «алхимией», не встречает между ними никакого сочувствия. Практической задачей дня становится выработка классового самосознания рабочих. Эта выработка, без всякого сомнения, значительно замедляется многообразными утопическими пережитками, сохранившимися в головах большинства тогдашних руководителей французского Интернационала. И нельзя не признать, что полезным противовесом этим пережиткам служила *стихийность массового рабочего движения*, которое было чуждо *утопий* уже по одному тому, что вообще мало справлялось с какой бы то ни было *теорией*.

Если в мероприятиях Парижской Коммуны незаметно следов утопизма, то это об'ясняется тем, что об'ективная логика великого революционного движения оказалась сильнее суб'ективной логики его вожаков, и зараженная утопизмом *мысль* подчинялась таким образом властным указаниям общественной *жизни*. И

это было, разумеется, очень хорошо. Но дело приняло бы несравненно лучший оборот, революция 18-го марта была бы гораздо более плодотворной, если бы суб'ективная логика людей не расходилась с об'ективной логикой жизни, если бы стихийная сила событий вместо того, чтобы сталкиваться с человеческим сознанием, как с элементом до известной степени чуждым и противодействующим ей, получила в нем свое тесное и ясное выражение.

Успехи французского социализма со времени Парижской Коммуны именно в том и состояли, что это несоответствие между ходом вещей и ходом идей все более и более устранялось, благодаря влиянию современного научного социализма. Идеи научного социализма не противоречат стихийной силе вещей и вообще не расходятся с ней, а служат ее сознательным выражением. И чем больше распространяются эти идеи, тем больше приближается торжество этой силы. Вот почему сторонникам научного социализма остается только пожимать плечами, когда им говорят, что они придают преувеличенное значение с о з н а т е л ь н о с т и и слишком мало полагаются на силу с т и х и й н о с т и.

Во время революционного взрыва 1871 г. стихийная сила вещей, к сожалению, еще не получила надлежащего выражения в человеческом сознании. Этим об'ясняется, между прочим, как слабая организованность революционного пролетариата, так и недостаточно энергичные преследования неприятеля, который был наголову разбит 18 марта. Лиссагарэ рассказывает в своей истории Парижской Коммуны, что в этот день, около 3-х часов пополудни, многие батальоны национальной гвардии, состоявшей из вооруженных пролетариев, спокойно проходили мимо здания министерства иностранных дел, в котором совещались тогда Тьер и его министры. Если бы революционеры арестовали «чудовищного карлика», то этим предупреждено было бы много несчастья в будущем. Тот же Лиссагарэ рассказывает, что в ночь с 18-го на 19-е марта генерал Винуа беспрепятственно вывел из Парижа линейные войска и вывез оттуда много оружия, аммуниции и боевых припасов. Революционеры без большого труда могли бы склонить солдат генерала Винуа на свою сторону и овладеть его военными припасами. Они этого не сделали, чем опять ослабили свою силу. Наконец, необходимо было преследовать разбитого неприятеля по пятам, а не давать ему утвердиться и заново организоваться в Версали. Об

этом тоже, как видно, никто не подумал. Великая стихийная сила движения не нашла надлежащего выражения в сознании людей. Отсюда — отсутствие централизованной организации, напрасная трата драгоценного времени, неумение пользоваться благоприятным стечением обстоятельств.

Но каковы бы ни были недостатки революционного движения, начавшегося 18-го марта, оно покрыло своих участников неувядаемой славой и показало, какой длинный путь развития оставил за собою французский рабочий с тех пор, как перестал увлекаться заговорщиками ветхого завета. Историческое значение Парижской Коммуны 1871 г. поистине колоссально. Только тот, кто сумел оценить это значение, видит, как ничтожно в сравнении с ним историческое значение гибели какого-нибудь отдельного представителя деспотической власти, живет ли он в Риме или в Петербурге, называется ли он Юлием Цезарем или Александром II.

«Кровавая» майская неделя, ознаменовавшая собою победу буржуазии над восставшим парижским пролетариатом, дает нам понять, между прочим, как много правды в словах «критиков Маркса», старающихся уверить нас в том, что борьба классов принимает все более и более мягкие формы. На самом деле, формы этой борьбы более или менее «мягки» лишь до тех пор, пока она не выходит из пределов «законности», хотя и тут можно указать весьма выразительные исключения. А как только пролетариат перешагнет черту «законности», буржуазия тотчас же забывает все сладкие речи своих идеологов о «мягкости» и обнаруживает такую ненасытную кровожадность, какой устыдились бы самые дикие людоеды.

Тьер и его пособники показали всю силу своей ненависти к освободительным стремлениям рабочего класса. Революционный пролетариат Франции хорошо понял общественный смысл этой ненависти. Но странное дело! Никому из сколько-нибудь видных его представителей не пришло в голову «отомстить» Тьеру каким-нибудь «террористическим» действием. Только анархисты пытались впоследствии взорвать его статую, подложив около нее наполненную порохом коробку из-под сардинок, но и эта мальчишеская выходка, как потом оказалось, была предпринята при любезном содействии парижского префекта полиции Андрие. Почему бесчеловечная жестокость «чудовищного карлика» осталась безна-

казанной? Уж не потому ли, что между французскими пролетариями не осталось ни одного самоотверженного человека? Нет, вовсе не потому! Самоотвержение было в такой же мере свойственно передовым французским работникам *после* Коммуны 1871 г., как *и в ее время*. И мысль о мести ни на минуту не покидала этих работников. Но отомстить значило для них повалить тот общественный порядок, защитниками которого явились Тьер и его сподвижники, разрушить ту систему, которая основывается на эксплоатации наемного труда капиталом. Всякий другой род мести не останавливал на себе их внимания, как слишком ничтожный. Вот почему никто из них не поднял руки на Тьера. Французское рабочее движение давно уже вышло из пеленок. Сообразно с этим его передовые представители давно уже переросли психологию ветхозаветных заговорщиков. И в этом отношении мы, русские революционеры, можем многому научиться у героических пролетариев Франции.

Отмена круговой поруки

В манифесте 26-го февраля Николай II приказал «принять безотлагательные меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки».

Расторопный г. Витте немедленно принял эти меры, и в настоящее время круговая порука уже не существует: 12-го марта она отменена именным указом сенату.

В этом указе самодержец уверяет, что «в непрестанных попечениях о благоденствии народа нашего... не оставляли мы заботы об упрочении быта крестьянства посредством облегчения лежащего на нем податного бремени». Но если царские попечения о крестьянстве были в самом деле непрестанны, то почему же круговая порука отменена только теперь? Попечительный монарх говорит, правда, что «уже Державный Дед наш, Император Александр II, приступил к ограничению этого начала, из'яв от действия круговой поруки малолюдные селения», и что, «исполняя завет» своего деда, он, Николай II, в положении 23-го июня 1899 г. о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ вновь значительно сократил действие круговой поруки, а кроме того тогда же повелел министру финансов «войти в соображение вопроса о совершенной отмене круговой ответственности по уплате окладных сборов». Но почему же он только в 1899 г. решил исполнить «завет царя-освободителя»? Неужели сделать это раньше помешала ему та «смута», о которой он говорил в своем манифесте и которая, по его словам, «препятствует общей работе по улучшению народного благосостояния»? Но ведь в настоящее время эта «смута» сильнее, чем когда бы то ни было, а г. Витте все-таки сумел разделаться с круговой порукой, как только получил решительное «повеление» на ее счет. Отчего же

это повеление не было отдано раньше? Наконец, отчего же сам «царь - освободитель» избавил от круговой поруки одни только малоземельные общества?

Все это произошло по причинам, не имеющим ровно ничего общего с «непрестанным попечением о благоденствии народа нашего». В своем отношении к «стеснительной для крестьян круговой поруке» правительство всегда руководилось «непрестанным попечением» об интересах казны, а в эпоху «освобождения» крестьян к этому «попечению» присоединилась также забота об исправном отбывании крестьянами своих повинностей по отношению к помещикам.

Наша сельская община не всегда имела тот вид, какой она имеет теперь в Великороссии: прежде она не знала ни круговой поруки, ни земельных переделов. Еще в XVI и XVII столетиях ответственность за недоимки падала только на тех домохозяев, за которыми они накоплялись. В XVII веке правительством сделаны были, правда, некоторые слабые попытки взыскивать недоимки со всех без различия членов общины, но эти попытки, как видно, не привели ни к чему и вскоре были оставлены. В XVIII веке дело приняло другой оборот. Рост государственных потребностей, далеко опережавший рост народных производительных сил, и «непрестанно» возрастающее закрепощение крестьянства мало-по-малу привели нас к той круговой ответственности плательщиков друг за друга, которая существовала в куриях Римской империи и которую Гегель-сын очень удачно назвал самым худшим карательным учреждением. Ко времени «освобождения» крестьян принцип круговой ответственности плательщиков безраздельно господствовал во всех «казенных селениях». Помещики, отвечавшие за взнос податей, не имели в нем надобности, потому что, при своей неограниченной власти над крепостными, они и без него могли принимать все нужные меры для избежания или покрытия недоимок.

Вместе с круговой порукой упрочивались и строгости паспортной системы, сильно стеснявшей передвижение лиц податных сословий, а следовательно, и экономическое развитие страны. Наконец, как «увенчание здания», явились переделы общинных полей в тех местностях, где сказывался недостаток в земле, и где поэтому исправному взносу податей могло

помешать малоземелье некоторой части крестьянства. Система земельных переделов довершила закрепощение крестьян государству. Она означала не то, что крестьяне сообща владели землею, а то, что и крестьяне, и их земля сделались казенной собственностью. Неудивительно, что нередко крестьяне, «собравшись скопом, с дубьем и дрекольем», открыто сопротивлялись ее введению. Но государство было гораздо сильнее их. Бунтовщиков усмиряли «воинские команды», которые примерно наказывали их, «учиняя» им «жестокое, с публикой, плетьми наказание»; не обошлось, разумеется, и без ссылки непокорных в Сибирь, на поселение или даже в каторжные работы. Такими доводами можно убедить кого угодно. «Общинные идеалы» были надолго привиты сельскому населению, которое местами и до сих пор сохранило печальное воспоминание об эпохе их прививки. Самое полное и всестороннее торжество этих идеалов относится к половине XIX века, т.-е. ко времени учреждения министерства государственных имуществ и пребывания на министерском посту пресловутого гр. Киселева. Вот как характеризует установившуюся тогда систему один исследователь, который, надо заметить, сам далеко не чужд народнических «идеалов». «Вообразите крупнейшего в мире помещика-рабовладельца. Этот рабовладелец не кто иной, как само государство; граф Киселев—это главный управляющий, министерство государственных имуществ—его вотчинная контора, а окружные начальники — бурмистры, действующие на местах. Их действия подкреплялись зуботычинами, засадкой в холодную, драньем и сверх того взиманием «денежной молитвы» [1]). Автор этой блестящей характеристики ошибается, однако, говоря, что «ничего подобного никогда и нигде не было и не могло быть, кроме России». Нечто совершенно подобное существовало—и не могло не существовать—на всем азиатском Востоке. Выросши на почве закрепощения крестьян государством, круговая порука и земельные переделы, в свою очередь, становились там самой прочной основой самого варварского деспотизма.

Когда началось «освобождение», наши помещики были прекрасно знакомы со всеми удобствами и неудобствами круговой

---

1) Н. А. Благовещенский, «Четвертное право», Москва 1899, стр. 134.

поруки. Некоторые члены губернских комитетов резко высказались против нее [1]). Члены екатеринославского губернского комитета Поль и Миклашевский заявили, что налагать на освобождаемых крестьян,—при отбывании ими их повинностей по отношению к помещикам,—круговую поруку с ее неизбежными последствиями значило не только продолжать, но даже усиливать крепостное право с тою только разницей, что вместо власти помещика крестьяне делаются крепостными чиновников и сельских начальств [2]). Тем не менее круговая порука была введена, потому что она являлась незаменимой гарантией помещичьих интересов. На крестьян взваливались повинности, по своим размерам далеко превосходившие предоставленные им «выгоды». Ввиду этого у «освободителей» естественно возникало опасение, что «освобождаемые» предпочтут отказаться от «выгод» и не станут отбывать повинности. Это опасение и привело к тому, что крестьян посадили на цепь круговой поруки. А от помещиков, конечно, не захотело отстать и государство. Отменяя права помещика на личность крестьянина, оно вовсе не хотело дать этому последнему полную гражданскую свободу. Нет, оно только собиралось сделать их *своими собственными крепостными*, а в этом случае ему нельзя было обойтись и без круговой поруки.

Вместе с круговой порукой на «освобожденных» крестьян надеты были и цепи паспортной системы. *Отсутствие свободы передвижения* было неизбежно там, где главная масса населения оставалась привязанным к земле, бесправным «податным сословием».

«Малоземельные», т.-е. собственно *малолюдные*, общества были избавлены «царем-освободителем» от язвы круговой поруки единственно потому, что при их малолюдстве эта порука не могла служить сколько-нибудь надежным обеспечением исправного отбывания повинностей [3]).

---

[1]) Н. *Бржевский*, «Круговая порука сельских обществ. Суждения редакционных комиссий по составлению положения 19 февр. 1861 г. и правительственные взгляды за время с 1861 по 1895 г.», С.-Петербург 1896, стр. 12.

[2]) *Бржевский*, стр. 16.

[3]) Эту сторону дела раз'яснили еще в эпоху составления положения члены Симбирского Комитета, восставшие против круговой поруки.

Когда г. Николай—он писал в своих «Очерках» (стр. 67), что положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, «было лебединою песней старого процесса производства», он высказывал мысль, которая по своему буквальному значению—просто нелепа: правовые учреждения обусловливаются не процессом производства, а теми взаимными отношениями, в которые становятся люди во время этого процесса. Но, будучи выражена надлежащим образом, мысль г. Николая—она может быть признана до известной степени правильной: «Положение» 19-го февраля представляет собою плод производственных *отношений*, существовавших в старой, дореформенной России. Но в этом состоит не достоинство его, а коренной недостаток. Говорить об освобождении и в то же время подчинять освобождаемых таким учреждениям, которые по всему своему значению являлись пережитком крепостничества, значило издеваться над бедным крестьянством, ожидавшим «воли» с таким горячим нетерпением и с такой глубокой верой в добрые намерения Александра II.

«Новое крепостное право» введено было в такое время, когда развитие экономической жизни, получившее очень сильный толчок от той же реформы 1861 г., разрушало старое натуральное хозяйство крестьян и превращало их в мелких производителей, продукты которых, становясь товарами, должны были конкурировать на всемирном рынке с продуктами свободного труда свободных заокеанских стран. Таким образом наши крестьяне страдали как от экономического развития, так и от тех препятствий, которые ставились экономическому развитию Положением 19-го февраля. Страшное обеднение крестьянской массы явилось неизбежным следствием этого противоречия между новыми условиями экономической жизни крестьян и их правовым положением. Это обеднение не могло не броситься в глаза правительству уже по одному тому, что его сопровождало огромное накопление недоимок. «Стеснительная для крестьян круговая порука», введенная именно для борьбы с недоимками, не оправдывала ожиданий «попечительного» начальства. Вот почему начальство скоро начало в ней разочаровываться. Уже в 1873 г. Валуевская комиссия указала на нее, как на одно из крупнейших

зол крестьянской жизни. И с тех пор такие указания являлись с самых различных сторон. Но правительство все-таки не решалось отменить круговую поруку, понимая, что она составляла лишь одно из звеньев в той цепи, на которой сидит русский крестьянин и разбивать которую оно вовсе не желало. Мы уже знаем, что исторически круговая порука была тесно связана с общинным землевладением. И мы видим, что вопрос об этом землевладении постоянно вставал перед правительством всякий раз, когда оно задумывалось о круговой поруке. Сами по себе периодические переделы полей не могли, разумеется, быть для него привлекательными. Более того,—они должны были заключать в себе нечто неприятное для всякого администратора, стоящего на «охранительной» точке зрения и думающего не об одном только государственном казначействе. Время от времени между нашими администраторами являлись поэтому люди, осуждавшие общинное землевладение, между прочим потому, что оно, будто бы, воспитывает в крестьянстве социалистические стремления. К их числу принадлежит, например, бывший министр двора и уделов гр. Воронцов-Дашков, выступивший в 1893 г. с целой филиппикой против общины. Замечательно, что тогдашний министр внутренних дел г. Дурново не оспаривал по существу доводов гр. Воронцова-Дашкова, а только осуждал его нетерпение. Г. Дурново утверждает, что общинное землевладение может быть устранено лишь постепенно и что в отношении к нему необходима «крайняя осмотрительность и осторожность» [1]). На это было несколько причин, а главная — вот какая: «В частности и потому еще, что со своей стороны затрудняюсь понять, каким образом возможно было бы примирить опыт насаждения мелкой земельной собственности, в приблизительно определенных размерах и границах, и последующее исправление ее в том и другом отношении с началом неприкосновенности частной собственности и приобретенных прав, стоящим под одновременной охраной закона и всеобщего признания и, казалось бы, одинаково приложимым как к

[1]) «Записка министра двора и уделов графа Воронцова-Дашкова об уничтожении крестьянской общины и возражения на нее министра внутренних дел И. Н. Дурново», Женева—Каруж 1900, стр. 46. Интересно, что орган социалистов-реакционеров «Вестник Русской Революции» тоже требует бережного отношения к общине (кн. I, стр. 12). Почти слово в слово с г. Дурново!

крупному, так и к мелкому землевладению»[1]). Это довольно ясно, хотя выражено весьма дипломатично. Г. Дурново опасался, что, уничтожив общинное землевладение, государство вынуждено будет поставить крестьянскую собственность под «охрану законов», обеспечивающих «неприкосновенность частной собственности и приобретенных прав». Поэтому он и спрашивал графа Воронцова-Дашкова, — как спрашивал Манилов Чичикова, покупавшего у него мертвые души, — не повредит ли это государственным соображениям и дальнейшим видам России. Устами г. Дурново наше деспотическое государство заявляло о своем нежелании отказаться от столь привычной ему роли «крупнейшего в мире помещика-рабовладельца», бесконтрольно распоряжающегося наделами своих «верных подданных» крестьянского сословия. В этом нежелании и заключается разгадка всех колебаний нашего новейшего законодательства о крестьянском землевладении. Им же об'ясняется, в частности, и то обстоятельство, что Николай II, решившись отменить круговую поруку, поспешил обрадовать наших социалистов-реакционеров обещанием отстаивать «неприкосновеннность общинного землевладения». Г. Витте, по крайней мере, лет пять твердил царю, что пора уничтожить и круговую поруку, и общину, так как при нынешнем экономическом положении крестьянства эти учреждения уже не содействуют, а мешают борьбе с недоимками[2]). В то же самое время г. Победоносцев нашепты-

[1]) Там же, та же страница.

[2]) В продолжение последнего пятилетия эта мысль усердно развивалась органами министерства финансов, преимущественно «Русским Экономическим Обозрением». Она очень обстоятельно развита также в книге г. Н. Бржеского: «Недоимочность и круговая порука сельских обществ» (см. особенно последние главы). Эта книга, вышедшая в 1897 г., посвящена г. Витте. Напомним здесь кстати, что в 1893 г., когда в Государственном Совете происходили споры об общинном землевладении, министр финансов выступил с запиской, в которой община защищалась доводами, целиком заимствованными у народников. К сожалению, место не дозволяет нам подробно обосновать ту нашу мысль, что г. Витте разочаровался в общине только с тех пор, как увидел, что от нее теперь кулакам больше пользы, чем казне. Мы, может быть, сделаем это в другой раз.

вал ему, что консервативное законодательство «должно с крайней осторожностью относиться к вопросу о преобразовании общинного землевладения». Находясь под этими противоположными влияниями, наш коронованный недоросль, — подобно ослу Буридана, — долго не мог ни на что решиться. Наконец, он вышел из затруднения, опубликовав манифест 26 февраля, которым он, очевидно, надеялся сразу угодить и г. Победоносцеву, и г. Витте. Мы не знаем, в какой мере исполнилась его надежда. Но мы очень хорошо знаем, что торжественно провозглашенная отмена круговой поруки далеко не удовлетворит «возникающих потребностей народной жизни», о которых не без красноречия говорится в манифесте. Фактически «неприкосновенность общинного землевладения» сведется к тому, что государство сохранит за собою свои помещичьи права на крестьянскую землю, между тем как переделы будут все более и более затруднены, а беднейшие члены общины все чаще и чаще будут лишаться своих наделов [1]). «Неприкосновенность общинного землевладения» будет по-прежнему означать, следовательно, лишь неприкосновенность той цепи, на которой государство держит крестьянина.

И не только «возникающим», но и давным-давно возникшим потребностям народа новая царская мера не принесет с собою никакого удовлетворения. Она плоха уже одним тем, что одинока. «Кто сказал: А, должен сказать: Б»,— говорит немецкая пословица. Отмена круговой поруки имела бы серьезное значение только в том случае, если бы она знаменовала собою отказ нашего государства от своей исторической роли «помещика-рабовладельца» и дарование крестьянину полной гражданской свободы. Но об этом ни слова не говорится ни в манифесте 26-го февраля, ни в указе 11-го марта. Да и не мог бы царский манифест заговорить ни о чем подобном. Деспотизм по самой природе своей не способен взять на себя освободительную миссию. А русский деспотизм спо-

---

1) «Облегчение отдельным домохозяевам выхода из общины» на практике сведется к облегчению выхода из нее тем «хозяйственным мужичкам», которые найдут это для себя выгодным. Земледельческая беднота по-прежнему останется закрепощенной. Именно для нее-то и сохраняются «неприкосновенными» все мнимые благодеяния общинного землевладения.

собен к ней теперь еще менее, чем когда-либо прежде. Царская власть вообще может в настоящее время только мешать развитию русской народной жизни. Поэтому развитие русской народной жизни делает положение царской власти все более и более шатким. Гражданская свобода может быть принесена русскому крестьянину только политическим освобождением России. Поэтому русский крестьянин вынужден будет принять участие в политическом освобождении России, если только захочет добиться гражданской свободы. А в нем пробуждается уже сильное стремление к ней. Новые условия его быта вызывают в нем новые потребности и разбивают его старые предрассудки. Крестьянские волнения прошлого года — только «пролог пролога» великой драмы, которая готовится к постановке на русской исторической сцене и которая озаглавлена двумя словами: падение царизма.

Г-жа Брешковская и Чигиринское дело

Полемика по поводу Чигиринского дела не прекращается. В № 20 «Рев. Росс.» г-жа Брешковская напечатала «письмо в редакцию», в котором она говорит, между прочим, следующее:

«Для всех нас, современников Чигиринского дела, оно явилось тяжелой неожиданностью... Большинство сидящих (кроме лиц по нашему процессу, сидели еще не высланные по процессу 50-ти и многие по небольшим отдельным процессам) резко высказывалось против способа действий Стефановича... Знавшие Стефановича защищали его от резких нападок на его личность, кто сильнее, кто слабее, но никто из известных мне деятелей, в том числе и я, не защищали приема [1]), который употребил Стефанович». Далее она ссылается на покойного Кибальчича, который, в одном из писем к ней, говорит, что, лично познакомившись со Стефановичем в киевской тюрьме, он хотя и «кончил тем, что личность Стефановича полюбил», но по-прежнему «ненавидел обман и проклинал золотую грамоту».

Это показание г-жи Брешковской, без всякого сомнения, заслуживает большого внимания. Но именно по этой причине его необходимо сопоставить с другими данными, имеющимися у нас по тому же делу.

И прежде всего я попрошу читателя вспомнить напечатанное в № 12 «Рев. Рос.» письмо г. П. Кропоткина. В нем мы находим следующие строки:

«Несомненно, что в 70-х годах мнения русских революционеров насчет подложных царских манифестов, выпущенных в Чигирине, были разделены. Большинство чайковцев было против

1) Курсив г. Брешковской.

них; но среди более боевых групп, особенно на юге, Дейч и Стефанович имели немало сторонников».

Показание г. П. Кропоткина противоречит показанию г-жи Брешковской. По словам этой последней, ни один тогдашний деятель не одобрял приема, употребленного в Чигирине тов. Стефановичем и Дейчем, между тем как г. П. Кропоткин заявляет, что многие революционеры того времени,—особенно на юге,—сочувствовали этому приему. Он свидетельствует также о том, что революционеры, относившиеся к тов. Стефановичу и Дейчу с безусловным сочувствием, принадлежали к более боевым группам (курсив мой). Это нужно заметить.

Чем же об'ясняется это противоречие показаний? Вполне достаточным об'яснением ему могла бы служить простая ссылка на случайность. У г-жи Брешковской речь идет о лично ей известных деятелях. Можно предположить поэтому, что ей просто не случилось встретиться с людьми, безусловно одобрявшими «золотую грамоту». И тогда останется спросить себя, нельзя ли и этой, — на первый взгляд очень странной, — случайности дать рациональное об'яснение? Мы сейчас увидим, что это возможно. Но прежде я хочу, в свою очередь, сообщить читателю то, что известно мне самому об отношении революционеров семидесятых годов к чигиринскому делу.

Ранней весной 1878 г. в среде «землевольцев», находившихся в Петербурге и принадлежавших к центральному ядру организации, — т.-е. к так называемому основному кружку общества «Земля и Воля»,—при обсуждении вопроса о наиболее целесообразной для нас тактике, подавляющее большинство не только отнеслось с полным сочувствием к приему, употребленному в Чигиринском деле, но и настаивало на том, что землевольцы должны применять этот прием в своей агитации на Волге. Против этой мысли говорили только два члена основного кружка: я и еще один товарищ, которого я не назову «страха ради иудейска».

Нам обоим она показалась до такой степени идущей вразрез с задачами революционной партии, что мы решили выйти из организации в тот день, когда эта мысль примет характер обязательного для всех землевольцев постановления. Об этом нашем решении мы тогда же сообщили нашим петербургским товарищам, которым мы напомнили при этом, что никакие перемены в тактике

не могут быть предприняты до тех пор, пока не опрошены провинциальные члены нашей организации. Поэтому окончание нашего спора было отложено до другого времени. Я не помню, чтобы «землевольцы» возвращались к нему впоследствии. Поэтому я не могу с полной уверенностью сказать, что прием, употребленный в Чигиринском деле, одобрялся также большинством провинциальных «землевольцев» И только поэтому в моем предисловии к книге Туна я, говоря об этом приеме, выразился несколько неопределенно, сказав: «Я думаю даже, что значительное большинство «землевольцев» относилось к нему вполне одобрительно» (стр. XVII). Насчет мнений тогдашних провинциальных «землевольцев» я могу только строить догадки. Из всех догадок, возможных в этом случае, наиболее вероятной кажется мне та, что и в провинции большинство моих товарищей безусловно сочувствовало Стефановичу и Дейчу. Но я оставляю догадки и перехожу к фактам. Когда в том же 1878 г. начались волнения донских казаков, то прежде всех нас проникший на Дон товарищ Р., — правда, формально не принадлежавший к обществу «Земля и Воля», но безраздельно сочувствовавший ему и принимавший его программу,—хотел обратиться к «Славному Войску Донскому» с революционным манифестом от царского имени. При этом он собирался выдать себя за царского посланца. Я очень часто встречался с ним именно в то время, — так как я сам принимал участие в агитации между казаками, — и я очень хорошо помню мои ожесточенные прения с ним по этому поводу. Мне стоило очень большого труда отговорить его от его намерения.

Чем же вызывалось это безусловное сочувствие Стефановичу и Дейчу? Теми самыми соображениями, которые приводил, — по его собственным словам, — г. Кропоткин, защищая чигиринских агитаторов на собрании русских эмигрантов в Женеве: «Во всей русской истории видно, — говорит он, — как сам народ прибегает к подложным указам, к слухам о царских манифестах и даже к самозванцам, чтобы расшевелить неподвижные крестьянские массы. Такие слухи, так же как и слухи о каком-нибудь Гарибальди, идущем освободить крепостных, или о Стеньке Разине, появившемся на Волге, всегда были излюбленным средством у зачинщиков из самого народа. Эти зачинщики пользовались, однако, слухами о царских указах и грамотах и т. п. не ради об-

мана, а скорее как средством защиты или оправдания на случай неудачи. Известно, что не только люди, близко стоявшие к Пугачеву, но и крестьяне внутри России говорили про него: «будь он хоть чортов сын, лишь бы помог извести помещиков и чиновников». Кроме того, я также указывал на крестьянское движение, начавшееся в восточной Франции в 1788 г. и приведшее в следующем году, в июле, к восстанию в городах и ко взятию Бастилии, и на почве которого разыгралась вся политическая революция вплоть до 1793 г. Изучая это движение, я нашел явные следы, что крестьяне поднимались весьма часто под впечатлением, что король приказал брать господские усадьбы, а затем именем короля жгли уставные грамоты (terriers) и отбирали у господ землю, захваченную ими у сельских общин. Были и «грамоты», и есть даже следы самозванца, — что не помешало, однако, два года спустя, тем же крестьянам восточной Франции стоять за своих депутатов, подавших голос за казнь короля и за республику». Читатель должен заметить эти соображения. Хотя действовавшие в России народники и не имели возможности подробно ознакомиться с историей французских крестьянских движений, но психология русских народных бунтов об'яснялась ими совершенно согласно с тем, что говорит о ней здесь г. Кропоткин. И если эти народники решались прибегать к грамотам и манифестам от имени царя,—или одобряли такие манифесты и грамоты,—то и они делали это вовсе «не ради обмана», а потому, что верили в революционную логику стихийного крестьянского взрыва и думали, что, совершившись даже во имя царя, такой взрыв неизбежно приведет к отрицанию царской власти. Эта вера в революционную логику крестьянского движения естественно должна была возникнуть, укрепиться и разрушиться вместе с народничеством. А так как народничество, — т.-е. тот самобытный русский социализм, о котором говорит тов. Дейч,—возникло и окрепло лишь в половине 70-ых годов, то неудивительно, что этой веры не было у людей предшествовавшего, до-народнического революционного периода, т.-е. у людей, сидевших в тюрьме одновременно с г-жей Брешковской. Вот почему между этими людьми и господствовало то отрицательное отношение к чигиринскому приему, о котором говорит г-жа Брешковская. Для них это отрицательное отношение было так же естественно, как естественно было у их непосред-

ственных преемников — народников бунтарей — безусловное сочувствие Стефановичу и Дейчу. Если я и некоторые другие землевольцы не разделяли этого безусловного сочувствия, то надо сознаться, что наши тогдашние товарищи рассуждали последовательнее, чем мы.

Все дело об'ясняется, стало быть, очень просто содержанием и сменой идей в нашем революционном движении. Вопрос о нравственности русских революционеров различных периодов тут решительно не при чем, и напрасно поднимает его г-жа Брешковская. Она показывает этим только то, чего ей отнюдь не следовало показывать, т.-е. что она слишком плохо знакома с историей той «социально-революционной» партии, которую она вздумала защищать. И как странно, как неумело защищает она эту партию! «Из совокупности некоторых заявлений «Искры» и «Зари» и литературных предшественников их (изд. «Гр. Освоб. Труда»), — говорит она, — революционной молодежи остается только заключить, что вся прошлая работа социально-революционной партии в России была сплошной ошибкой». Жаль, что г-жа Брешковская не говорит нам, какая именно «совокупность некоторых положений» наших может оправдывать это странное умозаключение. Если бы она внимательно отнеслась к нашим изданиям, то она и сама увидела бы, что ничего подобного нельзя заключить из них. В доказательство я могу сослаться хотя бы на первое же литературное произведение первой же русской социал-демократической группы, — на мою брошюру «Социализм и политическая борьба». В предисловии к этой брошюре говорится: «Стремление работать в народе и для народа, уверенность в том, что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса, — эта практическая тенденция нашего народничества дорога мне по-прежнему. Теоретические же его положения... кажутся мне во многих отношениях ошибочными». Неужели сказать это — значит утверждать, что «вся прошлая работа социально-революционной партии в России была сплошной ошибкой»? Я не знаю, о какой именно «молодежи» говорит г-жа Брешковская; но я думаю, что эта молодежь не лишена элементарного здравого смысла и, благодаря этому, поймет, что несогласие с «теоретическими положениями» известной партии вовсе еще не равносильно «сплошному» осуждению ее

деятельности. Притом же та «социально-революционная партия», которую имеет в виду г-жа Брешковская, в свою очередь, далеко не была «сплошной». В ней тоже были разные течения, сменявшие друг друга и не обходившиеся без критики. Народники не соглашались со своими предшественниками—пропагандистами; народовольцы резко оспаривали народников. Дурно было это или хорошо? Если дурно, то почему г-жа Брешковская не осуждает их? А если—хорошо, то почему критика, уместная и полезная в том случае, когда ее позволяет себе народник или народоволец, становится вредной, неуместной и безнравственной, когда за нее берется социал-демократ?

Мы никогда не предаем никого анафеме. Мы только дерзаем свое суждение иметь. Да и вообще предавание анафеме не в обычае у людей, которые критикуют, т.-е. апеллируют к разуму читателя. За «анафему» охотно хватаются те, которые восстают против критики и, чтобы зажать рот своим противникам, стараются подействовать на чувство своих читателей или на слушателей жалкими словами. На это есть тьма охотников; мы не из их числа.

Если кто предан анафеме, то преданы ей мы и преданы именно в письме г-жи Брешковской. Письмо это написано как раз тем тоном, которым говорят священники и первосвященники, отлучающие грешников от своей церкви. Нас, конечно, не испугают никакие анафемы. Но я замечу г-же Брешковской, что ей следовало бы поместить в какую-нибудь другую статью анафему, приготовленную для «Гр. Освобождение Труда» и «Искры» с «Зарею». Ведь в ее письме речь шла о том, ошибался или не ошибался тов. Дейч, утверждавший, что прием, употребленный в Чигиринском деле, был сочувственно встречен русскими революционерами. Г-жа Брешковская находила, что тов. Дейч ошибался. Ей и надо было просто заявить это. Но она вообразила, что тов. Дейч хотел набросить тень на нравственность революционеров 70-х годов, и потому она решила, в свою очередь, набросить тень на тов. Дейча и его нынешних единомышленников. Она погорячилась, вследствие этого все ее показание приняло довольно странный вид. Оно напоминает следующую сцену из очерка Г. И. Успенского «Тише воды, ниже травы»:

«На вопрос, знает ли она подсудимую, свидетельница отвечала:

— Как не знать-с, ваше высокоблагородие, она мне по сейчас два рубля серебром должна. Очень знаем-с!

— Что вы скажете насчет ребенка?

— Да утопила она его, больше ничего-с! Потому она имеет очень вредный характер, ваше сиятельство... она посейчас не может мне, хошь бы по гривеннику в месяц, двух рублей-с» и т. д., и т. д.

Изображенная Г. И. Успенским мещанка-свидетельница поступила бы много тактичнее, если бы не упоминала о том, что подсудимая не отдала ей своего долга; г-жа Брешковская поступила бы много тактичнее, если бы умолчала о том, что тов. Дейч и его нынешние единомышленники задолжали ей... то бишь,—огорчили ее своим очень вредным характером, то бишь, своей критикой старых революционных программ и воззрений.

Последняя карта царизма

У нас опять начинаются еврейские погромы. Всем известно, такой отвратительный, жестокий и мрачный характер имеют движения такого рода. Религиозный фанатизм, племенная вражда, желание поживиться на чужой счет, насилие, издевательство над слабыми, а подчас и зверская жестокость,—словом, самые дикие страсти находят в них самое дикое выражение. Но только что совершившийся кишиневский погром побил рекорд дикости и зверства. Никогда еще «громилы» не были так предприимчивы, никогда еще не были они так беспощадны и никогда еще число их жертв не доходило до такой высокой цифры. В ту минуту, когда мы пишем эту статью, убитых и умерших от ран насчитывается уже более ста. За ними отправится на тот свет, вероятно, еще немало страдальцев, изнывающих теперь в тяжелых муках. «Разгром длился с полудня 6-го до 8-го апреля на рассвете,—говорит комитет кишиневской соц.-демократической организации,—и, можно сказать, нет буквально ни одной еврейской квартиры, не пострадавшей так или иначе, ни одного целого стекла в окнах... Море перьев на улицах; перьями, как инеем, облеплены деревья, заборы; груды разбитой, уничтоженной, искрошенной рухляди и одежды; среди перьев, обрывков русских и еврейских книг, лоскутьев священных еврейских облачений, кофточек, старых брюк и обломков мебели, камни, обагренные, насквозь пропитанные человеческой кровью; ручейки запекшейся крови на тротуарах, в коридорах, в домах... Пострадали более всего беднейшие еврейские кварталы. Уничтожены мелочные лавочки, рундуки, разорена голь, убиты беззащитнейшие из беззащитных... Плач и стон висит над городом...»

Описывая тот же погром, один из наших корреспондентов говорит: «Врывались в дома, грабили, убивали; убивали матерей

защищавших своих детей, а детей бросали из окон третьего этажа... С конок схватывали людей с еврейскими лицами и тут же убивали. Евреи в панике бежали в город, но их ловили на улице и убивали; некоторым удалось достичь вокзала, они уезжали в Одессу. В Одессу приезжали целые поезда полураздетых евреев, не евших по два, по три дня... Многие еще до сих пор не нашли своих детей, так как последние в ужасе прятались в погреба, в бочки и, вероятно, умерли там от голода. Родные не узнают трупов, так они изуродованы буянами...». Кто же совершал эти ужасы? Кто нес плач и стоны в среду «беззащитнейших из беззащитных»? Толпа «громил» отличалась очень пестрым характером. В ней были и пришлые строительные рабочие, и ремесленники, и земледельцы. Но замечательно, что во многих местах толпой руководили «интеллигенты»: нотариусы, члены управы, врачи. «Мы не говорим уже,—прибавляет названный комитет в своей прокламации,—о сочувственном отношении к действиям толпы со стороны глазевшей публики, состоявшей главным образом из чиновников с их дамами, офицеров и буржуазии. Своим вызывающим смехом, шуточками, одобрительным понуканием толпы, подбадриванием ее, а подчас указаниями и советами она морально воздействовала на дикие инстинкты толпы и приводила ее в то непонятное остервенение, последствием которого явились выдернутые с животом ноги, отрезанные языки и губы и изнасилованные девушки и беременные женщины. Учащиеся раз'езжали на велосипедах и поддерживали сообщение между отдельными отрядами громил. Чиновники и «интеллигенты» запасались во время беспорядка письменными принадлежностями из разгромленного магазина Шаха».

Пусть же нравственная ответственность за совершенные в Кишиневе неистовства падет прежде всего на эту жадную, испорченную и жестокую будто бы «интеллигенцию», лишенную самой элементарной гуманности, чуждую самомалейшего сознания своей обязанности перед страною. Это отребье человечества, эта подлая чернь, облыжно именующаяся образованным классом, покрыла себя несмываемым позором перед всем цивилизованным миром. Всякий, кто знает имена этих «интеллигентных» громил, должен довести их до всеобщего сведения. Нам известно, например, что нотариус Писаржевский и сын местного богача Сина-

дино отмечали мелом еврейские дома и указывали квартиры тех христиан, которые укрывали евреев. Мы слешим прибить эти имена к позорному столбу [1]).

Для темных, бессознательных рабочих, принимавших участие в кишиневских разбоях, еще не закрыт путь прогресса. Нынешний «громила» — пролетарий — может со временем понять интересы своего класса, для отстаивания которых необходимы дружные усилия рабочих без различия религии и племенного происхождения. И тогда в его сердце проникнет жгучий стыд при воспоминании о тех зверствах, в которых он принимал деятельное участие вследствие своей темноты и неразвитости. Логика пролетарского движения такова, что под ее неотразимым влиянием будут все более и более исчезать в рабочей среде национальные и племенные предрассудки. А какова логика движения той «образованной» и чиновной черни, которая наслаждалась зрелищем кишиневского разбоя или даже руководила им? Странный вопрос! Эта среда знает только движение товарных цен, да еще движение по службе; она неспособна увлечься никакой широкой общественной идеей. Она рукоплещет насильственным действиям, направленным против евреев, не потому, что не понимает своих классовых интересов, а потому, что она понимает их слишком хорошо, и потому, что эти интересы, по своей узкости и ограниченности, подсказывают ей политику злопыхательного мракобесия. Часть принадлежащих к этому общественному слою лиц ненавидит евреев по той причине, что те являются для них возможными или действительными конкурентами на разных поприщах жизни; другая часть их с завистью, злобой и страхом видит в евреях представителей движимого капитала, разлагающего и размывающего наш нынешний крепостнический государственный и общественный порядок; наконец, обе эти части, равно как и все прочие разновидности наших антисемитов, с одинаковым удовольствием готовы издеваться и насильничать над еврейским рабочим, который им,—привыкшим уважать лишь внешнее могущество,—кажется презренным, во-первых, потому, что он—

---

1) Излишне называть редактора «Бессарабца» Крушевана, подготовлявшего погром своей литературной проповедью. Постыдная известность его имени и без того очень обширна.

пролетарий, а во-вторых, потому, что он—пролетарий особой породы, пролетарий, лишенный даже того жалкого подобия жалких прав, которыми обладают русские пролетарии христианского вероисповедания. Избавить евреев от преследований, идущих со стороны этого слоя нашего населения, может только революция, которая сметет с лица русской земли постыдные остатки средневековых учреждений и, уравняв еврея в гражданских и политических правах со всеми другими гражданами, поставит его под защиту демократической конституции.

Но отличительную черту «образованной» черни составляет, как известно, трусость, вследствие которой она, как говорится, держит нос по ветру, т.-е. чутко прислушивается ко всем распоряжениям, идущим из «высших сфер». И если эта трусливая чернь храбро поддерживала кишиневских буянов, то ясно, что она не опасалась вызвать этим неудовольствие начальства; ясно, что еврейские погромы представлялись ей согласными с видами предержащей власти. И она не ошиблась. Правительство не только не торопилось остановить кишиневский еврейский погром, но раздувало его всеми зависящими от него средствами. Оно само забрызгано кровью замученных в Кишиневе евреев.

Это правительство, которое, как директор полиции в известной оперетке, хочет все знать, все видеть и совать свой нос повсюду, притворилось, что оно ничего не знало о приготовлениях к погрому, о которых знал весь Кишинев; это правительство, которое так заботится об «общественном спокойствии», что отвечает казацкими нагайками и полицейскими шашками на самые мирные демонстрации сторонников политической свободы, сделало вид, что оно не может справиться с кишиневскими «громилами»; это правительство, неизменным девизом которого в борьбе со всяким освободительным движением являются быстрота и натиск, оказалось точно парализованным, когда ему нужно было охранять имущество и жизнь кишиневских евреев. В воскресенье, в два часа пополудни, кишиневский губернатор, г. фон-Раабен, — который, наверное, знал бы, что̀ ему надо делать, если бы речь шла об усмирении «бунтовщиков», но который теперь, очевидно, боялся «не потрафить» и потому

не решался действовать по собственному усмотрению,—г. фон-Раабен телеграфировал в Петербург, требуя указаний. Ответ на его запрос пришел только в шесть часов вечера в понедельник. Нам не известно, что именно отвечал г. Плеве, но уже одно то обстоятельство, что он не отвечал более суток, показывает, что министерство внутренних дел ничего не имело против погрома. Низшие полицейские инстанции очень хорошо поняли это и потому не только не защищали евреев, но прямо содействовали их избиению. В «Последних Известиях» Заграничного Комитета Бунда мы читаем: «Когда толпа нападала на какой-нибудь дом, полиция придерживалась такой тактики: дав толпе уничтожить все, что возможно было, она внезапно являлась и говорила: «довольно, идите дальше», руководя таким образом действиями толпы. В одном месте толпа евреев собралась для защиты магазинов и чтобы оказать сопротивление. Является пристав и велит толпе расходиться. Та отказывается, тогда призывается конный патруль, который врезывается в толпу и нагайками разгоняет евреев. Через несколько минут туда же являются погромщики, а полиции и патруля и след простыл! В другом месте евреи, спасаясь от мученической смерти, по крышам домов добрались до полицейского участка и почувствовали себя на минуту спасенными, но их сейчас же прогнали на улицу и отдали на растерзание дикой толпе. После погрома в саду найдена безграмотно написанная прокламация приблизительно такого содержания: «Полиция начала грабить, а теперь, получив хабару от евреев, начала нас сажать в тюрьмы»... В народе читались грамоты, в которых по высочайшему повелению приказывается избивать евреев. В словах найденной в саду безграмотной прокламации вряд ли есть какое-нибудь преувеличение. Почин грабежа, повидимому, действительно принадлежит полиции. Только что цитированный нами № «Последних Известий» сообщает, что еще накануне Пасхи помощник пристава Добросельский, зайдя в табачный магазин Бендерского, бесцеремонно запустил руку в кассу и вынул оттуда пять рублей. В ответ на протест удивленного хозяина он заметил: «все равно мы вас всех, жидов, на Пасху перережем». Но это еще не все. Крестьянин Соловьев, принимавший участие в погроме, пришел в полицейский участок и заявил, что им убит еврей. Его посадили в арестантскую, но... на другое утро он

был найден мертвым. Полиции нужно было во что бы то ни стало воспрепятствовать ему давать показания.

Это было тем более необходимо, что она слишком уже постаралась, и высшему начальству пришлось, для приличия, привлечь ее к ответственности. По окончании погрома у приставов и надзирателей сделаны были обыски, и у многих из них найдено было награбленное золото и серебро. Нечего сказать, хороши эти представители «порядка»! Само собою разумеется, что заботливое начальство сделает все, чтобы скрыть следы их преступлений. За это ручается хотя бы то, что в следствии по этому делу принимают участие, между прочим, такие чиновники, которые сами грабили евреев.

Дальше этого издевательство над правосудием итти не может. Повторяем, царское правительство сверху до низу, от министра внутренних дел до последнего кишиневского сыщика, обагрено кровью замученных в дни Пасхи евреев. Это теперь видят все и каждый, это повторяется теперь даже консервативной западной печатью, никакие «раз'яснения» и «сообщения» со стороны правительства не помогут ему скрыть истинное положение дела. Нет и не может быть на свете такого ловкого софиста, которому удалось бы снять с него нравственную ответственность за организацию дневного разбоя, за соучастие в грабеже и убийстве!..

Однако, зачем же понадобилось ему организовать разбой? Какую пользу принесло ему его соучастие в грабеже и убийстве?

На это легко ответить.

Царские слуги хорошо понимают, что чем больше растет наше рабочее движение, тем неустойчивее становится наш «старый порядок», и тем более приближается тот день, когда они должны будут расплачиваться за свои бесчисленные преступления перед русским народом. И они всеми силами стараются отдалить наступление этого судного дня. Борьба с постоянно растущим рабочим движением стала для всех них отчаянной борьбой за свое собственное существование. И они ведут эту борьбу с жестокостью и коварством, достойными самой мрачной эпохи падения Византии. Нет такой подлой меры, перед которой они остановились бы в своей «охранительной» политике. Сначала они попытались разрушить возникающие рабочие организации путем

проникновения в них шпионов и провокаторов всякого рода; они надеялись воскресить в этих организациях практику печальной памяти Дегаева,—первый период зубатовщины. Потом, увидев, что этот прием не приносит всех тех плодов, которые от него ожидались специалистами полицейского развращения; убедившись в том, что самосознание нашего рабочего класса беспрерывно делает все новые и новые шаги вперед, и что социалистическое движение все более и более грозит стать движением массы, они сделали попытку привлечь массу на свою сторону, обещая ей некоторые экономические уступки и оказывая ей некоторую поддержку в борьбе с капиталистами,—второй период зубатовщины. Эта попытка сопровождалась и дополнялась попыткой довести до отчаяния передовых представителей пролетариата и толкнуть их на дорогу никого не терроризующего «террора»,—первомайские розги прошлого года. Наконец, когда эта попытка оказалась такою же неудачной, как и усилия создать в рабочей среде влиятельную «независимую» партию и остановить успехи социал-демократии, правительство Николая Малоумного выкинуло на стол свою последнюю карту: оно старается теперь затемнить быстро зреющее самосознание русского пролетариата, заразив его ядом племенной вражды и религиозного фанатизма. Своим преступным поведением во время кишиневского разбоя русское правительство как бы говорит нам, социал-демократам: Вы хотите разбудить массу; вы стремитесь сделать ее могущественнейшим фактором дальнейшего исторического развития России. Очень хорошо! Будите массу, но знайте, что нерадостно будет для вас ее пробуждение; помните, что масса есть кровожадный зверь, и что, когда этого зверя спускают с цепи, он безжалостно терзает все его окружающее, не отличая своих от чужих, не разбирая ни правого, ни виноватого. Вы взываете к массе, повторяя свой боевой клич: «пролетарии всех стран, соединяйтесь», а в ее среде загорится национальная вражда, и русский рабочий примется «разносить» своего же собственного товарища, если только этот товарищ принадлежит к другому племени или исповедует другую веру. Вы хотите разбудить массу. Посмотрите же на ее кровавые подвиги и сознайте безумие своего замысла. Вот что говорит нам русское правитель-

ство своей организацией кишиневского разбоя, своим соучастием в кишиневских убийствах. И надо сознаться, что эти его слова не лишены внушительного красноречия. Они могут показаться тем более убедительными, что в начале 80-х годов графу Игнатьеву удалось направить в антисемитическое русло быстро усиливавшееся народное недовольство и тем надолго затормозить революционное движение в России. Нам, социал-демократам, предстоит ответить на внушительное красноречие антисемитических разбоев еще более внушительным красноречием революционного действия.

Нам предстоит фактами убедить правительство в том, что времена изменились, и что оно не знает, каковы русские рабочие в настоящее время.

Наша партия, идущая во главе пролетариата, обязана показать, что правительство ошибается в расчете, полагая, что ему удастся развратить русский рабочий класс антисемитической травлей. Она обязана вызвать противодействие антисемитизму из самой рабочей среды. Она обязана собственными силами организовать отпор «громилам». Как именно нужно делать это в том или другом случае, зависит, конечно, от местных условий. Там, где наша партия уже так сильна, что она может при первой надобности выдвинуть на улицу несколько сот решительных рабочих, она должна немедленно силой подавлять всякие попытки анти-еврейских «беспорядков». Там, где ее влияние еще не так велико, ей следует отвлекать внимание волнующейся массы от евреев и направлять эту массу против полиции путем устройства демонстраций, нападения на полицейские здания и т. п. Наконец, там, где ей не удастся даже и это, наши комитеты должны, по крайней мере, смело и самоотверженно выступать против бушующей толпы и защищать евреев, — и вообще избиваемых инородцев, — не отступая ни перед опасностью, ни перед нелепыми упреками [1]). Они должны помнить, что, спасая избиваемых, они будут спасать честь своей партии, честь русского пролетариата и будущность всего нашего движения.

---

1) Говорят, что в Кишиневе нескольким смелым людям удалось отстоять целых два квартала. Социал-демократы не должны никому уступать честь такого энергичного почина.

Царское правительство выкинуло на стол свою последнюю карту. От нас зависит убить ее и тем отрезать ему последний путь спасения. Российская социал-демократическая рабочая партия свято исполнит свой долг перед русским рабочим классом, перед всей страною. На нее смотрит теперь социал-демократия всего мира.

Времена меняются

Теперь, когда кровавые кишиневские события поставили перед нами на очередь чрезвычайно важный практический вопрос о том, как противодействовать «анти-еврейским беспорядкам», не бесполезно будет вспомнить, что в 1881 г. почти на всем юге России происходили еврейские погромы, не только принесшие с собою много совершенно незаслуженного и ненужного горя множеству еврейских семейств, но и способствовавшие возникновению национальных предрассудков даже в таких слоях нашего населения, которым прежде они были совершенно чужды. Без всякого преувеличения можно сказать, что психологические последствия еврейских погромов 1881 г. не переставали вредить нашему социалистическому движению в течение всего последнего двадцатилетия. Уж одного этого, — помимо естественных и неизбежных побуждений гуманности, которые у социалистов должны быть гораздо сильнее, чем у людей «старого мира»,—было достаточно для того, чтобы наша партия сделала решительно все зависящее от нее для борьбы с антисемитическими «громилами».

Кишиневский погром был организован местными юдофобами при любезном участии полиции. Бациллы антисемитизма усердно культивируются в полицейских участках. Правительство, очевидно, хочет повторить прием 1881 г., когда оно остановило начинавшееся революционное брожение в народе, своевременно открыв предохранительный клапан еврейских погромов. Но 22 года, протекших с тех пор, чрезвычайно изменили положение дел. Теперь в русском рабочем классе есть уже несравненно больше сознательных элементов, чем было их в то время. Эти со-

знательные элементы сумеют дать решительный отпор нашим антисемитам.

В борьбе со стихийными движениями, подобными еврейским погромам, несколько энергичных и сознательных революционеров может сделать чрезвычайно много. Во время ростовских беспорядков 1879 г. толпа, возбужденная и раздраженная дракой с полицейскими, проходила мимо синагоги. Мальчики стали кидать каменья в ее окна. Неизвестно, что произошло бы дальше, если бы из толпы не раздались голоса, решительно протестовавшие против этого и звавшие бить полицию. Толпа послушалась этих голосов и дала полиции такой превосходный урок, которого та долго не забывала: несколько полицейских частей подверглось жестокому опустошению. Это хороший пример для подражания.

Не знаем, обратили ли наши читатели внимание на тот факт, сообщенный нашими «легальными» газетами, что в то самое время, когда в Кишиневе происходил еврейский погром, в Житомире толпа едва не избила 4-х китайцев, служивших в местном цирке и вышедших посмотреть на праздничное гулянье. Зачем ей понадобилось бить китайцев? Очевидно, только затем, чтобы дать исход смутному недовольству, вызываемому тяжелыми условиями жизни, но еще не освещенному революционным сознанием. Когда полиция заметит, что в массе накопилось много такого недовольства, она, естественно, постарается отвратить его от себя и направить против «жидов», татар, армян, китайцев, словом против первых встречных иностранцев или инородцев. Мы должны мешать ей открывать этот предохранительный клапан. На крики: «бей жидов!» (или других инородцев) мы должны отвечать криками: «бей полицию!». Настроение массы теперь таково, что эти крики не останутся без сочувственного отзыва: нам сдается, что житомирская толпа, собиравшаяся бить китайцев, очень охотно поколотила бы полицию.

Правительство играет очень опасную для него игру. Оно забыло, что теперь и пролетариат уже не тот, да не те и социалисты. В 1881 г. фракция, господствовавшая в нашем революционном движении, еще не стояла на точке зрения современного социализма и потому не сумела правильно отнестись к еврейским погромам

Она приняла их за начало социальной революции. Это ясно видно из ее тогдашних изданий.

Во внутреннем обозрении № 6 газеты «Народная Воля»[1]) еврейским погромам было отведено значительное место. По словам обозревателя, во всей России народ начинает сознавать, что он довольно уже терпит, но пока это сознание проявляется лишь спорадически. «Только на юге, прежде чем в других местностях, народное недовольство стало выражаться массовым революционным движением, получившим, в силу местных условий, анти-еврейский оттенок». Далее мы читаем, что в настоящее время помещики, «как владеющий класс», являются на юге России чем-то совершенно уже отжившим, и что народ уже не принимает их во внимание, относясь к ним скорее снисходительно, чем враждебно. «Все внимание обороняющегося народа, — продолжает обозреватель,—сосредоточено теперь на купцах, шинкарях, ростовщиках, словом, на евреях, этой местной буржуазии, поспешно и страстно, как нигде, обирающей рабочий люд... Откровенный, подчас насмешливый цинизм евреев в деле обирания не поддается описанию. Фигаро прошлого века (?), наверное, был и менее смышлен, и более совестлив». В подтверждение своих слов обозреватель ссылается на известную реакционную газету «Киевлянин», которая, конечно, не стесняется в своих нападках на евреев. Затем, приведя потрясающие душу описания «революционных» подвигов громил, обозреватель замечает: «По поводу еврейских погромов многие интересовались ролью, которую мы, социалисты-революционеры, (sic!), оставляем за собою при подобных народных расправах. Во имя гуманности тяжело отвечать на это, но ответ сам по себе ясен. Помните у Тэна одну сцену из французской революции? К трупу женщины, только что задушенной раз'яренной толпой, бросается один из убийц, распарывает ей грудь, вырывает сердце и в исступлении впивается в него зубами. Потрясающие сцены! Но неужели Робеспьер, Дантон, С. Жюст и Демулен, ввиду крайностей раз'яренного притеснениями народа, должны были отказаться от своей роли и своей обязанности в истории Франции? Проявления революционного движения зависят от миросозерцания известного класса или известного общества, но результаты его

[1]) Этот номер помечен 23 октября 1881 года.

обусловливаются степенью его сознательности, при чем направляющей силой является передовая, более энергичная и более сознательная революционная группа. Во Франции, во время революции, такой группой были якобинцы; в России ею является Исполнительный Комитет. Относиться не только отрицательно, но даже индифферентно, к чисто народному движению мы не в праве; мы обязаны выражать общую формулу всех сил, справедливо недовольных и активно протестующих, и сознательно направлять эти силы, удерживая при этом их исходный пункт». — Эти строки сопровождаются подстрочным примечанием, в котором говорится: «Автор здесь повторяет только взгляд, высказанный Исполнительным Комитетом в прокламации к украинскому народу, от 30-го августа 1881 г.». Этим примечанием устраняются все возможные недоразумения. Приведенный нами взгляд на еврейские погромы не был взглядом какого-нибудь отдельного народовольца; в 1881 г. он был, так сказать, официальным взглядом «Партии Народной Воли».

Прокламация же Исполнительного Комитета, на которую ссылается газета «Народная Воля», есть та самая, о которой говорит Тун в своей книге (см. стр. 178 нашего издания) и которая призывает украинцев «мстить панам, грабить жидов и убивать чиновников».

Мы не станем доказывать здесь, что наши «социалисты-революционеры» начала 80-х годов жестоко ошибались, воображая, будто анти-еврейские движения похожи на тот могучий революционный взрыв, который положил конец существованию «старого порядка» во Франции. Доказывать это—значило бы обижать нынешнего читателя революционных изданий. Мы не станем и упрекать революционных деятелей прошлого времени за эту их жестокую ошибку: они уже сошли с исторической сцены. Да мы не затем и отметили их ошибку, чтобы пускаться в упреки. Мы только хотели сравнить прошлое с настоящим и показать, до какой степени нынешнее положение дел не похоже на то, которое существовало лет двадцать тому назад. Теперь и пролетариат совсем уже не тот, и социалисты совсем другие. Поэтому и прием, удавшийся нашему правительству тогда, не удастся теперь. Времена меняются.

«Ортодоксальное» буквоедство

I

Н. Рязанов посвятил целых 302 страницы критике нашего проекта программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии [1]). Это, конечно, очень хорошо, и я первый похвалил бы его за трудолюбие и поблагодарил бы за внимание к нам, если бы его критика проливала хоть немного нового света на наши программные вопросы. К сожалению, именно этого-то она и не делает. Рязанов ничего не выясняет и очень многое запутывает. Его критика бесплодна, как девственница, посвятившая себя богу. К тому же она невыносимо мелочна и манерна. Она чрезвычайно сильно напоминает мольеровских «prècieuses ridicules». Можете судить поэтому, как отрадно читать и как приятно разбирать новое произведение Рязанова! Это поистине мука; нечто вроде докучливой зубной боли.

Да не подумает, однако, читатель, что я плохо отзываюсь о книге Рязанова просто в отместку за его критику: «вот, мол, тебе, ты нас критикуешь, а мы над тобой смеемся». Совсем нет! Если бы мы даже и отличались мстительностью и если бы мы способны были мстить за критическое отношение к нам со стороны товарищей, то и тогда сочинение Рязанова не внушило бы нам мысли об отместке: представляемый им род критики нам совсем не опасен, потому что всякий мало-мальски чуткий читатель, наверное, тотчас же заметит в ней полное отсутствие серьезного и вдумчивого отношения к предмету. Притом, что касается собственно меня, то если бы я и был лицеприятен в своих литературных отзывах, то я скорее был бы склонен хвалить, чем хулить книгу Рязанова. Он

---

[1]) См. его книгу: «Материалы для выработки партийной программы». Выпуск II: «Проект программы «Искры» и задачи русских социал-демократов». Издание группы «Борьба», Женева 1903 г.

часто с большим одобрением ссылается на мои сочинения, а в одном месте даже причисляет меня к лучшим теоретикам современного социализма. Это, согласитесь, очень большой комплимент. До такой степени большой, что я даже испугался и с беспокойством спросил себя. Откуда мне сие? Уж не написал ли я чего-нибудь педантического? Уж не похож ли и я на мольеровских précieuses ridicules? Но меня до некоторой степени успокоило то соображение, что Рязанов одобряет меня далеко не во всех отношениях. Он хвалит собственно только прежние мои произведения, а то, что написано мною в «З а р е» и «И с к р е», не удостоивается его одобрения. По правде сказать, я не равнодушен и к прежним своим работам, и мне было бы очень неприятно убедиться в том, что, например, моя книга «Н а ш и р а з н о г л а с и я» или мои статьи, напечатанные в «С о ц и а л-Д е м о к р а т е», грешат в сторону того смешного литературного педантизма, который так пышно цветет на страницах книги Рязанова. Но и тут мне во-время пришла в голову одна очень успокоительная мысль. Именно, я сказал себе, что если Рязанов нашел нужным похвалить мои прежние работы и с недоумением пожать плечами по поводу позднейших, то это обстоятельство не имело никакого отношения к с о д е р ж а н и ю и д о с т о и н с т в у тех и других. Нет,

...Умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил...

Не потому хвалит Рязанов мои прежние произведения, что в самом деле находит их хорошими, а просто потому, что ему н а д о похвалить их по некоторым причинам вполне постороннего и притом совершенно «музыкального» свойства. Стало быть, мне нечего и огорчаться его похвалою.

Но какую же «музыку» любит Рязанов? В данном случае ему нравится вот какая.

Ему, изволите ли видеть, хочется доказать, что прародительница русской социал-демократии, группа «О с в о б о ж д е н и е Т р у д а», стояла на правильной точке зрения до тех пор, пока не была введена во искушение змием-искусителем Лениным. Он сожалеет об ее грехопадении, но вместе с тем дает понять, что признает существование смягчающих ее вину обстоятельств и, — буде она, раскачавшись, восстанет против змия,— готов даже стереть главу

оного. Он рекомендует нашей партии отклонить проект программы, выработанный редакцией «З а р и» и «И с к р ы», и принять старый проект гр. «Освобождение Труда» с соответствующими изменениями. Он, как видно, считает свое предложение крайне лестным для этой группы и надеется, что она станет его поддерживать. Такая «музыка» была бы очень приятна Рязанову. Но мы не имеем ни малейшего желания услаждать его слух.

Во-первых, Рязанов жестоко ошибся, вообразив, что критикуемый им проект программы был навязан нам, членам бывшей группы «Освобождение Труда», змием-искусителем. Змий-искуситель вообще никогда ничего не навязывал нам, а всегда действовал в идейном согласии с нами, как товарищ-единомышленник, нисколько не хуже нас понимавший великое значение правильной теории в нашем деле и нимало не склонный приносить ее в жертву п р а к т и к е. И если проект программы, предлагаемый нами российской социал-демократии, имеет свои недостатки, то за эти недостатки мы, — т.-е. П. Аксельрод, В. Засулич и я, — ответственны ничуть не меньше, чем Ленин или какой-нибудь другой член нашей редакционной коллегии. Рязанов и иные проницательные «читатели», любящие посудачить насчет «Искры» и «Зари», очень хорошо сделают, раз навсегда запомнив это мое категорическое заявление. Легенда о змие-искусителе, довольно усердно культивируемая теперь некоторыми любителями поэтического вымысла, должна быть окончательно оставлена.

Во-вторых, нынешний наш проект программы есть именно не что иное, как с т а р ы й п р о е к т г р у п п ы «О с в о б о ж д е н и е Т р у д а», вновь изданный с соответствующими изменениями. Рязанов не одобряет этих изменений, но мы убеждены, что без них обойтись невозможно, и если бы наша партия поручила нам написать новую программу и при этом взять за точку исхода старый проект нашей группы, то мы немедленно и ни мало не колебаясь восстановили бы, параграф за параграфом, проект, известный теперь под именем проекта редакции «Искры» и «Зари». Никакого другого проекта мы не могли бы написать по той простой причине, что всякий другой проект не так точно выражал бы наши взгляды.

Рязанов находит в проекте «Искры» и «Зари» большие и неуместные уступки так называемым критикам Маркса. Теоретическая часть проекта кажется ему составленной под сильным влия-

нием г. Бернштейна. Но она кажется ему такою единственно вследствие того, что он не понимает, в чем заключается существенное содержание так называемого теперь ортодоксального марксизма. В своем правоверии он не идет дальше слов и выражений, и когда ему попадается в разбираемом им проекте какое-нибудь непривычное для него слово или выражение, он вопит: «Караул! Измена марксизму! Чего смотрит Плеханов? Почему он не разит оппортунистического змия—Ленина?». Такая приверженность к ортодоксии по-своему даже трогательна, но в то же время она высоко комична. Она поистине ждет своего Мольера.

Вот пример. Рязанов прочитал в неприятном ему проекте следующие строки: «Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала».

Эти строки приводят Рязанова в большое негодование, потому что он открывает в них «кануперо», как называл вредные идеи один цензор у Некрасова. «Почему программа говорит о расширении области господства капиталистических отношений, когда можно было просто сказать о росте или развитии капитализма? — ехидно вопрошает он, — не потому ли, что рост капитализма означает рост пролетариата, т.-е. экспроприацию самостоятельных производителей sans phrases, а слова «расширение области производства» и т. д. отличаются большою «гибкостью» и дают возможность лучше охватить живую действительность? (стр. 21—22). На этот ехидный вопрос ответить очень не трудно. Если бы мы почему-нибудь избегали говорить «о росте пролетариата» и об «экспроприации самостоятельных производителей sans phrases», то мы не сказали бы, что усовершенствование техники превращает часть мелких самостоятельных производителей в пролетариев. Раз мы сказали это, то ясно, что говорить о росте пролетариата мы ни капельки не боимся. А если мы считаем нужным прибавить, что в

зависимость от капитала, кроме того, попадают многие из тех мелких производителей, которые еще не успели стать пролетариями, то нужна вся педантическая наивность Рязанова, чтобы увидеть в этом прибавлении уступку оппортунистам. На самом деле тут не уступка, а нечто прямо противоположное. Оппортунисты, — вместе с Рязановым, — измеряют рост капитализма ростом пролетаризации производителей. А мы говорим, что они,—т.-е. оппортунисты и Рязанов, — употребляют неточную меру, потому что местами мелкие производители, которые, повидимому, сохранили свою самостоятельность, а потому и не могут быть причислены к пролетариям, на самом деле все-таки попадают в зависимость от капитала. Стало быть, рост капитализма совершается быстрее, чем это кажется оппортунистам (и Рязанову). Вот что говорят непонравившиеся нашему критику строки. Где же в них оппортунизм? Где страх перед г. Бернштейном? Ничего этого в них нет и следа. А потому мы ни мало не боимся и тех насмешек, которыми осыпает их наш критик. Мы знаем, что эти насмешки — плод теоретической беспомощности Рязанова, запомнившего известные «ортодоксальные» выражения, но не понявшего смысла «ортодоксального» марксизма. На его насмешки мы ответим ему словами поэта:

Остра твоя, конечно, шутка,
Но мне прискорбно видеть в ней
Несчастье твоего рассудка
И счастье памяти твоей.

А почему мы называем упомянутую зависимость мелких производителей от капитала более или менее явной, более или менее полной, более или менее тяжелой? Нет ли тут какой-нибудь уступки оппортунистам? Нет, и эти строки написаны нами не потому, что мы хотели отступить перед оппортунистами, а напротив, потому, что мы считали нужным и возможным принудить их к отступлению. Пока зависимость мелкого производителя, — например, крестьянина, — от капитала не бьет еще в те близорукие глаза, которые существуют главным образом затем, чтобы не видеть, она неохотно принимается во внимание социалистическими оппортунистами и апологетами капитализма, и попав-

полную» и т. д. зависимость от капитала, см. выше). Но победа крупного производства над мелкими знаменует собою именно рост хозяйственного значения крупных предприятий. Судите же после этого о глубокомыслии Рязанова, с самодовольным ехидством вопрошающего нас: «неужели постоянное усовершенствование техники ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей только потому, что увеличивает хозяйственное значение крупных предприятий?» (стр. 22).

Наш глубокомысленный и едкий Рязанов не унимается:

«Мелкие самостоятельные производители вытесняются--кем?»--ехидно вопрошает он. Но читатель согласится, что отвечать на этот вопрос совершенно излишне: дело ясно и без того. Мы предпочитаем потолковать с Рязановым о кризисах. Тут мы можем услышать от него нечто в самом деле пикантное.

В нашем проекте программы показано, каким образом технический прогресс изменяет производственные отношения современного общества к невыгоде пролетариата. Вслед за этим мы говорим: «Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся соперничество этих стран на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающих количествах. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному или даже абсолютному ухудшению положения рабочего класса».

Эти строки приводят Рязанова в очень веселое настроение духа. Он, как говорится, просто покатывается со смеху и непрерывно блещет шутками. «Назвался груздем, полезай в кузов»,—острит он.—«Более или менее острый кризис» и «более или менее продолжительные периоды промышленного застоя» могут только еще «более или менее» разорять мелких производителей, еще «более или менее» увеличивать зависимость наемного труда от капи-

тала и т. д. Этот вывод, конечно, «более или менее» нелеп, но виноваты тут «более или менее» нелепые посылки» (стр. 33).

Очень хорошо! Острота твоя, конечно, шутка! Но чем же именно нелеп тот вывод, который подсказывает нам наш остроумный критик? Тем ли, что вредное влияние кризисов и периодов застоя на положение пролетариата и мелких производителей определяется в нем лишь как «более или менее» сильное? Нет! Это совсем не нелепость, это—самая очевидная истина: кто же не понимает, что не все кризисы и не все периоды промышленного застоя одинаково вредно влияют на положение наемных рабочих и мелких производителей? Нелепость не здесь. Она заключается в том предположении,—молчаливо принимаемом в остроумной шутке Рязанова,—что, чем острее кризис, тем вреднее его влияние на положение указанных классов. Это предположение ни на чем не основано: при известных условиях менее острый кризис может оказаться более вредным для рабочих и для мелких производителей, чем кризис более острый. То же надо сказать и о периодах промышленного застоя. Их вредное влияние не может быть измеряемо одной их продолжительностью. Оба эти молчаливые предположения, действительно, нелепы. Но они не наши: они сделаны Рязановым. Значит, и смеется Рязанов не над нами, а над самим собою.

Но это еще только цветочек, а вот ягодка—и довольно сочная. Со свойственной ему остротой и беспощадностью анализа Рязанов разбирает строки, относящиеся у нас к кризисам и периодам застоя, можно сказать, до самых мелких подробностей. Так, например, услышав, что мы говорим о кризисах и о периодах промышленного застоя, он, нахмурив лоб, наморщивши чело, немедленно ставит нам следующий тонкий и, по его мнению, уничтожающий вопрос: «Какое значение имеет тут союз «и»? Противопоставляет или соединяет?» И он не берется отвечать за нас: «Трудно сказать определенно, — говорит он, разводя руками.—Мы можем только сказать, что «и», поставленное между этими двумя понятиями, должно показывать, что авторы отличают кризисы от периодов промышленного застоя. Иначе они не сочли бы нужным выделить второе явление». Что верно, то верно! Мы, в самом деле, отличаем кризисы от периодов

застоя и потому мы рукоплещем догадливости Рязанова. Но он недоволен нами; он сердится; он опять становится язвительным. «Для чего они это сделали?»—спрашивает он, грозя очами, и насмешливо отвечает: «Для обстоятельности. И действительно, если явится какой-нибудь новый Бернштейн и докажет нам, что «более или менее острые кризисы» уже исчезают, то у нас про запас останутся еще более или менее продолжительные периоды промышленного застоя! Мы таким образом победоносно парируем возможное возражение возможного Бернштейна. Но, к сожалению, мы при этом «фотографичность», конкретность тож, покупаем на счет логики и научности» (стр. 32).

Вот оно как! На счет логики и научности! Но не слишком ли это строго, наш остроумный критик? Почему вы вообразили, что мы убоялись возможного Бернштейна? Почему вы не хотите допустить, что мы просто-на-просто хотели остаться верными действительному взгляду действительного Маркса? Возьмите действительный первый том действительного сочинения, называемого: «Капитал» и там, на действительной 374-й странице действительного русского перевода (под редакцией г. П. Струве), вы найдете вот что:

«Эта громадная, дающая себя знать в толчках растяжимость фабричного производства и его зависимость от мирового рынка необходимо порождают лихорадочное производство и следующее за производственной горячкой переполнение рынков, сокращение которых производит паралич. Промышленная жизнь таким образом превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя». Как вы думаете, глубокомысленный критик, — какое значение имеет тут союз «и»? Противопоставляет он или соединяет? Согласитесь, что это очень интересный вопрос, и не скажете ли вы нам, какого именно «возможного Бернштейна» боялся действительный Маркс, когда действительно отличал кризисы от периодов промышленного застоя?

Подумайте об этом, а мы пока отметим, как в том же (первом), так и в третьем томе «Капитала» много подобных мест, не оставляющих никакого сомнения в том, что сам действительный Маркс страдал ненавистной вам «обстоятельностью».

До сих пор я восхищался счастьем памяти Рязанова и оплакивал лишь несчастье его рассудка. Теперь я скажу, что в злополучной борьбе его с союзом «и» он был одновременно покинут и рассудком, и памятью. И тут он потерпел окончательное крушение, погиб во цвете лет и несравненной литературной красоты. Рязанов может теперь воскликнуть, слегка видоизменяя слова пушкинского Олега и произнося их не с иронией, а с самой неподдельной меланхолией:

Так вот где таилась погибель моя,
Мне смертию «и» угрожало.

Бедный Рязанов! Мне, право, вас очень, очень жалко.

Вся книга нашего неугомонного критика написана в таком духе. Рязанов выдает себя за ортодокса, но занимается он просто-напросто буквоедством, при чем,—как мы только что видели,—по временам очень сильно удаляется от ортодоксальной точки зрения. Оно и понятно: чтобы стать «ортодоксом», одной памяти на слова и выражения недостаточно: нужна способность к диалектическому мышлению, которой у Рязанова нет и следа. Увесистым плодом более или менее «ортодоксального» буквоедства Рязанова явились три сотни печатных страниц, решительно никому,—кроме самого Рязанова, да разве еще его группы,—не нужных и решительно ни на что не пригодных, кроме разве служения очень ярким примером того, что иное дело критика, а иное дело буквоедство. Скучно возиться с буквоедством. Но... долг прежде всего. И в следующем номере я, по долгу службы, буду продолжать свой разбор более или менее «ортодоксальных» критических упражнений Рязанова.

II

Неумолимый Рязанов не ограничился тем, что прочитал нам строгую и в то же время ехидную нотацию по поводу «союза и». Он подвергает своему критическому разбору весь наш взгляд на основную причину промышленных кризисов и об'явил его неудовлетворительным и не «ортодок-

сальным». Маркс и Энгельс смотрели на этот предмет, по его словам, совсем не так, как мы. Мы и здесь уклонились от ортодоксии, убоявшись г. Бернштейна и его единомышленников. Но мы уже знаем, что у Рязанова рассудок гораздо слабее памяти; мы видели, кроме того, что даже и память изменяет ему подчас самым вероломным образом. Посмотрим же, не напутал ли он чего-нибудь и в общей теории кризисов.

Чтобы как можно скорее уличить нас в ереси, Рязанов прямо и решительно ставит нам вопрос о том, чем обусловливается перепроизводство, проявляющееся, — как говорит наш проект программы,—в более или менее острых кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя. Наш проект отвечает на этот вопрос, говоря, что перепроизводство представляет собою неизбежное следствие технического прогресса (т.-е. развития производительных сил) в буржуазном обществе, производственные отношения которого, уже и сами по себе крайне невыгодные для рабочего, все более и более изменяются в пользу капиталиста, причиняя этим относительное, а местами даже и абсолютное ухудшение положения пролетариата. Но именно этот ответ и не нравится нашему будто бы ортодоксальному критику, именно против него-то и направляет он острый нож своего критического анализа. Самым первым и, как ему кажется, самым неопровержимым доводом против нашего взгляда служит у него следующая выписка из второго тома «Капитала»: «Сказать, что кризисы происходят от недостатка способных платить потребителей, будет простым тождесловием. Капиталистический строй не знает иного рода потребления, кроме платящего, исключая лиц, пользующихся общественным призрением и мошенников. То, что товары не находят сбыта, означает только, что они не находят покупателей, способных заплатить за них, т.-е. не находят потребителей (предполагая, что товары покупаются, в конце концов, для производительного или личного потребления). Если же этому тождесловию придать вид более глубокой основательности, сказав, что рабочий класс получает слишком незначительную долю своего собственного продукта и что беде можно помочь, увеличив долю его участия, вследствие чего повысится его заработная плата, то на это придется только заметить, что кризис каждый раз подготовляется как раз таким пери-

одом, в продолжение которого заработная плата вообще повышается, и когда, в действительности, рабочий класс получает большую долю в той части годичного продукта, которая предназначена для потребления. Такие периоды должны были бы, наоборот, предотвратить кризисы, с точки зрения этих рыцарей «простого» здравого смысла. Следовательно, оказывается, что капиталистическое производство заключает в себе условия, независимые ни от доброй воли, ни от злого умысла, допускающие сравнительное благосостояние рабочего класса только на короткое время и которые бывают всегда только буревестниками кризиса».

Рязанов думает, что эта цитата разом ниспровергает весь наш взгляд на основную причину кризисов. Но он думает так единственно потому, что, *запомнив* некоторые термины Маркса, он *не понял* ни его экономического учения вообще, ни только что приведенной цитаты в частности.

Какой вывод вытекает из этой цитаты? Тот,— и только тот,— что капиталистическое производство в самом себе заключает условия, не зависящие от воли людей и роковым образом ведущие к кризисам. Этот вывод сделан самим Марксом, и его, разумеется, трудно было бы оспаривать. Но этот вывод ни крошечки не опровергает нас, потому что *мы никогда и не утверждали противного*. Ведь наш проект именно и говорит, что те условия, при которых развиваются производительные силы в капиталистическом обществе, неизбежно (т.-е. независимо от воли людей) ведут к перепроизводству. Не противоречит нашему взгляду и то замечание Маркса, что ссылка на отсутствие способных платить потребителей не об'ясняет происхождения кризисов. Мы очень хорошо знаем, что—*не об'ясняет*, так как весь вопрос в том и заключается, *чем вызвано отсутствие названных потребителей*. Кто хочет ответить на *этот* вопрос, тот должен показать, *в какой причинной связи находится это отсутствие* с общим характером и развитием производственных отношений в капиталистическом обществе. Наш проект немногими словами *обнаруживает эту причинную связь*. Он показывает, что развитие капиталистических отношений роковым образом (т.-е. опять-таки независимо от воли отдельных лиц) ведет к относительному, а иногда и абсолютному обеднению про-

летариата. И здесь,—как и повсюду,—наш проект остается вполне верным учению Маркса, который категорически утверждает, что «последней причиной всех действительных кризисов остается всегда (заметьте, Рязанов, **всегда**) бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического общества развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества» [1]). Пусть Рязанов потрудится доказать нам, что это категорическое утверждение Маркса хоть немного противоречит тому, что сказано в нашем проекте.

Рязанов хорошо и сам знает, что никакого противоречия тут нет, и он предвидит, что мы,—если найдем нужным с ним спорить, — укажем ему именно на только что приведенные слова Маркса. Поэтому он сам счел нужным процитировать их, сделав по их поводу следующее замечание: «Но из этого еще далеко не следует, что «основатели научного социализма» могли бы удовлетвориться при об'яснении кризисов ссылкой на «распределение национального дохода», на несоответствие покупательной способности населения данной страны ее производительным силам», на «относительное и даже абсолютное ухудшение положения рабочего класса» и т. д.

Я остановлюсь на этом замечании потому, что оно чрезвычайно хорошо характеризует «критическую» манеру и метод мышления Рязанова, если только можно говорить о методе мышления человека, привыкшего оперировать только словами.

Маркс и Энгельс не удовлетворились бы при об'яснении кризисов ссылкой на распределение национального дохода, на бедность масс и т. д. Допустим, что это так. Но ведь и мы «не удовлетворяемся»; ведь и мы идем дальше, показывая, каким образом распределение национального или,— если угодно, — общественного дохода обусловливается развитием производственных отношений. Почему же Рязанов об'являет нас «удовлетво-

1) «Капитал», том III, стр. 395.

ренными»? Просто потому, что ему нечего сказать, и что он «критикует» подобно тому непривлекательному герою в одной из комедий Плавта, который, попав в затруднение, восклицает: «теперь я должен путать, этого требует положение дел!».

А кроме того я спрошу Рязанова: где, в каком случае Маркс и Энгельс не удовлетворились бы ссылкой (разумеется, не искаженной, а правильно понятой) на распределение доходов и т. д.? Если бы они писали специальное исследование о кризисах, то, разумеется, им этой ссылки было бы недостаточно. Но там, где речь идет об указании последней причины кризисов, — а в нашем проекте она идет именно о ней, — они не только удовлетворились бы, но и на самом деле удовлетворялись названной ссылкой, что доказывается приведенным мною местом из третьего тома «Капитала», написанным Марксом и оставленным Энгельсом без всяких поправок и комментариев, как нечто совершенно очевидное и неоспоримое.

Рязанов упрекает нас в том, что мы не выяснили, чем отличается теория кризисов Маркса от теории кризисов Родбертуса. Это поистине комичный упрек: в проекте программы совсем не место заниматься историей экономических учений. Но что нашего указания на распределение национального дохода недостаточно для того, чтобы об'явить нас родбертусианцами, это ясно видно из следующих строк Маркса:

«Все количество товаров, — как та часть, которая возмещает постоянный и переменный капитал, так и та, которая представляет прибавочную стоимость, — весь продукт должен быть продан. Если это не произойдет или произойдет только отчасти, и лишь по таким ценам, которые ниже цен производства, то хотя рабочие и эксплоатируются, но эксплоатация их для капиталиста не реализируется... Условия непосредственной эксплоатации и условия реализации не тождественны. Они не только не совпадают во времени и в пространстве, но представляют собою совершенно различные понятия. Одни ограничиваются производительными силами общества, другие — соразмерностью различных отраслей производства и потребительной способностью общества [1]). Последняя же определяется не абсолютною производительною

[1]) Подчеркнуто мною.

силою и не абсолютною потребительною способностью, но потребительною способностью на почве антагонистических условий распределения, сводящих потребление значительнейшего большинства общества к наименьшей величине, изменяющейся лишь в более или менее узких пределах[1]). Она ограничивается далее стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала, к производству прибавочной стоимости в более широких размерах... Поэтому рынок должен постоянно расширяться... Внутреннее противоречие пытается разрешиться расширением внешнего поля производства. Но чем более развивается производительная сила, тем более она впадает в противоречие с узким базисом, на котором основываются отношения потребления»[2]).

К чему ведет это противоречие? К перепроизводству. Ясно, стало быть, что при «об'яснении» перепроизводства ссылка на отношения потребления и распределения не только не излишня, но прямо неизбежна: отказаться от нее значит не выяснить ничего в этом предмете, и нужно быть Рязановым, чтобы по ее поводу кричать об измене ортодоксии.

«Присущая капиталистическому способу производства тенденция абсолютного развития сил и находит себе выражение не в перепроизводстве средств потребления, а в перепроизводстве средств производства, — поучает нас Рязанов. — В этом перепроизводстве и нужно искать главную причину кризисов» (стр. 42).

Тэ-э-эк-с. Но... пусть по этому поводу говорит опять автор «Капитала»:

«Между капиталистами, изготовляющими товары, служащие постоянным капиталом, происходит непрерывное обращение... которое прежде всего не находится в зависимости от личного потребления в том смысле, что никогда не входит в него, но которое, однако, в конце концов, определяется им, так как произ-

[1]) Подчеркнуто опять мною.

[2]) «Капитал», III том, стр. 189 русского перевода. Этот перевод местами очень неудачен, потому я сделал кое-какие поправки в выписанных мною строках. Последние строки опять подчеркнуты мною.

водство постоянного капитала никогда не совершается ради него самого, но только потому, что капитала этого требуется более в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление»[1]).

Как видно, говоря о кризисах, от личного потребления не уйдешь; а если не уйдешь, то не минуешь и того вопроса о распределении дохода в капиталистическом обществе, самая постановка которого заставляет Рязанова кричать: «Караул! изменили Марксу!». Нечего сказать, хорош ортодокс!

Прошу у читателя извинения за длинные выписки из «Капитала». Я нашел необходимым сделать их потому, что они, как мне кажется, исчерпывают вопрос, и что из них видно, до какой степени были неверны Марксу те экономисты, которые пытались решить вопрос о рынках вообще и о кризисах в частности, отвлекаясь от отношений распределения. Революционная сторона Марксовой теории кризисов состоит в указании на периодическое перепроизводство, как на признак того, что производительные силы капиталистического общества переросли свойственные ему имущественные отношения, т.-е. его экономическую организацию. А по учению указанных экономистов выходило, что подобного перерастания нет и быть не может. Это их учение не только не обнаруживало основного противоречия развитого капиталистического общества, но, напротив, закрывало это противоречие рядами совершенно произвольно взятых примерных цифр, не менее произвольно построенных «схем» и ни на чем не основанных силлогизмов. Оно относилось к теории Маркса, как успокоительное утешение относится к грозному предсказанию. Рязанов нападает на нас именно с точки зрения этого учения. И это обстоятельство дает нам меру его «ортодоксальности».

Но пока довольно о кризисах, довольно о «серой теории». Поговорим о практических задачах нашей партии.

По мнению Рязанова, «Искра» из рук вон плохо решает эти задачи: здесь оппортунизм нашей редакционной коллегии дошел

---

1) «Капитал», III том, стр. 242. Подчеркнуто мною.

до апогея; здесь уступчивость бывшей группы «Освобождение Труда» простерлась до того, что «старая революционная программа русской социал-демократии» оказалась целиком сданной в архив. Это поистине ужасно. И если этот ужас не придуман нашим беспощадным критиком, то надо признать, что бывшая группа «Освобождение Труда», выработавшая «старую революционную программу русской социал-демократии», а потом сдавшая ее «в архив» по настоянию змия-искусителя, прямо-таки виновна в измене.

Но где ж не страшен прокурор?

Послушаем, на чем основывается обвинение.

Вот, например, Рязанову очень не нравится то место нашего проекта программы, в котором сказано, что в России, где капитализм уже сделался господствующим способом производства, на каждом шагу встречаются остатки старого, докапиталистического общественного порядка, препятствующие экономическому прогрессу и не допускающие всестороннего развития классовой борьбы пролетариата. По поводу этого места Рязанов принимается, по своему обыкновению, иронизировать.

«Что ей Гекуба?—восклицает он.—Каким образом в социал-демократическую программу попал экономический прогресс? И неужели, желая содействовать всестороннему развитию классовой борьбы пролетариата, мы должны способствовать экономическому прогрессу?» [1]) (стр. 211). Слово прогресс кажется Рязанову не только лишним, но прямо непозволительным в социал-демократической программе. Он напоминает нам, что Маркс «никогда не говорил об экономическом прогрессе, он говорит только об экономическом развитии» (стр. 212). Пример автора «Капитала», конечно, всегда будет в наших глазах очень поучителен, но, не имея привычки останавливаться перед словами, а стараясь усвоить скрывающиеся за ними понятия, мы попросим Рязанова припомнить предисловие к первому изданию первого тома «Капитала», в котором говорится между прочим, что Германия, как и вся остальная континентальная Западная Европа, страдает не только от развития капиталистического про-

[1]) Подчеркнуто Рязановым.

изводства, но и от недостаточного его развития. «На-ряду с современными бедствиями, — утверждает Маркс, — нас угнетает целый ряд унаследованных бедствий, вытекающих из прозябания старых, отживших свой век способов производства, со всеми сопутствующими им явлениями. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых». Как полагает Рязанов, находил ли Маркс нужным содействовать устранению этих пережитков старого? А если находил, то почему оказываемся виновными в измене марксизму мы, стремящиеся к устранению до сих пор сохранившихся у нас в России многочисленных обломков докапиталистического порядка? Каким образом задача, бывшая обязательной и неизбежной в программе Маркса и его западно-европейских товарищей, стала неуместной и даже компрометирующей, попав в программу русских социал-демократов?

— Но зачем понадобился вам экономический прогресс?— с горечью восклицает Рязанов.—Почему вы не говорите о развитии?

— Успокойтесь, почтеннейший!—отвечали мы ему.—Вспомните, что мы стоим на диалектической точке зрения, а с этой точки зрения всякий процесс развития имеет два момента: возникновение и уничтожение, другими словами,—прогресс и регресс. Не будучи реакционерами, мы по необходимости склоняемся к прогрессу и считаем себя обязанными бороться со всеми теми явлениями и учреждениями, которые задерживают прогрессивное движение общественных отношений. Если бы мы думали иначе, то мы уподобились бы тем «истинным» немецким социалистами 40-х годов, над которыми так едко смеялся «Манифест Коммунистической Партии» и с которыми у вас есть очень не мало сходства, обусловливаемого тем, что вы, подобно им, при вашей педантической любви к мудреным терминам, совершенно неспособны к диалектическому мышлению, без помощи которого невозможно ни решить, ни правильно поставить революционные задачи нашего времени.

До какой высокой степени простирается неспособность Рязанова покинуть точку зрения метафизика, рассуждающего по формуле: «да—да, нет—нет, что сверх того—то от лукавого», видно из следующего примера.

В рецензии, написанной мною на книгу анонимного автора «Россия накануне двадцатого столетия» и напечатанной в «Заре», я характеризовал русских либералов известного разряда словами: «умные и образованные, честные и неподкупные». Эта характеристика кажется Рязанову чрезвычайно забавной. Он постоянно возвращается к ней и каждый раз, можно сказать, покатывается со смеху. Особенно комичным кажется ему то обстоятельство, что к либералам указанной категории я причислил и неизвестного автора рецензированной мною брошюры, очень отрицательно относящегося к Чернышевскому и его единомышленникам. Рязанов твердо убежден, как видно, в том, что такое отношение к нашим великим просветителям возможно только со стороны глупых, необразованных, бесчестных и подкупленных людей. Такое убеждение свидетельствует об его большом уважении к людям, действительно заслуживающим большого уважения. Но оно же обнаруживает его поистине ребяческую наивность, его полную неспособность понять диалектику чувств и настроений, порождаемых общественной борьбою. Сам Чернышевский хорошо понимал эту диалектику, и потому он с большим сожалением посмотрел бы на своего ребячески-наивного защитника.

Наше отношение к либералам вообще очень не нравится Рязанову. Он видит в нем одно из самых ярких доказательств нашего оппортунизма. И он охотно выдвигает вперед это мнимое доказательство, зная, что эта сторона наших тактических взглядов до сих пор плохо понята той частью русских социал-демократов, которая еще не вполне разделалась с предрассудками «экономизма». Здесь, как и везде, Рязанов не раз'ясняет вопроса, а только запутывает его. Поэтому я считаю не безынтересным на нем остановиться.

Наше отношение к различным политическим партиям, существующим в современной России, может быть определено словами «Манифеста Коммунистической Партии», гласящего: «коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение против существующих общественных и политических отношений» [1]). При этом само собою понятно, что наше со-

[1]) Подчеркнуто мною.

чувствие к каждому данному общественному движению тем сильнее, чем глубже и серьезнее его революционное значение. Но революционной в полном и самом глубоком значении этого слова является теперь только партия пролетариата, только социал-демократия. В сравнении с ней все остальные партии могут быть признаны революционными только отчасти, только в известных, иногда довольно узких пределах. Не умея стать на точку зрения пролетариата, революционеры других партий поневоле вносят в свою социально-политическую пропаганду и агитацию элемент узкости, ограниченности. Поскольку этот элемент приходит в противоречие с нашей пропагандой и агитацией, постольку он вносит путаницу в умы рабочих, постольку он является консервативным или даже реакционным, и постольку мы считаем себя обязанными бороться с ним что называется не на живот, а на смерть, не смущаясь упреками, сыплющимися на нас по этому поводу со стороны некоторых наивных читателей и слушателей. Этим об'ясняется наша всем известная и столь многих возмущающая «страсть к полемике». Но именно потому, что эта «страсть» обусловливается нашей крайней революционной точкою зрения и только ею, мы, не смущаясь никакими «догмами» и никакими «схемами», отдаем должное даже самым упорным и решительным нашим политическим противникам, если они, не пытаясь затемнять классовое самосознание рабочих, делают хоть сколько-нибудь решительные шаги в борьбе с ныне существующим порядком вещей. И потому мы кажемся «оппортунистами» некоторым не по разуму усердным защитникам «ортодоксии». Таково наше общее отношение к другим партиям. А что касается в частности либералов, то мы, видя в них представителей буржуазии, относимся к ним совершенно так, как относились Маркс и Энгельс к германским либеральным буржуа конца сороковых годов прошлого века. «В Германии,—говорит «Коммунистический Манифест»,—коммунистическая партия идет рядом с буржуазией, поскольку эта последняя является революционной в борьбе своей против абсолютной монархии, против средневековой поземельной собственности и мелкого мещанства... Но ни на минуту не перестает она выраба-

тывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата».

Рязанов сам хорошо понимает, что и в этом отношении мы верно следуем примеру Маркса и Энгельса, и потому он об'являет, что Маркс и Энгельс ошибочно поняли политическую роль, предстоявшую тогда немецкой буржуазии. Не вдаваясь в рассмотрение этого исторического вопроса, я ограничусь тремя небольшими замечаниями.

Во-первых, если наше отношение к либеральной буржуазии ошибочно, то выходит, что мы ошибаемся в довольно недурной компании, т.-е. вместе с авторами Коммунистического Манифеста.

Во-вторых, весьма достойно замечания то обстоятельство, что для того, чтобы доказать наше отклонение от ортодоксии, Рязанову понадобилось обвинить в ошибке самих Маркса и Энгельса.

В-третьих, ошибка, которую навязывает нам наш критик, не имела бы никакого практического значения даже в том случае, если бы она существовала на самом деле. Ошибка эта заключается, по словам Рязанова, в том, что мы преувеличиваем прогрессивную роль нашей буржуазии. Положим, что мы действительно преувеличиваем ее. В чем же заключаются вредные практические последствия такого преувеличения? Перестаем ли мы, вследствие этого, развивать в умах рабочих сознание противоположности их интересов с интересами буржуазии? Стремимся ли мы хоть немного ослабить совершающуюся у нас борьбу классов? Кто знаком с нашими изданиями и кто не захочет принять греха на свою душу, тот скажет, что ничего подобного никогда не было и что мы всегда резко и решительно отстаиваем классовую точку зрения пролетариата. Наши будто бы преувеличенные ожидания от буржуазии ни на волос не отклоняют нас от той линии, по которой мы пошли бы, если бы таких ожиданий совсем не было. А потому и упрекать нас за них—значит плодить совершенно бесплодные пререкания по такому вопросу «ожидания», при решении которого нет никакой возможности применить сколько-нибудь точный метод. Я знаю, что именно этими «ожиданиями» об'ясняется та наша будто бы ересь, что мы хотим,

как выразился тов. Ленин, итти во все классы общества. Именно в этом желании и усмотрели некоторые наши критики измену пролетариату. Но здесь мы опять видим, что люди оперируют словами, не уяснив себе обозначаемых ими понятий. Когда идеологи французской буржуазии XVIII столетия «шли» в аристократическую среду, вербуя там борцов за новый общественный порядок, изменяли ли они точке зрения своего класса? Нет, тут никакой измены не было, а был совершенно правильный политический расчет (или, если хотите, инстинкт), приводивший к еще более прочному утверждению той же самой точки зрения. А будет ли изменой, если идеологи пролетариата пойдут в «высшие» классы с целью найти там средства и силы, способные служить интересам социал-демократии? Кажется, что и тут никакой измены не будет, кажется, что и это «хождение» будет делом политического расчета. Стало быть, с принципиальной точки зрения тут и толковать не о чем. Остается вопрос практической возможности. Существуют ли в «высших» классах России такие средства и силы, которые могли бы сослужить хорошую службу нашему движению? Да, они пока еще существуют в очень значительном количестве, и было бы очень, очень жаль, если бы не сумели воспользоваться ими. Далее, существуют ли в нашей собственной среде такие лица и даже целые группы лиц, которые, не имея возможности действовать в среде пролетариата, могли бы, однако, завязать прочные и выгодные для нас связи в так называемом обществе? Такие лица несомненно существуют. Стало быть, и с этой стороны вопрос решается очень просто: «хождение» во все классы общества—в указанных пределах—и возможно, и обязательно. И пусть не смущает нас при этом мысль об измене нашему принципу. Измена вызывается совсем другими причинами. Изменить пролетариату можно, ни на минуту не выходя из его среды. Для этого надо только утратить ясное представление о границе, отделяющей его интересы от интересов других классов. Но что касается этой утраты, то не пропаганда «Искры» и «Зари» может способствовать ей. Ведь мы прославились своей «страстью к полемике» именно потому, что всегда и везде, резко и беспо-

щадно отстаивали классовую точку зрения пролетариата.

Читатель видит отсюда, как далеки и «Искра», и «Заря» от намерения сдавать в архив «старую революционную программу русской социал-демократии». Если такая программа существовала,—и она действительно существовала,—то «Искра» и «Заря» явились ее лучшими и надежнейшими защитниками. Они безбоязненно отстаивали ее в то печальное время, когда против нее со всех сторон раздавались вопли настоящих оппортунистов и теперь, когда,—благодаря этим органам,—дело этих оппортунистов совершенно проиграно; теперь, когда—опять-таки, благодаря им, «Заре» и «Искре», в нашей социал-демократии окончательно восторжествовало революционное направление, обвинять их в измене «ортодоксии» значит собственною рукою писать себе свидетельство об умственной бедности или же спекулировать на умственную бедность иных читателей по тем или другим чисто личным соображениям.

На этот раз довольно.

III.

Прочитав нам нотации на тему о том, что в социал-демократической программе «нет места» борьбе с остатками докапиталистических общественных отношений, Рязанов принимается доказывать нам, что учреждения, — он говорит: «явления», — принятые нами за пережитки старого общественного строя, на самом деле должны быть рассматриваемы, как «начатки» нового и именно капиталистического порядка. Доказательства, приводимые им в этом случае, до такой степени характерны для его, будто бы, критики, что я не могу устоять перед искушением привести, по крайней мере, некоторые, наиболее замечательные из них.

«А между тем еще большой вопрос, — говорит он, — насколько все те явления, на которые указывает программа «Искры», связывая их с «остатками», об'ясняются действительно этими остатками, а не «начатками» капитализма. Пришлось ли бы нам теперь заниматься «радикальным пересмотром условий освобождения крестьян», если бы это «освобождение» не было подготовлено не

«народным производством», а «капитализмом на барщинной основе», если бы оно не было совершено земледельцами, уже искусившимися в деле выколачивания «прибавочной стоимости», в союзе с государством, не менее их заинтересованном в развитии капитализма?» (стр. 215).

Эти строки написаны, как видит читатель, в высшей степени неуклюже, и потому правильное их понимание — не очень легкое дело. Но поскольку оно возможно, их приходится истолковать в том смысле, что если бы уничтожение крепостного права было подготовлено так называемым (в народнической литературе) народным производством, а не капитализмом на барщинной основе, то мы не были бы вынуждены теперь требовать радикального пересмотра условий освобождения крестьян. Но, спрашивается, могло ли «народное производство» создать такие условия, при которых уничтожение крепостного права сделалось бы настоятельной экономической необходимостью? На этот вопрос всякий, хоть немного толковый человек без малейшего колебания ответит отрицательно: нет, это «производство» само сделалось с течением времени прочнейшей основой нашего крепостничества во всех его видах и разновидностях. На этот счет никакие сомнения невозможны. А раз мы убедились в этом, то у нас возникает новый вопрос: зачем же понадобилась Рязанову его нелепая гипотеза «подготовления» крестьянской реформы 1861 г. народным производством? Очевидно, она понадобилась ему лишь для более яркого оттенения той мысли, что если крестьяне были освобождены на очень невыгодных для них условиях, то это об'ясняется не чем иным, как именно развитием капитализма, правда, еще продолжавшего сохранять свою барщинную основу. А эта мысль, повидимому, должна сделать неизбежным для нас тот вывод, что положение, в которое был поставлен русский крестьянин законодательным актом 1861 г., само было «подготовлено» развитием капитализма.

В этом выводе справедливо только то, что экономическое развитие, совершившееся в направлении к капитализму, сделало в высшей степени нужными для помещиков такие условия освобождения, при которых крестьянин обратился бы в полупролетария, вынужденного продавать свою рабочую силу. Поскольку крестьянин сделался таким продавцом рабочей силы, постольку он попал в то положение, в котором находится весь вообще рабочий класс в ка-

питалистическом обществе и которое будет устранено только социалистической революцией. Это положение,—конечно, не пережиток старины, и не против него направлены те параграфы нашей программы, которые имеют в виду борьбу с остатками старого докапиталистического порядка. Но дело в том, что это положение, общее малоземельному крестьянину с пролетарием, осложняется существованием целого ряда таких учреждений, благодаря которым наш продавец рабочей силы оказывается связанным по рукам и ногам и вынуждается продавать свой единственный товар на условиях еще менее выгодных, чем те, на которых он продал бы его, находясь в правовом положении пролетария современного буржуазного общества. Вот эти-то учреждения представляют собой пережитки нашего старого крепостнического порядка; вот против них-то и приглашает наших революционеров бороться та часть нашего проекта программы, которая подала повод к сбивчивым рассуждениям Рязанова о «начатках» и «остатках». Если Рязанов думал, что «эти учреждения—напр., прикрепление крестьян к земле и тому подобное—начатки капитализма, то он должен был привести в пользу своего мнения что-нибудь посерьезнее той комичной гипотезы, по смыслу которой нам не нужно бы было требовать радикального пересмотра условий освобождения крестьян, если бы оно было подготовлено народным производством. Но он не привел ничего по той простой причине, что привести ему было решительно нечего, а поговорить было нужно, по соображениям, не имеющим ничего общего с задачами социал-демократической программы.

«Разве период от эпохи великих реформ до настоящего времени, — продолжает Рязанов, — период непрерывного развития капитализма, не создал целого ряда начатков, не допускающих всестороннего развития классовой борьбы пролетариата?» (стр. 215).

Положим, что — создал. Следует ли из этого, что остатки, указываемые в нашем проекте, не существуют, или что указанию на борьбу с ними «нет места» в программе революционной социал-демократии? Кажется, что этого ни откуда не следует.

Но Рязанов еще не кончил. «Разве он (т.-е. только что указанный период) не создал целого ряда начатков, не только содействующих сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства, но и создающих новые менее вар-

варские, но несравненно более утонченные? Разве он не создал целого ряда начатков, которые держат в темноте и бесправии весь народ не в меньшей степени, чем остатки докапиталистических порядков? Неужели протекционизм, податная система, милитаризм и т. д., и т. д. являются последствием крепостного права?» (стр. 216)

Что сказать на это? Если указанный Рязановым, период действительно создал новые, менее варварские, но зато более утонченные формы эксплоатации крестьянства, то здесь возможно одно из двух: или эти новые формы основываются на старых правовых учреждениях, завещанных нам нашим крепостническим прошлым, или они опираются на такие положения нашего гражданского права, которые, по содержанию своему, вполне соответствуют производственным отношениям новейшего капиталистического общества. В первом случае всякая серьезная борьба с ними есть борьба против «остатков» и намечается относящимися сюда пунктами нашей программы. Во втором,—борьба с новыми формами эксплоатации является лишь одним из видов социал-демократической борьбы с капитализмом. Задачи этой последней борьбы тоже очень ясно указаны в нашей программе, и вот почему новые, менее варварские, но более утонченные формы эксплоатации крестьянина не могут ни застать нас врасплох, ни дать хотя бы тень довода против той или другой части нашей программы.

Что касается русской податной системы, то она и до сих пор отчасти основывается на бесправии крестьян, как особого податного сословия, и в этих пределах она, несомненно, опирается на «остатки». А что касается протекционизма, милитаризма «и т. д. и т. д.» (мало ли чего тут можно насчитать), то подобные явления в своем существе свойственны не только нам, но и Западной Европе, и в том смысле они, конечно, не могут быть причислены ни к каким «остаткам». Но я опять спрашиваю: что же из этого следует? Из этого следует только то, что ответа на вопрос о том, как бороться с ними, следует искать не в той части нашей программы, которая посвящена «остаткам». Вот только и всего. Читатель без труда согласится, что этого совершенно недостаточно для того, чтобы доказать мысль Рязанова, т.-е. что «остаткам нет места в соц.-демократической программе».

«И социал-демократы лучше всего поступят,—продолжает Рязанов,—если, предоставив буржуазной демократии воевать против остатков докапиталистических порядков, будут, со своей стороны, указывать лишь, что гибель их неизбежна там, где капитализм уже стал господствующим способом производства и что при товарном хозяйстве они из источника благосостояния превращаются в источник проклятий» (стр. 216).

В буквоедстве есть своя логика, как и во всем прочем. Запомнив только т е р м и н ы ортодоксального марксизма и не будучи в состоянии понять его содержание, Рязанов, естественно, приходит к таким практическим выводам, которые представляют собою самую злую пародию на марксизм. Мы предоставим буржуазной демократии воевать против остатков нашего старого порядка, а сами ограничимся лишь у к а з а н и я м и на то, что гибель этих остатков «неизбежна там, где» и проч.! Нет, господин Рязанов, если бы мы поступили так, мы тем самым с неопровержимой ясностью показали бы раз навсегда, что правы были народники и суб'ективисты, обвинявшие марксистов в к в и е т и з м е; если бы мы поступили так, то в этом случае мы целиком предоставили бы буржуазной демократии роль революционного фактора в современной русской общественной жизни, отводя для самих себя лишь жалкую роль к а б и н е т н ы х п е д а н т о в.

А что этот случай далеко не маловажен, это видно из того, что наше крестьянство, к которому юридически принадлежит также и большинство промышленных рабочих, в своей борьбе за лучшие условия существования, до сих пор на каждом шагу наталкивается на те препятствия, которые создаются существованием «остатков» и которые дают умелому агитатору множество незаменимых поводов для политической агитации. Упускать эти поводы на том основании, что иному мыслителю «о с т а т к и» могут, пожалуй, показаться «н а ч а т к а м и», значило бы уподобиться знаменитому метафизику, который, сидя в яме, медлил воспользоваться спущенной ему веревкой ввиду того, что она есть лишь «вервие простое», и непременно хотел знать, нельзя ли, вместо нее, придумать «что-нибудь другое». Если наша партия претендует на честь быть самой энергичной и самой решительной носительницей революционной идеи, то она о б я з а н а решительнее и энергичнее всех других партий бороться с остатками докапиталистических

отношений. Иначе ее претензия станет неосновательной и потому смешной.

«Докапиталистический общественный порядок не всегда основывался на закрепощении,—замечает Рязанов.—Никогда не нужно забывать, что, как говорит Маркс, очень удобно быть «либеральным» на счет средних веков. И в такой стране, как Россия, где «капитализм уже стал господствующим способом производства», нам нужно уже разрушать всякие легенды о докапиталистических порядках» (стр. 217).

Что не всякий докапиталистический порядок основывается на крепостничестве, это совершенно справедливо. Но в нашем проекте речь идет о совершенно определенном и всем известном докапиталистическом порядке, в основе которого действительно лежало закрепощение трудящейся массы высшим сословиям, государству или его главе. Как прикажете назвать этот порядок, если не порядком, основанным на закрепощении? Что же касается до удобства быть либеральным на его счет, то я не вижу, в чем именно оно заключается. Русский читатель, под влиянием народнической пропаганды, в течение очень долгого времени склонен был, наоборот, к идеализации нашего докапиталистического порядка,— по крайней мере с его экономической стороны, — вследствие чего у нас гораздо легче было «либеральничать» в его пользу, чем против него. И хотя капитализм в самом деле стал у нас теперь господствующим способом производства, но, во-первых, это признается еще не всеми, а, во-вторых, капиталистический способ производства еще далеко не имеет у нас соответствующей ему правовой надстройки. Между экономией и правом у нас существует теперь глубокое противоречие, устранение которого должно быть первой великой победой нашего социалистического движения. А так как наша правовая надстройка, — в той мере, в какой она противоречит требованиям современного общества,—унаследована нами от нашего докапиталистического порядка, то мыслящий русский человек не может быть слишком «либеральным» на счет этого порядка. Смешно и сравнивать наше отношение к этому порядку с тем отношением, в каком находится к «средним векам» гражданин современной Западной Европы. Рязанов и здесь

попал впросак. Он захотел говорить, как Маркс, в виду таких общественных отношений, в присутствии которых Маркс, наверное, выразился бы иначе.

Очень не нравится Рязанову и то, что царизм изображается нами, как самый крупный и самый вредный пережиток нашего докапиталистического порядка. Наш критик об'являет этот взгляд плодом просветительной историографии, свойственной буржуазной демократии. «Исторически наше самодержавие, действительно, коренится в прошлом,—говорит он,—но эту судьбу оно делит со многими другими явлениями общественной жизни. Не в пример другим «остаткам», оно — не пережиток, случайно сохранившийся обломок прошлого. Увы! Оно очень прочно сидит в настоящем. И если бы авторы нашего проекта не делили всю историю на два периода: один докапиталистический, а другой — капиталистический, они увидели бы, как сильно менялся характер нашего самодержавия, ну хотя бы от Иоанна III» (стр. 220).

Ни в нашем проекте, ни в комментариях к нему нет ни одной строчки, дающей повод думать, что мы приписываем русскому самодержавию неизменный характер. Мы прекрасно знаем, что этот характер изменялся вместе с ходом развития наших общественных отношений. Но неоспоримый факт такого изменения ни мало не мешает нашему самодержавию быть «остатком», «пережитком» прошлого. Разве фигурировать на исторической сцене в качестве «пережитков» или «остатков» могут только такие учреждения, которые отличаются неизменным характером? Это было бы ново! И почему Рязанов думает, что мы считаем самодержавие случайно сохранившимся обломком прошлого? Ведь на эту мысль опять-таки нет и тени намека ни в нашем проекте, ни в наших комментариях к нему. Но таков неизменный характер главного «критического» приема Рязанова: он заключается в приписывании противнику нелепостей, никогда не приходивших ему в голову, и в победоносном опровержении этим вымышленных нелепостей. Нечего и говорить, что такой прием чрезвычайно облегчает Рязанову дело его «критики».

Далее мы узнаем от Рязанова ту интересную новость, что наше самодержавие всегда было орудием в руках того или иного общественного класса. «Особенно сильные изменения потерпело оно в

период от конца XVIII века до эпохи великих реформ, когда «народное производство»... окончательно уступило место капитализму на барщинной основе. И мы будем несравненно ближе к истине, если скажем, что наше самодержавие в его современной форме есть продукт начатков капитализма. Исторические предания того времени, когда оно было орудием в руках одних дворян, уже давным-давно, хотя и «с упорством», отступают на задний план перед сильными и крепкими ростками капитализма. Оно пытается еще сохранить равновесие между землевладением и буржуазией, но растущие в силу развития капитализма противоречия внутри обеих его опор должны будут привести его к гибели, несмотря на все попытки приспособиться к изменившейся классовой структуре» (стр. 220).

Итак, самодержавие погибнет, потому что оно не в состоянии приспособиться к изменившейся «классовой структуре». Почему же для него недоступно такое приспособление? Не потому ли, что самодержавие представляет собой такое политическое учреждение, которое не соответствует капиталистическому обществу, достигшему значительной степени развития? А если это так, то не значит ли это, что самодержавие есть политическое учреждение, являющееся пережитком старого общественного порядка? Очень на то похоже! Рязанов и сам чувствует это, но не сдается. Он об'являет самодержавие продуктом начатков капитализма на том основании, что оно давно уже перестало быть орудием в руках одних только дворян и стало служить также и буржуазии для достижения ее целей. Но этот довод был бы убедителен только в том единственном случае, если бы Рязанов доказал нам, что буржуазия никогда не захотела бы или не смогла бы обратить в свое орудие тот или другой пережиток старого порядка. А так как он этого не доказал и никогда не докажет, то вся его аргументация опять рассыпается, как карточный домик. На самом деле всякий новый, восходящий общественный класс всегда старался, и не без успеха, воспользоваться для своих собственных целей учреждениями, выросшими на почве старого общественного поряка, и вступал в борьбу с этими учреждениями только тогда, когда, при их помощи, достигал уже известной степени развития. Так, напр., было время, когда буржуазия старалась обратить феодальные учреждения в орудие для достижения своих целей. Но заключать отсюда, что эти учреждения были продуктом «на-

чатков» буржуазного развития, может только человек, не умеющий «приспособиться» к самым элементарным требованиям логики.

Очень не нравится Рязанову также и та наша мысль, что самодержавие по самой природе своей враждебно всякому общественному движению.

«Откуда эта демократическая мудрость попала в соц.-дем. программу?—грозно выкрикивает Рязанов.—Неужели составители проекта не знали, что самодержавие по самой своей природе враждебно *не всякому* общественному движению, а только *определенным*, не общественным движениям *всяких* классов, а только *определенных*?» (стр. 222).

Мы уже слышали от Рязанова, что наше самодержавие всегда было орудием в руках того или другого общественного класса. Если это так, то ясно, что и в царствование Николая Павловича был такой общественный класс, который умел сделать свое орудие из неограниченной царской власти. Мы не будем вступать в препирательство с Рязановым по вопросу о том, какому именно классу служило тогда самодержавие: для нас довольно того, что оно непременно должно было служить одному или нескольким из них, если только верна наша первая посылка. Исходя из этого убеждения, мы просим Рязанова указать нам, какому определенному движению какого определенного класса не было враждебно правительство царя-фельдфебеля? Откровенно признаемся, что мы такого движения «*не знаем*».

Чем больше я, по долгу службы, вчитываюсь в книгу Рязанова, тем чаще мне вспоминается восклицание, вырвавшееся однажды у Энгельса по адресу некоторых критиков исторического материализма: диалектики недостает этим господам! Рязанову, как я уже говорил, недостает именно диалектики. Он—прирожденный метафизик. А когда метафизик пускается теоретизировать, ничего хорошего ожидать невозможно. У метафизика—как у нигилиста в изображении графа Толстого—и движения угловаты, и учения дубоваты. А Рязанов выдает нам свое дубоватое учение за самую ортодоксальную ортодоксию. Это ли не потеха!

Но еще более угловатым и дубоватым оказывается наш метафизик в критике нашей *аграрной программы*.

Товарищ Ленин, в своей статье об аграрной программе русской социал-демократии, заметил, что там, где дело касается движения

промышленных рабочих, мы многое возьмем готовым «у немцев», а в аграрной области нам, может быть, удастся выработать нечто новое. Едва Рязанов прочитал эти слова, у него, как говорится, ушки оказались на макушке: «Гм! Новое! Стало быть, такое, чего не было в сочинениях Маркса и Энгельса. А то, чего не было в сочинениях Маркса и Энгельса, не может быть ортодоксально. Значит, Ленин еретик, и его надо третировать как такового». Но еще более разгорелась ортодоксальная ревность Рязанова, когда он услышал от Ленина, что в аграрной области «не все, справедливое на Западе, справедливо на Востоке». По этому поводу Рязанов разразился следующей ехидной тирадой:

«Это «новое» состоит в открытии, что «все на свете имеет две стороны». Если на «Западе» аграрная программа, ставящая себе целью «умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность», является нарушением принципа социал-демократии, то на «Востоке» мы имеем «исключительный пример». Мы поддерживаем и умножаем мелкую собственность в интересах устранения остатков крепостного порядка и свободного развития классовой борьбы в деревне, иными словами в интересах развития сельско-хозяйственного капитализма» (стр. 247).

С точки зрения диалектического материализма все на свете действительно имеет две стороны. Данный принцип, важный в применении к одной стороне или к одному времени, имеет очень много шансов оказаться ложным в применении к другой стороне или к другой эпохе. Но метафизик этого не понимает и потому он от удивления широко раскрывает рот, когда слышит, что принцип, признанный верным при одних условиях места и времени, об'является неправильным при других. Он видит в этом непоследовательность, противоречия, измену. Метафизики не мало крови испортили великим основателям научного социализма. С метафизиками вел войну, между прочим, «Манифест Коммунистической Партии». Читатель помнит, вероятно, то его место, где говорится о немецких любомудрах, философах и полуфилософах, с жадностью набросившихся на французскую социалистическую литературу и забывших лишь то, «что французские отношения не были перенесены в Германию вместе с социалистической литературой». Эти любомудры, философы и полуфилософы были чистокровными метафизиками. Авторы «Манифеста» не могли простить им

забвения того, что французская социалистическая критика, неразумным отголоском которой они явились, «имеет в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическими отношениями и политической организацией, т.-е. именно те общественные условия, о завоевании которых только еще шла речь в Германии». Столь же чистокровным метафизиком является и Рязанов, указывающий, для нашего посрамления, на западно-европейских марксистов, не желающих «умножать мелкую собственность». Рязанов забывает, что аграрные взгляды этих марксистов, неразумным отголоском которых он является, имеют в виду современное буржуазное общество с соответствующим ему экономическим и правовым положением крестьянина, т.-е. именно те условия, о завоевании которых только еще идет речь в нашей аграрной программе. Когда наш крестьянин окажется в том положении, в каком находится теперь крестьянин Западной Европы, тогда мы тоже будем решительно восставать против всяких попыток «умножать» частную собственность. А теперь, пока наш крестьянин находится в других условиях, пример западно-европейских марксистов не может быть для нас убедительным: находясь в иных общественных условиях, мы по необходимости должны рассуждать иначе. Это не значит, конечно, что мы непременно должны умножать частную собственность. Нет, это тоже зависит от обстоятельств, но очевидно, что раз речь зашла о частной собственности, мы должны рассматривать особенности нашего положения, а не довольствоваться ничего не доказывающей ссылкой на западно-европейских марксистов.

Каковы же те обстоятельства, по поводу которых заходит речь об умножении нами частной собственности?

Эти обстоятельства двоякого рода.

Во-первых, некоторое умножение частной собственности крестьян может явиться результатом возвращения им знаменитых отрезков, т.-е. земель, находившихся в их пользовании и отрезанных у них при уничтожении крепостного права.

Во-вторых, значительное умножение частной собственности будет вызвано предоставлением крестьянину права свободно распоряжаться его землей, т.-е. разложением современного общинного землевладения.

Остановимся сначала на отрезках. Какое значение имеют они в экономической жизни крестьянина? Они являются источником его закабаления. Вот что мы узнаем о них, например, от такого знатока нашей деревенской жизни, каким был А. Н. Энгельгардт:

«При наделении крестьян, лишняя против положения земля была отрезана, и этот отрезок, существенно необходимый крестьянам, поступив в чужое владение, стеснил крестьян уже по одному своему положению, так как он обыкновенно охватывает их землю узкой полосой и прилегает ко всем трем полям, а потому куда скотина ни выскочит, непременно попадет на принадлежащую пану землю. Сначала, пока помещики еще не понимали значения отрезков, и там, где крестьяне были попрактичнее и менее надеялись на «новую волю», они успели приобрести отрезки в собственность, или за деньги, или за какую-нибудь отброску (?), такие теперь сравнительно благоденствуют. Теперь же значение отрезков все понимают [1]), и каждый покупатель имений, каждый арендатор, даже не умеющий по-русски говорить немец, прежде всего смотрит, есть ли отрезки, как они расположены, и насколько затесняют крестьян. У нас повсеместно за отрезки крестьяне обрабатывают помещикам землю—именно работают круги, т.-е. на своих лошадях, со своими орудиями производят, как при крепостном праве, полную обработку во всех трех полях. Оцениваются эти отрезки—часто, в сущности, ничего не стоющие—не по качеству земли, не по производительности их, а лишь по тому, насколько они *необходимы* крестьянам, насколько они их *затесняют*, насколько можно выжать с крестьян за эти отрезки» [2]).

Вот что значат для крестьян отрезки. Было ли бы выгодно крестьянам их возвращение? Ясно, что—да. А если—да, то почему нам не поставить его в свою программу? Потому,—отвечают нам наши критики,—что это было бы равносильно поддержанию и умножению частной собственности. А почему вредно поддержание и умножение частной собственности? Потому, что она задерживает экономическое развитие общества. Других оснований для признания его вредным не имеется. Значит там, где, по тем или иным причинам, оно не задерживало бы, а, напротив, ускоряло бы экономиче-

[1]) Энгельгардт тут не совсем прав; значение отрезков непонятно многим из наших критиков, напр., для г. Рязанова.

[2]) А. Н. Энгельгардт, «Из деревни», стр. 415.

ское развитие общества, против него возражать невозможно. Но это — именно то, что мы видим в интересующем нас случае. Все исследователи единогласно признают, что так ярко изображенное А. Н. Энгельгардтом «затеснение» крестьян посредством отрезков очень сильно тормозит успехи сельского хозяйства в России. Поэтому вернуть крестьянам отрезки значит дать новый толчок экономическому развитию нашей страны. А так как экономическое развитие у нас, как и везде, поведет, в конце концов, к торжеству социализма, т.-е. к отмене частной собственности на средства производства, то выходит, что возвращение отрезков подсказывается интересами социалистической революции, и что поддержание и умножение частной собственности в этом случае ускорит переход средств производства в собственность общественную. Стало быть, мы не только можем, но обязаны стоять за возвращение крестьянам отрезков. Метафизику такой вывод покажется, конечно, логическим фокусом. Но мы и не надеемся убедить метафизиков; мы обращаемся к людям, способным усвоить диалектический метод современного социализма.

Замечу мимоходом, что когда Рязанов приписывает нам намерение выкупить все отрезки (стр. 264—265), то он грубо искажает нашу мысль. Мы допускаем выкуп только там, где бывшие помещичьи имения перешли в другие руки. Но и здесь выкуп должен совершаться — согласно нашему требованию — не на счет крестьян и не на счет государства, а на счет все тех же помещиков, облагаемых на этот предмет особым налогом. Пусть сам читатель судит, насколько такой выкуп был бы похож на «пресловутую выкупную операцию», с которой сравнивает его наш глубокомысленный, остроумный и находчивый Рязанов.

Теперь перейдем к общине. Отмена общинного землевладения, без всякого сомнения, была бы равносильна очень значительному поддержанию и умножению частной собственности. Более того: благодаря ей, многие русские крестьяне впервые приобрели бы землю в частную собственность. Могут ли социалисты согласиться на это, не изменяя своей программы? Мы думаем, что могут; и думая так, мы снова видим себя в очень недурной компании. В

марте 1850 г. центральный комитет Союза Коммунистов в «обращении» (Ansprache) к членам этого Союза, — написанном, очевидно, рукою Маркса,—категорически говорил, что партия пролетариата меньше всего (am allerwenigsten) должна мириться с увековечением общинной собственности (Gemeindeeigentum), которая представляет собою отсталую форму даже сравнительно с современной частной собственностью и которая повсюду необходимо разлагается в эту последнюю. Умножение частной собственности, являющееся результатом разложения собственности общинной, как видим, совсем не представлялось Марксу явлением, способным замедлить движение современного общества к социализму. Да оно и не могло представляться ему таковым. Могучий диалектик, он лучше, чем кто-нибудь, сознавал справедливость того положения, что все на свете имеет две стороны, и что поддержание и умножение частной собственности, вредное и реакционное в буржуазном обществе, более или менее быстро идущем навстречу социалистической революции, может быть необходимой и полезной мерой там, где речь идет об освобождении буржуазного общества от пут «старого режима» и об уничтожении старых, отсталых и отживших форм собственности.

Но только что цитированное мною «Обращение» требует также конфискации «земель феодальных собственников», обращения этих земель в государственную собственность и устройства на них рабочих колоний. Здесь тогдашняя программа Маркса и его единомышленников, повидимому, расходится с нашим проектом, а Рязанов, как будто, оказывается настоящим ортодоксом, потому что его проект аграрной программы в этом отношении сходится с программой Маркса. Но и это только одна видимость, потому что и здесь Рязанов старается говорить, как Маркс, в виду таких общественных отношений, при наличности которых Маркс заговорил бы совершенно иначе.

Если марксизм в самом деле может быть назван алгеброй революции, то программа, верная духу марксизма, должна быть от начала до конца революционной программой. А в революционной программе каждое отдельное требование оце-

нивается с той точки зрения, насколько оно способствует успеху революционного движения. Если обнаруживается, что данное требование, будучи осуществлено, увеличило бы силы контр-революционеров, то оно должно быть отброшено, несмотря на то, что само по себе оно, может быть, и сулило бы некоторые выгоды революционному классу. Взглянем же с этой точки зрения на требование обращения земель в собственность государства.

У нас в России государство издавна привыкло рассматривать земли, не принадлежащие так называемым частным владельцам, как свою собственность. Общинное землевладение крестьян означало на самом деле, что и земля и привязанный к ней крестьянин принадлежали казне и третировались ею применительно к «казенному интересу». Вот почему наше общинное землевладение было самой прочной экономической основой царизма. Чтобы повалить царизм, надо разрушить его экономическую основу, а для этого необходимо поставить крестьянина в условия современного частного землевладения и устранить фактически установившуюся у нас азиатскую форму государственного землевладения. Поэтому всякие проекты национализации земли или обращения помещичьих земель в государственную собственность являются у нас реакционными по существу, вопреки своей революционной внешности. И потому Маркс, наверное, осудил бы эти проекты, как противоречащие основному требованию предстоящей нам революции. Если в Германии он рассуждал иначе, то ведь и условия были там совсем другие.

Рязанов и так называемые социалисты-революционеры,—у которых он заимствовал свой аграрный проект, — говорят, правда, что после революции отнятые у крупных собственников земли станут принадлежать не современному нашему полицейскому государству, а свободной демократической республике, которая совсем иначе будет относиться и к земле, и к земледельцу. Но, говоря так, Рязанов и его «социально-революционные» учителя ставят вопрос, разбираемый нами, на голову. Этот вопрос в том и заключается, как добиться торжества демократиче-

ской республики. Предположив, что этот вопрос уже решен, мы, конечно, устраняем все связанные с ним трудности, но вместе с этим мы покидаем точку зрения научного социализма и превращаемся в утопистов. На самом деле демократическая республика восторжествует и упрочится только в том случае, если революционное движение разрушит экономическую основу царизма, т.-е. то государственное землевладение, к упрочению и расширению которого стремятся социалисты-революционеры (читай: реакционеры) и наш бедный Рязанов.

Еще два слова. Рязанов говорит, что, добиваясь возвращения крестьянам отрезков, мы тем самым признаем, что остальная земля составляет вполне законное достояние помещиков. Это как две капли воды похоже на рассуждение анархистов, не устающих твердить нам, что, требуя сокращения рабочего дня, скажем до восьми часов, мы этим признаем справедливость буржуазной эксплоатации, не выходящей за восьмичасовые пределы. На таких рассуждениях можно не останавливаться.

Рязанов напоминает мне, что в своем комментарии к нашему проекту программы я признаю, что в момент революционного движения нам, может быть, придется выставить требование полной экспроприации помещичьих земель. Я очень хорошо помню это. Но я не вижу тут ровно никакого противоречия с требованием возвращения отрезков. В этих двух требованиях нет никакой качественной разницы, а есть только разница количественная, как была бы только количественная разница в двух законопроектах, из которых один требовал бы сокращения рабочего дня до десяти, а другой, скажем,—до шести часов. К какому требованию мы склоняемся в настоящую минуту, это зависит от соотношения общественных сил и только от него. Теперь, когда революционная энергия крестьянства очень невелика, мы естественно указываем ему более скромное требование, а если придет такое время, когда наше крестьянство обнаружит очень большую революционную энергию, то мы, разумеется, не будем тащить его назад. Это совсем не наше дело. Мы укажем ему более широкую революционную цель. Но и в этом случае мы останемся верны духу своей программы и не станем поддерживать реакционную утопию, заимствованную

Рязановым у социалистов-революционеров. А в этом все дело; в этом главный отличительный признак нашей программы.

Заканчивая теперь мою беседу с Рязановым, я невольно вспоминаю одно замечание Екатерины II. «Не последняя и сия причина к несогласию,—писала однажды галантная императрица,—что некоторые порочат дела других, хотя бы они и полезны были, для того только, что не ими сделано, хотя сами, однако же, их никогда не сильны сделать». Вот так и Рязанов. Мне сдается, что наш проект не нравится ему именно потому, что не им сделан. А сам наш строгий критик «силен» произвести только неудобоваримую смесь из очень плохо понятого им марксизма и, к сожалению, слишком сильно врезавшихся в его память реакционно-утопических требований социалистов-«революционеров».

Речи на втором очередном с'езде Р. С.-Д. Р. П.

Речь при открытии с'езда

Товарищи! Организационный Комитет поручил мне открыть второй очередной с'езд Р.С.-Д.Р.П. Я об'ясняю себе эту великую честь только тем, что в моем лице Организационный Комитет хотел выразить свое товарищеское сочувствие той группе ветеранов русской социал-демократии, которая двадцать лет тому назад, в 1883 году, впервые начала пропаганду социал-демократических идей в русской революционной литературе. За это товарищеское сочувствие я от лица всех этих ветеранов приношу Организационному Комитету искреннюю товарищескую благодарность. Мне хочется верить, что, по крайней мере, некоторым из нас суждено еще долгое время сражаться под красным знаменем, рука об руку с новыми, молодыми, все более и более многочисленными борцами. Положение дел настолько благоприятно теперь для нашей партии, что каждый из нас, российских социал-демократов, может воскликнуть и, может быть, не раз уже восклицал словами рыцаря-гуманиста: «Весело жить в такое время!» Ну, а когда весело жить, тогда и охоты нет переходить, по выражению Герцена, в минерально-химическое царство, тогда хочется жить, чтобы продолжать борьбу; в этом и заключается весь смысл нашей жизни.

Я сказал, что положение дел теперь чрезвычайно благоприятно для нашей партии. Эти слова могут показаться преувеличением ввиду многих неустройств, несогласий и разногласий, так сильно дававших себя чувствовать в последние пять лет. Эти неустройства, несогласия и разногласия были, без сомнения, очень

велики и прискорбны. Но они не помешали нашей партии стать—и в теоретическом, и в практическом отношении—самою сильною партией изо всех существующих в России революционных и оппозиционных партий. Несмотря на все наши разногласия и несогласия, мы одержали уже не одну славную теоретическую победу и имели уже много крупных практических успехов. Двадцать лет тому назад мы были ничто, теперь мы уже большая общественная сила,—я говорю это, конечно, имея в виду русский масштаб. Но сила обязывает. Мы сильны, но наша сила создана благоприятным для нас положением, это стихийная сила положения. Мы должны дать этой стихийной силе сознательное выражение в нашей программе, в нашей тактике, в нашей организации. Это и есть задача нашего с'езда, которому предстоит, как видите, чрезвычайно много серьезной и трудной работы. Но я уверен, что эта серьезная и трудная работа будет счастливо приведена к концу и что этот с'езд составит эпоху в истории нашей партии. Мы были сильны, с'езд в огромной степени увеличит нашу силу. Об'являю его открытым и предлагаю приступить к выбору бюро. (Продолжительные аплодисменты) (стр. 19—20) [1]).

О партийной дисциплине

Заявление тов. Егорова вышло мягким по форме, но резким по существу. Если я не остановил тов. Павловича, то вина падает на меня, как на председателя. Но я потому не остановил тов. Павловича, что не видел в его словах нарушения дисциплины. Императивных мандатов у нас нет. И говоря о партийной дисциплине, мы должны выяснить относящиеся сюда понятия. Дисциплина каждой коллегии является обязательной по отношению к посторонним и низшим инстанциям, но не по отношению к высшим. Я спрашиваю: во-первых, является ли с'езд посторонним по отношению к Организационному Комитету; во-вторых, находит ли с'езд, что он по отношению к Орг. Ком. есть низшая инстанция? Нет, с'езд есть самая высшая партийная инстанция, и тов. Павлович, доложив с'езду этот инцидент, ни в коем случае не нарушил партийной дис-

[1]) Ссылки на страницы относятся к протоколам второго очередного с'езда Р.С.-Д.Р.П. (Женева 1903).

циплины. (Шумные аплодисменты.) — Говоря о дисциплине, я не знал, как смотрят на нее теперь товарищи, работающие в России. И вот я вижу, что большинство товарищей разделяет мое мнение. Поэтому я думаю, что поступил правильно, не остановив тов. Павловича, так как в его словах не было нарушения дисциплины. Наоборот, заявление тов. Егорова должно считаться нарушением дисциплины по отношению к с'езду (стр. 42—43).

Тов. Егоров указывал, что я бросил ему тяжкое обвинение, Несомненно, однако, что обвинение это не менее тяжко, чем то, которое он бросил тов. Павловичу. Любишь кататься—люби и саночки возить. Я никого не обвинял, а лишь оправдывался, как председатель, допустивший будто бы неуместные заявления. А оправдываясь, я должен был высказать те соображения о партийной дисциплине, какими я руководствуюсь. Тов. Абрамсон сомневается в солидарности российских товарищей со мною в определении партийной дисциплины. Я думаю, что российские товарищи согласны со мною, как согласна со мною и логика. Над низшими обязательствами властвуют высшие. Переходя к печальному инциденту, я должен заявить следующее: все мы, как и бюро, вполне признательны Орг. Комитету за его труды по созыву с'езда, но... «Платон мне друг, а истина мне больший друг». Теперь Орг. Ком. существует как группа, дающая отчет в своей деятельности. Нельзя одновременно давать отчет и продолжать деятельность (стр. 45).

О бестактности и национальном фанатизме

Прежде, чем продолжать заседание, я должен обратиться к с'езду с следующим раз'яснением. Я уже имел честь поставить на вид тов. Либеру, что председатель, действительно, должен остановить оратора, когда тот делает бестактное замечание. Но судьей в таких случаях является именно председатель, а не отдельные члены собрания. Я же, как председатель, в заявлении тов. Троцкого ничего бестактного не вижу. Что, собственно, бестактно? То ли, что он упомянул о своем еврейском происхождении, или то, что, упомянув о своем еврейском происхождении, он указал, что считает себя представителем и еврейского пролетариата? Что же касается до перенесения спора на почву национальных страстей, то

если это невинное заявление тов. Троцкого может раздуть национальные страсти, очевидно, эти страсти очень близки к национальному фанатизму

А я не имел права предполагать национальный фанатизм ни в ком из здесь присутствующих. Но, так как, все-таки, в настояниях тов. Либера я вижу неодобрение моему поведению, то переношу этот вопрос на обсуждение с'езда и с своей стороны предлагаю выразить президиуму доверие, без которого мы не можем продолжать заседание (стр. 63—64).

Автономия или федерация

Практическое предложение Либера сводится к тому, чтобы не принимать принципиального решения. Я протестую против этого предложения. Я не думаю выступать против определенного предложения Бунда. Мы хотим соглашения с этой партийной организацией, но, к сожалению, в нашей партийной литературе возник вопрос: автономия или федерация. Этот вопрос казался столь важным с'езду, что он решил его обсуждение поставить в первую голову. И после двухдневных споров, после того, как мы выслушали соображения Либера о прелестях федерации, было бы странно не подвести итогов тому, к чему мы пришли. Раз большинство высказалось против федеративного принципа, то отклонять резолюцию было бы странно, нецелесообразно и нелогично; раз федеративный принцип считается вредным, вносящим разложение, смерть, то резолюция должна быть принята, и в ней должно быть сказано: мы отвергаем федерацию. Прав Мартов, когда говорит, что, не обсуждая подробностей устава, мы в принципиальной резолюции должны сказать: поскольку федеративный принцип есть в предложении товарищей из Бунда, постольку мы его отрицаем. Хотя в новом предложении и есть уступки, но в основе его лежит федеративный принцип,—таково, по крайней мере, мое личное мнение. Если мы высказываемся против федерализма, то мы этим же и высказываемся против указанных пунктов, относя обсуждение подробностей предложенного устава к тому времени, когда станет на очереди пункт шестой порядка дня (стр. 99 — 100).

Я сделаю два замечания тов. Гофману. Первое—по вопросу о технической автономии. Все, выходящее за пределы этой автономии, мы считаем федерализмом и отвергаем в качестве такового. Но пределы технической автономии могут быть шире или уже. И мы не имеем намерения суживать их. Нам говорят, что мы изменили порядок дня. На самом деле никакого изменения нет. Его видят в том, что мы хотим стать на принципиальную почву. Пункт второй очередного порядка гласит: «место Бунда в Партии»; мы хотим ответить: место Бунда не должно определяться федеративными принципами. Будет ли это уклонением? Нет, это будет ясным, категоричным и недвусмысленным ответом на второй очередной вопрос. Такой ответ не понравится Бунду, но мы не обязаны ему нравиться, и с'езд может со спокойной совестью принять предлагаемое ему решение (стр. 102).

О программе

Я хочу обратить ваше внимание вообще и тов. Мартынова в частности, что он перевел спор на ту почву, на которой спорить неудобно, на которой спор становится непроизводительной тратой сил. Замечание, сделанное им против п р о г р а м м ы, имеет в виду одну фразу в одном из произведений одного из редакторов проекта программы. Предположим даже, что эта фраза была неудачна. То и тогда, следовательно, это доказывало бы, что все остальные наши идеи превосходны. Прием тов. Мартынова напоминает мне одного цензора, который говорил: «дайте мне «Отче наш» и позвольте мне вырвать оттуда одну фразу—и я докажу вам, что его автора следовало бы повесить». Но все упреки, направленные против этой злополучной фразы, и не одним товарищем Мартыновым, а многими и многими другими, основаны на недоразумении. Тов. Мартынов приводит слова Энгельса: «Современный социализм есть теоретическое выражение современного рабочего движения». Тов. Ленин также согласен с Энгельсом, а если бы он не был согласен с ним, то его действительно следовало бы повесить. Но ведь слова Энгельса—общее положение. Вопрос в том, кто же формулирует впервые его теоретическое выражение. Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую статью против экономистов, которые говорили: мы должны ждать, к чему придет рабочий класс сам, без по-

мощи «революционной бациллы». Последней запрещено было говорить что-либо рабочим, именно потому, что она—«революционная бацилла», т.-е. что у нее есть теоретическое сознание. Но если вы устраните «бациллу», то останется одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне. Если бы вы хотели быть справедливы к Ленину и внимательно прочитали бы всю его книгу, то вы увидели бы, что именно это он и говорит. Так, говоря о профессиональной борьбе, он развивает ту же самую мысль, что широкое социалистическое сознание может быть внесено только из-за пределов непосредственной борьбы за улучшение условий продажи рабочей силы (стр. 122—123).

Воззрения тов. Акимова на теорию обнищания логически и неизбежно должны привести к оппортунизму. По мнению тов. Акимова, если я его правильно понял, положение рабочего класса в буржуазном обществе не только не ухудшается абсолютно, но не ухудшается и относительно. Тов. Акимов полагает, что уже в современном обществе возможно улучшение материального положения пролетариата в его целом и что эти постепенные улучшения в материальных условиях существования рабочего класса могут привести к социализму.

Из этих заявлений тов. Акимова логически вытекает отрицание «увеличения зависимости наемного труда от капитала», отрицание «повышения уровня эксплоатации»; из заявлений тов. Акимова логически вытекает отрицание роста общественного неравенства, необеспеченности существования, роста безработицы и пр. В самом деле, если современный капитализм, существование института частной собственности не ведут к относительному и даже к абсолютному ухудшению положения трудящихся масс, если они не ведут, с одной стороны, к концентрации капиталов в немногих руках и, с другой, к пролетаризации масс все в более и более широких размерах, если это так, то, спрашивается, почему должен расти дух недовольства, революционное настроение среди рабочего класса, почему должен развиваться антагонизм среди классов, почему должны обостряться классовые противоречия? Отрицание теории обнищания равносильно молчаливому признанию теории оппортунизма. Буржуазные экономисты в духе Бастиа, например, Гиффен или Леруа-Болье и их ученики, в борьбе против революционного

социализма прежде всего доказывают то самое, что доказывает нам тов. Акимов, т.-е. отрицают теорию обнищания и уверяют нас в прогрессивном улучшении положения трудящегося класса и пр. Буржуазные писатели правильно поняли, какое значение имеет эта теория. С другой стороны, отрицание этой теории привело Бернштейна и его сторонников к бернштейнизму и жоресизму, т.-е. к оппортунизму. В самом деле, если положение рабочего класса постепенно улучшается, если это улучшение и теперь достижимо для все более и более широких масс, то естественно, что социалисты-реформисты имеют все шансы и все права явиться истинными выразителями и защитниками интересов пролетариата, а революционной социал-демократии остается только стать под знамя оппортунизма. Но нет, тов. Акимов, мы туда не пойдем; нас зовет беспрерывно совершающееся и относительное и абсолютное ухудшение положения все более и более широких масс пролетариата под знамя революционной социал-демократии. Мы и стоим и останемся под этим знаменем (стр. 127—128).

Тов. Либер спрашивает, может ли какой-нибудь общественный слой целиком перейти на сторону пролетариата. Это как бы возражение против того, что сказано в нашей программе. Но она не затрагивает этого вопроса; она говорит условно: мы, партия пролетариата, приглашаем в свои ряды все другие слои трудящегося населения, п о с к о л ь к у они переходят на нашу точку зрения. Тов. Либер думает, что тут мы выражаемся недостаточно точно. Но так говорит и «Манифест Коммунистической Партии»; все другие слои становятся революционными лишь постольку, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата. Тов. Либер захотел быть ортодоксальнее самого Маркса. С отдельными людьми это бывает, но целой партии в этом нет ни малейшей надобности. Мы выразились достаточно точно, чтобы отмежевать свой взгляд, например, от взгляда социалистов-революционеров. Эти последние хотят привлечь к себе крестьян, не переводя их на точку зрения пролетариата; мы же говорим, что крестьянство может итти с нами только в том случае, если оно покидает свою крестьянскую точку зрения. Это составляет главную черту, отличающую нас от социалистов-революционеров.—Что касается тов. Акимова, то я замечу вот что. Он утверждает, что весь наш проект пропитан духом столько

раз цитированной здесь фразы Ленина. Но говорить так может только тот, кто не понял ни этой фразы Ленина, ни нашего проекта. В самом деле, какая мысль лежит в основе нашей программы? В ее основе лежит коренная мысль исторической теории Маркса, — та мысль, что развитие производительных сил определяет собою развитие производственных отношений, которые, в свою очередь, определяют собою все развитие общества. При чем тут фраза Ленина? Вообще тов. Акимов удивил меня своей речью. У Наполеона была страстишка разводить своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона,—он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, что и он не намерен разводиться со мною. (Тов. Ленин, смеясь, качает отрицательно головою.) Перехожу, наконец, к тов. Мартынову. Он говорит: социализм вырабатывается всем пролетариатом, включая сюда и сознательную его часть, т.-е., поясняет он, всех тех, которые перешли на его сторону. Если тов. Мартынов хочет сказать это, то я не вижу основания разводиться не только с Лениным, но и с ним. При такой формулировке пролетариат охватывает и знаменитую бациллу,—а тогда не о чем и спорить. Тогда остается только обратиться к тов. Акимову, чтобы он окончательно выяснил нам, в каком падеже следует говорить о пролетариате вообще и о бацилле в частности (стр. 132 — 133).

Успех революции—высший закон

Вполне присоединяюсь к словам тов. Посадовского. Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, что salus populi suprema lex. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции—высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы оста-

навливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила: salus revolutiae suprema lex. И на эту же точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент — своего рода chambre introuvable,—то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели (Рукоплескания, на некоторых скамьях шикание, голоса: «Вы не должны шикать!». Плеханов: «Почему же нет? Я очень прошу товарищей не стесняться!». Егоров встает и говорит: «Раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать») (стр. 169).

О даровых учебниках

После Мартова мне остается только прибавить, что если обидно напоминание о бедных, то и подоходный налог надо стесняться вводить. Всеобщее образование вовсе не предполагает даровых учебников, что видно на примере Швейцарии. Это одно из противоречий, свойственных капиталистическому обществу. Я жил в Швейцарии; отсутствие даровых учебников доставляет там беднякам массу унижений. Относительно же пищи укажу на свидетельство швейцарского инспектора Шулера. По его словам, дети бедных должны часто итти в школу голодными. Вопрос об образовании я считаю основным вопросом, это гарантия прав пролетария (стр. 181).

Об отрезках и выкупных платежах

В течение своих десяти минут я, конечно, не в состоянии возразить на все, что здесь говорилось. Отвечу прежде всего тов. Мартынову. Речь его была очень остроумна. Он внес в наши дебаты приятное оживление, спросив нас, как бы мы поступили с Людовиком XVI, если бы буржуазия с ним не разделалась. Совершенно согласен с ним, что если бы буржуазия не отрубила Людовику XVI головы, то нам было бы немножко поздно доделывать это. Но сделаем другое предположение: Людовик XVI остался. На троне у нас два Людовика, XVI и XVIII, один — современный представитель конституционного режима, другой — представитель феодального строя, призрак прошлого. Что сделали бы мы в таком случае? Я думаю, что мы, прежде всего, разделались бы с заветом старого, с Людовиком XVI, и продолжали бы неуклонно бороться с Людовиком XVIII. Так поступили мы в нашей программе, стремясь к модернизации нашего общества. Посмотрите на Пруссию, Австрию, Венгрию. В каждой из них в 1848 году пришлось разделываться с теми историческими несправедливостями по отношению к крестьянству, которые не были устранены предшествовавшими реформами. Это чисто практический вопрос; на плечах наших крестьян лежит ярмо, которое трет его плечи и которое должно быть разбито. И вот мы хотим разбить его. Тов. Мартынов говорит, что отрезки не везде имеют одинаковое значение, так как местами помещики налегали особенно на выкупные платежи. Но здесь мы подкованы на обе ноги, потому что мы требуем возвращения и отрезков, и выкупных платежей. Поскольку же кабальные отношения вытекают из современного положения вещей, способ борьбы с ними указывается другой частью программы. Нам говорят, наконец, что наши требования мизерны. Это напоминает возражения, делаемые нам анархистами, которые говорят нам, что слишком мизерны требования, подобные, например, требованию сократить рабочий день. По их мнению, надо начать с социализации средств производства. Но это, конечно, только смешно. Когда нас упрекают в том, что мы будто бы против обращения земли в общественную собственность, то забывают, что наша конечная цель именно и заключается в передаче всех средств производства в

общественную собственность, но на пути к этой конечной цели мы добиваемся ряда частных реформ. Требование возвращения отрезков принадлежит к числу частных требований. Но оно имеет одну особенность. Оно имеет целью модернизацию нашего общества. Только такие требования и заключает в себе наша аграрная программа. Когда речь идет о новейшем буржуазном обществе, мы стоим на точке зрения Каутского и не считаем нужным вырабатывать особую аграрную программу. Мы далеки от оппортунизма à la David.

Перехожу к возражению тов. Либера. Действительно, все те составные части Росс. С.-Д. Р. П., которым приходится работать в особых условиях, вправе выставлять требования, выдвигаемые этими условиями. Но мы, составители программы, должны критиковать эти требования с точки зрения принципов научного социализма и принимать или не принимать их, смотря по тому, соответствуют ли они этим принципам (стр. 198—199).

По мнению тов. Махова, возвращение выкупных платежей не только нежелательная, но и демагогическая мера. Чтобы успокоить его, напомню ему требование, выставленное в 48 году Марксом в «Neue Rheinische Zeitung», требование о возвращении силезских миллиардов. Таким образом, в ответ на упрек в оппортунизме, скажу только, что этот упрек относится и к Марксу. Но и в самой аргументации тов. Махова нет и намека, что эта мера— демагогическая. Пусть даже крестьяне разделят между собой полученные деньги. Я не вижу ничего худого в том, что сотни миллионов пойдут на улучшение крестьянского хозяйства. Такое улучшение, конечно, только увеличит дифференциацию между крестьянами, но не мы будем этого бояться. Что касается Либера, то должен сказать, что вторая его речь не похожа на первую. Сначала он говорил нам об общих требованиях по отношению к крестьянам, а затем уже упрекал в отсутствии требований по отношению к сельско-хозяйственному пролетариату, т.-е. требовал конкретизации. Мы, конечно, не думаем, что в нашей программе нет пробелов, но тов. Либер этих пробелов не указал.

Перехожу к вопросу о знаменитом черном переделе. Нам говорят: выставляя требование о возвращении отрезков, вы должны помнить, что крестьяне пойдут дальше этого требования. Нас это

нисколько не пугает. В самом деле: выясним себе значение черного передела. Интересно мнение Энгельгардта по этому поводу: «В деревне,—говорит он,—черный передел энергичнее всего пропагандируется именно богатыми кулаками, которые надеются, что отобранная у помещиков земля будет делиться «по деньгам», т.-е. перейдет к богачам». И, действительно, такое движение в пользу передела было бы движением в пользу буржуазии. Мы, конечно, не обязаны активно выставлять программу для буржуазии, но если бы в борьбе против остатков крепостных отношений крестьянство пошло по этому пути, то не мы стали бы задерживать это прогрессивное движение. Наша роль состояла бы только в том, что в отличие от наших противников, социалистов-революционеров, которые видят в нем начало социализации, мы направили бы все силы, чтобы не оставить у пролетариата никаких иллюзий насчет результатов этого движения, разоблачить буржуазный характер его. Признавая возможность такого движения, мы должны себе сказать, что не мы, революционные социал-демократы, остановим этот процесс, крикнув ему, как некогда крикнул Архимед римским воинам: «Остановись! Ты испортишь нашу схему!» (стр. 204).

Об окраинах

Наша программа — программа Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии — имеет в виду, главным образом, русские отношения. Это произошло отчасти потому, что в нашу Партию входит только Бунд, который не имеет дела с крестьянами, и Кавказ, который не представил еще по этому поводу никаких соображений. Конечно, в программу могут быть внесены пункты, касающиеся отдельных окраин. Пусть товарищи с каждой окраины разрабатывают свои требования, и если они не противоречат нашим общим принципам и не слишком мелки, то мы их с удовольствием включим в программу (стр. 220).

О либералах

Выражение, о котором шла речь, почти буквально взято из «Манифеста Коммунистической Партии». И мы считали полезным повторить его в нашей программе. Мы считали это полезным потому, что хотели оттенить различие своих взглядов от взглядов

народников и социалистов-утопистов. Народники и социалисты-утописты высказывались против политической борьбы буржуазии, будучи убеждены, что торжество политической свободы упрочит экономическое господство буржуазии. Мы готовы поддерживать это движение потому, что оно облегчает нашу собственную борьбу с существующим политическим порядком. Но, поддерживая его, мы, согласно тому, что говорится в том же «Коммунистическом Манифесте», ни на минуту не перестаем развивать в умах рабочих сознание враждебной противоположности их интересов с интересами буржуазии. И вот почему наша поддержка его не заключает в себе ничего опасного для нас (стр. 226—227).

Я не понимаю, о чем, собственно, мы спорим. Тов. Мартынов говорит, что мы должны поддерживать только демократические движения. Ну, а как быть с либеральными движениями? Выступать против них? Этого мы не можем, не уподобляясь тем немецким «истинным социалистам», над которыми так едко смеется Маркс в «Манифесте Коммунистической Партии». Тов. Мартынов говорит, что мы не должны поддерживать либералов, и поясняет это. Мы должны критиковать их, разоблачать их половинчатость. Это верно. Но это мы должны делать также и по отношению к так называемым соц.-революционерам. Мы должны разоблачать их узость, их ограниченность; мы должны показать пролетариату, что истинно революционно теперь только социал-демократическое движение. Но, разоблачая узость и ограниченность всех других движений, кроме социал-демократического, мы обязаны раз'яснять пролетариату, что по сравнению с абсолютизмом даже конституция, не дающая всеобщего избирательного права, есть шаг вперед, и что, поэтому, он не должен предпочитать существующий порядок такой конституции. Повторяю, поддерживать движение, направленное против существующего порядка, не значит говорить пролетариату, что оно достаточно широко, и этого отнюдь не говорит наша программа (стр. 228).

Я могу быть краток, потому что последние возражения дали нам не много нового. Тов. Мартынов указывает на существование таких оппозиционных слоев, которые могут стать между революцией и настоящим порядком вещей. Он указывает нам на то, что

мы должны разоблачать эти слои в глазах пролетариата. Я спрашиваю, стоит ли говорить столь известные вещи на с'езде, который обязан дорожить своим временем? Первым словом пропаганды, раз'ясняющей пролетариату необходимость существования нашей партии, должна быть критика всех других, не социал-демократических, революционных и оппозиционных партий. Отказаться от такой критики значило бы для нас подписать смертный приговор. Если бы теперь встали из гроба монтаньяры 1793 года, то мы и их должны были бы критиковать с точки зрения наших принципов. Но это не значит, что мы не должны были бы их поддерживать в их борьбе с существующим порядком. Тов. Мартынов говорит, что мы должны противопоставить себя буржуазным партиям,—это неоспоримо. Весь вопрос в том, каким образом мы станем делать это. Социалисты-утописты, напр., так называвшиеся «истинные» немецкие социалисты, противопоставляли себя буржуазным партиям, доказывая пролетариату, что ему не нужна буржуазная политическая свобода. Говорить так значило противопоставлять себя либеральной буржуазии, поддерживая не ее, а полицейское государство. И точно таким же образом противопоставляли себя либеральной буржуазии наши народники и суб'ективисты. Мы противопоставляем себя ей иначе. Мы поддерживаем ее, доказывая пролетариату, что ему не бесполезна, а недостаточна та политическая свобода, которую дает ему либеральная буржуазия, и что, поэтому, он сам должен ополчаться ради завоевания нужных ему прав. Поясню мою мысль примером. Вообразите квартального, олицетворяющего полицейское государство, рядом с ним вообразите буржуа, вступающего в борьбу с квартальным и желающего отвоевать у него права для себя, но не для рабочего класса, и, наконец, представьте себе пролетария, который смотрит на борьбу буржуа с квартальным и спрашивает себя: «что же мне делать?». Социалисты-утописты отвечали: «не вмешивайся в эту борьбу, это семейная ссора твоих врагов,—кто бы из них ни победил, ты ничего не выиграешь или даже много потеряешь». Мы, стоящие на точке зрения современного научного социализма, скажем пролетариату: исход этой борьбы не безразличен для тебя, каждый удар, получаемый квартальным от буржуа, есть шаг вперед по пути прогресса, и потому он принесет тебе пользу. Но, борясь с квартальным, буржуа думает не о тебе, а о себе, к тому же

он не справится с квартальным, поэтому ты должен сам вмешаться в борьбу, вооружившись, по французскому выражению, до зубов, для того, чтобы не только повалить квартального, но и быть в состоянии дать отпор буржуа, когда тот захочет лишить тебя плодов победы. Вот и все. Если, по словам тов. Либера, в прокламациях нашей партии недостаточно оттенялась противоположность интересов буржуазии и пролетариата, то об этом мы поговорим, когда речь пойдет о нашей партийной прессе. К программе этот упрек не имеет ни малейшего отношения. И уже во всяком случае не редакцию «Искры» и «Зари», составившую проект программы, можно подозревать в стремлении замалчивать различия, существующие между нами и другими партиями. В чем обвиняли нас так часто и в печати, и в письмах, и на собраниях? В том, что мы слишком падки на полемику. Но почему же мы были так падки на нее? Потому, что мы дали себе слово бить, по выражению Лассаля, умственной дубиной всякого, кто станет между пролетариатом и ясным пролетарским самосознанием. Ввиду этого нет оснований бояться нашей будто бы склонности к компромиссам. От первого до последнего слова наш проект программы является истинно революционным в духе Маркса и Энгельса, и вот почему вы можете принять его с совершенно спокойной совестью (стр. 230 — 231).

Наша резолюция имеет в виду не «Освобождение», а определенное либеральное течение, органом которого служит «Освобождение»,—другого же течения нет. Отношение рабочих к этому направлению должно быть ясно и определенно. В резолюции Старовера как раз нет общего принципа и обращается главным образом внимание на возможное соглашение, как будто такое соглашение стоит на очереди, чего еще нет (стр. 358).

О значении партийной программы

Товарищи, партия сознательного пролетариата, Российская Социал-Демократическая Партия, отныне имеет свою программу. Против некоторых ее частей было сделано довольно много возражений. Тем товарищам, с возражениями которых с'езд не согласился, остается подчиниться большинству. Члены нашей Партии

обязаны признавать ее программу. Это не значит, конечно, что раз принятая программа не может подвергаться критике. Мы признавали, признаем и будем признавать свободу критики. Но, кто желает оставаться членом Партии, должен даже и в своей критике оставаться на почве программы. Как бы там ни было, но вопрос, так долго нас занимавший, окончен, и мы можем с законной гордостью сказать, что принятая нами программа дает нашему пролетариату прочное и надежное оружие в борьбе с врагами (стр. 234 — 235)

Об уставе

Я не имел предвзятого взгляда на обсуждаемый пункт устава. Еще сегодня утром, слушая сторонников противоположных мнений, я находил, что «то сей, то оный на бок гнется». Но чем больше говорилось об этом предмете, и чем внимательнее вдумывался я в речи ораторов, тем прочнее складывалось во мне убеждение в том, что правда на стороне Ленина. Весь вопрос сводится к тому, какие элементы могут быть включены в нашу партию. По проекту Ленина членом партии может считаться лишь человек, вошедший в ту или другую организацию. Противники этого проекта утверждают, что этим создаются какие-то излишние трудности. Но в чем заключаются эти трудности? Говорилось о лицах, которые не захотят или не смогут вступить в одну из наших организаций. Но почему *не смогут*? Как человек, сам участвовавший в русских революционных организациях, я скажу, что не допускаю существования об'ективных условий, составляющих непреодолимое препятствие для такого вступления. А что касается тех господ, которые *не захотят*, то их нам и не надо. Здесь сказали, что иной профессор, сочувствующий нашим взглядам, может найти для себя унизительным вступление в ту или другую местную организацию. По этому поводу мне вспоминается Энгельс, говоривший, что, когда имеешь дело с профессором, надо заранее приготовиться к самому худшему. (*Смех.*) В самом деле, пример крайне неудачен. Если какой-нибудь профессор египтологии, на том основании, что он помнит наизусть имена всех фараонов и знает все требования, которые пред'являлись египтянами быку Апису, сочтет, что вступление в нашу организацию ниже его достоинства, то

нам не нужно этого профессора. Говорить же о контроле партии над людьми, стоящими вне организации, значит играть словами. Фактически такой контроль неосуществим. Аксельрод был неправ в своей ссылке на семидесятые годы. Тогда существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого. Нам нужно не подражать анархии семидесятых годов, а избегать ее. Сторонники проекта Мартова говорят, что право называть себя членом партии имеет большое нравственное значение. Но я с этим не могу согласиться. Если где и полезно вспомнить пример семидесятых годов, то, именно, в этом случае. Когда Желябов заявил на суде, что он не член Исполнительного Комитета, а только его агент четвертой степени доверия, то это не умаляло, а увеличивало обаяние знаменитого Комитета. То же будет и теперь. Если тот или другой скажет, что он сочувствовал нашей партии, но не принадлежал к ней, потому что, к сожалению, не мог удовлетворить всем ее требованиям, то ее авторитет только возрастет.

Не понимаю я также, почему думают, что проект Ленина, будучи принят, закрыл бы двери нашей партии множеству рабочих. Рабочие, желающие вступить в партию, не побоятся войти в организацию. Им не страшна дисциплина. Побоятся войти в нее многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом. Но это-то и хорошо. Эти буржуазные индивидуалисты являются обыкновенно также представителями всякого рода оппортунизма. Нам надо отдалять их от себя. Проект Ленина может служить оплотом против их вторжений в партию, и уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма (стр. 245—246).

«Всеобщие» стачки на Юге

После блестящих побед, одержанных германской социал-демократией во время последних выборов в рейхстаг, самым крупным и самым замечательным явлением в жизни европейского пролетариата был ряд «всеобщих» стачек в разных городах российского Юга. Говоря так, мы не хотим, разумеется, сказать, что это последнее явление, хотя бы приблизительно в такой же мере, взволновало общественное мнение Европы, в какой это сделала немецкая выборная горячка. Вовсе нет! Мы знаем, что для европейского общественного мнения Россия до сих пор остается мало интересным «незнакомцем», и то, что происходит в ее пределах, редко находит себе правильную оценку со стороны Западной Европы. Но это бесспорное обстоятельство ни мало не мешает крупным событиям, совершающимся в России, иметь свою об'ективную логику и свое историческое значение. И очень часто бывает так, что события русской жизни, едва замеченные и плохо оцененные за границей, подготовляют великие перемены в соотношении сил, оказывающих огромное влияние на ход общественного развития всей Европы. К числу таких событий несомненно принадлежат и недавние стачки на нашем Юге. Они имеют огромное политическое значение. Они представляют собою новый и чрезвычайно сильный удар русскому царизму. А так как русский царизм является, — по выражению Энгельса, — последним оплотом европейской реакции, то ясно, что мы ни мало не грешим против истины, говоря, что указанные стачки, как бы мало внимания ни уделила им Западная Европа, по своему значению важны не только для нас, но и для всего европейского Запада. Участвовавшие в них сознательные, полусознательные и бессознательные рабочие, отстаивая насущные интересы своего класса, боролись в то же время за дело, имеющее общеевропейскую важность. Российский

пролетариат становится теперь одной из прогрессивных сил цивилизованной Европы. Это честь, которой он, по всей справедливости, может гордиться, и которая не выпадала у нас на долю ни «доблестному дворянству», ни «всероссийскому купечеству».

Огромное политическое значение южных стачек ясно понимают у нас все мало-мальски сознательные элементы населения. Орган либеральной буржуазии, «Освобождение», видит в них «пароксизм той революционной лихорадки, которая стала хронической для России и против которой устав о предупреждении и пресечении преступлений, со всеми его приложениями, окончательно перестал действовать». И тот же орган проводит интересную параллель. «Правительство Николая II, — говорит он, — не хочет реформ: это значит — оно готовит революцию и дождется ее. С 17-го января 1895 г. много воды утекло, и всего яснее эта перемена предстанет перед нами, если мы «бессмысленные мечтания» тверских земских дворян сравним по их содержанию, тону и обстановке с «бессмысленными мечтаниями» бакинских и одесских стачечников. Легкомысленно оттолкнув в 1895 году свою ладью от берега реформ, Николай II отдался во власть течения, которое с растущей скоростью и, повидимому, бесповоротно несет его к... революции». Действительно, правительство царя-недоросля очень энергично готовит революцию, и, действительно, «бессмысленные мечтания» тверских дворян ни по своему содержанию, ни по тону, ни по обстановке не похожи на «бессмысленные мечтания» бакинских, одесских или екатеринославских рабочих. Но откуда это огромное различие? Об'ясняется ли оно легкомысленным упорством правительства, отказывающегося причалить к «берегу реформ», или причина его лежит глубже? Ведь «обстановка» наших пролетарских «мечтаний» во всяком случае создана не легкомысленным Николаем II и не его реакционным правительством. Она обусловливается всем складом наших общественных отношений и прежде всего общественным положением нашего пролетариата. Это положение очень мало похоже на положение «земских дворян», и нисколько не удивительно поэтому, что пролетарий «мечтает» не по-дворянски. Пролетариат, это — тот общественный класс, который, — по выражению, так хорошо известному современным социалистам, — не может выпрямиться,

не может шевельнуться без того, чтобы не затрещала вся возвышающаяся над ним огромная общественная надстройка. И вот русский пролетариат начинает шевелиться; он пытается разогнуть свою согнутую спину, и от этих первых в весьма значительной степени еще бессознательных движений юного богатыря немедленно затрещало по всем своим швам опирающееся на его широкую спину безобразное здание эксплоатации, бесправия, насилия и всяческой неправды. Движения «земских дворян» совсем не отличаются и никогда не отличались столь опасною угловатостью; от них никогда и ничто не трещало. Но именно потому царизм мог оставаться вполне спокойным за свою судьбу вплоть до той роковой для него поры, когда началось политическое пробуждение российского пролетариата

Всякая данная политическая сила может уступить только другой политической силе, а наши «земские дворяне» такою силой никогда не бывали. Еще в 1889 году представитель русских социал-демократов на международном социалистическом конгрессе в Париже высказал твердую уверенность в том, что революционное движение в России восторжествует как движение рабочих или совсем не восторжествует. Тогда эти его слова удивили даже многих социалистов. Теперь всякий видит, что рабочий класс является у нас самой значительной и единственной вполне надежной революционной силой. Потому-то движение этого класса и привлекает к себе благосклонное внимание даже таких людей, которые еще очень недавно весьма решительно отрицали самую возможность у нас такого движения. Потому-то с российским рабочим и спешат теперь «родными счесться» даже те, которые враждебно чужды ему, как теоретические представители эксплоататоров...

Правда, наши либеральные буржуа до сих пор плохо мирятся с мыслью о неизбежности революции и до сих пор охотно мечтают о том, как хорошо было бы высадиться, под предводительством Николая II, на «берег реформ». Но они сами все более и более проникаются той мыслью, что подобная высадка есть самое несбыточное из всех их «бессмысленных мечтаний», и потому наиболее дальновидные из них с большим сладкоречием поговаривают теперь о рабочем движении. Они поняли, что революционное движение необходимо, и они поняли также, что революцион-

ное движение восторжествует у нас как движение рабочего класса или совсем не восторжествует.

Как знать? Может быть, скоро мы увидим молодых и по-своему самоотверженных буржуа, идущих «в народ» для привлечения рабочих на свою сторону. Социал-демократия не откажется поддержать таких людей, поскольку их пропаганда будет способствовать пробуждению политического сознания в менее развитых слоях пролетариата,—более развитые его слои не нуждаются в их пропаганде, — но она не перестанет в то же время разоблачать перед пролетариатом узость и недостаточность освободительных стремлений буржуазии всюду, где ни проявится эта узость и эта ограниченность. Она не перестанет внушать рабочим, что если революционное движение может восторжествовать у нас лишь как движение пролетариата, то движение пролетариата достигнет наибольшей силы и плодотворности лишь как движение, идущее под красным знаменем всемирной социал-демократии.

Однако, пока что, а наша либеральная буржуазия не только сама не идет «в народ», но не умеет поддержать даже и тех народных движений, которые возникают без ее участия. За примером ходить не далеко. Те самые стачки в Баку, Батуме, Киеве, Николаеве, Одессе, Тифлисе, к которым, — по словам «Освобождения»,—приковано было внимание всей мыслящей и чувствующей России, не ознаменовались ни одним актом серьезной помощи рабочим со стороны либеральных элементов «общества». Само «Освобождение» сознается, — устами своего одесского корреспондента, — что сборы денег в пользу стачечников «дают пока немного». Корреспондент об'ясняет это тем, что сборы предприняты были слишком поздно, «когда стачка уже кончалась, и оставалось только помогать потерпевшим семействам». Он прибавляет, что «отчасти это можно об'яснить и недостатком путей в разные общественные сферы: ведь собирают не открыто». Но оба эти об'яснения совершенно неудовлетворительны. Во-первых, дело помощи потерпевшим семействам рабочих—такое серьезное дело, что из-за него стоило бы открыть либеральный кошелек. А, во-вторых, указывая на недостаток путей «в разные общественные сферы», корреспондент, очевидно, хочет сказать, что собиравшие деньги социалисты не умели про-

никнуть в эти «сферы». Но почему же оставались неподвижными сами «сферы»? Неужели они не могли найти «путей» к стачечникам? Ведь движение этих последних происходило совершенно «открыто». Нет, в том-то и дело, что наши либералы, готовые пугнуть правительство и ободрить самих себя быстро растущим рабочим движением, не умеют и не хотят оказать этому движению ту поддержку, которую они *могли бы* оказать, если бы отличались большею политическою смышленностью. Не мешает запомнить это, как один из уроков недавних стачек.

Но оставим либеральную буржуазию дворянского и недворянского происхождения. Обратимся к рабочим. Чрезвычайно замечательно, что во время последних стачек рабочие многих фабрик часто восставали не потому, что сами хотели добиться каких-нибудь уступок от своих предпринимателей, а единственно потому, что считали себя обязанными поддержать товарищей, забастовавших на других фабриках. Это признают даже легальные газеты. Г. Духовецкий в «*Приднепровском крае*» пишет, что в Екатеринославе «на Брянском заводе расценка работ прежняя, до-кризисная, ныне уже пониженная на всех остальных заводах, и материальное положение рабочих там лучше, чем где-либо, а между тем там работы тоже приостановлены». Когда попадалась такая фабрика, рабочие которой отказывались пристать к стачке на том основании, что им и без того недурно живется, стачечники говорили им: «Ну, вам ничего не надо, так вы других поддержите». Это показывает, что движение в значительной степени имело характер тех стачек, которые в некоторых странах Запада носят название *стачек по симпатии*. И этот их характер свидетельствует о том, что даже в мало развитой части нашего пролетариата пробуждается *классовое самосознание*. Отдельные рабочие начинают чувствовать себя частями великого целого, с которым они связаны самыми насущными своими интересами и по отношению к которому на них лежат известные нравственные обязанности. И это чувство наполняет их сердца тем гордым, живительным и радостным сознанием своей силы, которое приятно поразило даже корреспондентов буржуазных газет. «Был момент, когда весь город находился во власти рабочей массы, слившейся воедино и беспрепятственно дефилировавшей по городским улицам, увлекая своим потоком всех со-

братьев, не успевших еще до того выйти из своих мастерских и фабрик,—пишет одесский корреспондент «Освобождения».—Братские приветствия, возгласы, полные бодрости и восторга, вольные песни, жизнерадостный смех и шутки носились над тысячными толпами, следовавшими через весь город с утра до вечера. Настроение было самое приподнятое, хотелось верить, что водворяется новая лучшая жизнь на земле. Внушительная и, в то же время, идиллически-трогательная картина!»

Идиллии подобного рода, разумеется, не долговечны в нашем полицейском государстве. Они исчезают, как дым, при столкновении с охранителями порядка. Но интересно, что и в этих столкновениях рабочая масса проявила очень много такта, выдержки и мужества. «Встречая офицеров и солдат, — продолжает тот же корреспондент, — осторожно и пассивно следовавших в стороне, рабочие заговаривали с ними на самые откровенные политические темы и—это интересно отметить—не получали от них никакой резкой отповеди, а большей частью или легкие возражения, или расспросы о целях движения в благодушно-недоумевающем тоне». С другой стороны, будучи атакована, масса умела постоять за себя, отбиваясь камнями, кольями, а иногда и огнестрельным оружием. Кровь лилась с обеих сторон, и эти кровавые столкновения, конечно, еще более усилили в рабочих чувство недовольства, а вместе с тем они дают российской социал-демократии ясное указание относительно того, каковы должны быть отныне наши демонстрации. После колоссального движения нынешнего лета демонстративные прогулки кучек. хотя бы и в несколько сот человек, немедленно разгоняемых полицией, могут быть уместны только в отсталых уголках нашего отечества; там же. где движение приняло большие размеры, наши демонстрации должны стать м а с с о в ы м и д в и ж е н и я м и, подобными последним стачкам. Но именно потому, что демонстрации должны сделаться там движениями массы, их,— по крайней мере, в течение некоторого времени,—нельзя будет приурочивать к какому-нибудь заранее определенному сроку: тут все зависит от обстоятельств, которых нельзя усчитать заранее. Заранее можно сказать только одно: наше соц.-демократическое движение будет все более становиться широким массовым движением. Обстоятельства как нельзя более благоприятны для этого, и наши товарищи, без сомнения, сумеют ими воспользоваться.

Кроме того, теперь, когда рабочая масса показала, что она не хочет безропотно сносить полицейские побои, нам в наших демонстрациях не трудно будет давать вооруженный отпор разбойникам «порядка». Организация такого отпора, на необходимость которого «Искра» указывала уже полтора года тому назад, стала поистине практическим вопросом дня.

Наконец, последним и, может быть, самым важным уроком летних стачек является тот вывод, — основанный, к сожалению, на самых неоспоримых фактах,—что наша рабочая масса, зреющая буквально не по дням, а по часам, все-таки еще не вся готова к сознательному политическому действию.

Если бы уже вся она созрела для него, то невозможной стала бы та травля «политиканов», т.-е. политических агитаторов, которой местами не без успеха занимались «независимые». А так как революция может быть сделана только массой, то выходит, что переживаемый нами «канун революции» имеет шансы протянуться дольше, чем это думают некоторые слишком радужно настроенные или слишком легкомысленные оптимисты. И, чтобы помочь этому горю, нет другого средства помимо того, которое мы так часто рекомендовали, не менее часто вызывая остроумные насмешки некоторых остроумных людей: агитация и организация; организация и агитация, и еще агитация, и еще организация! Как неудовлетворительна до сих пор организация наших сил, это видно из того факта,— который нам надо иметь мужество признать громко и открыто,— что руководство «всеобщими стачками» принадлежало нашим комитетам далеко не в той степени, в какой это желательно и необходимо. Что же касается до агитации, то всякий видит, что поводы для нее встречаются теперь на каждом шагу и что каждое усилие сколько-нибудь толкового агитатора обещает немедленно принести самые роскошные плоды.

В прежнее время, когда наше революционное движение было движением небольшого слоя разночинцев и когда все его силы исчерпывались небольшими партизанскими отрядами, гибель каждого отдельного борца обыкновенно зажигала в сердцах его немногочисленных товарищей жажду мести. Теперь, когда в движение вошли широкие слои пролетариата, гибнут уже не отдельные лица; теперь кровь льется ручьями, и теперь жажда мести

горит в тысячах и тысячах рабочих сердец. Но, сообразно с ростом нашего движения, растет и цель, которую ставят себе мстители. Гибель отдельных представителей власти не имеет для них значения. Их жажда мести может быть удовлетворена только крушением всей, так позорно давящей нашу страну, политической системы. А к этой цели ведет только один путь: политическое воспитание рабочей массы. Над этим воспитанием и трудится российская социал-демократия. Это—свойственный ей род терроризма, и этот терроризм несравненно страшнее и опаснее для правительства, чем терроризм «первой манеры».

Недавние стачки, социализм и борьба за политическую свободу

Стачки нынешнего лета, которые происходили, как известно, не только на Юге, но отчасти также и в центральном промышленном округе, еще раз с самой очевидной и убедительной ясностью показали, до какой степени была правильна тактика революционной соц.-демократии, отстаиваемая «Искрой» и «Зарей». Сущность этой тактики заключается в том, что соц.-демократия, как передовой отряд пролетариата, пользуется всяким столкновением рабочих с предпринимателями для возможно более полного и всестороннего развития их классового самосознания. Между тем как наши «экономисты» проповедывали теорию так называемых стадий и утверждали, что речь о политике можно будет завести с рабочими только тогда, когда политические требования возникнут в их головах сами собою, без помощи «революционной бациллы»,—социал-демократы, защищавшие противоположный способ действия, доказывали, что экономические столкновения рабочих с предпринимателями всегда сопровождаются и не могут не сопровождаться у нас выступлением полицейских разбойников на защиту священных прав капитала, и что наша партия безусловно обязана,—отнюдь не откладывая дела в долгий ящик,—поддерживать рабочих в их неизбежной борьбе с этими разбойниками и пользоваться этой борьбой, как незаменимым средством политического воспитания пролетариата. Одним словом, социал-демократы этого образа мыслей брали себе ту самую роль «революционной бациллы», от которой так безрассудно отказывались «экономисты». И эта роль оказалась как нельзя более благодарной. В качестве передового отряда рабочего класса социал-демократия уже теперь сделалась влиятельным фактором общественного развития

России. И чем усерднее станет она выполнять свою роль «бациллы», тем более будет расти ее общественное влияние. Но для того, чтобы быть в состоянии выполнять эту роль, мы должны неуклонно держаться раз принятой нами и уже испытанной тактики, с одинаковым старанием избегая как Харибды утопического «экономизма», так и Сциллы буржуазного демократизма.

Повторяем, стачки нынешнего лета еще раз с очевидной ясностью показали правильность тактики, усвоенной нашей революционной социал-демократией. Возьмем хоть события в Костроме. Здесь толчок к движению дан был понижением расценков, и первоначально заволновалась масса, чуждая всяких политических стремлений. «Надо заметить,—говорит наш корреспондент,—что это были всё люди, не тронутые никакой пропагандой, самый, так сказать, первобытный рабочий люд. Их толкала стихийная экономическая сила; им хотелось отбиться от неумолимо надвигающегося вместе с новой таксой голода, и, полные еще наивной веры, что кто-то за них должен и может заступиться, они упрямо доискивались тех, кому о них ведать надлежит». Только после двукратного бесплодного хождения к губернатору и бесчисленных придирок со стороны полиции этому «первобытному люду» стало очевидно,—как говорит тот же корреспондент,—что «губернатор им не поможет», и что «надо собственными силами одолевать упорных фабрикантов». Под влиянием этого только что сложившегося убеждения у рабочих возникает намерение «итти на улицу и всему городу заявить о своем положении и о начатой борьбе с фабрикантами». При наших условиях такое действие по необходимости становится политическим действием, и шествие стачечников по городу превращается в политическую демонстрацию. Стачечники сами понимали это с большею или меньшею ясностью: они охотно пошли с красным знаменем, материал для которого,—кусок кумача,—был куплен одним из них, по выражению нашего корреспондента,—на последний двугривенный. Уже одним этим «первобытный рабочий люд» фактически примыкал плечом к плечу к своим сознательным братьям, а последующие события могли только упрочить и расширить его духовную связь с ними. Не удивительно поэтому, что «выпущенные комитетом прокламации читались нарасхват рабочими, недавно совершенно

равнодушными к политике» (другой корреспондент). «Революционная бацилла» не упустила случая повлиять на миросозерцание стачечников, и движение, начавшееся по чисто экономическим причинам, привело к расширению политических взглядов костромских рабочих. Так и должно совершаться политическое воспитание пролетариата под систематическим воздействием революционной социал-демократии.

В своем воззвании от 1 июня наш Костромской комитет говорит: «Правительство — наш враг, товарищи, надо бороться с ним так же, как мы боремся с нашими хозяевами-фабрикантами. Никогда мы не добьемся лучшей жизни, никогда не освободимся от гнета денежного мешка, если не будем бороться против самодержавного правительства, если не будем добиваться политической свободы. Нам нужна свобода для того, чтобы устраивать стачки и требовать от своих хозяев повышения заработка и улучшения условий труда... Нам нужна свобода для того, чтобы устраивать большие собрания рабочих и толковать на них о своих делах, о том, как нам добиваться лучшей жизни... Нам нужна свобода для того, чтобы устраивать постоянные союзы и общества рабочих, устраивать общие кассы для того, чтобы поддерживать забастовавших работников, чтобы сообща устраивать хорошие библиотеки и покупать книжки, которые бы раз'ясняли нам наше положение и то, чего нам добиваться; чтобы выдавать пособия нуждающимся товарищам... Нам нужна свобода, товарищи, для того, чтобы развиваться и улучшать свою жизнь и отстаивать свои интересы перед правительством и капиталистами, чтобы стремиться к достижению такого устройства, при котором не будет тунеядцев-капиталистов, а все будут трудиться по мере сил и за свой труд получать столько средств, чтобы иметь возможность жить, как живут люди, а не голодные собаки. Будем же дружно добиваться свободы» и т. д.

Все это верно и все это надо было сказать рабочим, но мы позволим себе заметить, что строки, относящиеся здесь к будущему устройству общества, отличаются некоторой неясностью, благодаря которой мысль, заключающаяся в них, едва ли произвела надлежащее впечатление на умы читателей. Ту же мысль можно было и следовало выразить иначе и точнее, указав на «конечную цель» пролетарского движения: переход средств производства в

общественную собственность. Эта цель должна быть ясно сознана пролетариатом, и нам необходимо указать на нее во всех тех случаях столкновений труда с капиталом, в которых рабочие поневоле задумываются о причинах своего зависимого положения в нынешнем обществе. Как ни важно для нас выяснить рабочим великое значение политической свободы, но мы не должны забывать, что «экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение подчинено как средство», и что мы чрезвычайно сильно затрудним рабочим понимание этой чрезвычайно важной для них истины, если в наших книгах, брошюрах или воззваниях цель отступит на задний план перед средством. Правда, в прокламации Костромского комитета значение для рабочих известных политических прав раз'ясняется тоже с точки зрения некоторых частных, второстепенных экономических целей. Но мы имеем в виду не частные и второстепенные цели, а именно «великую цель», т.-е. не те реформы, которые рабочий класс, опираясь на свои политические права, вырвет у буржуазного общества, а ту революцию, которую он совершит, добившись политической власти, и которая будет состоять в замене буржуазных отношений производства социалистическими. Только эта революция и принесет с собою окончательное освобождение рабочего класса. Но на эту революцию воззвание Костромского комитета намекает, к сожалению, лишь в неясных и неточных выражениях. И в этом заключается недостаток этого воззвания. Нам необходимо избегать такой неясности и неточности, потому что, если бы они сделались обычным явлением в нашей печатной и устной пропаганде, то стала бы почти незаметной пограничная черта, отделяющая революционную социал-демократию от тех буржуазных партий, которые сладкими речами о социальной реформе хотели бы отговориться от социальной революции.

Чем сильнее будет расти у нас общественное движение против царского самодержавия, тем более станут развиваться эти буржуазные партии и тем настойчивее и опаснее для нас сделается их естественное и неизбежное стремление затемнить классовое самосознание пролетариата. Первым—столь же неизбежным и естественным — выражением этого стремления явится попытка дока-

зать, что толки о социализме теперь несвоевременны, так как теперь надо сосредоточить все внимание на борьбе за политическую свободу и за частные экономические требования рабочих.

Подобная попытка была уже отчасти сделана «Освобождением» в лице его одесского корреспондента.

Заканчивая свое,—напечатанное в приложении к № 4 (28),—описание последней стачки в Одессе, этот корреспондент пишет: «Обращение к обществу о поддержке стачечников заканчивалось восклицанием: «Да здравствует социализм!», что̀ именно в этом воззвании едва ли было уместно: можно быть добрым гражданином и вполне сочувствующим настоящему рабочему движению человеком, но не разделять вовсе социалистической доктрины и не во имя ее жертвовать деньги; следовало найти общую для всех почву для сочувствия и таковой вряд ли можно было считать идеи социализма, неясные большинству как общества, так и стачечников».

Если мы правильно поняли г. корреспондента, то говорить о социализме «именно в этом воззвании» не должно было, между прочим, потому, что социалистические идеи неясны большинству стачечников. Но ведь идеи политической свободы, наверное, тоже неясны были тем стачечникам, которые по своему умственному развитию еще не перестали принадлежать к «первобытному рабочему люду». Следует ли отсюда, что «именно в этом воззвании» не надо было упоминать также и об идеях политической свободы? Но тогда о чем же можно было упоминать «именно в этом» несчастном воззвании?

По словам г. корреспондента, социалистические идеи неясны также и большинству «общества». И это, конечно, справедливо. Но неясность данной идеи для данного «общества» далеко не равносильна ее недоступности для него. Если «общество» еще не поняло ее, хотя и способно понять ее по своему положению, то задача передовых деятелей состоит в том, чтобы облегчить ему дело ее усвоения. А для этого они не только могут, но обязаны упоминать о ней и раз'яснять ее в своих воззваниях. Иное дело, конечно, если данная идея не соответствует положению «общества», если она, например, идет вразрез с его интересами. В этом случае она навсегда останется для него «неясною» и не вдохнет в него ни жажды борьбы, ни самоотвержения. Надо признать, что г. корреспондент «Освобо-

ждения» имеет в виду как раз подобный случай. Известно, что наше «общество» состоит из людей так называемых высших классов, самим положением своим осужденных на «неясное» понимание социализма. Потому-то г. корреспондент и находит, что в обращении к этому обществу неуместно говорить о социализме. Но, во-первых, г. корреспондент забывает, что социалисты, как и прочие смертные, имеют право на искренность и потому могут считать недостойным себя и своей партии дипломатическое умалчивание о своих истинных стремлениях. Во-вторых, всякий мало-мальски разумный человек из числа тех «добрых граждан», которые не сочувствуют социализму, мог легко сообразить, что оказать поддержку семье стачечника, доведенного до нищеты борьбой с предпринимателем и полицейскими разбоями, еще не значит содействовать немедленному торжеству социализма. Если же эти почтенные граждане так «добры», что уже одна мысль о том, что социализм может, пожалуй, восторжествовать в более или менее отдаленном будущем, способна отбить у них всякую охоту к пожертвованиям, то к таким господам партия, уважая себя и свое дело, совсем не должна обращаться за помощью. Что же касается доброго совета найти, забыв о социализме, «общую для всех почву для сочувствия», то такая почва может быть только почвой освободительных стремлений буржуазии, и нам нельзя встать на нее в своей агитации, не совершив самоубийства, к которому у нас нет ни малейшей склонности. Ввиду всего этого дипломатия, рекомендуемая «Освобождением», ни в каком случае не встретит сочувствия с нашей стороны. Революционная социал-демократия была и останется самым опасным врагом царского самодержавия: она одна способна воспитать и воспитывает ту общественную силу, которая обеспечит у нас торжество политической свободы. Но, ведя пролетариат на бой с царизмом, эта социал-демократия ни на минуту не перестанет развивать в умах рабочих ясное сознание враждебной противоположности их интересов с интересами эксплоататоров. Она твердо убеждена, что только тот пролетариат, который сознал эту противоположность, т.-е. перешел на точку зрения социализма, окажется в состоянии энергично и успешно отстаивать как свои собственные экономические интересы, так и инте-

ресы политической свободы. И это свое твердое убеждение она не побоится высказать во всеуслышание, как бы сильно ни противоречило оно социально-политическим взглядам некоторых «добрых граждан». Дело свободы очень тесно связано теперь с делом социализма. И этой связи не разорвут, конечно, более или менее хитроумные рассуждения буржуазных дипломатов о необходимости найти «общую для всех почву для сочувствия».

Белый террор

Читатели «И с к р ы», наверное, знают уже, какой приговор вынесен был военным судом в Таганроге по делу наших товарищей, судившихся за участие в знаменитой Ростовской демонстрации 2 марта. Теперь ходит упорный слух о том, что приговор этот смягчен и что смертная казнь Браиловскому, Колоскову и Куксину заменена различными сроками каторжной работы. Допуская, что это правда, нельзя не заметить, что и в своем смягченном виде этот приговор отличается большою суровостью. Если никого из осужденных уже не ждет теперь в и с е л и ц а, то многим из них предстоят долгие годы ссылки, тюрьмы, каторги, — что при известных обстоятельствах может быть хуже смерти [1]). Г.г. военные судьи показали себя вполне достойными представителями той политической системы, которая, как удав, душит всю Россию и которой они «верой и правдой» служат... по вольному найму. Но как ни велико негодование, вызываемое в нас свирепостью царских наемников, и как ни велико наше сочувствие к нашим пострадавшим товарищам, мы нисколько не удивляемся таганрогскому приговору и уверены, что в будущем приговоры по делам такого рода станут еще суровее. Царское правительство не может поступать иначе. Оно знает, — лучше чем иной революционер ветхого завета, — какую смертельную опасность представляет для него массовое движение пролетариата, и со своей всегдашней неразборчивостью в средствах оно делает все, что может, для того, чтобы остановить или хотя бы только замедлить это движение. Сегодня оно, с помощью агентов т а й н о й полиции, старается создать «независимую» рабо-

[1]) Статья эта уже была набрана, когда мы убедились, что указанный слух был справедлив: Браиловскому смертная казнь заменена десятилетней, а Колоскову и Куксину — пятилетней каторгой.

чую партию, благородная миссия которой состоит в том, чтобы развращать рабочих и вносить путаницу в их умы, а завтра оно напускает орды явной полиции на мирных стачечников, осмеливающихся настойчиво защищать насущные свои интересы. Сегодня оно сулит пролетариату царскую милость; завтра оно подвергает унизительным наказаниям его сознательных представителей. Сегодня оно вызывает кровавое избиение «жидов»; завтра оно отдает под военный суд участников демонстраций. Оно одновременно пытается сбить с толку, развратить и запугать российский рабочий класс. Оно видит в этом единственный путь своего спасения. Но оно видит также, что итти по этому единственному пути становится с каждым днем затруднительнее. Пролетариат растет и в численном и в умственном отношении. Его почтение к начальству и его страх перед ним исчезают и заменяются любовью к свободе и жаждой борьбы. Его передовые слои дерзко смеются над полицейской сказкой о батюшке-царе, желающем добра рабочим, отвечая на нее дружным криком: «долой самодержавие!». И этот дружный крик находит себе сочувствие даже в отсталых слоях рабочего населения, еще недавно совершенно чуждых политике. Противоправительственные демонстрации приобретают все более и более внушительные размеры, и каждая из них, производя сильнейшее впечатление на массу, подготовляет почву для новых, еще более внушительных народных движений. Ввиду всего этого вполне понятно, что правительство прибегает к крайним мерам. Кары, сыплющиеся на революционеров, уличенных или только заподозренных в содействии массовому движению пролетариата, не могут не становиться все более и более жестокими. Если таганрогский военный суд только погрозил нашим товарищам виселицей, то очевидно, что недалеко то время, когда правительство не ограничится одной угрозой. Белый террор — вот чем ответит оно на массовое движение пролетариата. Какой же ответ даст революционный пролетариат на белый террор?

Ниже мы печатаем письмо одного рабочего, написанное под впечатлением первоначального приговора таганрогского военного суда. Письмо это чрезвычайно поучительно. Оно показывает, что поставленный нами вопрос естественно возникает теперь у сознательных пролетариев под влиянием вполне понятного чувства негодования, вызываемого в них правительственными преследова-

ниями. «Перед моим взором проносятся последние события на юге России, — читаем мы в письме, — и я ясно слышу стоны и крики избиваемых жертв, слышу свист пуль и шум нагайки, дикие возгласы царских башибузуков. Ясно вижу целые потоки крови... искалеченных, избитых и убитых работников и работниц. И после всего этого, после всех этих картин, вихрем пронесшихся в моей голове, я прочел вышеупомянутый приговор над нашими товарищами. Ужас об'ял меня. Опять тюрьма, ссылка, каторга, опять смертная казнь... Перед моим взором встает черная, зловещая виселица, на которой висят наши товарищи, висят борцы за народное счастье... Страшное возмущение и жажда мести охватывают всякого мыслящего, живого и честного человека. Но тут встает вопрос. Отомстить! Да, но как и какими средствами?»

Это — тот самый вопрос, на который по-своему ответил уже более года тому назад Качур выстрелом в Оболенского. Его ответ был продиктован ему «разочарованием» в демонстрациях.

«Демонстрации мне и моим товарищам были по душе, — говорит он в одном из своих писем, опубликованных в № 10 «Рев. России». — Тут уже борьба! Тут прямо встреча с врагом. Но скоро я в демонстрациях разочаровался, и еще больше, чем в стачках. Я думал, что мы на демонстрациях воевать идем, а оказывается, что только подставляем спину под нагайки и головы под кулаки и ружейные приклады... Стыдно мне стало за себя, стыдно мне стало за товарищей. Мы хотим порядок всего государства изменить, а даем себя бить, как самые пропащие люди. Я так полагаю, что, если мы идем на борьбу, то должны бороться, как полагается честным рабочим. И раньше всего мы должны так держать себя, чтобы нас уважали друзья и враги. А враги не только чтобы уважали, но и боялись». С этой целью Качур и вступил в так называемую «Боевую организацию». «И вот почему я решил поступить в «Боевую организацию»,—писал он в том же письме:—я уверен, что ей удастся заставить правительство не бороться с нами кнутом и кулаком; я верю, что она добьется, чтобы рабочее и крестьянское движение могло свободно развиваться. Для такого дела никакие жертвы не велики, и, если нужна моя жизнь,—я считаю для себя счастьем отдать ее такому великому и святому делу!»

Эти последние слова дышат самоотвержением, но предшествующие им строки показывают, что написавший их самоотверженный

свои надежды на будущие успехи российского революционного движения. Прежде его пессимизм еще можно было оправдать,—с грехом пополам,—неразвитостью его классового *самосознания*. Теперь и такое оправдание было бы невозможным, потому что теперь даже неразвитые рабочие *инстинктом* чувствуют великое общественное значение и непобедимую силу своего класса. Вот почему эти рабочие с такой готовностью отзываются теперь на революционные призывы к массовым протестам. К великому ужасу «охранителей», массовые протесты стали очередным вопросом нашей общественной жизни, и очень естественно, поэтому, что в головах сознательных рабочих не возникает даже и тени хотя бы самомалейшего сомнения в том, что пролетариат может своими собственными силами отстоять свое собственное дело. Теперь в ответ на вопрос, каким образом можно отомстить правительству, сознательные рабочие, не колеблясь, указывают на усиленную агитацию в массе. Так, напр., рабочий,—автор цитированного нами выше письма о таганрогском приговоре, — говорит: «Открытым протестом должны мы ответить на подобные азиатские приговоры и расправы. Мы должны громко заявить в листках, газетах, брошюрах, на улице о нашем негодовании, мы не можем остаться безучастными зрителями. Своими протестами мы будем подрывать почву под ногами наших врагов, будем вселять недоверие и ненависть русского народа к нашему самодержавному кровожадному правительству. Это пока единственный способ дезорганизовать и разбить все враждебные свету и справедливости силы, только таким образом, т.-е. такими путями, мы должны отомстить и отомстим!».

Да, товарищ, вы совершенно правы. Негодование должно подвинуть нас на *усиленную агитацию в массе*. Мы внушим массе горячее сочувствие к жертвам и жгучую ненависть к палачам, и это, в самом деле, есть единственное средство вырвать почву из-под ног нашего реакционного правительства. Когда масса проникнется этими чувствами,—а по всему видно, что это время уже недалеко, — тогда бессовестной и кровожадной шайке, управляющей теперь нашей страной, останется, по выражению Ласаля, лишь заниматься астрологией, чтобы по звездам определить, в каком именно часу суждено ей погибнуть. Другого средства мести у нас нет, но другого нам и не нужно, потому что это сред-

ство,—и только оно одно,—даст нам полную возможность победить наших непримиримых врагов и сбросить с наших плеч «тяжкое иго самовластия».

Если белый террор является естественным ответом царского правительства на возрастание массового движения рабочих, то новый и усиленный рост массового движения рабочих является необходимым ответом революционной социал-демократии на белый террор царского правительства.

Употребляя слова в их истинном значении, мы прибавим к этому, что теперь настоящий — красный — террорист не тот, кто, вступив в ту или другую «Боевую организацию», совершает покушение на жизнь того или другого помпадура, а тот, кто содействует единственному истинному революционному движению наших дней,—массовому движению пролетариата. В самом деле, что такое террор? Это система действий, имеющих целью устрашить политического врага, распространить ужас в его рядах. Но изо всех неприятных царскому правительству явлений современной русской общественной жизни ни одно не имеет такого опасного значения для него и ни одно не внушает ему такого ужаса, как именно рост революционного сознания в народной массе. Ведь это правительство потому и старается испугать нас высшей мерой наказания, что наша агитационная деятельность доводит его до высшей степени страха. Ведь оно потому и грозит нам, что боится грозной силы массового революционного движения. Вследствие этого революционная агитация в массе и должна быть признана теперь самой страшной для правительства и единственной в самом деле опасной для него разновидностью терроризма.

Прежде, когда предержащие власти обрушивались на демонстрантов лишь с более или менее чувствительными «мерами кротости и увещания»,—от казацкой нагайки до административной высылки и ареста включительно, — террористическая борьба старого образца была самым рискованным видом революционной борьбы, и люди, бравшиеся за нее, имели репутацию наиболее решительных и самоотверженных деятелей. Их считали как бы героями по преимуществу. Теперь же, когда демонстрации пере-

ходят в открытое сопротивление власти, а за открытое сопротивление власти грозит солдатская пуля или смерть «через повешение» по приговору военного суда, наш старый терроризм перестает быть исключительно смелым приемом борьбы и может считаться исключительным разве только по своему несоответствию с нынешними требованиями целесообразной революционной тактики. Теперь героизм вышел на площадь: истинными героями нашего времени являются теперь те революционеры, которые идут во главе народной массы, восстающей против своих угнетателей.

Но само собой понятно, что эта простая и ясная, как божий день, мысль не укладывается в головах наших революционных старообрядцев, которые до сих пор живут впечатлениями давно и, к счастью, безвозвратно минувшего прошлого. Вот, например, «Революционная Россия», высказавшая в своем 30-м номере совершенно новую мысль о пользе решительного образа действий, говорит: «Но кто же еще не понимает, что многие, расстрелянные безоружными на мостовой, предпочли бы умереть с оружием в руках—в уличной схватке или на баррикаде, в открытом нападении строя на строй или в героическом единоборстве?»

Орган партии, помешавшей несчастному Качуру додуматься до определенной классовой точки зрения, очевидно, подразумевает под единоборством тот самый прием борьбы, который мы назвали терроризмом старого образца. Этому единоборству и присваивается у него эпитет героического. «Революционная Россия» «еще не понимает», что начавшееся теперь единоборство рабочего класса с царским правительством открывает несравненно более широкое поле для героизма всякого рода, чем самые смелые и «решительные» предприятия отдельных лиц или групп.

История не знает более страшного терроризма, чем терроризм Великой Французской революции, который выдвинул на историческую сцену настоящих титанов и «божьей грозой» пронесся над Францией, беспощадно разрушая все остатки «старого режима». Но чем был этот терроризм? Когда он начался? Откуда черпал он свою гигантскую силу? В чем состояла тактика его сторонников? По справедливому замечанию Малуэ, он начался 14 июля 1789 года взятием Бастилии. Его сила была силой революционного дви-

жения народа. Главной отличительной чертой тактики его сторонников было стремление во что бы то ни стало поддерживать и усиливать революционную самодеятельность массы. Этот терроризм вызван был не «разочарованием» в силе массового движения, а, наоборот, непоколебленной верой в эту силу. Его представители были руководителями французского народа в его героическом единоборстве с соединенными силами европейской реакции. История этого терроризма чрезвычайно поучительна для русского революционера. Но она поучительна именно потому, что непрестанно твердит нам о необходимости подготовлять нашу российскую народную массу ко взятию наших всероссийских Бастилий.

Повторяем, ответом на белый террор правительства должно быть усиление революционной агитации в массе. На этом пути нам придется испытать жесточайшее преследование. Много крови прольется на нем, много товарищей вырвет из наших рядов Молох в полицейском мундире. Но мы не покинем его, так как он один ведет к победе. Держась его, мы можем быть уверены, что силы нашей революционной армии будут постоянно увеличиваться, что на место павших борцов будут становиться новые, все более и более многочисленные рекруты свободы, и что мы отомстим царизму, победив его и не оставив в его безобразном здании камня на камне.

Красный с'езд в красной стране

Приветствуя многочисленных делегатов, со всех концов Германии с'ехавшихся в Дрезден, представитель дрезденского «местного комитета» товарищ Кадэн заметил, что саксонцы показали себя достойными той чести, которую германская социал-демократия сделала их стране, созвав в ее столице свой партийный с'езд нынешнего года. Это замечание, конечно, как нельзя более справедливо. На последних выборах в рейхстаг сознательный пролетариат Саксонии одержал такую великую, такую блестящую победу, о какой вряд ли мечтали в его среде даже самые крайние оптимисты. Из 23 мест, занимаемых в рейхстаге депутатами от Саксонии, 22 принадлежат теперь социал-демократам.

Саксония—поистине красная страна, как назвал ее в своей речи тов. Кадэн. Но если эта красная страна в самом деле была вполне достойна чести принимать у себя представителей великой германской армии пролетариата, то эти представители, делегаты с'езда, с своей стороны, за небольшими исключениями, показали себя вполне достойными чести заседать в «красной стране». Дрезденский с'езд по всей справедливости может быть назван красным с'ездом. Важнейшее из его решений относится к так называемому в Германии ревизионизму,—бернштейнианству тож,—и представляет собою смертный приговор этому направлению. За этот приговор всемирная социал-демократия должна быть глубоко благодарна дрезденскому с'езду: он оздоровит социал-демократическую атмосферу в Германии и уже одним этим окажет в высшей степени благотворное влияние на ход международного социалистического движения. Враждебная ревизионизму резолюция красного с'езда является хорошим предзнаменованием для международного социалистического конгресса будущего года. Англичанин Джонс, говорив-

ший в Дрездене от имени английской Социал-демократической Федерации, недаром сказал, что национальный германский с'езд имеет большое значение для борющегося пролетариата всего мира.

Происходившая на с'езде борьба мнений принимала подчас очень резкую форму, а нападки ревизионистов на Франца Меринга, провинившегося на этот раз лишь беспощадным разоблачением их промахов и ошибок, имели прямо отталкивающий характер. Поэтому некоторые добрые, но слабонервные люди получили от с'езда очень тяжелое впечатление, граничащее даже с полным разочарованием. Но винить в этом нужно не с'езд, а только слабые нервы этих добрых людей. Выходки нападавших на Меринга ревизионистов были, без сомнения, отвратительны. Но они свидетельствовали лишь о безвыходном положении этих почтенных героев «критики» и никоим образом не могут быть поставлены на счет германской социал-демократии вообще или дрезденскому с'езду в частности. А что касается направленных против ревизионизма страстных речей Бебеля и некоторых его ближайших единомышленников, то на всякого здорового человека они могли произвести только самое отрадное, самое ободряющее впечатление. Удивительно не то, что левое крыло германской социал-демократии позволило себе решительно и страстно напасть на ревизионистов, а то, что оно до сих пор считало нужным церемониться с ними. Уже несколько лет тому назад, когда теоретик германского ревизионизма Э. Бернштейн только что начал свою так называемую критику марксизма, газета «Sächsische Arbeiter Zeitung» напечатала ряд статей, в которых доказывалось, что теперь речь идет о том, кто кого похоронит: Бернштейн немецкую социал-демократию, или немецкая социал-демократия—Бернштейна. Тогда эти статьи, написанные одним русским социал-демократом, показались слишком резкими и несправедливыми едва ли не всем без исключения немецким марксистам, а их главная мысль была встречена большинством читателей, как парадокс, подсказанный крайним полемическим увлечением. Теперь наши немецкие товарищи сами видят, что торжество ревизионизма означало бы гибель социал-демократии, как партии революционного пролетариата, и решение, принятое дрезденским с'ездом по вопросу о тактике, является, как мы сказали выше, смертным приговором бернштейнианству. Парадокс оказался очень

похожим на истину. И если пока еще никто из германских социал-демократов не заговаривает о похоронах г. Бернштейна, т.-е. об исключении его из партии, то это об'ясняется, по всей вероятности, тем, что, сбитый со всех своих теоретических позиций, покинутый почти всеми своими сторонниками и постоянно все сильнее и сильнее компрометирующий самого себя свойственною ему беспредельною бестактностью, этот комичный рыцарь печального образа кажется им несравненно более жалким, чем опасным. Для нас нет ни малейшего сомнения в том, что они очень ошибаются. Г. Бернштейн до сих пор вовсе не так безопасен для их партии, как они думают. Он еще немало повредит ей. Но это другой вопрос, о котором мы поговорим с читателями, когда г. Бернштейн снова напомнит своим слишком добродушным товарищам о своем «критическом» уме какою-нибудь новой, более или менее громкой, бестактной выходкой. Мы убеждены, что ждать придется недолго [1]). Теперь же речь идет у нас, собственно, о страстности, обнаруженной защитниками «отродоксии», и мы утверждаем, что она должна не огорчать, а радовать всех тех, кому в самом деле дороги интересы пролетариата. Без страсти не делается ничего великого в истории, и успешно бороться с крупным общественным злом может только тот, у кого течет горячая кровь в жилах.

Международные любители «товарищеских приемов в полемике» никак не могут понять, что «ортодоксы» в сущности совсем не товарищи ревизионистам и должны вести смертельную борьбу с ними, если только не желают изменить своему собственному делу. Между этими двумя направлениями лежит глубокая и непереходимая пропасть. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить, например, вышеупомянутую резолюцию дрезденского с'езда с тем, что проповедывал тот же несравненный г. Бернштейн в своей пресловутой книге «Die Voraussetzungen des Sozialismus».

Дрезденский с'езд беспощадно и решительно осудил «всякое стремление затушевать существующие и все растущие классовые противоречия». Г. Бернштейн очень усердно, хотя и безуспешно, затушевывал эти противоречия с помощью тех статистических со-

[1]) Статья эта была набрана, когда телеграф принес известие, что второй избирательный округ Берлина требует исключения из партии г.г. Бернштейна, Брауна и Гёрэ. В добрый час!

физмов и тех теоретических паралогизмов, которые в таком изобилии запасены были новейшими апологетами капитализма.

Дрезденский с'езд самым категорическим образом высказался против «политики приспособления к существующему порядку вещей», противопоставив ей «старую тактику партии, увенчавшуюся такими крупными победами и основывающуюся на классовой борьбе»; г. Бернштейн был самым усердным пропагандистом и самым настойчивым защитником «политики приспособления».

Дрезденский с'езд об'явил, что социал-демократия должна оставаться партией социальной революции; г. Бернштейн настойчиво приглашал ее превратиться в партию социальной реформы.

Одним словом, взгляды г. Бернштейна коренным образом противоречат учению революционного социализма; поэтому всякая попытка примирить это учение с его взглядами самым существом дела заранее осуждена на полнейшую неудачу. И чем более наши немецкие товарищи, оставшиеся верными революционному социализму, убеждаются в совершенной непримиримости своей программы со взглядами г. Бернштейна, тем страстнее оспаривают они эти взгляды и тем энергичнее борются они с ревизионистами. Иначе и быть не может. Было бы очень странно и очень печально, если бы было иначе. «Товарищеская полемика» не мыслима между такими людьми, которые по самому положению вещей должны быть непримиримыми врагами.

Любители «товарищеской полемики» охотно распространяются также на тему о свободе мнений. «Социал-демократия не может ограничивать права критики», говорят они. И это, конечно, верная мысль, но применяется она в данном случае совершенно неправильно. Если бы социал-демократия с презрением выбросила из своих рядов г. Бернштейна тотчас же после выхода в свет его вышеназванной книги, то этот факт,—последствия которого, наверное, были бы для нее очень полезны,—нисколько не помешал бы ей оставаться вернейшей защитницей свободы мысли и слова. Свобода мысли и слова обеспечивается вовсе не тем, что люди противоположных мнений мирно уживаются в рядах одной и той же партии, а тем, что законы страны дают всем партиям право думать все, что они хотят, и говорить все, что они думают. Выбросив из своих рядов

г. Бернштейна или какого-нибудь другого ревизиониста, договорившегося до буржуазных теорий, немецкая социальная демократия отнюдь не посягнула бы этим на непререкаемое право этого господина критиковать какие ему угодно воззрения. Она только воспользовалась бы своим собственным правом принимать в свою среду только людей, признающих ее собственные взгляды. Когда говорят, что социал-демократия должна обеспечить своим членам полную свободу мнений, то забывают, что политическая партия совсем не академия наук. «Философствовать значит не действовать; действовать значит не философствовать» (Thun ist nicht philosophieren, philosophieren ist nicht thun), справедливо замечает где-то Фихте. Пока я философствую, я не действую, а пока я не действую, люди дела не имеют никакого права спрашивать у меня отчета в том результате, к которому привела меня работа моей философской мысли. Но когда я начинаю действовать, я перестаю философствовать, и тогда те люди дела, с которыми мне хотелось бы сойтись, не только имеют полное право, но обязаны спросить меня, к какому именно выводу я пришел, и не противоречит ли мой вывод их практическим задачам. Свобода мнений в партии может и должна быть ограничена именно потому, что партия есть союз, свободно составляющийся из единомышленников: как только единомыслие исчезает, расхождение становится неизбежным. Навязывать партии, во имя свободы мнений, таких членов, которые не разделяют ее взглядов, значит стеснять ее свободу выбора и мешать успеху ее действий.

Само собою разумеется, что единомыслие обязательно только в существенных для партии вопросах. Но ни в теории всемирной социал-демократии, ни в ее практике не было, нет и не может быть вопросов, имеющих для нее более существенное значение, чем те, о которых так горячо спорят ортодоксы с ревизионистами. От их решений в ту или другую сторону зависит вся ее будущность.

До каких неслыханных нелепостей доходят ревизионисты, желающие наградить социал-демократию благами неограниченной «свободы мнений», показывает следующий курьезный пример, ко-

торый показался бы нам совершенно невероятным, если бы он не был совершенно достоверным. Когда в немецкой социал-демократической печати разгорелся знаменитый отныне спор о «вице-председательстве», товарищ (гм, гм!) Пеус неожиданно высказал ту мысль, что, добиваясь для одного из своих членов вице-председательского места, социал-демократическая фракция в рейхстаге не должна смущаться тем непременным условием, на котором ей только и могло бы достаться это место: обычным визитом во дворец для выражения верноподданнических чувств императору. В подтверждение этой, крайне странной в устах социал-демократа, мысли товарищ (?!) Пеус выдвинул тот довод, что хотя, конечно, Вильгельм II всегда и грубо нападает на социал-демократов, но, с другой стороны, и за императором должна быть признана свобода мнений. Это, поистине, бесподобно! Гнитесь в три погибели и почтительно шаркайте перед тем, кто поносит вас лживой и грубой бранью. Если вы откажетесь поступать так, то товарищ (нечего сказать, очень умный товарищ!) Пеус обвинит вас в посягательстве на свободу чужого мнения. О, свободолюбцы! Дальше этого итти уже некуда, потому что,—к сожалению или к счастью,—область абсурда тоже имеет свои пределы.

Некоторые горько сожалеют еще о том, что старый спор о тактике возгорелся в германской партии так скоро по окончании июньских выборов: им было будто бы испорчено грандиозное впечатление блестящей победы, одержанной социал-демократией. Но, во-первых, на этот раз, как и всегда, спор начат был не ортодоксами, а ревизионистами, которые, в лице неутомимо бестактного г. Бернштейна, стали советовать социал-демократии поступать, — по выражению сатирика, — применительно к подлости, а, во-вторых, победа над внешними врагами отнюдь не должна была мешать ортодоксам стремиться к победе над врагом внутренним, угрожавшим самому ее существованию, как революционной партии сознательного пролетариата. Если бы за беспримерную июньскую победу надо было заплатить постыдной ценою мира с ревизионистами, то эта победа стоила бы партии слишком дорого. Но после июньской победы мир с ревизионистами стал возможен менее, чем когда бы то ни было. «Ортодоксы» нравственно должны были предостеречь победоносный пролетариат от той тактики, которая завела бы его в болото оппортунизма и

сделала бы бесполезными все его великие успехи, бесплодной всю его несокрушимую энергию. Энергичный отпор ревизионистам был для «ортодоксов» политической обязанностью и психологической необходимостью. И вот почему сравнительно ничтожные поводы,— участие некоторых ревизионистов в буржуазных органах, клеветавших на социал-демократию, и смешные разглагольствования ревизионистского Санчо-Пансы о том, что социал-демократия могла бы с большей пользой для себя и без всякого ущерба для своего нравственного достоинства проделывать верноподданные книксены перед императором, — вызвали против ревизионистов такую бурю негодования, какая еще ни разу не разражалась в среде наших сдержанных немецких товарищей. Вынесенный красным с'ездом смертный приговор ревизионизму надлежащим образом увенчал июньскую победу германского пролетариата. Без него она была бы неполна.

Мы горячо рукоплещем красному с'езду; но мы не хотим обманывать себя слишком розовыми надеждами. Ревизионизму вынесен смертный приговор. Это очень хорошо. Но приговор этот имеет, собственно говоря, пока только нравственное значение. Ревизионисты по-прежнему занимают сильные позиции в партийной организации, и это очень плохо, потому что они, наверное, воспользуются этими позициями для новых попыток в пользу своей тактики. По правде сказать, мы думаем, что дрезденский с'езд был в состоянии сделать больше, чем сделал, для ослабления практического влияния ревизионистов.

Надо заметить, впрочем, что вопрос о позициях, занимаемых ревизионистами в германской партии, очень сложный вопрос. Его нельзя разрешить одним постановлением с'езда. Дело в том, что рабочий класс не может обойтись без услуг так называемых в Германии академиков, — по-нашему интеллигенции. Но немецкая интеллигенция сильно пропитана буржуазным духом. Даже те «академики», которые разрывают с господствующими классами и переходят на сторону пролетариата, по большей части приносят с собою немалый запас буржуазных предрассудков. Поэтому буржуазная «критика» революционного социализма обыкновенно производит на них чрезвычайно сильное впечатление. Академики, переходящие в ряды пролетариата, можно сказать, от рождения склонны «критиковать Мар-

кса». А так как их образование дает им возможность занимать в партии влиятельное положение агитаторов, публицистов, редакторов и т. п., то и выходит, что унтер-офицерские и офицерские места в рабочей армии очень часто принадлежат именно ревизионистам. Это прекрасно выяснилось на дрезденском с'езде. Но там же выяснилось и то отрадное для всякого революционера обстоятельство, что, между тем как офицеры и унтер-офицеры великой армии труда сочувствуют ревизионизму, ее рядовые,— организованные рабочие в собственном смысле этого слова,— в своем огромнейшем большинстве стоят за революционную тактику и резко осуждают ревизионизм со всеми его буржуазными симпатиями и со всей его, будто бы практичной, близорукостью. Только поэтому ревизионизм до сих пор и не принес германской партии того страшного вреда, который он мог бы принести ей при других условиях: оппортунистические стремления «академиков» разбивались о революционное настроение рабочей массы. Но такое положение дел во всяком случае ненормально и очень опасно. В XVI веке, во время великой «крестьянской войны», незнакомые с военным делом крестьяне по необходимости пользовались услугами перебежчиков из среды мелкого дворянства, которому это дело было, наоборот, очень хорошо известно. Отрядами восставших крестьян сплошь да рядом предводительствовали взбунтовавшиеся дворяне. Но дворянское недовольство было гораздо менее глубоко, чем крестьянское. Поэтому дворяне далеко не были такими последовательными революционерами, как крестьяне. У каждого из них жило, как у Фауста, по две души в груди. Их можно назвать ревизионистами той эпохи. Связанные тысячью духовных нитей с тем самым классом, против которого восставали предводимые ими крестьяне, они легко примирялись с ним и нередко снова переходили на его сторону, оставляя на произвол судьбы свои крестьянские отряды. Энгельс говорит, что этим об'ясняются многие неудачи крестьян. В последние годы мы невольно и часто вспоминали это замечание Энгельса, видя, как охотно встречают западно-европейские академики, перешедшие под знамя социализма, всякие попытки «пересмотреть» учение Маркса, т.-е. на самом деле ослабить значение и влияние той теории, которая является наилучшим в настоящее время идеологическим выражением революционных стремлений пролетариата. Мы

понимали, что причина этого печального явления лежит в буржуазном происхождении «академиков», и мы часто спрашивали себя: как же справится западно-европейская социал-демократия с затруднением, заключающимся в необходимости предоставлять влиятельное положение в партийной организации людям, по своему происхождению и воспитанию склонным скорее бояться революционных стремлений пролетариата, чем поддерживать их? Очевидно, что выйти из этого затруднения необходимо, но не менее очевидно, что выход из него найти не легко. Оно еще не один раз напомнит о себе немецкой и всей вообще западной социал-демократии. Говорим—*западной*, так как в России положение дел теперь другое, и ее интеллигенция настроена гораздо более революционно, чем западно-европейская. Но что и она не чужда, к сожалению, сродства с ревизионизмом, это известно всем не «беззаботным насчет литературы».

Дрезденский с'езд обратил большое внимание на это затруднение. В этом состоит одна из многих его заслуг. Ортодоксы, выступавшие на нем против ревизионистов, настойчиво повторяли, что влиятельные места в организации могут быть предоставляемы только тем «академикам», которые усердной службой в качестве простых рядовых показали, что умеют твердо держаться точки зрения революционного пролетариата. Мы считаем эту меру безусловно необходимой, но боимся, что она будет недостаточна. Если все становящиеся на сторону рабочего класса «академики» будут находиться под влиянием буржуазных теорий, то партии поневоле придется быть снисходительной в своем выборе, т.-е. открывать дверь новым разновидностям ревизионизма. Чтобы уменьшить эту опасность, обусловленную неблагоприятными для пролетариата общественными отношениями, нужно *атаковать врага на его собственной территории*. Против *теоретиков буржуазии*, «критикующих Маркса», должны выступить фаланги *теоретиков пролетариата*, критикующих новейшие буржуазные доктрины. А для того, чтобы у пролетариата явились такие теоретики, международной социал-демократии следует прежде всего отделаться от той ложной деловитости, которая выражается в пренебрежительном отношении к теории и которая последние годы распространялась в ее среде буквально, как злая зараза. Только влиянием этой ложной дело-

витости и об'ясняется то непонятное на первый взгляд обстоятельство, что ревизионисты так долго могли безнаказанно затемнять своей мелко-буржуазной проповедью классовое самосознание рабочих. Пора уже нам понять, что равнодушным отношением к своей собственной теории мы только облегчаем распространение в нашей среде буржуазных учений. Близорукая деловитость очень полезна ревизионистам: им теории не ко двору. Но что ревизионисту здорово, то «ортодоксу» смерть.

С величайшим интересом прочитали мы то место речи товарища Ауэра, где он, касаясь международного Парижского с'езда 1900 года, говорит, что в то время тов. Каутский не так отрицательно относился к Милльерану, как теперь. Это совершенно справедливо, что бы там ни возражал на это названный товарищ. Если бы в немецкой делегации, явившейся на последний международный Парижский с'езд, преобладало то резкое отношение к ревизионизму, которое так решительно восторжествовало в Дрездене, то знаменитая «каучуковая резолюция» тов. Каутского не увидела бы света даже в виде проекта, и тогда правоверная часть российской делегации была бы избавлена от печальной необходимости разойтись в голосовании со своими немецкими единомышленниками.

Закрывая с'езд, товарищ Зингер в своей, по обыкновению энергичной, речи сказал, что его партия останется, как и была, революционной партией рабочего класса. Он мог пойти дальше и сказать, что эта партия отличается теперь гораздо более революционным настроением, чем несколько лет тому назад, когда начиналась ревизионистская кампания, имевшая целью сделать из нее мирную партию буржуазной социальной реформы. Красный с'езд показал это с поразительной ясностью, и зато мы от души признательны красному с'езду. Да здравствует германская социал-демократия!

Полицейский антисемитизм

Когда разразился еврейский погром в Кишиневе, мы тотчас же обратили внимание наших читателей на ту гнусную роль сообщника и подстрекателя, которую играло в нем царское правительство. Мы назвали «народные» движения этого рода последней картой царизма, видящего себя в крайне затруднительном положении и пытающегося задержать развитие классового самосознания российского пролетариата для того, чтобы отсрочить свою гибель. Это утверждение сначала показалось кое-кому несколько рискованным. Некоторые читатели заподозрили нас в преувеличении. Но прошло очень не много времени, и то, что представлялось невероятным, оказалось несомненным. Теперь вряд ли найдется в цивилизованном мире хоть один человек, который не знал бы, что кровь кишиневских евреев пролилась по воле г. Плеве и его ближайших сотрудников. Теперь всем известно, что насилия, грабежи и убийства возведены у нас в политическую систему и что правительство считает применение этой системы необходимым для «охранения государственного спокойствия». И теперь российским обывателям, не могущим помириться с этой позорной системой, остается лишь внимательно следить за ее проявлениями и бороться с нею всеми теми средствами, которые находятся в их распоряжении.

А ее проявления чрезвычайно многозначительны и красноречивы. Возьмите хоть недавний погром в Гомеле. Его главной отличительной чертой является то засвидетельствованное всеми очевидцами обстоятельство, что войско, вызванное из лагерей в город, помогало не евреям защищаться от громил, а громилам преодолевать сопротивление евреев. Есть все основания думать, что евреи справились бы с громилами, если бы этих последних не поддерживали полиция

и солдаты. В высшей степени замечателен факт, сообщаемый в «Последних Известиях» Заграничн. Ком. Бунда. Около Конной площади громил встретил отряд евреев, организовавшихся для самообороны. «Все единодушно утверждают, что громилы были бы здесь рассеяны. Но, откуда ни возьмись, появились войска, не вмешивавшиеся раньше, и без всякого предупреждения тотчас же дали залп в евреев. Трое убитых и много раненых осталось на месте». И не думайте, что войско вело себя так только в этом отдельном случае. Оказывается, что «почти все убитые и раненые евреи пали от пуль солдат и полиции, а не от рук громил». Это, поистине, бесподобно. Российское «христолюбивое воинство» покрыло свое оружие неувядающей славой! Было бы очень желательно узнать имена офицеров, участвовавших в этом разбойничьем набеге на евреев и не постыдившихся выступить в роли громил, достойной лишь одичавших от водки кабацких пропоиц...

А когда погром был окончен, когда дело открытого насилия было сделано, началось издевательство. Говорим: издевательство, потому что не умеем назвать иначе ту речь, с которой могилевский губернатор г. Клингенберг обратился к еврейской депутации. Этот интересный образчик «словесности» заставляет вспомнить слова поэта:

Есть речи—значенье
Темно иль ничтожно;
Но им без волненья
Внимать невозможно...

Если оценивать речь могилевского помпадура по ее логической стоимости, то ее придется признать совершенно ничтожной, ибо логики в ней вовсе мало. Но ее логическое ничтожество не мешает ей выражать совершенно недвусмысленную политическую тенденцию, а эта тенденция способна взволновать самого флегматичного человека.

«Я знал Могилевскую губернию 25 лет тому назад,—возвестил г. Клингенберг.—Тогда евреи были благонадежны, не участвовали ни в каких политических движениях, и тогда не было и помину о погромах».

Выходит, стало быть, что, по мнению г. Клингенберга, причина погромов заключается в политической неблагонадежности евреев.

Но эта «неблагонадежность» составляет горький плод последних лет, а между тем еврейские погромы у нас, к сожалению, далеко не новость: достаточно назвать восьмидесятые годы. Стало быть, одно из двух: или причина погромов не имеет ничего общего с «неблагонадежностью» евреев, или прежние погромы не имеют ничего общего с нынешними. Г. Клингенберг сам чувствует неизбежность этой альтернативы и потому спешит прибавить, что погромы восьмидесятых годов имели «совсем другой характер». По его словам, они «явились результатом еврейского гнета, под которым находилось христианское население». Нетрудно было бы показать, насколько неудовлетворительно это об'яснение. Для этого стоило бы только напомнить, какова была «внутренняя политика» печальной памяти гр. Игнатьева,—политика, несомненно, основывавшаяся на угнетении, да только не на угнетении христиан евреями. Но мы не хотим поднимать здесь «пыль времен». Допустим, что г. Клингенберг говорит правду, и посмотрим, как справляется он со своим собственным об'яснением. Почему о погромах не было и помину в то доброе старое время, — т.-е. «25 лет тому назад», т.-е. в конце семидесятых годов, — когда «евреи были благонадежны» и «не участвовали ни в каких политических движениях»? Потому ли, что тогда еще не существовало указанного г. Клингенбергом гнета? Наш оратор ничего не отвечает на этот неизбежный вопрос, и потому нам приходится теряться в догадках. Если гнета тогда в самом деле еще не было, то решительно непонятно, откуда взялся он всего лишь несколько лет спустя, т.-е. в самом начале следующего десятилетия. А если гнет существовал и в счастливую эпоху политической благонадежности евреев, то интересно знать, почему же тогда не было погромов? Неужели только потому, что христиане не решались восставать против людей благонадежных в политическом отношении? Это было бы уже слишком странно. Этого не станет утверждать и сам г. Клингенберг, несмотря на всю свойственную ему решительность. А в таком случае выходит, что куда ни кинь,—все клин: как ни истолковывай речь превосходительного, — но, к сожалению, не превосходного, — оратора, а все-таки приходится сказать, что она ровно ничего не об'ясняет и очень многое запутывает.

Но как бы ни были сбивчивы об'яснения, даваемые г. могилевским губернатором, из них все-таки видно, что, по его мнению,

нынешние еврейские погромы об'ясняются вовсе не угнетением христиан евреями. Мы отмечаем это мнение г. Клингенберга, так резко противоречащее обычным разглагольствованиям наших антисемитов, и продолжаем слушать.

«Теперь евреи стали руководителями, зачинщиками во всех антиправительственных движениях, — гремит г. Клингенберг. — Весь этот Бунд и социал-демократия — евреи. Правда, находятся между ними и лица других исповеданий, но они являются как подстрекаемые, подстрекателями же являются евреи. Вообще евреи теперь нахальны, непокорны, потеряли всякое уважение к власти... Посмотрите, господа, нижний полицейский чин не имеет никакого значения, его не признают! Всегда и всюду евреи выражают дикое неуважение и нетерпимость к христианам. Да вот вам: на-днях на мою жену наскочил на улице велосипедист. Кто? Еврей. Гимназист на улице идет мне навстречу с папироской в зубах и не кланяется. Кто такой? Опять еврей. Гимназистка, раздеваясь, задела рукавом мою жену и на вопрос жены, почему не извиняется, отвечает: «я не заметила». Опять-таки кто? Еврейка. Вот, господа, где причина. Вы сами виноваты во всем случившемся. Правительство беспристрастно и я беспристрастен. И, оставаясь беспристрастным, я должен сказать: вы сами виноваты. И в этом смысле я буду докладывать государю».

Это место речи г. Клингенберга окончательно убеждает нас в том, что если русские евреи уже утратили первобытную чистоту нравов, то некоторые российские помпадуры до сих пор еще пребывают в том счастливом состоянии младенческой невинности, которое нисколько не мешает «наступать на законы», но совершенно исключает всякую серьезную политическую мысль. Бунд фигурирует у г. Клингенберга рядом с гимназисткой, которая задела рукавом ее превосходительство и, — нераскаянная преступница! — не извинилась перед нею; социал-демократия выступает под руку с гимназистом, который курит на улице и—о, времена! о, нравы!— не кланяется самому «начальнику губернии»; освободительные стремления пролетариата идут бок-о-бок с неуважением к нижним чинам полиции. И все это вместе взятое — и дерзкий рукав, и преступная папироса, и непочтение к городовым, и революционная социал-демократия,—все это создано евреями, все это об'ясняется

еврейским «нахальством», как последней и самой глубокой причиной. Словом, тут перед нами такая беспомощная, такая комичная, такая изумительная путаница понятий, которой устыдился бы сам Иван Пантелеич Прыщ, обладавший, как известно, фаршированной головою. Но сугубая чепуха, которой переполнена речь г. Клингенберга, неизменно сопровождается зловещим припевом: «вы сами виноваты во всем случившемся», и этот зловещий припев раскрывает перед нами истинный смысл всего случившегося в Гомеле. Если полиция и войско поддерживали там громил, то это произошло потому, что так угодно было нашему «беспристрастному» правительству, которое хочет наказать евреев за то, что из среды их выходит много врагов существующего «порядка», и вернуть их на путь первобытной «благонадежности». Погромы нужны, как средство политического исправления евреев. Вот что узнаем мы из речи г. Клингенберга. И это как нельзя лучше подтверждается тем, что г. помпадур собирался «в этом смысле докладывать государю». Ведь если бы петербургские «правящие сферы» не имели указанных нами педагогических планов насчет евреев, то г. Клингенберг «доложил» бы царю совершенно в ином смысле. Г.г. помпадуры тоже знают, как, что и когда надо «докладывать». Им тоже приходится держать нос по ветру.

Само собою понятно, что воспитательные намерения петербургского правительства хорошо известны не одному г. Клингенбергу. Вот, например, таврический губернатор Трепов, — сын того Трепова, которого обессмертила В. И. Засулич, — тоже, как видно, убежден, что евреи «во всем» виноваты. При посещении им синагоги в селе Каменке он произнес речь, полную упреков по адресу еврейского населения, которое и ему представляется до последней степени неблагонадежным. «Всюду в беспорядках,—говорил он,— евреи являются не только участниками, но и зачинщиками». Мы не хотим брать на себя роль пророка и вовсе не желали бы пугать таврических евреев, но не можем не заметить, что в этих словах г. Трепова нам слышится шум приближающегося еврейского погрома.

А вот орловский помпадур Балясный, тот речей не произносит, а кусается молча. Читатель помнит, конечно, из № 49 «И с к р ы»,— таких вещей не забывают,—что этот расторопный администратор послал старосте деревни Дубовки предписание, повелевавшее «жи-

дов» бить, имущество их отбирать, «водку пить» [1]). Нечего и прибавлять, что в этом лаконическом распоряжении виноваты опять «сами евреи», и что если дубовские крестьяне исполнят распоряжение г. Балясного, то он сумеет дать делу надлежащее освещение в своем «докладе» слабоумному петербургскому недорослю.

За помпадурами идут разные мелкие сошки. В Гомеле «на другой год после погрома,—читаем мы в уже цитированном нами № «Последних Известий»,—преподаватель местной женской гимназии, известный антисемит Боборыкин, вызвал еврейских учениц. Когда они отказались отвечать, ссылаясь на то, что были накануне слишком взволнованы и не могли готовить уроки, у него хватило духу, чтобы обрушиться на них с грубыми попреками и долго распространяться о том, что евреи не умеют держать себя, не знают своего места и пр. и пр.».

Лозунг дан свыше. Неудивительно, что его повторяют на всех ступенях чиновничьей лестницы. Это в порядке вещей.

«Повторяю, не будь полиции, не была бы разрушена ни одна лавка, не было бы погрома»,—пишет один из наших корреспондентов. Мы охотно верим этому. Но полиция была, и погром состоялся; полиция есть, и погромы будут. К ним надо готовиться заранее. Что можно против них сделать?

Уже по поводу кишиневского погрома мы высказали ту мысль, что необходимо противопоставить громилам энергичное сопротивление.

Такое сопротивление было оказано в Гомеле. К чему привело оно? Если верить «Последним Известиям», то результаты его были не велики. «Евреи, решившиеся на самооборону, очень скоро опустили руки, так как не было возможности сделать что-нибудь, — солдаты не давали» (№ 147). Мы сами прекрасно знаем, что не легко бороться с солдатами, но мы все-таки думаем, что «Последние Известия» смотрят на это дело слишком мрачно. Наши корреспонденты положительно утверждают, что еврейская самооборона была далеко не бесплодна, и с этим согласны сведения, сообщаемые в том же номере «Последних Известий». Так, мы узнаем из этого номера, что «оборона,

[1]) Как мы уже заметили в указанном номере, у нас имеется экземпляр этого печатного предписания.

видя невозможность дать отпор отдельными группами, стянула все свои силы и отстояла улицы Могилевскую и Замковую». Это уже очень недурно. В другом столбце того же номера мы читаем: «Что остановило погром, трудно сказать. Несомненно, однако, что сопротивление евреев сыграло здесь большую роль». Ясно, стало быть, что евреи, решившиеся на самооборону, не так уже скоро «опустили руки». Не менее ясно и то, что если бы непосредственные результаты сопротивления в самом деле были совсем не велики, то сопротивляться все-таки было бы необходимо в интересах будущего. Самым вредным следствием еврейских погромов издавна было именно то, что под их влиянием евреи теряли мужество и «опускали руки». Известный историк евреев Грец, описав погромы, происходившие в Испании в конце XIV века, очень картинно замечает: «Если сотня евреев стояла вместе, и если какой-нибудь мальчишка бросался на них с угрожающим видом, то они рассыпались в разные стороны, как стая испуганных птиц!» («Geschichte der Juden», том VIII, стр. 63). Под влиянием таких же причин и русские евреи прежде вели себя таким же образом. Именно потому разные Клингенберги и считали их «благонадежными», что они рассыпались, как испуганные птицы, при виде первого встречного буяна. Но немецкая пословица не даром говорит: Muth verloren, alles verloren (когда потеряно мужество, все потеряно). Чем покорнее сносили евреи колотушки, сыпавшиеся на них с разных сторон, тем меньше было шансов на то, что колотушки прекратятся. К счастью, теперь дело принимает другой оборот. Теперь в евреях пробуждается дух протеста. «Полиция была поражена одним фактом,—говорят представители гомельского еврейского общества в записке, поданной тов. министра внутренних дел,—тем, что евреи, вместо того, чтобы разбежаться при первом крике: «бей жидов!», собрались, вступили в драку с рабочими». Испуганных птиц заменили мужественные люди. В интересах всего еврейского населения надо желать, чтобы такие факты перестали быть исключениями из правила; надо, чтобы евреи не боялись давать отпор громилам. Обстоятельства так сложились, что этот отпор является для них одним из видов борьбы с нашим полицейским государством. А без борьбы с ним ничего не добьешься; «благонадежность» обывателей никогда еще не распо-

лагала его к уступчивости. Вот почему давать отпор громилам надо, хотя бы непосредственные результаты отпора были местами совершенно ничтожны.

И в этом трудном, но необходимом деле борьбы с громилами у евреев не будет, не должно быть союзника более надежного, чем сознательный пролетариат, каков бы ни был его племенной состав в том или другом месте. Мы уже знаем теперь, за что полиция травит евреев: за то, что между ними много социал-демократов. В руках полиции еврейские погромы являются одним из средств борьбы с социал-демократией; и все мы должны помнить, что при известных условиях этот способ мог бы оказаться одним из самых удачных. Социал-демократическое движение есть международное движение пролетариата, независимое от языка, расы, религии и национальности. Его участниками не могут быть рабочие, не успевшие отделаться от национального или племенного фанатизма. Поэтому, чтобы ослабить его, реакционеры везде стараются поддерживать национальные и племенные предрассудки бессознательных и малосознательных рабочих. Наш полицейский антисемитизм представляет собою лишь самый циничный изо всех видов этого стремления темных сил остановить развитие классового самосознания пролетариата. Поэтому наш сознательный пролетариат должен вести беспощадную, неустанную войну с полицейским антисемитизмом.

Дело идет здесь о самом существовании социал-демократии. Победа антисемитов означала бы гибель ее, как партии сознательного пролетариата. К счастью, такая победа теперь невозможна. Российский пролетариат уже вышел из детских пеленок, и его не собьют с толку дикие сказки реакционеров. Это с ясностью показали колоссальные стачки нынешнего года на юге России. Во время этих стачек рабочие легко могли бы разгромить «жидов»,—но они не только не проявили ни малейшего желания «бить евреев», но успокаивали их,—как то было, например, в Одессе,—говоря им: «не бойтесь, не бойтесь, это вам не Кишинев; мы вас не тронем; для нас все равны—и русские, и евреи». Такое поведение рабочих было плодом влияния на них социал-демократической пропаганды, и оно дает нам меру этого влияния. Господа антисемиты опоздали. Крупные центры уже не пойдут за ними.

Этим об'ясняется, почему антисемитические разбойники выступают лишь в отсталых местностях, т.-е. там, где влияние социал-демократических идей на рабочую массу еще не велико. Но и в этих местностях уже встречаются «христианские» рабочие, понимающие свой классовый интерес и свою классовую обязанность. Хотя в Гомеле в числе громил было, к сожалению, не мало железно-дорожных рабочих, но фабричное предместье того же Гомеля, Белица, очень сочувственно отнеслось к евреям. «Когда испуганные белицкие евреи, опасаясь погрома, просили полицмейстера прислать охрану, местные русские рабочие успокаивали их и обещали, что никому не дадут их громить». Источник, из которого мы заимствуем это сведение («Посл. Изв.», цит. номер, первый столбец), прибавляет, правда, что это исключительный случай, «вообще же в окрестностях Гомеля отношения между еврейским и русским населением обострились». Но «окрестности Гомеля», это—именно одно из наших захолустий, еще не испытавших на себе благотворного влияния нашей проповеди. В эти темные углы и сползаются теперь гады антисемитизма, не без основания рассчитывая встретить там сочувственный прием со стороны неразвитой массы. Но и там они продержатся недолго. Волны рабочего движения скоро докатятся и до этих захолустий, а тогда и там появятся «христиане», видящие всю гнусность, чувствующие весь позор и сознающие весь вред еврейских погромов; тогда и там «христианские» рабочие восстанут на защиту евреев и скажут им: «Не бойтесь нас, не бойтесь: нам все равно, что еврей, что русский!». И чтобы еще более ускорить наступление этой счастливой поры, мы обязаны теперь же организовать и систематизировать свою борьбу с антисемитизмом. За это не замедлит, конечно, взяться Центральный Комитет нашей партии, который будет создан ее вторым очередным с'ездом. Ожидающая его на этом поприще работа пропаганды, агитации и организации принесет богатые плоды.

Против антисемитической заразы есть только одно средство: международный социализм. Но это—верное средство; оно устраняет ее без остатка. И его действия не остановят ни хитроумные Плеве, ни тупоумные Клингенберги. От социализма не уйти, как от судьбы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письмо в редакцию «Рабочей Газеты»

Товарищи, Вы спрашиваете: сочувствую ли я Вашему изданию? На этот вопрос я отвечу Вам другим вопросом: как мог бы я не сочувствовать Вам? В моих глазах Ваш орган есть также и наш орган, орган всех тех, которые принадлежат к русской социал-демократической партии.

Не подумайте, что это просто один из тех комплиментов, которые в политической жизни иногда так же неизбежны, как и в салоне, и которые в сущности ничего не выражают и никого ни к чему не обязывают. Нет, это не комплимент.

Нечего греха таить: в настоящее время у нас в России нередко одна социал-демократическая группа довольно равнодушно смотрит на то, что делают другие группы, с в о и м д е л о м часто считается у нас только дело с в о е й г р у п п ы, а дела д р у г и х г р у п п трактуются почти как чужие или, во всяком случае, как такие, которые можно предоставить их собственной участи, если только этого потребует хотя бы незначительный м е с т н ы й интерес.

Преобладание узкого группового духа составляет один из величайших недостатков современного нашего социал-демократического движения. Но сам я этим грехом не грешу, да и не могу грешить. Принужденный жить за границей, я уже самым положением своим лишен возможности смотреть на наше дело с точки зрения интересов той или другой русской группы. Для меня и для моих ближайшех товарищей, членов Заграничного Союза Русских Социал-Демократов, существуют только интересы ц е л о г о, только общие интересы русского социал-демократического движения. А кто смотрит на дело с этой точки зрения, тот не может относиться равнодушно к Вашему предприятию.

Ваш орган посвящен обсуждению общерусских задач социал-демократического движения. Это показывает, что и Вы не ограничиваете Вашего поля зрения местными делами; это очень хорошо. Сближение местных групп, слияние их в стройно организованное целое стало теперь необходимым условием дальнейших успехов русской социал-демократии.

Вторым и не менее важным условием его дальнейших успехов является выработка и распространение в наших рядах правильных взглядов на политические задачи нашей партии в России. Если я не ошибаюсь, в настоящее время наши русские товарищи не всегда помнят ту чрезвычайно важную мысль Маркса, что *всякая классовая борьба есть борьба политическая*. Забыть об этом, хотя бы только на минуту, можно лишь тогда, когда местные групповые дела и практические задачи текущего дня сосредоточивают на себе все внимание деятелей. Я уверен, (орган), посвященный обсуждению общерусских интересов, будет способствовать устранению также и этой слабой стороны нашей социал-демократии. Я уверен, кроме того, что, когда Вы об'ясните Вашим читателям, в чем состоят истинные, «настоящие» — а не случайные, местные — политические взгляды русских социал-демократов, тогда под Ваше знамя окончательно встанут все те, которые и теперь уже разделяют Ваше стремление, но удерживаются от полного слияния с Вами ошибочным представлением о политических стремлениях русских социал-демократов.

Это очень важный вопрос, дорогие товарищи! Его можно назвать вопросом из вопросов нашего революционного движения. Раз'ясняйте его, возвращайтесь к нему, спорьте о нем на страницах Вашего органа. Может быть, скоро мне придется попросить у Вас гостеприимства для статьи по этому поводу. Но теперь я распространяться о нем не могу, а только порекомендую вам послесловие Аксельрода к женевскому изданию известной брошюры об агитации, оно проливает на него много света.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

Сборник материалов, изданный группой «Освобождение Труда»

Протест

Собрание социал-демократов одной местности, в числе 17-ти человек, приняло единогласно следующую резолюцию и постановило опубликовать ее и передать на обсуждение всем товарищам:

В последнее время среди русских социал-демократов замечаются отступления от тех основных принципов русской социал-демократии, которые были провозглашены как ее основателями и передовыми борцами—членами группы «Освобождение Труда», так и социал-демократическими изданиями русских рабочих организаций 90-х годов. Нижеприводимое «Credo», долженствующее выражать основные взгляды некоторых (так называемых «молодых») русских социал-демократов, представляет из себя попытку систематического и определенного изложения «новых» воззрений. Вот это «Credo» в полном виде:

Существование цехового и мануфактурного периода на Западе положило резкий след на всю последующую историю, в особенности на историю социал-демократии. Необходимость для буржуазии завоевать свободные формы, стремление освободиться от сковывающих производство цеховых регламентаций, сделали буржуазию революционным элементом; она повсюду на Западе начинает с liberté, égalité, fraternité, с завоевания свободных политических форм. Но этим завоеванием она, по выражению Бисмарка, выдавала вексель на будущее своему антиподу — рабочему классу. Почти повсюду на Западе рабочий класс не завоевывал демократических учреждений; он ими пользовался. Нам могут возра-

саюсь Англии) страдают необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду laissent à désirer quelque chose. Пока энергия в политической борьбе не была вся исчерпана, — Zusammenbruch являлся необходимым организующим Schlagwort'ом, которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения, — линия наименьшего сопротивления. На Западе такой линией являлась политическая деятельность, и марксизм, в том виде, в каком он был формулирован в Коммунистическом Манифесте, являлся как нельзя более удачной формой, в которую должно было вылиться движение. Но когда в политической деятельности была исчерпана вся энергия, когда политическое движение дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный рост голосов за последнее время, апатия публики на собраниях, унылый тон литературы), с другой стороны, бессилие парламентской деятельности и выступление на арену черной массы — неорганизованного и почти не поддающегося организации фабричного пролетариата — создали на Западе то, что носит теперь название бернштейниады, кризиса марксизма. Более логического хода вещей, чем период развития рабочего движения от Коммунистического Манифеста до бернштейниады, трудно себе представить, и внимательное наблюдение всего этого процесса может с точностью астронома определить исход этого «кризиса». Речь идет здесь, конечно, не о поражении или победе бернштейниады — это мало интересно, речь идет о коренном изменении практической деятельности, которое уже давно понемногу совершается в недрах партии. Изменение это произойдет не только в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций, но главное, и это самое существенное, в сторону изменения отношения партии к остальным оппозиционным партиям. Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в нед-

рах современного общества должно резко измениться. Партия признает общество, ее узко-корпоративные, в большинстве случаев, сектантские задачи расширяются до задач общественных, и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении приспособительно к современному положению вещей с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов. Содержание понятия «политика» расширится до истинно общественного значения, и практические требования минуты получат больше веса, могут рассчитывать на большее внимание партии, чем это было до сих пор. Не трудно из этого краткого описания хода развития рабочего движения на Западе сделать вывод для России. Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем, именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность, окрепли на ней и сформировались, у нас — слабые силы эти, наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а, следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся ими и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы Запада,—то картина получится удручающая и способная повергнуть в уныние самого оптимистического марксиста, верящего в то, что лишняя фабричная труба уже одним фактом своего существования несет великое благополучие. Трудна, бесконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создаст, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создаст ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской действитель-

ности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится еще в амебовидном состоянии и никакой формы не создало. Стачечное движение, существуя при всякой форме организации, не может еще быть названо кристаллизованной формой русского движения, а нелегальные организации уже чисто с количественной точки зрения не заслуживают внимания (не говорю о их полезности при настоящих условиях). Вот положение. Если прибавить сюда еще голодухи и процесс разорения деревни, способствующий Streikbrecher'ству, и, следовательно, еще бо́льшую трудность под'ема рабочих масс на более сносный культурный уровень, то... что же тут делать русскому марксисту? Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Русский марксизм пока печальное зрелище. Его практические задачи в настоящем мизерны, его теоретические познания, поскольку он пользуется ими *не как орудием исследования*, а как схемой деятельности,—не имеют цены для выполнения даже этих мизерных практических задач. Кроме того, эти схемы, взятые с чужого плеча, в смысле практики являются вредными. Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расчищенное политическое поле деятельности, наши марксисты более, чем это нужно, относятся с презрением к радикально или либерально оппозиционной деятельности всех других нерабочих слоев общества. Малейшая попытка сосредоточить внимание на общественных проявлениях либерально-политического свойства вызывает протест ортодоксальных марксистов, забывающих, что целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях. Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть искуплено разговорами о политике или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т.-е. участием в той жизни, как бы она ни была немарксистична, которую предлагает русская действительность. Насколько «отрицание»

теоретическим выражением господствующей практики: политической борьбы, превалирующей над экономической». Напротив, «марксизм» появился тогда, когда господствовал социализм неполитический (оуэнизм, фурьеризм, истинный социализм и проч.), и «Коммунистический Манифест» сразу выступил против неполитического социализма. Даже тогда, когда марксизм выступил во всеоружии теории («Капитала») и организовал знаменитое «Международное Общество Рабочих», политическая борьба отнюдь не была господствующей практикой (узкий трэд-юнионизм в Англии, анархизм и прудонизм в романских странах). В Германии великая историческая заслуга Лассаля состояла в том, что он превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию. Марксизм связал в одно неразрывное целое экономическую и политическую борьбу рабочего класса, и стремление авторов «Credo» отделить эти формы борьбы принадлежит к самым неудачным и печальным отступлениям их от марксизма.

Далее, совершенно неверны также представления авторов «Credo» о современном положении западно-европейского рабочего движения и той теории (марксизма), под знаменем которой идет это движение. Говорить о «кризисе марксизма» значит повторять бессмысленные фразы буржуазных писак, усиливающихся раздуть всякий спор между социалистами и превратить его в раскол социалистической партии. Пресловутая «бернштейниада»—в том смысле, в каком ее обыкновенно понимает широкая публика вообще и авторы «Credo» в частности—означает попытку сузить теорию марксизма, попытку превратить революционную рабочую партию в реформаторскую, и эта попытка, как и следовало ожидать, встретила решительное осуждение со стороны большинства германских социал-демократов. Оппортунистические течения не раз обнаруживались в германской социал-демократии и всякий раз были отвергаемы партией, которая верно хранит заветы революционной международной социал-демократии. Мы уверены, что всякие попытки перенести оппортунистические воззрения в Россию встретят столь же решительный отпор со стороны громадного большинства русских социал-демократов.

Точно так же не может быть и речи ни о каком «коренном изменении практической деятельности» западно-европейских рабочих

партий, вопреки мнению авторов «Credo». Громадное значение экономической борьбы пролетариата и необходимость такой борьбы были признаны марксизмом с самого начала, и еще в 40-х годах Маркс и Энгельс полемизировали против утопических социалистов, отрицавших значение такой борьбы. Когда, около 20 лет спустя, образовалось «Международное Общество Рабочих», вопрос о значении профессиональных рабочих союзов и экономической борьбы был поднят на первом же конгрессе, в Женеве, в 1866 году. Резолюция этого конгресса точно указала значение этой борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны, от недостаточной оценки ее значения (что замечалось у французов и у немцев, особенно у лассальянцев). Резолюция признала профессиональные рабочие союзы не только закономерным, но и необходимым явлением при существовании капитализма; признала их крайне важными для организации рабочего класса в его ежедневной борьбе с капиталом и для уничтожения наемного труда. Резолюция признала, что профессиональные рабочие союзы не должны обращать исключительное внимание на «непосредственную борьбу против капитала», не должны сторониться от общего политического и социального движения рабочего класса; их цели не должны быть «узкими», а должны стремиться к всеобщему освобождению угнетенных миллионов рабочего люда

С тех пор среди рабочих партий разных стран не раз вставал (и не раз будет, конечно, вставать) вопрос о том, не следует ли в данный момент обратить несколько больше или несколько меньше внимания на экономическую или политическую борьбу пролетариата, но общий и принципиальный вопрос и сейчас стоит так, как он поставлен марксизмом. Убеждение о том, что единая классовая борьба пролетариата необходимо должна соединять экономическую и политическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии. Исторический опыт неопровержимо свидетельствует далее, что отсутствие политической свободы или стеснение политических прав пролетариата всегда ведет к необходимости выдвинуть политическую борьбу на первый план.

Еще менее может быть речи о сколько-нибудь существенном изменении в отношении рабочей партии к остальным оппозицион-

ным партиям. И в этом отношении марксизм указал верную позицию, одинаково далекую и от преувеличения значения политики, и от заговорщичества (бланкизм и пр.), и от пренебрежения политикой или сужения ее до оппортунистского, реформаторского социального штопанья (анархизм, утопический и мелко-буржуазный социализм, государственный социализм, профессорский социализм и пр., и пр.). Пролетариат должен стремиться к основанию самостоятельных политических рабочих партий, главною целью которых должен быть захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества. На другие классы и партии пролетариат отнюдь не должен смотреть, как на «одну реакционную массу»: напротив, он должен участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать всякое революционное движение против существующего строя, являться защитником всякой угнетенной народности или расы, всякого преследуемого вероучения, бесправного пола и т. д. Рассуждения на эту тему авторов «Credo» свидетельствует лишь о стремлении затушевать классовый характер борьбы пролетариата, обессилить эту борьбу каким-то бессмысленным «признанием общества», сузить революционный марксизм до дюжинного реформаторского течения. Мы убеждены, что громадное большинство русских социал-демократов безусловно отвергнет подобное искажение основных принципов социал-демократии.

Неверные посылки относительно западно-европейского рабочего движения приводят авторов «Credo» к еще более неверным «выводам для России».

Утверждение, что русский рабочий класс «еще не выдвинул политических задач» свидетельствует лишь о незнакомстве с русским революционным движением. Еще «Северно-Русский Рабочий Союз», основанный в 1878 г., и «Южно-Русский Рабочий Союз», основанный в 1879 году, выставили в своей программе требование политической свободы. После реакции 80-х годов рабочий класс неоднократно выдвигал то же требование в 90-х годах. Утверждение, что «разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву», свидетельствует лишь о полном непонимании исторической роли русского рабочего класса и насущнейших задач русской социал-демократии. Собственно про-

грамма авторов «Credo» клонится, очевидно, к тому, чтобы рабочий класс, идя по «линии наименьшего сопротивления», ограничивался экономической борьбой, а «либерально-оппозиционные элементы» боролись при «участии» марксистов «за правовые формы». Осуществление подобной программы было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего движения и русского революционного движения (два последние понятия для нас совпадают). Одна уже возможность появления подобной программы показывает, насколько основательны были опасения одного из передовых борцов русской социал-демократии, Павла Б. Аксельрода, когда он писал, в конце 1897 года, о возможности такой перспективы:

> «Рабочее движение не выходит из тесного русла чисто экономических столкновений рабочих с предпринимателями и само по себе, в целом, лишено политического характера. В борьбе же за политическую свободу передовые слои пролетариата идут за революционными кружками и фракциями из так называемой интеллигенции» (Аксельрод: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов», Женева 1898 г., стр. 19).

Русские социал-демократы должны об'явить решительную войну всему кругу идей, нашедших себе выражение в «Credo», так как эти идеи прямо ведут к осуществлению такой перспективы. Русские социал-демократы должны приложить все усилия к тому, чтобы осуществилась другая перспектива, излагаемая П. Б. Аксельродом в таких словах:

> «Другая перспектива: социал-демократия организует русский пролетариат в самостоятельную политическую партию, борющуюся за свободу частью рядом и в союзе с буржуазными революционными фракциями (поскольку таковые будут в наличности), частью же привлекая прямо в свои ряды или увлекая за собой наиболее народолюбивые и революционные элементы из интеллигенции» (Ibid., стр. 20).

В то самое время, когда П. Б. Аксельрод писал эти строки, заявления социал-демократов в России показывали ясно, что громадное большинство их стоит на той же точке зрения. Правда одна газета петербургских рабочих, «Рабочая Мысль», склонялась, как будто бы, к идеям авторов «Credo», высказывая, к сожалению, в своей передовой программной статье (№ 1, октябрь 1897 г.) ту совершенно ошибочную и противоречащую социал-демократизму мысль, что «экономическая основа движения» может быть «затемнена стремлением постоянно не забывать политического идеала». Но в то же время другая газета петербургских рабочих, «С.-Петербургский Рабочий Листок» (№ 2, сентябрь 1897 г.), решительно высказывалась за то, что «ниспровергнуть самодержавие... может единственно лишь крепко организованная многочисленная рабочая партия», что, «организовавшись в сильную партию», рабочие «освободят себя и всю Россию от всякого политического и экономического гнета». Третья газета, «Рабочая Газета», в передовой статье (№ 2, ноябрь 1897 г.) писала: «Борьба с самодержавным правительством за политическую свободу—есть ближайшая задача русского рабочего движения»... «Русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит как единое стройное целое с общим именем и стройной организацией»... «Отдельные рабочие кружки должны превратиться в одну общую партию»... «Русская рабочая партия будет партией социал-демократической». Что громадное большинство русских социал-демократов разделяло вполне именно эти убеждения «Рабочей Газеты»,—это видно из того, что состоявшийся весною 1898 г. с'езд русских социал-демократов образовал «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», опубликовал ее «Манифест» и признал «Рабочую Газету» официальным органом партии.

Таким образом авторы «Credo» делают колоссальный шаг назад против той ступени развития, которой русская социал-демократия уже достигла и которую она запечатлела в «Манифесте Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Если отчаянная травля русского правительства привела к тому, что в настоящее время деятельность «Партии» временно ослабела и ее официальный орган перестал выходить, то долг всех русских социал-демократов состоит в том, чтобы приложить все усилия к окончательному укреплению «Партии», к выработке программы партии, к

возобновлению ее официального органа. Ввиду того шатания мысли, о котором свидетельствует возможность появления таких программ, как выше разобранное «Credo», мы считаем особенно необходимым подчеркнуть следующие основные принципы, изложенные в «Манифесте» и имеющие громадную важность для русской социал-демократии.

Во-первых, русская социал-демократия «хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». Отсюда следует, что девизом социал-демократии должно быть содействие рабочим не только в экономической, но и в политической борьбе: агитация не только на почве ближайших экономических нужд, но и на почве всех проявлений политического гнета; пропаганда не только идей научного социализма, но и пропаганда идей демократических. Знаменем классового движения рабочих может быть только теория революционного марксизма, и русская социал-демократия должна заботиться о ее дальнейшем развитии и претворении в жизнь, оберегая ее в то же время от тех искажений и опошлений, которым так часто подвергаются «модные теории» (а успехи революционной социал-демократии в России сделали уже марксизм «модной» теорией). Сосредоточивая в настоящее время все свои силы на деятельности в среде фабрично-заводских и горных рабочих, социал-демократия не должна забывать, что в ряды организуемых ею рабочих масс должны войти, с расширением движения, и домашние рабочие, и кустари, и сельские рабочие, и миллионы разоренного и умирающего с голоду крестьянства.

Во-вторых, «на своих крепких плечах русский рабочий должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы». Ставя ниспровержение абсолютизма своей ближайшей задачей, социал-демократия должна выступить передовым борцом за демократию и уже в силу одного этого должна оказывать всякую поддержку всем демократическим элементам русского населения, привлекая их к себе в союзники. Только самостоятельная рабочая партия может быть твердым оплотом в борьбе с самодержавием, и только в союзе с такой партией, в поддержке ее могут активно проявить себя все остальные борцы за политическую свободу.

Наконец, в-третьих: «Как движение, так и направление социалистическое, российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного

дела в России; ставя главнейшею из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Традиции всего предшествовавшего революционного движения в России требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники. Если деятели старой «Народной Воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на относительную слабость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой. «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капиталом и буржуазией до полной победы социализма».

Мы приглашаем все группы социал-демократов и все рабочие кружки в России обсудить вышеприведенное «Credo» и нашу резолюцию и высказать определенно свое отношение к поднятому вопросу, чтобы устранить всякие разногласия и ускорить дело организации и укрепления российской социал-демократической рабочей партии.

Письмо к Аксельроду одного из авторов брошюры против группы «О. Т.»

Дорогой Павел Борисович!

Я тоже очень жалею, что не могу говорить с Вами лично... С теоретической точки зрения генезис и развитие имущественного интереса рабочего класса даст нам точку опоры, с которой только и возможно понять как политические стремления рабочих, так и многоразличные и часто противоречивые формы организаций, создаваемых рабочим классом в его развитии. С этой точки зрения социализм является логически вытекающим из интересов класса фабричных рабочих и совершенно не вытекающим из интересов группы, которую защищали Шульце-Делич, Брентано,

наш В. В. и другие мещане. Возможность психического воздействия суживается, революционные вспышки—и их неизбежная реакция—становятся понятны, и сам рабочий класс, анализируемый с этой точки зрения, является уже величиной, определенной в каждом данном конкретном случае, а не фикцией. Для меня Бельгия являлась в этом отношении самой лучшей школой. Политические надстройки не прикрывают в ней процесса развития рабочих. Там воочию можно было наблюдать (напр., в вопросе о национальной кассе) антагонизм мелких ремесленников с крупными мануфактурными рабочими, а тем более интеллигенции, мечтающей о захвате власти и социальной революции — с рабочими, защищающими свои реальные интересы. После Бельгии мне стало стыдно теперь говорить о социальной революции... Не знаю почему слова: имущественный, реальный—вызывают непременно у многих представление о чем-то низшем, низменном. Разве слово реальный не значит просто — существующий? Разве защита имущественных интересов не потребует в ближайшем будущем политических прав? Но требование политических прав рабочими ничего не имеет общего с свержением самодержавия. В сущности мы и теперь не имеем уже права говорить о самодержавии, которое, как змея, изворачивается, чтобы приспособиться к новому способу производства и с'ездами, синдикатами и союзами старается замазать рты буржуазии, нуждающейся в широкой свободе. И нельзя не признать, что свобода эта у нашей буржуазии есть, что ей не приходится разбивать средневековые рамки цехового строя,—они разбиты давно фискальными нуждами самого самодержавия. Если теперь буржуазия может беспрепятственно удовлетворять свои алчные инстинкты, если правительство извивается на все лады, чтобы угодить и дворянам и фабрикантам,—то остается ждать одного: когда обострятся интересы внутри самой буржуазии. Тогда самодержавие, не угодившее какой-либо стороне, уступит место буржуазной конституции. При чем же рабочий класс? Можно ли ему спокойно ждать этой конституции? Я думаю, что Вы подозреваете нас именно в этой точке зрения. На Бельгии, Германии, на Англии я ясно вижу, что во все время существования буржуазной конституции рабочие непрерывно борются за... политические права. Если у нас растет сознательная буржуазия,

богатая опытом своей подруги—буржуазии Запада, то... утопично думать, что она при свержении самодержавия изменит политическое положение рабочих. При отвратительной, ничем не прикрытой реакции на Западе, когда рабочие должны дрожать уже за добытые права,—в России нельзя ожидать чего-либо от конституции. Что же остается делать? Остается, ничего не ожидая, ни на кого не возлагая надежд, самим рабочим, при существующей форме правления, теперь, немедленно, неустанно и шаг за шагом добиваться политических прав. Для рабочих нет этапа, на котором можно бы было отдохнуть; тем более не явится таким этапом конституция. Таким же путем, каким добились они легализирования стачки, необходимо добиваться свободы собраний, печати. Путем постоянного повторения стачек, путем массового движения, массовой организации нужно защищать политические права рабочих. У нас в России приходится считаться с поразительно низким уровнем развития рабочих, и рассчитывать на то, что они быстро поймут роль и зловредность самодержавия — невозможно. Но зато у нас другое преимущество перед медленным процессом Запада—рост крупного производства и фабричного пролетариата. Есть и еще преимущество — белый террор, который практикует с рабочими правительство, быстро прочистит им головы и быстро поставит в ряду реальных интересов — политические интересы. Если можно задушить, задавить ремесленное движение Вильны и Запада, то нельзя будет этого сделать с Петербургом, Москвой, с фабрикой. Поэтому мое мнение, что говорить теперь, пропагандировать рабочим свержение самодержавия—а, значит, просто - напросто революцию—это значит подвергать их величайшей опасности, какая только была возможна в истории. Пока нет среди них сознания своих интересов (а его нет), пока нет выработанной на практике стойкости и организованности, до тех пор всякий призыв к свержению самодержавия повлечет за собою лишь серпуховские побоища. Пока не совершится революция в самом рабочем классе, до тех пор революция в России накануне XX века будет мне рисоваться кровавым морем, которое надолго затопит нарождающееся движение. Конечно, такая революция возможна и без нашей пропаганды. Но стихийное движение—не есть программный вопрос. Я думаю, что никогда революция не может войти ни в одну программу. Про-

грамма — это цели и способы борьбы, а следовательно, и способы организаций этой борьбы. Всякая борьба в истории вела к организациям, были ли они сознательны или вырастали стихийно. Преимущество социал-демократии перед другими борцами истории в том, что такие организации (какую бы форму они ни носили) она может устраивать сознательно, предумышленно и планомерно. Пропаганда способов организации, указание пути на почве уже сознанных интересов рабочих есть единственная задача социал-демократии. Будущий строй зависит не только от класса рабочих, но и от комбинаций всех условий производства, и в активную программную деятельность рабочего класса входить не может: это величина неизвестная, вероятно, даже и самому богу. Рабочим известны только две вещи: 1) их собственный, ясно сознанный, конкретный интерес и 2) их положение, то или другое, среди других классов. Отсюда — роль надстройки, интеллигентной социал-демократии, понять интерес данной минуты, т.-е. ту активно-психическую базу, которая явится двигателем массы и, во-вторых, понять возможно шире и правильнее положение этой массы в ряду всех других условий данной же минуты. Абстрактная проповедь социализма и солидарности мало тут чем поможет; наоборот, верно указанный путь активной борьбы — приведет ли он к успеху или нет—сделает много: он учит рабочих бороться, с одной стороны, и — с другой — опять-таки конкретно указывает на препятствия и, следовательно, порождает новый интерес. Таким образом в самой борьбе знание методов борьбы неизбежно связано с расширением горизонта и целей.

Так как передать факт без предвзятой точки зрения логически невозможно, то и в моей статье, разумеется, сказалась эта точка зрения. Я хотел на действительных фактах показать эволюцию борьбы и выбор средств от стихийных вспышек до организации бельгийских углекопов. Хотелось также показать необходимость политических прав для защиты имущественных. При чем должен оговориться, что все факты брал, не искажая, а философия, которая не нравится К-ву, принадлежит не мне, а членам бельгийской партии: Ельберсу, Окторсу, Лео, Гено и многим другим членам нового противо-утопического (если можно так выразиться) течения бельгийского рабочего движения. Я неудачно написал ее — это, конечно, зависит от моей непривычки излагать мысли; но

точки зрения я изменить не могу, почему и не знаю, как я могу переделать ее? [1]). Если выкинуть призыв к организации, что от нее останется? Стачка—как тысяча других. Сама стачка для меня являлась лишь прицепкой для описания способов борьбы и тех препятствий, которые встречают на своем пути рабочие. Эти препятствия всегда и вне рабочих, и в них самих; и то, и другое я старался подтвердить. Но сделал это я, вероятно, очень неудачно. Кол-в ссылается на удручающее впечатление конца статьи. Но, ведь, разве можно скрывать от рабочих значение организации патронов? Это такая опасность, которая при бешеной конкуренции нашего рынка грозит рабочим всех стран и наций. И опять-таки единственным исходом является организация рабочих, все равно в какой форме, организация и борьба.

На нелегальную литературу я лично возлагаю постольку надежды, поскольку она о б ' я с н я е т рабочим окружающее и указывает им способ действий, хотя бы иллюстрацией борьбы их заграничных товарищей. Совершенно согласен с Вами, что не к чему замалчивать и зловредность самодержавия. Но зловредность эта двулица: с точки зрения ее зловредности в о о б щ е, как таковой, и зловредности для данного класса. В последнем случае анализ более сложен и требует тщательного изучения отношений всех классов к данному классу и самодержавию. В России еще запутаннее; она выступила поздно, при совершенно сформировавшихся капиталистических отношениях на Западе и в международном хозяйстве, и стремительная ломка старых устоев представляет историческое событие, не вполне укладывающееся в рамки западно-европейских форм. Не подумайте, что это пресловутая «самобытность» или особенность России. Нет, это просто протест против схематического прилаживания пути развития Запада к нашему. На Западе при одном и том же «пути» приходится сталкиваться с такими богатствами форм проявления одного и того же явления — капитализма, что практического деятеля, я думаю, более всего должны интересовать эти формы, как единственные конкретные вещи, с которыми ему приходится сталкиваться. Я, например, твердо уверен, что рабочие добьются политических прав.

---

[1]) Речь идет о статье, предназначавшейся для напечатания в «Листке Работника». Прим. изд.

Меня интересует не это, а к а к и к о г д а; политические права Англии не то, что права Германии или Бельгии, или Франции. Конечно, с философской точки зрения мы можем найти достаточные основания для этой разницы, но для практика нужно знать форму, в о з м о ж н у ю при данных условиях. И эти условия в России существенно различны: 1) союз буржуазии, умной и образованной, с самодержавием (сравните представителей правительства во время споров о денежной реформе с нашими либералами Чупровым, Ходским...); 2) боязнь смертельная рабочего движения, сразу ставшего не на точку зрения Шульце-Делича, а на точку зрения пролетариата крупной промышленности, пролетариата, неспособного удовлетвориться кассами взаимопомощи. Поэтому я думаю, что у нас борьба рабочих за политические права будет более упорна, чем где бы то ни было, что о р г а н и з а ц и и рабочих и их т а к т и к а должны являться кардинальным пунктом деятельности всякого социал-демократа и основным содержанием всей нелегальной литературы. Поэтому и подбор фактов, и их освещение должны отвечать этой главной задаче: борьбе настоящей, борьбе возможной в ту или другую минуту. Пропаганда будущего, социализма и всего прочего, может п о к а служить хорошим средством для привлечения о т д е л ь н ы х л и ц из интеллигенции и рабочей среды (в большинстве случаев мало сознательных и сантиментальных), но н и к о г д а массы. В Англии т е п е р ь эта пропаганда социализма становится достоянием массы, и недаром английский министр финансов говорит, что «стремительно развивающийся социализм в трэд-юнионской Англии для ее строя опасней чумы, мора, голода». Еще бы! Там социализм является п о с л е д н и м реальным интересом сплоченной, организованной массы, а не простым звуком, не связанным с будничной жизнью рабочей массы. Простите, Павел Борисович, что утомил Вас этим длинным и мало связным изложением элементарных истин. К сожалению, к общественным истинам пока не применима математика и 2×2=4, поэтому все эти истины окрашены суб'ективизмом, и трудно встретить двух социал-демократов, одинаково понимающих процесс развития и его исходные точки. Именно в силу этого обстоятельства мне не кажутся страшными разногласия подобного рода: если люди хорошо понимают, что н а п р а к т и к е они не могут, н е д о л ж н ы расходиться, то в теоретических воззрениях следовало

бы предоставить полную свободу слова (в пределах общего мировоззрения, конечно), о чем только и просила ...ская группа. Ни о каких переменах редакции не было и не могло быть речи по трем причинам: 1) ...ская группа слишком молода, чтобы высказывать подобные претензии, 2) место ...ской группы — Россия, 3) ...ская группа твердо верит в то, что группа «Освобождение Труда» чутко прислушивается к требованиям русского рабочего движения, и если взгляды, высказываемые группой ...ской, окажутся также взглядами русских групп, то редакция никогда не будет препятствовать свободному их выражению в печати. Я с Вами совершенно согласен, что в обращениях к массе редакция не должна допускать разногласий, особенно, когда дело идет о тактике. Но тогда тем более необходимо сговориться и установить детально пункты разногласий, что возможно сделать только при личном и подробном обсуждении. В брошюрах же для интеллигенции подобные различия в точках зрения не только не вредны, но желательны, так как марксизм не мертвая доктрина, а развивающаяся и расширяющаяся в содержании руководящая теория, и критика ее, а также развитие некоторых неразвитых положений в настоящее время существенно важны.

Что касается Листка, то я не думаю, чтобы он мог послужить пунктом разногласий: в нем речь будет итти о материале для массы, а не для интеллигенции. Если говорилось о выдержанности тона, то имелось в виду именно отсутствие «свержения самодержавия», социализма и других вещей, пока совершенно недоступных массе, не потому, чтобы она была безграмотным Сысойкой, а потому, что стучаться в закрытые сердца — это значит не найти в них желанного отклика. Что для «свержения» и «социализма» сердца русской массы закрыты — в этом нет никакого сомнения. Сомнения могут быть лишь в том, как их открыть. Листок должен был направляться на указание доступных в настоящем массе средств, а не на доказательства того, что царство небесное для нее неизбежно. Социализм хорош теперь для возбуждения в массе молитвенно-блаженного состояния при мысли об этом будущем, а не активно сознательной и упорной борьбы.

Не знаю, удалось ли хоть отчасти выяснить точку зрения. Она далека как от Шульце-Делича, так и от некоторых положений

европейская социал-демократия. Без организации нет результатной борьбы, нет воспитания. В частности кооперативы, не непременно классовые, играют очень крупную, по его мнению, роль.

Стремление же многих социал-демократов к захвату политической власти в ближайшем будущем, надежда на то, что современный пролетариат, в своем большинстве неорганизованный, сумеет выбрать в парламент социал-демократическое большинство,—утопия. С другой стороны, ставить в программу обобществление орудий труда и толковать о Zukunftsstaat—утопично и ребячество. Он думает, как и Бернштейн, что капитализму еще долго жить, что в нем в настоящее время происходит процесс приспособления к новым условиям техники. Он полагает, что процесс техники предполагает во многих отраслях производства не концентрацию, а стагнацию или даже раздробление. Поэтому говорить теперь об агонии капитализма, как многие привыкли теперь выражаться, по малой мере смешно. И, вместе с тем, не менее ненаучно говорить о будущей форме общества. Об этом мы не можем пока иметь никакого представления. Данные настоящего дают нам на этот счет мало указаний, и мы не можем предвидеть всех изменений в технике и производств. отношениях, которые может нам принести будущее. Наука же может иметь дело только с фактом, а не с догадками. Догадки же ставить в основе программы совершенно неблагоразумно и может привести к недоразумениям и разочарованиям. Мы можем говорить об ограничении капиталистической эксплоатации, говорить даже (и то еще вопрос) о ее уничтожении, но и только. Но о форме этого идеала мы не имеем права говорить.

Интересны, между прочим, его наблюдения над бельгийским рабочим движением. Бельгийская рабочая масса представляется в его глазах совершенно не тем, как она обыкновенно нам рисуется. Он разбивает ее на три группы: чистый пролетариат, мануфактурных рабочих и мелкое ремесло, и наглядно доказывает, как мало общего между ними, как различны их требования, как различно их отношение к политическим вопросам и т. п. Вывод, к которому он приходит, тот, что у современного рабочего класса очень мало общих требований, которые могли бы об'единить его и привести к близкому падению капитализма. Несмотря на полную свободу слова, собраний и союзов, мы находим огромные массы неорганизо-

ванных рабочих, мало интересующихся политикой и ставящих только профессиональные требования, вытекающие из производств. отношений, господствующих в той или другой группе рабочего класса. Сколько лет уже тамошняя социалистическая интеллигенция старается их направить на широкую политическую борьбу, на то, чтобы дать им общий интерес—все их усилия разбиваются в конец. Рабочая масса берет из программы революционной интеллигенции только то, что ей насущно необходимо и что может быть достижимо в настоящем, отбрасывая все остальное, как ненужную для нее идеализацию и игнорируя ее. Из этого можно сделать только тот вывод, что интеллигенция, если она хочет успешно работать в пролетариате какой бы то ни было из названных групп, она должна изучить основные ее производственные отношения, уловить ее насущные требования и на них построить свою ближайшую программу. Только такая программа и может иметь успех. Какие требования ни выставляла социалистическая интеллигенция в Бельгии, если они только не коренятся в условиях производства и данных социальных отношениях, они никогда серьезно не поднимали массу и не вызывали ее на борьбу.

В силу этого убеждения толковать рабочей массе в России об уничтожении капитализма, о социализме, наконец, об уничтожении самодержавия вообще нел по и непроизводительная трата сил. Об этих вопросах можно, конечно, говорить в кружках, можно, наконец, пропагандировать, и то с надлежащим умением, но ни в каком случае не делать эти вопросы и требования предметом агитации и разрабатывать их в литературе, предназначающейся для широких масс рабочего населения. Поэтому-то так бессмысленны требования образовать в настоящее время единую оппозиционную партию всех революционных сил в России и об'единять рабочих на почве агитации пункта об уничтожении самодержавия, как ставит себе Павел Борисович в послесловии к брошюре «Об агитации». Раньше, чем рабочими (очень значительной ее частью), нельзя об этом думать. Единственно возможное, это пробуждать ее сознание на почве ее ежедневных требований, организовать ее, выдвигать самые близкие ей вопросы и постепенно, по мере хода ее борьбы, формулировать те общие требования, которые возникают на этой почве.

При этом следует строго отличать агитацию и пропаганду. Агитировать можно то, что имеет шансы на успех и может охватит ту или другую массу. При пропаганде, которая обыкновенно ограничивается сравнительно небольшим кругом людей, можно допускать какие угодно отступления от агитационной программы, так как Вы говорите не о ближайших нуждах, имеете дело с более подготовленным народом и, кроме того, Вы излагаете научные мнения, которые совершенно нежелательно ограничивать и кастрировать.

Затем, если мы говорим о том, что мы не можем теперь говорить о борьбе с самодержавием,—это не значит, что мы отказываемся от политической агитации. Пожалуй, если понимать под борьбой с самодержавием политическую агитацию, т.-е. выставление требований рабочих: право сходок, слова, собраний и т. п., то против этого нельзя ничего иметь. Я пишу «пожалуй», потому что теперь поднять агитацию на этой почве можно только в некоторых крупных и подготовленных центрах, как Петербург, Вильна, Варшава, Киев, и, кроме того, эта агитация будет больше носить характер пропаганды. Затем, когда говорят о борьбе, следует же ясно поставить вопрос, в чем она должна выражаться? Если она выражается в политической агитации в тех пунктах и тех размерах, о которых я говорю выше, то с этим нельзя не согласиться. Но если понимать под борьбой то, что понимается в Западной Европе, т.-е. устройство демонстраций, волнений и т. п.—это преждевременно, да и невозможно. О каких же других формах борьбы они говорят в Цюрихе? В России товарищи многие также толкуют и пишут о политической борьбе, но никто мне толком не об'яснил, в чем она заключается и должна заключаться. Правильнее всех этот вопрос ставят виленцы: в своей прокламации они указывают, что единственным и главным средством политической борьбы пока является только неустанная, широкая массовая борьба на почве экономической, так как в данном случае рабочие нарушают то, что запрещено законом, и фактически, таким образом, ставят свои насущные требования. Устраивая тайные союзы и собрания, стачки, распространяя нелегальное слово, рабочие фактически ведут политическую борьбу. Другой формы я абсолютно теперь не знаю.

Вы восстаете против того взгляда, что в каждой группе рабочих приходится ставить разные требования, иногда противореча-

щие идеалам социал-демократии. Теоретически об этом спорить трудно. Но следует признать, что, если стать на Вашу точку зрения, пришлось бы работу среди мануфактурных рабочих прекратить. Идя против требований о недопущении женского труда, ограничения ученичества, вы потеряли среди рабочих всякое влияние. Среди литовских евреев пришлось бы работу прекратить, так как многие стачки и волнения рабочих возникали на этой почве. Возьмите знаменитую эдельштейновскую стачку, в которой играла очень значительную роль интеллигенция,—чем она вызвана? Желанием Эдельштейна ввести женский труд на фабрике. При практической работе волей-неволей приходится поддерживать такого рода требования или отказаться от работы и перейти к идеальному пролетарию, а где он, этот идеал? Где найти такую массу, где можно было бы защищать самые чистые основы социал-демократии? Я ее пока не нахожу. Разберитесь толково в требованиях массовых всяких немецких, французских, бельгийских Gewerkschaften, и Вы увидите, сколько там неподходящего под идеал социал-демократии. Главарям немецкой социал-демократии или русским эмигрантам (простите за резкость) легко об этом говорить, так как они стоят далеко от экономической борьбы масс и им не приходится на практике принимать то или другое решение; хорошо сказать: не поддерживайте временных, но не идеальных интересов; исполнимо ли это, и имеете ли Вы даже на это право? Это еще тоже большой вопрос...

Дорогой Б.!

Что касается образования в России новой социал-демократической партии, то я могу сказать только, что она составилась из социалистов революционеров и рабочих революционеров и носит яркий политический характер и более всего подходит к программе Аксельрода и Кольцова. Они хотят взять самодержавие на «уру». Во всяком случае, как и Российская, так и новая Русская мало сил имеют и имели бы мало, даже если бы они соединились. Тем более, что в Питере и других местах остались группы, не желающие иметь с нашей дело в смысле организационном, считая nonsens'ом политиканство, не соответствующее действительному положению

дел в России. Впрочем, оговорюсь, все это—слухи, мало проверенные. Для меня ясно только одно, что создать в настоящее время партию и программу очень не трудно. Есть ли это шаг вперед—вопрос. Впрочем, посмотрим...

Новый апостол остается мне мил по-прежнему. Его увлечения не так страшны, как это Вам издали кажется, и, по-моему, даже очень полезны для отрезвления «политиков» разного рода. Я убежден, что он в будущем принесет нам много пользы. У кого, спрашивается, нет увлечений или теоретических крайностей?! Это все-таки не мешает работать вместе и ценить человека, как деятеля и человека искреннего.

Мы с ним немного расходимся в вопросах о необходимости выставления в программах организационного начала, в смысле организации всякого рода обществ.

Не отрицая этого в принципе, мы считаем, что он недостаточно знает условия жизни русского пролетариата.

Это есть такая же крайность, как выдвигание на первый план политической агитации и борьбы. Как то, так и другое есть плод теоретизирования, с одной стороны, и незнания условий жизни русского пролетариата—с другой. Во всем остальном у нас полное согласие, и это разногласие не помешает нам вместе работать...

Ваш Г.

Ответ на брошюру Аксельрода: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов»

В 1885 году группа «Освобождение Труда» издала «Проект программы русских социал-демократов».

Проект этот перепечатан теперь в виде приложения к двум письмам г. Аксельрода, одного из членов группы «Освобождение Труда», которые также посвящены программным вопросам. Появление этой брошюры: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» обязывает практических деятелей русского рабочего движения обратить специальное внимание на программно-тактические вопросы и перейти, наконец, от проектов программы к самой программе, тем более, что программа группы «Освобождение Труда» кладет свою печать на издаваемую

за границей русскими социал-демократами литературу. Группа «Освобождение Труда» состоит редактором этих изданий. В случае несоответствия программы группы с современными нуждами и задачами рабочего движения, последнее оказалось бы лишенным нужной ему литературы.

Группа «Освобождение Труда» оказала серьезные услуги русскому рабочему движению [1])...

Но теперь обстоятельства несколько изменились. Нам приходится считаться теперь не с интеллигенцией, стремящейся найти материальную силу для осуществления своих планов, а с существующим рабочим движением, выработавшим свои формы, свои ближайшие задачи, свою литературу, наконец, свою программу и тактику. Программа, годная для интеллигентов, идущих «к рабочим», не годна для самих рабочих, защищающих свои «самодовлеющие интересы», как экономические и интеллектуальные, так и правовые и политические. А ведь в этой защите интересов рабочих, какого бы они характера ни были,—все содержание рабочего движения. Мы думаем поэтому, что проект программы группы «Освобождение Труда» 1885 г. не может стать программой русского рабочего движения. Жизнь переросла этот проект. Условия места, заграница, и времени, 1885 г., наложили на него столь резкую печать, что он не соответствует состоянию рабочего движения в России в 1898 г.

В самом деле: программа эта выработана группой «Освобождение Труда» в то время, когда об организованном рабочем движении в России не было и речи. Свое первое письмо Аксельрод начинает словами: «Скоро будет 15 лет, как родилась русская социал-демократия. Но не в самой России, в пылу героической борьбы революционной партии с правительством, а среди маленькой группы эмигрантов». Столь неестественное рождение русской рабочей партии на свет божий — вне России, среди эмигрантов — очень характерно. Оно показывает, что русское революционное движение переживало в то время острый кризис. Отпечаток этого кризиса мы находим и в программе группы «Освобождение Труда». А именно: программа эта, по словам Аксельрода, явилась ответом

[1]) Здесь автор делает нам несколько комплиментов, которые мы опускаем, так сказать, за ненадобностью.

на вопрос: «откуда взять силы для возобновления борьбы с самодержавием и как вести эту борьбу с наибольшими шансами на победу?» (стр. 4). Вот ответ: «Образование рабочей революционной партии, первой задачей которой должно быть низвержение абсолютизма» (стр. 4). Другими словами: не в интересах рабочего класса центр тяжести всей программы, а в русской революции, и самый «проект программы» не есть программа рабочего движения, а программа продолжающегося движения среди русской революционно-демократической интеллигенции.

Конечно, обстоятельство это еще вовсе не обозначает принесения в жертву пролетариата «другим общественным силам»; интеллигенция не представляет собой общественной силы, тем не менее она заслуживает самого серьезного внимания. «Политическая организация рабочих мотивируется здесь не самодовлеющими интересами пролетариата и не отдаленными целями социализма, а настоятельной необходимостью такой организации для ближайших обще-демократических интересов русского революционного движения, для обеспечения революционерам успеха в борьбе против современного государства за интересы трудящегося класса вообще, то-есть и крестьянских масс, и городских рабочих... Несомненно то, что для этой группы мысль об организации рабочей партии в России теснейшим образом связывалась с политическими и социальными тенденциями и задачами, воодушевлявшими и воодушевляющими все демократические элементы нашей интеллигенции» (стр. 9). Для группы «Освобождение Труда» мысль о рабочем движении в России теснейшим образом связывалась с революционными традициями демократической интеллигенции. Ну, а для рабочих?

Итак, в интересах трудящегося класса, помощью трудящегося класса — и цель, и средства черпаются, следовательно, в рабочем классе, но посредником между целью и средством все же остается демократическая интеллигенция, русские революционеры, которые по собственному усмотрению определяют нужды рабочего класса, которые по собственной инициативе предпринимают организацию этого класса. Очевидно, формула интеллигенции—все для рабочих и все через посредство рабочих — не вполне совпадает с тезисом: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих». Последняя формула пред

полагает среди рабочих инициативу и понимание своих собственных нужд и задач. Напротив, Аксельрод игнорирует сознание рабочих и их инициативу. Именно в силу этого обстоятельства могло произойти то, что группа «Освобождение Труда» раньше определила цель—низвержение самодержавия—и лишь после обратилась к средству—пролетариату. Так, по крайней мере, дело формулировано в программе и письмах Аксельрода. Несомненно, ближайшим же последствием подобной постановки задач рабочего движения будут возмущения рабочих против «ига интеллигентов» и выступление «рабочей мысли» в защиту своей самостоятельности от опеки интеллигенции.

Между прочим, то обстоятельство, что для наших русских товарищей центральным пунктом программы являются «самодовлеющие интересы пролетариата», а не низвержение абсолютизма, служит для Аксельрода поводом обвинить их в политическом индифферентизме. Мы думаем, что такое обвинение неосновательно. Неосновательно оно потому, что русским товарищам на практике волей-неволей приходится считаться с тою ступенью сознания рабочими своих интересов, которое в действительности уже достигнуто различными группами рабочего класса в России. Всякий практический деятель должен строить свою агитацию на нуждах, «действительно ощущаемых рабочим классом», на интересах, «сознанных данной местностью» [1]). История делается массами [2]), поэтому сознание только масс является историческим фактором [3]). Таков принцип, лежащий в основе так называемой «экономической агитации», исходящей из повседневных нужд, уже сознанных рабочим классом. Этот принцип экономической агитации составляет для Аксельрода «аксиому, истину, не требующую доказательств, и распространяться о которой значило бы оскорблять развитого читателя» (стр. 26). Раз принцип построения агитации на сознанных рабо-

[1]) Аксельрод.

[2]) Плеханов.

[3]) Спешим оговориться—мы говорим об организованном рабочем движении, сознательно преследующем определенные цели, а не о стихийном движении масс, разрушающем существующее из-за его отрицательных сторон, но не имеющем в виду определенных целей; мы не строим исторической схемы, а берем один фактор истории—организованное рабочее движение.

чими интересах является такой аксиомой, то не обусловливается ли специализация русских социал-демократов на экономических вопросах содержанием сознания русских рабочих? В этом случае об индифферентизме не может быть и речи; напротив, приходится удивляться пониманию и выдержке русских товарищей, сумевших, несмотря на ужасные политические условия, сохранить в себе чувство меры. Только эта сдержанность и выдержка позволила нашим русским товарищам явиться истинными помощниками рабочих в их борьбе, в их защите своих интересов.

А о том, что тактика русских товарищей увенчалась полным успехом, свидетельствует сам Аксельрод. Он рассказывает нам, как молодые социал-демократы начали с того, что понесли в рабочую среду учение Маркса с твердым намерением подготовить там элементы для будущей рабочей партии. В середине 90-х годов в кругу марксистской молодежи и спропагандированных рабочих накопилось уже столько активных (рабочих) сил, что оказалось возможным перейти к агитации в массах. На первых порах она приняла одностороннюю форму поддержки и организации одной лишь экономической борьбы. Таким образом русские социал-демократы из мирных пропагандистов, просветителей, превратились в живую, активную революционную силу. Стачечное движение в свою очередь в какие-нибудь два года поставило зашевелившиеся рабочие слои лицом к лицу с самодержавным правительством и успело уже выдвинуть перед ними вопрос о политических правах (стр. 12, 13, 18, 19). Несомненно, эта тактика русских социал-демократов родилась не из их голов: она коренилась в самой действительности. В этой действительности были и силы, и средства, необходимые для выполнения тех задач, которые выдвигались на очередь соц.-дем. Существуют ли в русской действительности силы и средства для применения тактики, рекомендуемой группой «Освобождение Труда»? В проекте группы «Освобождение Труда» сказано: «Борьба против самодержавия обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собою зачатки будущей русской рабочей партии... Организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему решительному на него нападению». Итак, немедленная, непрестанная борьба с русским самодержа-

вием! Не правда ли, как много «путей» и «сил» предлагает нам русская действительность для ведения этой борьбы?

Нам кажется, главный недостаток программы группы «Освобождение Труда» состоит в том, что в ней слишком много внимания обращено на внешние отношения пролетариата, главным образом к правительству, и совершенно не приняты во внимание его внутренние отношения: степень развития в нем организаций, сознание своих интересов и пр., т.-е. не приняты во внимание «самодовлеющие интересы» пролетариата. Об'ясняется это обстоятельство происхождением программы группы «Освобождение Труда» из революционных традиций русской интеллигенции.

Между тем, деятельность полководца и дипломата лишь тогда и в той мере может иметь успех, когда и в какой мере за ним стоит реальная сила. Такой р е а л ь н о й с и л о й в рабочем движении является степень сознания рабочим классом своих интересов и степень его организованности. Но сознание это так же, как и организованность—не случайные или произвольные вещи. Сознание массою или отдельными группами рабочего класса своих интересов развивается по определенным законам в зависимости о т п о л н о т ы и с о д е р ж а н и я с о ц и а л ь н о г о о п ы т а м а с с. Жизнь постоянно ставит перед сознанием рабочих все новые и новые интересы. Совокупность общественных отношений — экономических, правовых, политических etc. — определяет, какие интересы м о г у т б ы т ь у рабочих, но не определяет, какие интересы уже сознаны рабочими и вошли в их жизнь. С помощью социального опыта, житейской практики etc., сознание рабочих масс постоянно нагоняет реальные общественные отношения, никогда не отождествляясь с ними. Поэтому-то нам и приходится делать столь решительное и коренное различие между интересами, которые «мы» (интеллигенты) приписываем рабочим, и интересами, действительно имеющимися у них. Развиваясь в зависимости от условий места и времени, сознание масс делает бесплодными все попытки насиловать естественный ход развития рабочего движения[1]). На известной ступени своего развития

[1]) Доказательством в пользу этого тезиса служит между прочим, судьба программы 1885 г. Прошло 13 лет со времени появления ее на свет,—русское рабочее движение развивалось, крепло и шло своим путем, совершенно игнорируя ее существование. Таким образом программа эта подвергалась

оно ставит вопрос о политической революции. Таким образом низвержение самодержавия относится к самодовлеющим интересам рабочего класса, как частное, временное—к общему, постоянному. Несомненно, русское рабочее движение чревато политической революцией. Но вопрос не в том, богато ли оно при современном строе русской жизни политическими задачами, а в том, на какой ступени его развития задачи эти могут быть внесены в его программу, могут быть реализованы, другими словами, когда для разрешения их созреет в нем материальная сила? Тем более у нас оснований быть терпеливыми, что до сих пор развитие рабочего движения в России шло крайне успешно.

Столь же закономерно развиваются и рабочие организации. Их развитие означает рост сознания общности интересов, сознания, приводящего к совместной защите своих прав. Подобно сознанию содержания своих интересов, сознание их общности, выражающейся в той или иной организации, развивается закономерно в зависимости от всей совокупности окружающих условий. На Западе боевые политические и экономические организации были подготовлены мирными организациями. Кассы борьбы развились из обществ взаимопомощи. Рядом с обществами взаимопомощи различные товарищества (производительные, потребительные), образовательные общества и общества развлечения (главным образом музыкальные) воспитали в рабочем классе способность к участию в обществах, союзах, организациях. Все эти типы организаций процветали и процветают среди ремесленников. Когда развитие производительных отношений привело к капиталистической эксплоатации наемного труда, рабочие уже имели привычку действовать сообща. Возникновение нового интереса, борьбы с предпринимателями, привело к его удовлетворению тоже «сообща». Этот, так сказать, организационный дух ремеслен-

---

самой суровой из всех возможных критик: критике истории. Теперь, через 13 лет, нам снова предлагают ее, ни иоты не убавив. Неужели же за эти 13 лет так-таки и не произошло никаких изменений ни в русской жизни, ни в самом рабочем движении? Или оно до сих пор представляет собой quantité negligeable? Можно сказать, конечно, что «тем хуже» для движения, игнорирующего эту программу; но и после такого осуждения оно едва ли все-таки изменит свою тактику...

ных масс, попавших в капиталистическую эксплоатацию, составляет один из главных факторов современного рабочего движения. За мирными организациями и союзами борьбы последовали политические организации, в которых опять-таки первое место принадлежит бывшим ремесленникам, «обученным» рабочим. С другой стороны, масса необученных чернорабочих, отцы и деды которых эмигрировали из деревень на фабрики и в копи, до сих пор являются на Западе преимущественно неорганизованной, стихийной массой, не способной к той выдержанной защите своих интересов, которую мы находим у обученных. Постепенное, медленное, но непрерывное развитие среди них мирных организаций—обществ взаимопомощи, развлечения, потребительных и образовательных—обещает в будущем и из этих необученных рабочих сделать столь же надежных солдат армии пролетариата, какими являются в данное время потомки ремесленников. Всякая организация важна, но особенно важны мирные организации, захватывающие все стороны жизни рабочего, приучающие его к исполнению общественных обязанностей, каждодневно заставляющие его поступать «сообща» с товарищами. Боевые же организации захватывают рабочего крайне односторонне и крайне редко—лишь в моменты боевого возбуждения. Поэтому воспитательная роль боевых организаций не может сравниться в этом отношении с воспитательною ролью мирных.

А что представляет собой, в отношении сознания, русский пролетариат? Вот мнение Аксельрода: «Начавши недавно только выделяться из закрепощенного государства, малокультурного крестьянства, он и теперь еще в массе слишком глубоко тонет в общенародном варварстве и невежестве, чтобы быть в состоянии в тисках абсолютизма совершенно самостоятельно, без всякой посторонней поддержки подняться на высоту революционной силы». Далее он говорит о «современной низкой ступени интеллектуального и культурного развития народных масс в России» («О тактике», стр. 15—16). «У рабочего класса слишком мало политических знаний и опыта, с одной стороны, и легальных точек опоры для коллективной самодеятельности — с другой» («Neue Zeit», 1897—1898, № 31, стр. 147). Можно ли этот рабочий класс, глубоко тонущий в общенародном варварстве и невежестве, стоящий на низкой ступени интеллектуального и культурного раз-

вития, не имеющий политических знаний и опыта, — звать на борьбу с абсолютизмом? Признаемся, мы не понимаем логической связи между суждением Аксельрода о русских рабочих и той программой, которую он им предлагает.

Однако перейдем из области мнения в область действительности. Существуют ли в нашем рабочем движении проявления, указывающие, что в рабочем классе уже теперь имеются силы, с которыми можно было бы начать политическую борьбу? Чтобы можно было от «односторонней» экономической агитации перейти к агитации политической, к нападению на абсолютизм? Мы видим, что таких проявлений нет, и думаем, что политическая борьба может быть лишь тогда включена в программу русской социал-демократии, когда в ее распоряжении будут находиться *силы и средства* для этой борьбы, когда политическая борьба явится *потребностью*, «*действительно ощущаемой рабочим классом*», *интересом*, «*сознанным данной местностью*». Иначе ее программа относилась бы к области фантазии, но не действительности. Программа же должна быть выражением того, что мы делаем и должны делать, а не того, о чем мы мечтаем.

Во избежание недоразумений спешим оговориться. Вышесказанное может быть понято в том смысле, что русские социал-демократы должны перестать касаться политических вопросов в своей пропаганде. Подобное толкование наших слов ошибочно.

Дело в том, что мы должны самым решительным образом различать *содержание нашей пропаганды от содержания нашей агитации*. Пропаганда имеет своей целью расширение кругозора пропагандируемых лиц, сообщение им новых сведений, способных повысить уровень их интересов, потребностей. Помощью пропаганды мы развиваем сознание своих интересов у пропагандируемых; мы приближаем это сознание к реально-существующим общественным отношениям. Из этого следует, конечно, что пропаганда фантастических интересов, не соответствующих общественным отношениям, никогда не может быть успешна. Интеллигент и образованный рабочий полезны массе (как пропагандисты) лишь постольку, поскольку они помогают ей своими знаниями разобраться в окружающем, в существующих

отношениях. Но и пропаганда интересов, базирующихся в реальных общественных отношениях, не всегда успешна: пропаганда есть лишь один из факторов, развивающих сознание рабочим своих интересов; это сознание развивается закономерно в зависимости не от одной лишь пропаганды, а главным образом от личного жизненного опыта рабочего. Сознание рабочих не тесто, лепить из которого «мы» (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобию. «Мы» и «наши» усилия могут лишь дополнять то, чему учит рабочего жизнь.

Напротив, в агитации мы исходим из потребностей, уже существующих у агитируемых лиц, из интересов, уже сознанных, ощущаемых ими. Роль агитатора сводится не к доказательству того, что положение данной личности может быть улучшено; это—дело пропагандиста; дело же агитатора—*указать пути и средства* человеку, уже знающему, что ему нужно. Агитатор пользуется недовольством, существующим в массе, и указывает ей *практические пути* для достижения желанной цели. Агитатор, так сказать, придает определенную форму существующему недовольству или уже возникшему протесту. Характерна в этом отношении летняя стачка 1896 г. в Петербурге. Она началась 22-го мая, первые же прокламации появились 30-го. Рабочие сами писали и распространяли листки; рукописные листки, переписанные в нескольких экземплярах, с большим успехом гуляли по рукам; в других случаях рабочие приносили к агитаторам для печати листок, уже написанный ими самими, или же доставляли сведения, прося по ним составить листок. Словом, вся инициатива протеста исходила из рабочих масс, а агитаторам оставалось лишь дать определенную форму существующему (в других случаях готовящемуся) протесту. И таково всегдашнее положение агитатора.

Таким образом задача пропагандиста—довести людей до сознания своих интересов; задача агитатора—указать людям путь для удовлетворения уже сознанных ими нужд. Мы настаиваем на этом различии потому, что игнорирование его ведет постоянно к такому смешению понятий, при котором невозможно мало-мальски успешное обсуждение программных и тактических вопросов. Что же касается данного частного случая, то очерченное различие между пропагандой и агитацией приведет нас по вопросу о политической деятельности русской социал-демократии к следующим соображениям.

Уже с 1896 г. существующие в России «союзы борьбы за освобождение рабочего класса» ведут энергичную политическую пропаганду. Пропаганда эта, возникшая с самым скромным содержанием политических требований, растет в ширину и в глубину. Обстоятельство это показывает, что в рабочем классе уже существует почва для политической пропаганды. Но до сих пор в России не было ни одного случая борьбы рабочих за нужные им политические права. Русская социал-демократия до сих пор даже не ставила вопроса о том, *какими средствами могут бороться рабочие* за свои политические права. Средства эти до сих пор не указывались рабочим, да и где же эти средства, наконец? На Западе строили баррикады, устраивали манифестации и политические стачки, подавали петиции,—которые же из этих средств предлагает группа «Освобождение Труда» современному пролетариату в современной России? Трудно относиться серьезно к практическому предложению, умалчивающему о самом главном,—о материальной силе, которая способна осуществить его, и о путях, которыми оно может быть осуществимо. Что касается материальной силы, то мы знаем, что она «глубоко тонет в общенародном варварстве и невежестве». Что касается путей, то о них Аксельрод упорно молчит. Этим он лишает нас возможности проникнуться глубиной его мысли. Но мы совершенно вправе сделать вывод, что до сих пор никто не обсуждал серьезно средств *прямой* борьбы с абсолютизмом, не говоря уже об указании этих средств рабочим.

Следовательно, до сих пор в России не было политической агитации, и мы полагаем, что для нее пока еще нет в России места. (Мы не говорим, конечно, о стихийной революции, которой никто не может заранее «подготовлять»; мы говорим лишь о планомерной, организованной борьбе.) Сколько времени пройдет еще до того момента, когда от политической пропаганды мы сможем перейти к политической агитации? Мы этого не знаем. Быть может, момент этот наступит через год, быть может, через 10 лет. Но несомненно, что в данную минуту никто из практических деятелей движения серьезно не думает о политической агитации и не считает ее своевременной (см. случай с манифестацией по поводу смерти Ветровой. Мнение Киевского Союза Борьбы).

Можем ли мы при таком положении дел вносить в нашу программу прямую борьбу с самодержавием? Нам кажется, что нет. У нас есть теперь рабочее движение, но оно не носит еще политического характера. Первое понятие—рабочее движение и по об'ему, и по содержанию шире второго—политического рабочего движения. При конституционном образе правления, когда каждый гражданин имеет право и обязан участвовать в выборе депутатов в законодательное собрание,—рабочее движение неизбежно носит политический характер. Конечно, мы здесь подразумеваем страны со всеобщим избирательным правом. Другое дело—страны с самодержавным образом правления или высоким избирательным цензом. Там рабочее движение на первых ступенях своего развития не носит политического характера. Лишь по мере развития в стране политической жизни, по мере роста успехов политической пропаганды и экономической борьбы в рабочих массах рабочее движение начинает принимать политический характер. Поэтому, чем свободнее страна, тем скорее рабочее движение становится в ней политическим, чем деспотичнее страна, чем слабее развита в ней политическая жизнь, тем дольше рабочее движение лишено политического характера. Об'ясняется это тем, что в политически-развитых странах рабочие, непосредственно участвуя в политической жизни страны, скорее приходят к сознанию своих политических интересов и к прямой их защите, тогда как в странах политически-отсталых отсутствие политической жизни во всех ее формах лишает их возможности непосредственно защищать свои политические права. Конечно, в этих политически-отсталых странах политическая пропаганда может начаться очень рано, и само самодержавное правительство с его жандармским режимом всегда является лучшим пропагандистом политических идей, но в то время, как в передовых, свободных странах политическая пропаганда, благодаря условиям политической жизни, почти немедленно переходит в политическую агитацию, в политические действия, в деспотических странах политическая агитация благодаря отсутствию каких бы то ни было форм проявления политической жизни не может так непосредственно следовать за политической пропагандой. Когда в нашем рабочем движении назреют силы для политической борьбы, они не замедлят проявить себя и указать агитатору, что его роль должна

начаться. «Напасть» на самодержавие можно всегда, даже и не сообразуясь с имеющимися на-лицо силами и средствами. Но к чему приведет это «нападение»? Много ли труда нужно будет употребить самодержавию, чтобы раздавить дерзких смельчаков? [1]). А всякая неудавшаяся попытка политической борьбы задерживает накопление революционных сил. Мы не имеем права строить планы своей агитации на «догадках» о том, что такие силы существуют. Назревшую в рабочем классе потребность в политических правах и готовность его выступить на борьбу с правительством нельзя ни спрятать, ни просмотреть. Она должна в той или иной форме вылиться наружу и показать, что момент перехода от политической пропаганды к политической агитации наступил... Подобно тому, как экономическая агитация началась лишь тогда, когда в рабочей массе самопроизвольно (без непосредственного участия интеллигентов) началось стачечное движение, так и политическая агитация может быть начата лишь тогда, когда сами рабочие самопроизвольно (без революционной бациллы—интеллигенции) начнут борьбу с самодержавием. Поступая иначе, мы дадим русскому правительству крупный повод выхватывать из нашей среды лучшие силы, столь необходимые для роста и развития рабочего движения. Мы должны не допускать попыток беспочвенной политической агитации точно так же, как мы избегаем провокаторов.

Таким образом, интересы самой русской революции заставляют нас пока ограничиваться политической пропагандой, избегая всеми силами политической агитации [2]).

---

[1]) Аксельрод, кажется, думает иначе. Он полагает, что несколько тысяч петербургских рабочих с кучкой энергичных революционеров во главе могли бы низвергнуть самодержавие: «Будь у нас теперь серьезная организация энергических революционеров (вроде «народовольческой» или «Земли и Воли»), приобревшая популярность в среде хотя бы нескольких тысяч петербургских рабочих, она имела бы больше шансов на успех в военном столкновении с правительством, чем социальная демократия в Германии» («Соц.-Дем.», кн. 4, стр. 26). Между прочим. То обстоятельство, что в рабочем движении мы не встречаем таких «серьезных организаций», годных для военного нападения, показывает, что рабочее движение есть движение массовое, не укладывающееся в рамки комплота или заговора.

[2]) Мы говорим об организованной, а не стихийной борьбе, в которой нет места агитатору.

Следовательно, в программе русских социал-демократов, соответствующей действительной жизни, не может быть места прямой политической борьбе с самодержавием. В ней есть место только политической пропаганде. В интересах будущей политической борьбы мы должны всеми силами избегать ее пародии в настоящем.

Нам могут возразить, что это—утопия. Отказ от политической борьбы означает отказ от рабочего движения вообще. При русском самодержавном правительстве невозможно никакое рабочее движение, невозможны никакие серьезные улучшения в быту рабочих («Задачи рабочей интеллигенции в России», стр. 11), следовательно, чтобы сделать возможным рабочее движение, мы должны низвергнуть самодержавие [1]).

Впрочем, это опровергается успехами, достигнутыми русским рабочим движением.

Стачечное движение дало нам улучшение материального положения рабочих, фабричное законодательство, боевые организации в рабочем классе. Мирные, легальные и нелегальные, организации растут с каждым годом. Наконец, все усилия самодержавного правительства не могут уничтожить политической пропаганды.

Более того: все эти формы деятельности пролетариата, не представляя из себя непосредственной борьбы с самодержавием, косвенно являются ею и носят, следовательно, политический характер: in zweiter Linie, как говорят немцы. В самом деле: простой рост числа мирных организаций создает для рабочих постепенно обычное право участвовать в них. Частое повторение стачек лишает силы существующее в русском своде законов запрещение их. Политическая пропаганда, выражающаяся главным образом в распространении нелегальных изданий, делает бессильными существующие запрещения свободы печати. Наконец, все виды самодеятельности рабочих подготовляют постепенно свободу собраний и слова. В этом отношении особенно любопытны массовые собрания рабочих в подгородных рощах и лесах. Таким образом практика современного рабочего движения выводит из употребления многие ограничения свободы, существующие в рус-

[1]) Аргумент, выставляемый последовательно всеми фракциями русской революционной интеллигенции, борющейся за улучшение положения того или другого слоя «трудящегося класса».

ском своде законов. Для иллюстрации наших слов приведем 2—3 примера из истории рабочего движения в Петербурге. Примеры эти наглядно показывают, как изменяется поведение правительственных органов под влиянием рабочего движения. Во время стачки 1896 г. министр финансов Витте запретил фабрикантам уступать требованиям рабочих, обещая покрыть их убытки из казенных средств. Во время январской стачки 1897 г., грозившей принять размеры летней, министр финансов не запрещал уже более фабрикантам делать уступки стачечникам. Во время летней стачки, именно 7-го июня, околоточные в сопровождении городовых и дворников врывались в квартиры рабочих и стаскивали с постели рабочих и работниц, чтобы вести их на фабрику «работать». Рабочие прятались, куда могли (на чердаки, в погреба), запирались в своих квартирах и не пускали полицию. А тотчас же после стачки петербургский градоначальник издал новые правила полицейской службы, в которых значится: «помощь полиции проявляется только тогда, когда в ней нуждаются, в определенных в законе случаях, а иначе она будет беззаконным вмешательством в чужие дела... В этих случаях полицейский чин, нарушивший святость и неприкосновенность домашнего очага, мог быть безнаказанно выгнан из дома».

Конечно, все эти уступки правительства не представляют еще собою конституции. Уступки эти носят чисто местный характер, распространяются лишь на наиболее энергично защищающих свои интересы рабочих. С другой стороны, уступки эти — временные, потому что, как только ослабеет сила сопротивления рабочих, они будут взяты назад. Закон должен распространить эти уступки на весь рабочий класс и закрепить их за рабочими. Мы не преувеличиваем значения этих уступок, но и не умаляем его. Они подготовляют почву для изменения всего государственного строя России.

Таким образом в то время, как группа «Освобождение Труда» со всею существующей у ней энергией стремится к прямой борьбе с правительством, — наши русские товарищи, «индифферентно» относящиеся к политике, давно уже ведут косвенную борьбу с самодержавием. В этой борьбе нет громких побед, нет шумных сражений; это—работа крота, подрывающегося под самые основы существующего политического строя. На чьей же стороне

должны быть справедливые симпатии: на стороне ли полководца без армии, не знающего путей, ведущих к желанной цели, и без устали размахивающего в течение полутора десятка лет б у м а ж н ы м м е ч о м, или на стороне незаметных тружеников, без шума и блеска делающих изо дня в день нужное дело, которое подсказывает им жизнь?

Резюмируем. После поражения Народной Воли для русской революционной интеллигенции наступил кризис. Был поставлен вопрос: «откуда взять силы для возобновления борьбы с самодержавием? Как вести эту борьбу с наибольшими шансами на победу?». Ответом на эти вопросы явилась программа группы «Освобождение Труда» 1885 года. Она обратила внимание русской демократической интеллигенции на рабочий класс. В этом—великая заслуга группы «Освобождение Труда». Конечно, программа эта, писанная для интеллигентов, стремящихся заняться рабочим вопросом, не годна была для самих рабочих, защищающих свои интересы. Поэтому она не привилась в России. Возникшее в конце 80-х годов организованное движение среди рабочих шло помимо этой программы, игнорируя ее существование. Вот причины этого игнорирования: 1) программа группы «Освобождение Труда» не обращает ни малейшего внимания на ту ступень сознания своих интересов, на которой стоят русские рабочие; 2) игнорируя внутренние дела пролетариата, она концентрирует все свое внимание на его внешних отношениях к правительству. Принципы, которыми руководствуется современное русское рабочее движение, изложены не в статьях группы «Освобождение Труда», а в брошюре «Об агитации» [1]). Принципы эти прямо противоположны вышеуказанным принципам группы «Освобождение Труда». Особенного внимания заслуживает вопрос о русской революции, о «низвержении самодержавия». Группа «Освобождение Труда» требует прямой борьбы с правительством, не взвесив, где материальная сила для этой борьбы,

[1]) Стоя на почве этих принципов, мы можем формулировать ближайшие задачи русского рабочего движения следующим образом: 1) экономическая агитация; 2) организация рабочих во всевозможные общества и союзы; 3) политическая пропаганда. Литература же, издаваемая за границей, должна прекратить свои разговоры о том «прекрасном будущем», когда мы будем «свергать самодержавие», и помочь русским товарищам в этих ближайших и насущнейших нуждах русского рабочего движения.

не указав, где пути [1]) для нее. Русские же товарищи, не вступая в прямую борьбу с правительством, ведут ее косвенно, — потому что всякое проявление общественной самодеятельности рабочего класса в самодержавном государстве является шагом вперед по пути к правовому порядку. Все эти соображения заставляют нас высказаться решительным образом против признания программы группы «Освобождение Труда» 1885 года — программою русского рабочего движения. Программа эта и теперь, в 1898 году, столь же мало соответствует русской действительности и задачам русского движения, как и в 1885 и в 1896 г.г.

В заключение несколько слов по адресу тех врагов русского рабочего движения, которые сочтут появление нашей статьи за «раскол» в рядах русской социал-демократии. Мы советуем этим господам обратить внимание на то, как часто мы цитировали Аксельрода в пользу наших взглядов. Конечно, в практических выводах из принципов, и для него, и для нас являющихся «аксиомой», между нами существует большая разница; но мы — члены одной партии и беспрекословно подчинимся постановлению большинства членов этой партии. Каковы бы ни были наши разногласия, они исчезнут в тот день, когда появится программа русской социал-демократии. Мы—не секта, а партия, и отдельные разногласия не могут помешать нам итти об руку в общем деле.

---

[1]) Это обстоятельство не может быть об'яснено конспиративными целями, так как в программе речь идет не о заговоре, а о массовом движении. Масса же не может итти тайными путями. Разве возможна тайная стачка? Разве возможна тайная манифестация или тайная петиция?

Об'явление о возобновлении изданий группы «Освобождение Труда»

Под влиянием всепоглощающей практической деятельности в сфере пропаганды и агитации среди рабочих и сильного запроса на популярные издания для рабочей массы, в связи с попытками отстаивания так называемого «экономического» материализма в легальной печати, интерес к литературе, посвященной научно-публицистической обработке на русском языке теоретических и практических вопросов социал-демократии, до крайности ослабел в последние годы среди активных элементов нашего движения. Явление это имеет достаточное оправдание в тех обстоятельствах, на которые мы только что намекнули. Но оно, вместе с тем, не могло не отразиться вредным образом на идейном развитии нашего движения. В России, менее, чем где-нибудь на Западе, равнодушие к своим теоретическим интересам может безнаказанно проходить для социал-демократии. Исключительность положения русской социал-демократии и чрезвычайная сложность задач, навязываемых ей этим положением, требует от нее неустанной самокритики и зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата.

Она приобрела господствующее положение на арене революционного движения в России.

Но в то же время на периферии и даже внутри ее образовалось течение, прямо противоположное духу учений социал-демократии, течение, представляющее собою серьезную опасность для ее дальнейшего развития. Теоретически наиболее сознательные из активных представителей и основателей ее в России, считают «себя обязанными» «предостеречь всех товарищей от грозящего совращения русской социал-демократии с намеченного уже ею пути,

именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы». Не полагаясь на «естественный ход вещей», как его понимают вульгарные противники и—увы!—не менее вульгарные сторонники марксизма, товарищи, написавшие вышеприведенные строки, заявляют, что «русские социал-демократы должны об'явить решительную войну всему кругу идей», на которые опирается так называемое «чисто экономическое течение» в нашем движении.

Члены группы «Освобождение Труда» считают себя обязанными пойти навстречу этому призыву компетентных товарищей к решительной войне против циркулирующих у нас под нашим собственным флагом идей и понятий, принципиально враждебных социал-демократии.

Первоначальным источником этих идей и понятий послужило слишком буквальное, догматическое и прямо вульгарное толкование учений научного социализма о классовой борьбе и о роли экономических отношений, как исторического двигателя. На почве такого понимания этих учений расплодились и выросли те искажения и извращения марксизма, которые, в своей совокупности, придают ему безобразно отталкивающий вид, как две капли воды, похожий на карикатуру, рисуемую с него народниками. Весьма характерно отношение представителей экономического направления к революционному движению 70-х и начала 80-х годов.

Они относятся к нему гораздо более отрицательно, чем кто-нибудь из практических и теоретических основателей русской социал-демократии. Но отрицание их направлено больше всего как раз против революционной части программы прежних революционных фракций, против тех их практических задач и стремлений, которые образуют идейную связь между ними и нашим движением и благодаря которым оно является историческим преемником этих фракций. Зато те их воззрения, которые отличаются более или менее реакционным характером, воскресли к новой жизни под социал-демократической этикеткой, в умах сторонников «чисто рабочего движения».

В результате всего этого получается то, что внутри русской социал-демократии, под ее знаменем, растет и распространяется

«круг идей», несовместимых с решением вопроса о средствах или выработке тактики, соответствующей тем ближайшим революционным задачам, которыми главным образом обусловливается ее право на существование на современной ступени развития России. Точка зрения группы или групп, о которых здесь идет речь, не допускает не только выработки вполне социал-демократической тактики, но даже и теоретической, принципиальной постановки вопроса о политической роли и задачах нашего движения.

До тех пор, однако, пока течение это в идейном отношении питалось теоретическими недоразумениями, выросшими на почве упрощенного понимания марксизма, оно не представляло собою серьезной опасности, и его дозволительно было рассматривать как эфемерное болезненное явление детского периода русской социал-демократии, которое само собою исчезнет вместе с дальнейшим ростом ее. Но представители узкого и грубого экономизма в нашем движении ищут себе теоретической поддержки на Западе, в воззрениях тех «критиков» марксизма, знаменоносцем и глашатаем которых выступил Бернштейн и которые, под видом «пересмотра научных основ социализма, программы и тактики рабочего движения», стремятся разрушить эти основы и превратить социал-демократию из революционной классовой организации пролетариата в партию полубуржуазную, либерально-демократическую, с бледно-розовым социалистическим оттенком.

Первоначальные воззрения представителей антиполитического направления в нашем движении в очень существенных пунктах прямо противоположны были воззрениям бернштейнианцев. Но нашлись мудрецы, которые ухитрились образовать из тех и других своеобразную идейную смесь и сделать из нее теоретическую основу для принципиальной борьбы против стремлений, направленных к организации самостоятельного политического движения среди русских рабочих. Вражда к этим стремлениям мотивируется уже не временными тактическими или просто примитивными педагогическими соображениями, а принципиальными, в силу которых сама идея организации самостоятельной рабочей политической партии является не чем иным, как зловредной утопией, «продуктом переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву». Программа, рекомендуемая нам русскими бернштейниан-

цами сводится вот к чему: «участие, т.-е. помощь экономической борьбе пролетариата, и участие в либерельно-оппозиционной деятельности». Другими словами: поскольку социал-демократы преследуют или хотят преследовать общественные задачи, непосредственно выходящие за сферу частных столкновений отдельных групп рабочих с их прямыми эксплоататорами, постольку они должны слиться с той, политически-бесформенной и бесцветной массой, которая называется либеральным и полулиберальным «обществом» и которая лишена не только революционного, но и сколько-нибудь серьезного либерально-оппозиционного духа. Русская социал-демократия должна, таким образом, отказаться от всяких революционных помыслов и действий и завершить свое кратковременное существование таким же образом, как и народничество, именно: превратиться в партию мирных культуртрегеров, живущих и действующих в порах «либерального общества». Но народничество может указать на славные традиции своего революционного прошлого, оно недаром появилось на исторической сцене, как противник скромного, умеренного, трезвого, словом, обывательского либерализма. Русская же социал-демократия, всего только без года неделю выступившая как практически активная боевая сила на историческое поприще, произнесла бы смертный приговор и над своим кратковременным прошлым, и над своим будущим, если бы она по совету своих мнимых друзей отказалась от преследования революционных задач революционными методами. Ради жалкой роли, которую предлагают ей эти «друзья», не стоило ей являться на свет божий, а усилия, потраченные на то, чтобы доставить ей преобладание над остатками старых революционных фракций, не только лишились бы всякого реального смысла, но и заслужили бы еще названия преступлений в историческом смысле.

Но антиреволюционная социал-демократия так же немыслима, как мокрый огонь или сухая вода. Поэтому «круг идей», в которых наши товарищи в России видят опасность «совращения русской социал-демократии с намеченного ею пути», направлен против самого ее существования; приобретение ими господства среди русских социал-демократов означало бы смерть нашего движения. И потому-то мы находим вполне основательными опасения этих товарищей и считаем себя обязанными, рука об руку с ними, вы-

ступить против воззрений, пропагандируемых русскими бернштейнианцами. Борьба с ними, это—борьба за существование социал-демократии в современной России.

Из вышесказанного само собою ясно, какие задачи и цели ставит себе группа «Освобождение Труда», возобновляя свою литературную деятельность.

Когда мы в начале 80-х годов подняли знамя социал-демократии в русской заграничной печати, задачи наши заранее определились тем обстоятельством, что социал-демократического движения в России в то время еще не было, что для возникновения его необходимо было прежде всего теоретически проложить ему путь и что главным идейным препятствием или камнем преткновения для этого являлись иллюзии радикальной интеллигенции насчет направления и перспективы нашего экономического развития и отрицательного отношения той же интеллигенции к социально-экономическому и революционному значению нарождающегося русского пролетариата. Отсюда — видная, если угодно, первостепенная роль полемики с народниками всех оттенков в публицистических изданиях группы. Недостаточно было излагать только и популяризировать основные положения социал-демократии. Недостаточно было также выяснять и доказывать применимость их на русской почве, путем анализа хода экономической жизни России. Необходимо было сверх того вести чуть не ежедневную борьбу с господствовавшими у нас в 80-х годах демократическими фракциями за право гражданства рабочего движения и социал-демократии в русской действительности. Теперь же, после того, как борьба эта закончилась победой социал-демократического знамени, когда рабочее и социал-демократическое движение стало реальным фактором русской жизни, существование которого никем из здравомыслящих людей не отрицается, полемика с народниками потеряла уже свое прежнее революционное значение и не может уже занимать такое видное место в социал-демократической печати, как в течение первого десятилетия после основания группы «Освобождение Труда».

В настоящее время для социал-демократической прессы на первом плане стоит вопрос об интересах и задачах, вообще о дальнейшем развитии движения социал-демократического, которое уже существует, но существованию которого гро-

зит опасность извнутри, со стороны отдельных лиц и групп, формально или по названию примыкающих к нему. С этой точки зрения, одной из важнейших задач нашей литературы является беспощадная критика бернштейновских и других антиреволюционных тенденций, нашедших себе приют в лагере самих социал-демократов. С той же точки зрения, мы полагаем, что в настоящий момент социал-демократическая пресса обязана выдвигать и подчеркивать те стороны и те практические стремления, которые общи нашему движению с революционным народничеством. Тем же соображением мы будем руководствоваться и в оценке всех важнейших явлений русской действительности. В прошлом десятилетии, а отчасти еще в начале 90-х годов в нашей печати необходимо было посвящать много места доказательству того, что капитализм в России пустил глубокие корни и что параллельно с его развитием растет у нас и класс пролетариев. Теперь доказывать это было бы с нашей стороны довольно наивным анахронизмом, так как чуть не поголовно вся наша радикальная интеллигенция не только признает, что экономическая действительность вполне обеспечивает жизнеспособность русскому рабочему движению, но и не сомневается в том, что она спокон веков не сомневалась в этом. Повторяем: главное теоретическое препятствие для дальнейшего развития нашего рабочего движения на основах социал-демократии лежит теперь в недрах ее самой, в антисоциал-демократических взглядах, распространяемых под ее флагом. С этим печальным фактом русской социал-демократической прессе необходимо в настоящее время специально считаться, а потому перед нею и выдвигается совершенно новая задача, не существовавшая для группы «Освобождение Труда» в первый период ее деятельности. Задача эта: непримиримая теоретическая борьба с антиреволюционными элементами в нашей партии и выяснение тактических задач, подсказываемых ей как ее конечной целью, так и социально-политическими особенностями данной минуты.

Нам хочется верить, что наша деятельность будет хоть отчасти содействовать решению этой новой, чрезвычайно важной задачи.

П. Аксельрод.

Г. Плеханов.

Проект программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

(Выработанный редакцией «Искры» и «Зари»)

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая свою Партию одним из отрядов всемирной армии пролетариата, русская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером буржуазного общества и ходом его развития. Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплоатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делает все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще больше увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному или даже абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливают собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев, и обостряется борьба их с их эксплоататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими—т.-е. той социальной революции, которая

представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплоатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем, она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплоатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплоатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, на каждом шагу встречаются еще остатки нашего

старого, докапиталистического общественного порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его республикой на основе демократической конституции, обеспечивающей:

1) Самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа.

2) Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всякого гражданина, достигшего 20-ти лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные собрания; жалование народным представителям.

3) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

4) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.

5) Свободу передвижения и промыслов.

6) Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии, расы.

7) Признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

8) Предоставление всякому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству.

9) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

10) Отделение церкви от государства и школы от церкви.

11) Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16-ти лет. Снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует: отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

1) Ограничения рабочего дня 8 часами в сутки для всех наемных рабочих.

2) Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 36-ти часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народнэго хозяйства.

3) Полного запрещения сверхурочных работ.

4) Воспрещения ночного труда (от 9 час. вечера до 5 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями.

5) Воспрещения предпринимателям пользоваться наемным трудэм детей до 16-летнего возраста.

6) Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождение рожениц от работы в течение двух недель до и четырех недель после родов.

7) Установления законом гражданской ответственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности к труду, происшедшую вследствие несчастных случаев или вредных условий производства, и освобождения рабочего от обязательства доказывать, что потеря эта произошла по вине капиталиста.

8) Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты по всем договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время.

9) Выдачи государственнэй пенсии престарелым рабочим.

10) Увеличения числа фабричных инспекторов; назначения инспектрис в тех отраслях, где преобладает женский труд; надзора

выбранных рабочими и оплаченных государством представителей за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценок и браковкой товаров.

11) Надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их в наймы,— в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и как граждан.

12) Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, и бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей.

13) Распространения надзора фабричной инспекции на все отрасли народного хозяйства и на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая и казенных.

14) Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда.

15) Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и пр.).

16) Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей.

17) Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, партия будет добиваться:

1) Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

2) Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей.

3) Возвращения народу денежных сумм, взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей: конфискации с этой целью мо-

настырских имуществ и удельных имений; а равно обложения особым налогом земель крупных землевладельцев - дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ.

4) Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или—в том случае, если земли переходили из рук в руки — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в др. областях государства.

5) Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и об'являть недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших политических и экономических целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

С своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения царского самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом.

Нам нечего здесь распространяться о том, каково значение программы в деятельности политической партии. Только об'единенная общей программой партия может вести планомерную и плодотворную работу в интересах дела, которому служит; только формулировав в стройной программе свое общее социально-политическое мировоззрение и пред'являемые ею к современному обществу

политические требования, партия пролетариата может вести глубокую и успешную пропаганду революционного социализма и внести об'единяющую струю в широкое народное движение против существующего строя. Без политической программы нет еще, строго говоря, политической партии; имеются на-лицо только элементы слагающейся партии.

Русское социал-демократическое движение, так неудержимо широко разлившееся за последние годы и в силу этой самой широты своего развития пережившее так много внутренних кризисов, — русское социал-демократическое движение уже давно стоит перед неотложной задачей действительного партийного об'единения. Не решив этой задачи, оно рискует потерять уже завоеванную им позицию в русской общественной жизни — к невыгоде как для интересов пролетариата, так и для дела русской свободы.

«Прежде, чем об'единиться, нам необходимо сначала размежеваться»,—писала «Искра» полтора года тому назад при первом своем выступлении перед читателями. Появившись в момент одного из самых глубоких внутренних кризисов, переживавшихся нашим движением, «Искра» и «Заря» должны были выдвинуть на первый план задачу подготовления элементов единства в нашей партии путем идейной борьбы за очищение пролетарского движения от всех чуждых, историческими судьбами привнесенных в него, элементов.

Поскольку упомянутый идейный кризис, переживавшийся движением, начинает, видимо, приходить к концу, поскольку логика революционной борьбы сильнее логики печатного слова внедряет в сознание временно-забытые истины революционной социал-демократии, постольку мы можем надеяться на близость окончательного об'единения партии. И мы думаем, что процесс выработки партийной программы сам по себе сделает много для этого окончательного об'единения.

Программа партии должна выражать коллективную мысль партии. Это значит, что в выработке ее должны принять участие все действующие группы партии. И обсуждение предлагаемого проекта в разных группах и кружках должно послужить прекрасной школой политического воспитания для местных деятелей.

Печатая свой проект, мы рассчитываем на то, что каждый социал-демократический комитет, каждый рабочий кружок, каждая примыкающая к социал-демократии группа интеллигентов сочтут своим долгом обсудить его и в той или в иной форме определить свое отношение к нему. Мы просим товарищей не медлить с этим делом, ибо на втором с'езде партии, необходимость созыва которого при нынешних обстоятельствах может представиться каждую минуту, программа партии должна быть утверждена.

Все критические замечания, проекты поправок, резолюции и т. п., присланные в нашу редакцию, будут, по мере возможности, печататься в «Искре» или «Заре», все же, не нашедшее себе места в печати, будет нами представлено на второй с'езд партии.

В ряде статей в «Заре» и в «Искре» мы рассчитываем дать подробную обосновку предлагаемого нами проекта.

Резолюции, принятые и предложенные на втором очередном с'езде Р. С.-Д. Р. П.

О сектантском органе

(Предложена Лениным и Плехановым)

Принимая в соображение, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей, второй с'езд обращает внимание всех членов партии на работу среди сектантов в целях привлечения их к социал-демократии. В виде опыта, с'езд разрешает товарищу В. Бонч-Бруевичу издавать под контролем редакции Ц. О. популярную газету «Среди сектантов» и поручает Ц. К. и редакции Ц. О. принять необходимые меры к осуществлению этого издания и к определению всех условий его правильного функционирования.

Ленин, Плеханов, Дедов, Горский, Осипов, Лядов, Герц, Степанов, Муравьев, Ланге, Гусев, Павлович (стр. 356) [1]).

О либералах

Принимая в соображение: а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом; б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограничен-

---

[1]) Страницы относятся к Протоколам 2 очередн. с'езда Р.С.-Д.Р.П (Женева 1903 г.).

ность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность, — второй очередной с'езд Р. С.-Д. Р. П. настоятельно рекомендует всем товарищам в своей пропаганде обращать внимание рабочих на антиреволюционный и противопролетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве—«Освобождение».

Плеханов, Ленин, Павлович, Горский, Беков, Русов, Муравьев, Лядов, Горин, Гусев, Степанов, Сорокин, Орлов, Осипов, Браун (стр. 358, сноска).

Об антиеврейских погромах

Ввиду того, что движения, подобные столь печально известному кишиневскому погрому, не говоря уже об их отвратительном зверстве, служат в руках полиции средством, с помощью которого она пытается задержать рост классового самосознания пролетариата, с'езд рекомендует товарищам употреблять все зависящие от них средства для борьбы с такими движениями и для выяснения пролетариату реакционной и классовой подкладки антисемитических и всяких других национально-шовинистических подстрекательств

Плеханов, Дейч, Троцкий, Кольцов, Фомин, Посадовский, Белов, Павлович, Карский, Гусев (стр. 365, сноска).

Поправка к резолюции П. Аксельрода о социалистах-революционерах

... Ввиду вышеуказанных соображений, с'езд решительно осуждает всякие попытки об'единения социал-демократов с «социалистами - революционерами», признавая возможным лишь частные соглашения с ними в отдельных случаях борьбы с царизмом, при чем условия таких соглашений подлежат контролю Центрального Комитета (стр. 362, сноска).

Плеханов.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие редактора III
Предисловие к «Vademecum для редакции Рабочего Дела». Февраль 1900 г. 3
Из записной книжки социал-демократа. Листовка 1900 г. Женева 43
На пороге двадцатого века. «Искра» № 2. Февраль 1902 г. 62
Еще раз социализм и политическая борьба. «Заря» № 1. Апрель 1901 г. . 67
Несколько слов о последнем Парижском международном социалистическом конгрессе. «Заря» № 1. 103
Новое вино в старых мехах. «Искра» № 5. Июнь 1901 г. 117
О тактике вообще, о тактике николаевского генерала Реада в частности и о тактике г. Кричевского в особенности. «Искра» № 10. Ноябрь 1901 г. 126
Что же дальше? «Заря» № 2—3. Декабрь 1901 г. 137
Две рецензии о книгах Б. Чичерина. «Заря» № 2—3. 179
О демонстрациях. «Искра» № 14. 1 января 1902 г. 188
Из Брюсселя. «Искра» № 15. 15 января 1902 г. 193
Смерть Сипягина и наши агитационные задачи. «Искра» № 20. 1 мая 1902 г. 199
Комментарий к проекту программы Р.С.-Д.Р.П. «Заря» № 4. Август 1902 г. 205
Русский рабочий класс и полицейские розги. «Искра» № 22. Июль 1902 г. . 240
Вынужденная полемика. «Искра» № 23. 1 августа 1902 г. 246
Беседа с «другом»-читателем. «Искра» № 25. 15 сентября 1902 г . . . 250
Логика русского «терроризма». «Искра» № 26. 15 октября 1902 г. . . . 255
«История повторяется». «Искра» № 27. 1 ноября 1902 г. 265
Значение ростовской стачки. «Искра» № 32. 15 января 1903 г. 270
Пролетариат и крестьянство. «Искра» №№ 32, 33, 34, 35 и 39 (15/I, 1/II, 15/II, 1/III, 1/V 1903 г.). 278
Еще о ростовской стачке. «Искра» № 33. 1 февраля 1903 г. 316
Карл Маркс. «Искра» № 35. 1 марта 1903 г. 325
Мартовские иды. «Искра» № 36. 15 марта 1903 г. 334
Отмена круговой поруки. «Искра» № 38. 15 апреля 1903 г. 342
Госпожа Брешковская и Чигиринское дело. «Искра» № 38. 15 апреля 1903 г. 351
Последняя карта царизма. «Искра» № 39. 1 мая 1903 г. 358
Времена меняются. «Искра» № 39. 1 мая. 367

Стр.

«Ортодоксальное» буквоедство. «Искра» №№ 41, 1/VI; 42, 15/VI; 43, 1/VII приложение 371

Речи Г. В. Плеханова на втором очередном с'езде Р.С.-Д.Р.П. Протоколы II с'езда Р.С.-Д.Р.П. 411

«Всеобщие» стачки на Юге. «Искра» № 46. 15 августа 1903 г. 428

Недавние стачки, социализм и борьба за политическую свободу. «Искра» № 47. 1 сентября 1903 г. 436

Белый террор. «Искра» № 48. 443

Красный с'езд в красной стране. «Искра» № 49. 1 октября 1903 г. . . . 451

Полицейский антисемитизм. «Искра» № 50. 15 октября 1903 г. 461

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письмо в редакцию «Рабочей газеты». Август 1897 г. 473

Сборник материалов, изданный группой «Освобождение Труда». 1900 г. . 475

Об'явление о возобновлении изданий группы «Освобождение Труда» «Vademecum» 517

Проект программы Р.С.-Д.Р.П. «Искра» № 21. Июнь 1902 г. 523

Резолюции, принятые и предложенные на втором очередном с'езде Р.С.-Д.Р.П. 532

4981

Центр Гор Библиотека им. Островского г. Минск